

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЖАНОВ С.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

BAZHANOV S.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., кандидат юридических наук, профессор, Университет правоохранительной службы Монголии	BOKHCHULUUNY B.-E., Candidate of Legal Sciences, professor, University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)
ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., кандидат юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Криминологический исследовательский центр Управления криминальной полиции Нижней Саксонии Федеративной Республики Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Criminological research center of the criminal police agency of Lower Saxony (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий**

**Included in the list of the Russian
reviewed scientific journals**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association
Russian Association for Criminology

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова, Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 17.03.2015. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 23,5. Уч.-изд. л. 21,1.

Тираж 1000 экз. Заказ N 49. Цена свободная.

© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие к N 1 (31) 2015	7	Foreword to Volume 31 (2015), Issue 1
Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности		Section 1. Methodology of law enforcement activities
ЛЕЗЬЕР В., СУМАЧЕВ А.В. Идеи Платона и их рецепция правоохранительной практикой	8	LEZYER V., SUMACHEV A.V. Plato's ideas and their reception by the law enforcement practice
ЗИБОРОВ О.В. Статическое и динамическое проявления административно-правового режима военного положения	16	ZIBOROV O.V. Static and dynamic manifestations of administrative and legal regime of the state of martial law
БЛАЖЕВИЧ Н.В. Профессиональная честь и достоинство полицейского как методологическая проблема	22	BLAZHEVICH N.V. Professional honour and dignity of law enforcement officer as a methodological problem
Раздел 2. Охрана и защита прав человека		Section 2. Human rights protection
АНИСИН А.Л. Идеино-теоретические основы правоприменительной и правозащитной политики	28	ANISIN A.L. Ideological and theoretical principles of law enforcement and human rights protection policy
Раздел 3. Уголовный закон		Section 3. Criminal Law
КОКОРИН Д.Л., ТОКАРЕВ Д.С. О необходимости дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения	37	KOKORIN D.L., TOKAREV D.S. On the necessity of differentiating criminal liability for traffic rules violation
БАБУРИН В.В., ХОМЕНКО А.Н., ЧЕРЕМНОВА Н.А. Уголовно-правовая оценка действий сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред лицу, совершившему захват заложника, при его задержании	42	BABURIN V.V., KHOMENKO A.N., CHEREMNOVA N.A. Criminal law assessment of the actions of law enforcement officers having injured the person who committed the hostage-taking during his apprehension
НАМНЯСЕВА В.В. Проблемные вопросы уголовной ответственности за отказ от дачи показаний	49	NAMNYASEVA V.V. Problematic issues of criminal liability for refusal to testify
ПЕТРОВ С.В. Новый взгляд на классификацию соучастия в преступлении	60	PETROV S.V. A new view of classification of criminal complicity
Раздел 4. Криминологическая наука		Section 4. Criminology
СЕРЫЙ Ф.Г., КОЗЫРЕВ Н.В. О необходимости криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних мигрантов	66	SERYI F.G., KOZYREV N.V. On the need for criminological monitoring of juvenile migrants delinquency

ЧЕРНЯВСКИЙ Д.О., СКУЛАКОВ Р.М. 73
Публичные призывы к нарушению территориальной целостности: проблемы социально-политической обусловленности уголовно-правового запрета
CHERNYAVSKIY D.O., SKULAKOV R.M.
Public calls for violation of territorial integrity: problems of social and political conditionality of criminal law prohibition

Раздел 5. Пенитенциарная система

Section 5. Penitentiary system

АКЧУРИН А.В. Типичный пенитенциарный преступник: от криминологии к криминалистике 80

AKCHURIN A.V. Typical prison criminal: from criminology to criminalistics

ВОСКРЕСОВ Б.Н. Потенциал наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью 88

VOSKRESOV B.N. Potential of imposing punishment implying deprivation of the right to occupy certain positions or to be engaged in certain activities

Раздел 6. Правоохранительная политика

Section 6. Law enforcement policy

МАЛЬКО А.В., ТУТЫНИНА Е.Г. Судебная политика в современной России: пути оптимизации 93

MAL'KO A.V., TUTYNINA E.G. Judicial policy in modern Russia: ways of optimization

АЛЕКСАНДРОВ А.С., ГРАЧЕВ С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить 101

ALEXANDROV A.S., GRACHEV S.A. Stage of criminal case institution: to liquidate or to leave in force

ЛУГОВИК В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) 109

LUGOVIK V.F. Crime detection code of the Russian Federation (the author's draft of the federal law)

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

Section 7. Criminal procedural review

МАЗУНИН Я.М., МАЗУНИН П.Я. Негласная деятельность следователя: пора признать данность 136

MAZUNIN Ya.M., MAZUNIN P.Ya. Covert activities of the investigator: it's time to recognize the reality

ЛАПАТНИКОВ М.В. «Пороки» системы уголовно-процессуального доказывания: от следственных доказательств к судебному удостоверению фактов 141

LAPATNIKOV M.V. Defects of criminal procedure proving system: from investigatory evidence to judicial facts certification

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

Section 8. Improving law enforcement practice

ПОДШИВАЛОВ А.П. Взаимосвязь оперативно-розыскной характеристики и оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования краж 146

PODSHIVALOV A.P. Interrelationship between crime detection characteristic and crime detection support of the preliminary investigation of thefts

<p>ЕРЕМЧЕНКО В.И. Противодействие незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции в условиях санкций и политики импортозамещения</p>	<p>154</p>	<p>EREMCHENKO V.I. Counteraction to illegal enterprise in the field of agricultural products circulation under the conditions of sanctions and import substitution policy</p>
<p>Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности</p>		<p>Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities</p>
<p>ЛАТЫШОВ И.В. Понятие судебно- баллистической диагностики</p>	<p>160</p>	<p>LATYSHOV I.V. Concept of forensic ballistic diagnostics</p>
<p>Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт</p>		<p>Section 10. Comparative studies and foreign experience</p>
<p>АНТОНЕНКО-КУЛИЧЕНКО Н.С. Защита прав граждан Республики Беларусь путем коллизивно-правового регулирования брака с участием иностранного элемента</p>	<p>170</p>	<p>ANTONENKO-KULICHENKO N.S. Protection of the rights of the Republic of Belarus citizens by conflict of laws regulation of the marriage with foreign element</p>
<p>АГАПОВ П.В., ЕФРЕМОВА М.А. Международно-правовые основы обеспечения информационной безопасности участников Содружества Независимых Государств</p>	<p>176</p>	<p>AGAPOV P.V., EFREMOVA M.A. International legal bases for ensuring information security of the CIS member states</p>
<p>ВЯЗЕМСКАЯ А.А. Незаконное культивирование наркосодержащих растений: подходы к правовой оценке российского и нидерландского законодателя</p>	<p>183</p>	<p>VYAZEMSKAYA A.A. Illegal cultivation of narcotic plants: approaches to legal assessment of the Russian and the Dutch legislation</p>
<p>Раздел 11. Кадровое и морально- психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов</p>		<p>Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities</p>
<p>ШУРУПОВА Е.А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел: соответствует ли законодательство требованиям реформы?</p>	<p>191</p>	<p>SHURUPOVA E.A. Disciplinary proceedings in law enforcement agencies: does the legislation satisfy the reform requirements?</p>
<p>Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей</p>		<p>Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view</p>
<p>СПИРИН А.В. Какими должны быть полномочия прокурора по истребованию уголовных дел и материалов проверок?</p>	<p>198</p>	<p>SPIRIN A.V. What should the powers of prosecutor regarding discovery of criminal cases and inspection materials be?</p>

ПРЕДИСЛОВИЕ К N 1 (31) 2015

Перед Вами тридцать первый номер международного рецензируемого журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика».

Издание продолжает освещать крупнейшие события государственно-правовой жизни России, которые могут быть объединены главной темой: обеспечение национальной безопасности в условиях новых геополитических вызовов.

Каким же получился этот номер? Чем он запомнится читателю?

Тем, что в юридической методологии заметно вырос спрос на поиск общенациональной правовой идентичности, все чаще ставятся вопросы о неизбежной трансформации государственно-правовой платформы, о пересмотре идей европейской юридической интеграции России. По-новому ставятся и решаются вопросы защиты прав человека, смертной казни, социальной справедливости закона, государственного суверенитета.

В исследованиях «криминальных» наук, наряду с рассмотрением традиционно актуальных вопросов, заметен вектор охраны публичных интересов. Например, новое социально-политическое звучание получили вопросы обеспечения территориальной целостности Российской Федерации и оценки действий сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред лицу, совершившему захват заложника, при его задержании.

Журнал продолжает цикл публикаций, начатый в прошлом году и посвященный 150-летию судебной реформы. В центре дискуссии — современная судебная политика России. Мониторятся последствия объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, рассматривается дальнейшая унификация институтов судебной власти, оценивается перспектива введения административных судов.

В сфере уголовного судопроизводства продолжается полемика о его модели — критикуется стадия возбуждения уголовного дела, предлагается ликвидация этого института как не соответствующего началу состязательности. Другой вектор — стирание граней между существующими моделями доказывания — до и после возбуждения уголовного дела, из чего выводится предложение о допустимости использования в доказывании любых сведений, полученных сторонами законным путем («судебные доказательства»). Отсюда и третья идея — предоставление следователю права проведения как гласных, так и негласных следственных (розыскных) действий, что решит проблему использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

Достойный ответ со стороны уголовного сыска — авторский проект Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации. Результат многолетней и скрупулезной работы автора обращен к законодателю, но будет интересен и ученым (оперативникам, процессуалистам, криминалистам), и практикам. Проект отличает как детальная проработка предмета регулирования (от категорий и принципов до переходных и заключительных положений), так и отражение в нем самой концепции оперативно-розыскной деятельности, ее места и роли в противодействии преступности.

Представляет интерес материал о противодействии незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. В условиях санкций и государственной политики импортозамещения автор призывает к сосредоточению усилий на защите интересов добросовестных фермеров, к исключению накопления и перепродажи сельскохозяйственной продукции как сферы ее оборота, занятой незаконными предпринимателями.

В рамках дальнейшего реформирования системы МВД России своевременным является исследование законодательства о дисциплинарном производстве в органах внутренних дел. В работе, среди прочих выводов и предложений, обосновывается целесообразность права должностного лица органов внутренних дел на истребование от государственных органов, учреждений и организаций сведений и документов, являющихся доказательствами по дисциплинарному делу.

Заслуживает внимания еще один шаг, сделанный журналом в политике открытого доступа: издание включено в крупнейший авторитетный каталог Directory of Open Access Journals (DOAJ), объединяющий научные журналы со всего мира, отвечающие требованиям отбора и контроля качества материалов, обеспечения свободного доступа к ним.

Благодарим авторов, принявших решение опубликовать свои статьи именно у нас, а также рецензентов, чьи замечания и предложения обеспечили качество итогового материала!

Редакционная коллегия

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ЛЕЗЬЕР В., LEZYER V.,
 доктор философии, профессор, PhD, professor,
 vika646@rambler.ru vika646@rambler.ru
 Международный центр культуры International Center of Culture
 и познания, and Knowledge;
 831365, г. Тулон, Амо де Сен-Жан, Amo De Saint-Jean St., Forkalkeyre,
 Форкалькейре, Франция 831365, Toulon, France

СУМАЧЕВ А.В., SUMACHEV A.V.,
 доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
 alekssumachev@mail.ru alekssumachev@mail.ru
 Кафедра уголовного права и процесса; Chair of criminal law and criminal procedure;
 Тюменский государственный университет, Tyumen State University,
 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 38 Lenin St. 38, Tyumen, 625000,
 Russian Federation

ИДЕИ ПЛАТОНА И ИХ РЕЦЕПЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

Реферат. Правовые взгляды Платона до сих пор вызывают интерес и могут быть использованы в государственной и правоохранительной практике. Многие в его учении о праве, законе и законодательстве, преступлении и наказании звучит очень современно и подлежит рецепции. Авторами проанализированы подходы мыслителя с позиций современной юриспруденции, и в частности уголовного права. Исследованы основы политико-правовой философии Платона. Показано, что в рамках общего учения о государстве философ сформулировал понятие государства как общежития людей, живущих согласно принятым ими законам, объединившихся ради взаимопомощи в удовлетворении потребностей; определил принципы государственного строительства; разработал теорию формирования и функционирования органа управления и защиты государства; предложил систему антикоррупционных мер, реализуемых ныне в законодательстве о государственной службе практически всех развитых стран мира. Обосновывается, что в сочинении «Законы» содержится множество готовых к рецепции современным уголовным правом положений, например, в девятой книге изложены взгляды Платона о преступлениях и наказаниях, о судебной (уголовной) ответственности. Аргументируется подробный характер и современное значение для правоохранительной практики классификации Платоном убийств и дифференциации юридической (уголовной) ответственности за их совершение. Доказывается современный характер идей философа о необходимости исправления преступника как реализации одной из целей уголовного наказания и значимости принципа неотвратимости ответственности за проступок, «даже если совершивший его бежал за пределы государства». Подчеркивается теоретическая значимость правовых идей Платона и необходимость их рецепции современной правоохранительной практикой.

Ключевые слова: государство, право, закон, законодательство, преступление, наказание, справедливость, благо.

PLATO'S IDEAS AND THEIR RECEPTION BY THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract. Plato's legal views are still topical and can be used in the public and law enforcement practice. Much of his theory of law and legislation, crime and punishment is very modern and can be subject to reception. The authors analyzed his views in terms of modern law and, in particular, criminal law. The foundations of Plato's political and legal philosophy are examined. It's shown that the philosopher formulated the concept of the state as the commonwealth of people, living according to the adopted laws, united for mutual assistance in satisfying needs. He also defined the principles of state-building, developed the theory of forming and functioning of the governing body and state protection; proposed a system of anticorruption measures implemented in the current civil service legislation in most developed countries. It's proved that The Laws by Plato contains many provisions ready for reception by modern criminal law, e.g. the ninth book covers Plato's views on crime and punishment, judicial (criminal) liability. The detailed character and contemporary significance of murders classification

and differentiation of legal (criminal) liability for committing them proposed by Plato are argued. The modern character of the philosopher's ideas about the need to rehabilitate the offender as implementing one of the objectives of criminal punishment and the importance of the principle of punishment inevitability, even if the person who has committed the crime fled out of the state, is proved. The theoretical significance of Plato's legal ideas and the need for their reception by law enforcement practice are emphasized.

Keywords: state, law, legislation, crime, punishment, justice, good.

Актуальность обращения к античной мысли вообще и правовым взглядам Платона в частности, а равно обоснование их непреходящего значения для современной теории государства и права видятся в следующем.

Во-первых, следует подчеркнуть такую особенность политико-правовой культуры древних греков, как тщательность разработки принципиальных позиций теории и философии права. Сократ, Платон, Аристотель могут быть названы основателями философии права, поскольку выявили ее фундаментальные проблемы и дали обоснованные модели их решений. Сократ подчеркивал ценность права как общеобязательного минимума нравственности. Он решал проблему индивидуальной справедливости и справедливости, выраженной в законе; учил, что законопослушание есть гражданский долг первостепенной важности, условие существования законности и правопорядка. Платон подчеркивал общеобязательность права в политическом общении, поскольку оно выражает божественную мудрость, позволяет подойти к решению проблемы совмещения индивидуальной добродетели и социальной справедливости. Собственно, ту же проблему решает и Аристотель – проблему соотношения свободы и необходимости, должного и допустимого, уравнительности и дифференциации. Он дает свою конструкцию правового регулирования: гражданские, трудовые, семейные отношения государство регулирует с помощью уравнительной справедливости, а отношения между обществом и человеком, государством и гражданином – с помощью распределительной. Иными словами, Аристотель указал на основу деления права на частное и публичное, к чему и придут позднее в Риме. Философия права Аристотеля завершает античный этап философии.

Во-вторых, обращение к правовым взглядам Платона демонстрирует, что власть и закон – понятия более емкие и широкие по сравнению с тем, как их пред-

ставляет нормативистская теория права и государства, поскольку они действуют в особой символической сфере, опираясь на религиозные, этические, ментальные пранормы и первичные идейные авторитеты, устанавливают правовой порядок, иерархию статусов и норм.

В-третьих, очевидно, что многое в учении Платона о праве, о законе и законодательстве остается востребованным и в наши дни, поскольку философ обосновывает возможность торжества добра как общего блага над злом; правды над ложью; здравого смысла над демагогией и заблуждениями; разума и справедливости над произволом.

Таким образом, здесь предлагается холистский подход к проблеме истоков закона и законодательства на примере правовых взглядов Платона, что позволяет показать жизненность их этического основания, важность анализа форм традиционного мышления, которые выступают в качестве базовых для формирования категорий закона и власти в контексте политико-правовой сферы. Следовательно, теологический и культурологический аспекты оказываются тесным образом связанными с проблемами юриспруденции, а философия права понимается как синтезирующее начало наук о праве и государстве.

Итак, первоначально определим политико-правовые ориентации Платона. Система взглядов родоначальника объективного идеализма тяготеет к религиозному мировоззрению. Что есть государство в политической науке Платона? – Прежде всего, это идея, существующая вне пространства и времени, идеальная форма или архетип. «Главная и единственная цель Платонова государства, – подчеркивает А.Ф. Лосев, – насаждение “справедливости”. <...> В платоновском плане момент единства, и притом структурного, статуарного единства, где никакой отдельный элемент не обладает решительно никакой самостоятельной силой и знанием... Государство-город есть цельная статуя, интересная только как

целое. Важны не отдельные элементы, но самое целое, форма сцепления отдельных элементов в целое, важен — геометризм. Интуиция тела, лежащая в основе всей греческой мысли и в основе платонизма, проявляется в полной мере и здесь. И Платон не находит другого слова для характеристики единства социального бытия, как «геометрия» [1, с. 808-810].

В этой категории естественное и социальное сливаются неразрывно: Космос имманентно наделен порядком справедливости, который есть первообраз сотворенной природы. Это — образец, идеал, архетип, отступление от которого пагубно. Всякие нововведения только искажают его. При этом образец остается в прошлом, отклонения от него — в настоящем и будущем.

В подобном контексте справедливость (архаическая *dike*) ассоциируется с порядком и неизменностью, приобретая с самого начала консервативную политическую окраску. Платон ищет идею справедливости в государстве и лишь затем переносит поиск на индивида, справедливость прежде всего — качество целого государства (К. Поппер определяет эту тенденцию платоновского политического мышления как холистскую).

Государство будет справедливым, если оно сильно и едино, т.е. стабильно. Отсчет справедливости начинается с порядка. Справедливость означает у Платона также повиновение законам [2, с. 465]. Последние не могут быть навязаны или придуманы, они лишь узнаются, раскрываются. Справедливо то, что согласно с природой: закон — это веление разума, вечное и нерушимое, нарушать которое запрещено под каким бы то ни было предлогом. Справедливость делает из человека существо во всем — «соразмерное и стройное», это внутренний мотив всех социальных акций.

Природные законы неизменны, не могут быть нарушены или заново созданы. Нормативные законы вводятся людьми и описывают не факты, а только ориентиры для нашего поведения: «Если этот закон имеет смысл и значение, то он может быть нарушен, а если его невозможно нарушить, то он поверхностен и не имеет смысла» [3, с. 92]. Целостность государства и души — важнейшая проблема. «За-

кон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества» [2, с. 484, 500]. Такова конституция идеального государства, в котором осуществляется идея справедливости. Оно истинно и едино благодаря нравственной солидарности граждан. Его сила и крепость — не в большом объеме, не в числе граждан, которое должно быть ограничено (ибо в большой массе людей идеальный *полис* неосуществим); сила Платонова «государства» — именно в этом совершенном единстве, которое дает ему преимущество над всеми действительными государствами, раздираемыми внутренними раздорами.

В целом в «Государстве» Платона сформулированы важнейшие положения, относящиеся к современности. Обозначим их в схематической форме.

1. Сформулировано понимание государства как общежития людей, живущих согласно принятым ими законам, объединившихся ради взаимопомощи в удовлетворении потребностей.

2. Установлены принципы государственного строительства:

а) экономическим фундаментом государства является разделение труда;

б) системообразующий принцип общественных отношений — социальная справедливость. Справедливость состоит в том, чтобы каждый мог реализовать свои ведущие способности (удовлетворить ведущие потребности). По существу, здесь сформулирован принцип социального естественного отбора;

в) принцип равенства объективно неравных граждан (т.е. вносящих неравный вклад в строительство государств): «каждому по его добродетели»;

г) принцип, регулирующий социальные инициативы: «разрешено все, что не запрещено законом» («мужество государства»).

3. Разработана теория формирования и функционирования органа управления и защиты государства:

а) государством должны управлять профессионалы;

б) армия и органы обеспечения правопорядка должны быть профессиональными;

в) выявлены деловые качества, которыми должны обладать правители и стражи государства;

г) предложены методы диагностики профессиональной пригодности и методы профотбора правителей и стражей;

д) выдвинута идея воспитания стражей государства на основе науки и искусства; разработана система воспитания и обучения стражей;

е) предложена система антикоррупционных мер: запрет государственным служащим и работникам «силового блока» заниматься предпринимательством и коммерцией, запрет принимать подарки за свою службу.

Как видно, обозначенные идеи Платона имеют сегодня не только исключительно теоретическую значимость, но и практическую ценность, особенно в части формирования и функционирования органа управления и защиты государства. Так, указанная выше система антикоррупционных мер находит отражение не только в национальном законодательстве*, но и в международных документах**.

Платон возлагает на государство — идет ли речь об идеальном проекте или

* Например, статья 17 «Запреты, связанные с гражданской службой» Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определяет, что гражданскому служащему запрещается: участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом (ч. 1); осуществлять предпринимательскую деятельность (ч. 3); получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения) (ч. 6) и др. (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3215).

** См., например: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 8 марта 2006 г. N 40-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 26. Ст. 2780.

практическом его воплощении — обязанность гарантировать торжество общей добродетели и справедливое распределение благ. При этом интересы целого в государстве превалируют над интересами групп или классов. Последовательно и логично во всех трех произведениях Платона — «Государство», «Законы», «Политик» — проводится мысль о приоритете государства как целого над его частями. Собственно говоря, главное предназначение государства в том и состоит, чтобы противостоять разрушительной социальной анархии, дезорганизации, охраняя целостность общества от распада на противоборствующие части и группы.

Отталкиваясь от концепции «общего блага», Платон выступает против искусственного принудительного разделения общества по политическим и иным основаниям, и тем более против имущественного расслоения, передачи преимуществ высших слоев над низшими по наследству. Он отчетливо понимает опасность противоборства классов, обусловленного противостоянием «богатства» и «бедности», использования власти в корыстных целях.

Платон подчеркивает диалектическую сложность взаимосвязи закона и искусства власти. Мудрые законы, выражающие идею общего блага и справедливости, должны гарантировать разумность государственной политики, а политика должна «отличаться упорядоченностью», давать людям «жить мирно, занимаясь собственными делами и не вмешиваясь в чужие». Соотношение «политика — закон» становится особенно важным в периоды политической нестабильности, когда в государствах происходит борьба за власть. В этом случае, по Платону, спасение государства состоит в том, чтобы политические и государственные деятели стали воистину служителями мудрого, справедливого закона.

Закон и законодательство Платона, рецепция в современную юриспруденцию. Понятие «закон» претерпевает у Платона настоящую эволюцию. В диалоге «Критон» социальный строй выдвигается Платоном как некое вечно-устойчивое и самостоятельно-вещное бытие, и философ персонифицирует государственные законы, которые говорят целую речь, утверждая полную незыблемость и непререкаемость

социального устройства. Платоновский Сократ убежден, что он не имеет права не послушаться своего города, приговорившего его к смертной казни, и не имеет права бежать, поскольку это было бы нарушением законов. По его словам, сами законы как бы говорят ему, что государство не может оставаться целым, если граждане станут нарушать законы и пользоваться ими по своему произволу [4, с. 844-845].

А.Ф. Лосев резюмирует, что, по-видимому, социальная действительность и государственные законы — это «братья законам Аида», и нарушение их есть также нарушение и вечных законов бытия [1, с. 301-302]. Платон постулирует непреложность государственного порядка, не объясняя причин неукоснительного подчинения законам: законы и отечество существуют, и больше ничего. Как они существуют и почему существуют, каков их смысл и место в сознании человека — об этом вопросы не ставятся. Диалог «Апология Сократа» продолжает эту тему — утверждения непреклонности морально направленной воли и устройства жизни по законам добра и истины. А.Ф. Лосев полагает, что позиция Сократа перед смертью очевидна: «Наивно-натуралистически утверждается земной мир, с его неправдой и злом, загробный мир, с его правдой и истиной, твердая и неподкупная совесть, ведущая человека из этого мира в тот мир» [1, с. 304].

По Платону, законы — не продукт прихоти законодателя: «Неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях и то, что считается там справедливостью, носит вообще это имя. Мы говорим так потому, что ведь в твоём государстве мы будем предоставлять государственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен..., но тем, кто будет всего более послушен установленным законам... Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» (Законы. 715b-d).

То же относится и к законодательству. Платону удается дать характеристику законодательства, сравнив его с искусством врачевания: «Издавая законы, можно пользоваться двумя средствами — убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством. <...> Издавая свои законы, они не примешивают увещаний и убеждений к необходимости, но употребляют лишь чистое насилие». Закон должен состоять «из двух частей; собственно, закона и вступления к нему. <...> Увещательное рассуждение законодатель приводит ради того, чтобы те, кому он дает законы, благосклонно приняли его предписания (а это и есть закон) и вследствие этой своей благосклонности стали бы восприимчивее» (Законы. 720a-723a). В книге двенадцатой устанавливается порядок формирования собрания, охраняющего законы. Подобно тому, как военачальник и врач знают свою цель и поэтому добиваются успеха, охранители законов должны знать цель государства и «знать, каким образом следует приняться за дело». Все законы должны иметь в виду единую цель. Цель эта — добродетель (Законы. 961e-963d).

В содержании «Законов» можно найти много полезного не только с точки зрения общей теории права, но и отраслевых наук, в частности уголовного права. Так, в девятой книге «Законов» Платон подробно пишет о преступлениях и наказаниях, о судебной ответственности. Он предлагает законодательствовать, предвосхищая события: «угрожать — на тот случай, если подобный человек <преступник> встретится, устанавливать законы для предотвращения подобных проступков и наказания за них, коль скоро они совершены...» [2, с. 598].

Платон предлагает подлинную философию добродетели, которая способна предотвратить несчастье преступления: «Тому, кто повинуется, закон ничего не скажет; ослушнику же вслед за вступлением он громко глаголет: “Кто будет уличен в святотатстве, тому, если это раб или чужеземец, отметят лицо и руки клеймом его злополучия, подвергнут его стольким ударами, сколько решат судьи, и в нагом виде выгонят за пределы страны”». Возможно, что такое наказание исправит и образумит

его. Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным» [2, с. 600-601]. И не случайно законодательство практически всех стран определяет в качестве одной из целей наказания — исправление осужденного. Не является исключением и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), в ч. 3 ст. 43 которого закреплено, что «Наказание применяется... в целях исправления осужденного...».

Кроме того, Платон подчеркивает, что никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой-либо проступок, «даже если совершивший его бежал за пределы государства» [2, с. 600-601]. Данная посылка философа нашла отражение в обосновании принципа неотвратимости ответственности и разработке механизмов оказания правовой помощи государствам друг другу по семейным, гражданским и уголовным делам. Более того, в развитие данного положения уголовное законодательство определяет принципы действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц, в рамках которых регулируются вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступления как в России, так и за ее пределами (ст.ст. 11, 12 УК РФ).

Наказанием должны быть «смерть, тюремное заключение, палочные удары, унижительные места для сидения и стояния или стояние возле святилищ на окраине страны; либо наказанием должна быть денежная пеня» [2, с. 601]. Как видно, современный законодатель, сохранив традиционные виды наказаний (тюремное заключение, денежную пеню (штраф), отказался от телесных и позорящих наказаний, включая смертную казнь.

Судьями, назначающими смертную казнь, в государстве Платона являются стражи законов и особый суд, выбранный из наиболее отличившихся должностных лиц. Законодателям надлежит урегулировать такие вопросы, как подача жалобы, вызов в суд и тому подобное, — вообще о том, как все это должно совершаться. Философ даже оговаривает закон относительно подачи голосов. Голосование в суде открытое, его процедура такова: «Еще до начала его судьи должны занять места прямо против истца и обвиняемого, воз-

можно более соответственно своему возрасту. Все граждане, у которых есть досуг, пусть отнесутся с сугубым вниманием к такому суду. Сперва слово предоставляется истцу, затем обвиняемому. После их речей старейший из судей начинает допрос, обращая особое внимание на их показания, а затем и все остальные судьи задают уточняющие вопросы...» [2, с. 601].

Следует отметить, что Платон достаточно точно подходит к характеристике различных видов причинения смерти человеку (убийствам), четко формулирует не только признаки его различных видов (умышленных и неосторожных; квалифицированных и привилегированных), но и вполне современно дифференцирует юридическую (уголовную) ответственность за их совершение. Так, в главе «Наказания для убийц. Кары за другие виды насилия» Платон устанавливает законы для различных видов убийств. Прежде всего, он разделяет убийства насильственные и невольные. К последней категории он относит следующие: «Если кто на состязании или на государственных играх невольно убьет человека, с которым находится в дружеских отношениях, — все равно, последует ли смерть сразу или потом из-за нанесенных ударов, — или если кто убьет точно так же на войне либо при воинских упражнениях, когда военные действия воспроизводятся либо с применением оружия, либо без него, — то человек должен очиститься согласно полученному на этот случай из Дельф закону, а затем он считается уже чистым. Это касается и всех врачей, если против их воли умрет больной; в этом случае, согласно закону, врач считается чистым.

Если же кто убьет кого-нибудь хоть и невольно, но собственноручно, силой своего тела или оружием, стрелой или тем, что даст ему что-нибудь выпить и съесть, а также тем, что прибегнет к огню или холоду или лишит человека дыхания — словом, собственной силой или с помощью иных тел, — все равно он считается человеком, убившим собственноручно» [2, с. 612].

Особо Платон пишет об убийствах, совершенных в состоянии аффекта, или, как он говорит, в ярости. Он делит их на два рода: неумышленное преступление и умышленное преступление. Вот как он формулирует первый тип — неумышлен-

ное преступление, совершенное в состоянии аффекта: «Если кто собственноручно убьет свободнорожденного, причем это будет сделано в ярости, здесь надо различать два случая, а именно: совершили поступок в состоянии ярости, так, что человеку причиняют смерть ударами или чем-то другим подобным внезапно и непреднамеренно, под влиянием мгновенного порыва, а затем тотчас же возникает раскаяние в совершенном поступке. Точно так же под влиянием ярости действуют и в том случае, когда замышляют отомстить за нанесенную раньше словами или бесчестными делами обиду и потом с намерением убить действительно убивают обидчика; в этом случае не возникает раскаяния в совершенном поступке. Стало быть, по-видимому, надо различать два вида убийства, и чуть ли не оба этих вида совершаются под влиянием ярости; всего справедливее было бы сказать, что они занимают середину между умышленными и неумышленными преступлениями» [2, с. 614].

Платон совершенно справедливо заключает, что эти виды убийства имеют сходство — присущая им агрессия, деструкция личности преступника, которую можно принять за аффект, в то время как она есть выражение низости души, необузданности нравов. Философ подмечает такие черты убийств: «...тот, кто подавляет ярость, не действует сразу, но намеренно откладывает свое мщение на будущее; действия такого человека подобны умышленным. Напротив, человек, необузданный в гневе, сразу ему подпадающий и не отдающий себе отчета в своих намерениях, подобен действующему невольню, хотя и он действует не вполне так, здесь только внешнее сходство с невольным поступком» [2, с. 415]. Вот почему, по мнению Платона, «трудно разграничить те случаи убийств, когда они совершены под влиянием ярости, с точки зрения того, какие из этих убийств должен закон признать умышленными, а какие — неумышленными. Всего лучше и согласнее с истиной было бы судить о них по признаку сходства и различать оба вида преступлений с точки зрения их преднамеренности или же непреднамеренности, а затем назначать по закону для тех, кто в гневе совершил преднамеренное убийство, наказание более тяжелое, а для тех, кто совершил это

непреднамеренно и внезапно, — более легкое. В самом деле, за большее зло естественно назначить большее наказание, а за меньшее — меньшее» [2, с. 614].

Вопреки традиционно низким оценкам «Законов» в истории философии мы находим в них принципы построения правового государства.

Во-первых, Платон вполне осознанно постулирует системный подход к разработке государственного устройства. В качестве системообразующего принципа Платон избирает «добродетель в целом». Системно мыслящий законодатель должен иметь ясно сформулированную цель и постоянно сверять с ней конкретные законы: «Законодатель должен часто задавать себе вопрос: “К чему, собственно, я стремлюсь? Достигну ли я своей цели или потерплю неудачу?”» (Законы. 3V 744a). Именно принцип системности заставляет Платона обсуждать детали экономического, педагогического и просто житейского характера, которые не подлежат законодательному регулированию, но которые системно мыслящий законодатель должен принимать во внимание, устанавливая законы. Платон неоднократно подчеркивает, что в случаях, касающихся частной жизни граждан, речь идет не о законах, а о деталях, важных для дальновидного законодателя. «Было бы неблагоприятно и вместе с тем непристойно давать тут законы и устанавливать наказания, тем не менее, промолчать невозможно» (Законы. 3 VII 788b).

Во-вторых, применяя метод моделирования, Платон первым делом выстраивает совершенное государство как систему законов, нравов, обычаев, традиций и т.д., руководствуясь при этом принципом соответствия всех этих элементов «добродетели в целом». Только по завершении этой теоретической конструкции (модели) он изучает, в какой мере реальность может приближаться к этому идеалу. Этот метод он обосновывает следующим образом: сначала надо дать словесный «образец совершенного государства», а потом рассматривать возможность его устройства. Следовательно, Платон использует модель государства в качестве вспомогательного средства при изучении реальности таким же образом, как модели используются в современной науке.

В-третьих, Платон определяет высший авторитет права и его общеобязательность необходимостью утверждения им торжества добра над злом и справедливости. Он основательно разбирает соотношение справедливости и несправедливости, постоянное их столкновение в поступках людей, социальную опасность несправедливости, подрывающей устои государства. Платон учит, что единственно в четких рамках правового пространства только и возможна справедливость, обеспечивающая мирное сожителство, эффективные совместные действия и достижение социально значимых целей.

Таким образом, если кратко сформулировать теоретические положения государственной и правоохранительной концепции Платона, к которым восходят современные положения, то их перечень может быть следующим.

1. Разработана концепция правового государства:

а) аргументирована обязательность соблюдения закона всеми, включая правителей;

б) поставлен вопрос о необходимости разделения властей, где суд является одной из самостоятельных и независимых ветвей власти;

в) показана система управления государством, которая должна сочетать черты единовластия и демократии.

2. Выдвинуты и обоснованы принципы построения законодательства:

а) принцип системности: законодательство должно быть морально-нравственно обусловлено — исходить из всей добродетели в целом. Писанные законы должны составлять единое целое с обычаями, традициями, привычками людей;

б) принцип воспитывающей роли законодательства: законы должны не только повелевать, но и разъяснять, воспитывать добродетель. Наказание должно перевоспитывать преступника;

в) принцип индивидуального подхода: закон, не имея возможности учесть все нюансы частных случаев, не должен делать гражданина несчастным.

Непреходящая ценность и современность правовых взглядов Платона заключается в том, что он использует термин «закон» (*νόμος*) для выведения основных правовых понятий, уточнения исходных положений, анализа правовой материи в целом.

По Платону, право выступает формально определенным ориентиром нравственного поведения людей и универсальным регулятором межличностных отношений, который дает возможность упорядочивать их в интересах человеческого сообщества как целого, объединенного в государство. Право одновременно предоставляет необходимую свободу каждому с учетом индивидуальных различий природного, морального и социального характера, разрешая по справедливости постоянно проявляющиеся между людьми противоречия. Природа права такова, что оно карает за преступления в силу необходимости охраны правопорядка и укрепления законности. Пресекая возможные злоупотребления, оно предписывает осуществлять власть разумно, только в рамках закона и только государством. Платон, по существу, формулирует современный принцип нерушимости и общеобязательности закона как условия гармонии в обществе.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 960 с.
2. Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
4. Платон. Избранные диалоги. М.: РИПОЛКЛАССИК, 2001. 960 с.

References

1. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Sketches of antique symbolism and mythology]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 960 p.
2. Platon. *Gosudarstvo. Zakony. Politik* [State. Laws. Politician]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 798 p.
3. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona* [Open society and its enemies. In 2 Volumes. Vol. 1: Charms of Platon]. Moscow, Feniks: Kul'turnaya initsiativa Publ., 1992. 448 p.
4. Platon. *Izbrannye dialogi* [Chosen dialogues]. Moscow, RIPOLKLASSIK, 2001. 960 p.

ЗИБОРОВ О.В., кандидат юридических наук, доцент, mary_rose@bk.ru Кафедра административной деятельности и организации деятельности ГИБДД; Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128	ZIBOROV O.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, mary_rose@bk.ru Chair of administrative activity and organization of State Inspection for Road Traffic Safety activity; Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yaroslavskaya St. 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation
---	--

СТАТИЧЕСКОЕ И ДИНАМИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Реферат. Изучаются статические и динамические характеристики административно-правового режима военного положения как две взаимосвязанные формы его проявления. Такой подход позволяет понять комплексность действия военного положения в активной (процедурная подвижность) и в пассивной (в период мирного времени) формах. Доказывается, что статика — это исходная стадия военного положения, а его динамика начинается с момента объявления и фактической реализации режимных мер. Аргументируется, что статика военного положения представляет собой абстрактный, не определенный ни по кругу лиц, ни в пространстве, ни во времени перечень правовых предписаний. Режим военного положения в динамике, напротив, действует во времени (например, указание срока действия чрезвычайных мер), в пространстве (отражение в указе Президента Российской Федерации перечня местностей, объявленных на военном положении) и по кругу лиц (установление компетентностных изменений в статусе заинтересованных государственных органов, органов местного самоуправления, граждан). Обосновывается, что знание статических характеристик военного положения необходимо потому, что все они продолжают действовать в его динамическом состоянии. Резюмируется, что режим военного положения большую часть времени находится в состоянии статики либо неявной динамики. Данный административно-правовой режим, как следует из истории, применяется раз в 40-50 лет (переводит из статического в динамическое состояние), что поднимает уровень научного осмысления и практику его применения на качественно иной, более высокий уровень. Статичное состояние административно-правового режима военного положения в большей степени позволяет осмыслить данный правовой институт и разработать его доктринальную концепцию.

Ключевые слова: военное положение, административно-правовой режим, статика, динамика, правоприменительная практика.

STATIC AND DYNAMIC MANIFESTATIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME OF THE STATE OF MARTIAL LAW

Abstract. Static and dynamic characteristics of administrative and legal regime of the state of martial law are studied as two forms of its manifestation. Such approach allows to understand the complexity of functioning of martial law in its active (procedural mobility) and passive (in peacetime) forms. It is proved that statics is the initial stage of martial law and its dynamics begins from the moment of announcement and actual implementation of security measures. The statics of martial law is argued to be an abstract specification of legal prescriptions. The martial law at its dynamic stage functions in time (e.g. endurance of implementing emergency measures), in space (list of regions being in the state of martial law, fixed in the decree of the RF President) and is applied towards particular persons (competence changes of the status of the interested state authorities, local authorities and citizens). The author proves the necessity to be aware of static characteristics of martial law as they continue functioning at its dynamic stage. It is summarized that martial law is usually in a static state or in the state of implicit dynamics. Basing on the historical analysis the martial law is implemented every 45-50 years which increases the level of scientific understanding and practice of its implementation. Static state of administrative and legal regime of martial law allows to comprehend this legal institution and its doctrinal conception.

Keywords: state of martial law, administrative and legal regime, statics, dynamics, law enforcement practice.

Статика и динамика являются двумя взаимосвязанными феноменами и понятиями, которые позволяют глубже проследить сложность и комплексность военного положения в его, с одной стороны, функциональной пассивности в период мирного времени, а с другой — активности и процедурной подвижности непосредственно в процессе и после введения.

Прежде чем приступить к исследованию статике и динамике отношений военного положения, необходимо отметить, что данные понятия применимы ко многим отраслям научного знания. В первую очередь они характерны для технических наук, в частности для физики. В XIX веке О. Конт ввел в научный оборот понятия «социальная статика» и «социальная динамика». Встречаются такие научные термины, как «динамическая психология», «динамика конфликта». Согласно словарю С.И. Ожегова, «статика — это состояние покоя в какой-нибудь определенный момент», а динамика — это «ход развития, изменения какого-нибудь явления» [1, с. 764, 166]. В полной мере эти понятия применимы и к правовой науке. Так, В.Л. Кулапов статику и динамику называет «...основными проявлениями поступательного развития права» [2, с. 138-142]. По мнению профессора В.С. Нерсесянца, «...понятие действия права, действия составляющих его норм выражает динамику права, процесс его реального регулятивного воздействия на уже урегулированные общественные отношения. Это динамичное состояние права, право в действии является, по сути своей, той целью, ради которой в результате правоустановительной деятельности официально формулируется, текстуально выражается и документально (в соответствующих актах) закрепляется право в статике» [3, с. 476].

Говоря о статике отношений военного положения и его динамике в широком смысле слова, следует иметь в виду, что это две взаимосвязанные, дополняющие и предполагающие друг друга стадии и формы проявления данного административно-правового института. В связи с этим, понимая военное положение как статичное административно-правовое явление, необходимо говорить о подготовке и принятии правоустановительных актов, касающихся данного режима. Динамика военного положения начинается с момента объявляе-

ния военного положения и фактической реализации режимных мер. Таким образом, статика военного положения — это исходная стадия правового регулирования данного института. Используя статичную характеристику, можно исследовать понятие военного положения, его цели и задачи, перечень чрезвычайных мероприятий, сопровождающих введение военного положения, и т.д. На наш взгляд, статика военного положения представляет собой именно абстрактный, не определенный ни по кругу лиц, ни в пространстве, ни во времени перечень правовых предписаний. В момент, когда возникают обстоятельства, послужившие основанием для введения военного положения, и далее, вплоть до его отмены, можно говорить о динамике военного положения. Отсюда следует основное принципиальное отличие динамики военного положения от его статике — при исследовании военного положения в динамике можно говорить о его действии, здесь становится наглядным действие военного положения во времени (например, указание срока действия чрезвычайных мер), в пространстве (отражение в указе Президента Российской Федерации перечня местностей, объявленных на военном положении), по кругу лиц (установление компетентностных изменений в статусе заинтересованных государственных органов, органов местного самоуправления, граждан). Если статика — начальная стадия правоустановления военного положения, то его динамика является основной и завершающей стадиями.

Рассмотрение военного положения в его статике и динамике, с одной стороны, представляет несомненный интерес с точки зрения его понимания как правового явления, с другой стороны — как методологический подход к его исследованию. В связи с этим, изучая военное положение в его статике, мы обращаем внимание на абстрактно-теоретические характеристики; а динамическое исследование предполагает качественно иной подход, а именно в процессе развития военного положения, его изменения и непосредственной реализации.

В первом случае нас интересуют непосредственно свойства военного положения (статика), а во втором — процессы, происходящие с объектом исследования (динамика).

Статические и динамические характеристики военного положения тесно взаимосвязаны с методологическими способами исследования данного административно-правового режима. В частности, общеправовые методы исследования – анализ и синтез – применимы в данном подходе. Так, при статическом исследовании военного положения применяется анализ данного явления, то есть подробное исследование характерных для него свойств, а при динамическом – происходит синтез военного положения из отдельных процессуальных аспектов его использования.

Исследование военного положения через статическую и динамическую плоскости, на наш взгляд, является небесспорным. Может возникнуть сомнение относительно того, что вряд ли какие-либо явления, тем более в сфере административно-правовой науки, являются статическими, тем более на протяжении длительного времени. Данная позиция частично обоснована, однако нуждается в пояснениях. Во-первых, какой период времени можно считать достаточным для определения статичности военного положения? Во-вторых, понимание военного положения с точки зрения динамического развития возможно только после его объявления и практической реализации. По нашему мнению, нельзя рассматривать как динамику военного положения принимаемые с периодичностью один раз в пятнадцать-двадцать лет нормативные правовые акты, которые, по сути, и составляют предмет не динамики, а статики военного положения. Для того чтобы уяснить полный объем включенных в динамическое развитие военного положения элементов, необходимо обратиться к ретроспективному анализу данного административного режима, особенно в те исторические периоды, в которые наиболее полно прослеживается именно динамика развития военного положения.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров статики и динамики военного положения, отметим, что более глубокое понимание такого аспекта исследования военного положения возможно путем его расчленения на составляющие виды его правового состояния. Наличие соответствующего правового состояния в реализации военного положения опреде-

ляет, на каком уровне – статичном или динамичном – находится военное положение в тот или иной период. Итак, анализ практики использования государством мер военного положения [4, с. 60-120] позволяет говорить о следующих его возможных правовых состояниях:

1. Формирование теоретической модели военного положения.

2. Законодательные процедуры разработки и принятия соответствующего акта.

3. Введение военного положения.

4. Использование экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии.

5. Привлечение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов для обеспечения режима военного положения.

6. Изменение полномочий государственных органов.

7. Ограничение прав граждан, возложение на них дополнительных обязанностей.

8. Изменение перечня территорий, на которых введено военное положение.

9. Отмена (прекращение действия) военного положения.

Применительно к рассматриваемой проблеме перечисленные правовые состояния военного положения можно объединить в две группы:

– статические;

– динамические.

К статическим состояниям военного положения следует, на наш взгляд, отнести формирование теоретической модели военного положения, законодательные процедуры разработки и принятия соответствующего акта, а также отмену (прекращение действия) военного положения. Соответственно, все остальные правовые состояния военного положения являются динамическими.

Таким образом, если военное положение реализуется путем состояния первой группы, то оно является статическим, а если второй группы – динамическим.

При сравнении состояния военного положения первой и второй группы обнаруживается главное их сходство – они посвящены административно-правовому

режиму военного положения. Принципиальным отличием данных групп является содержательная характеристика — если статическое военное положение предполагает только процесс формирования, нормативного закрепления или отмены, то динамическое военное положение — это процесс его непосредственного применения.

Рассматривая отношения военного положения в их статике и динамике, следует предупредить возможное неправильное толкование статике военного положения как обстановки, абсолютно лишенной всяких правовых процессов. На наш взгляд, любое правовое явление, лишенное определенных динамических признаков, по сути, теряет основное свое предназначение — регулирование конкретных групп общественных отношений. Статическая система общественных отношений военного положения, лишенная движений в смысле введения соответствующих режимных мер, позволяет не потерять указанный выше важнейший элемент всякого правового явления, а следовательно, и значение для теории административного права путем сложных законотворческих процессов и процедур. Поскольку мы говорим о статической составляющей военного положения, постольку мы, прежде всего, должны предположить существование определенных научно-теоретических процессов исследования военного положения, а также то, что любой нормативный правовой акт о военном положении должен быть разработан и принят. Следовательно, статика вовсе не предполагает неизменное существование единожды разработанной нормы, регламентирующей военное положение. Точно так же она не предполагает, что военное положение должно быть регламентировано только законодательными актами высшей юридической силы. В статической характеристике военного положения первоочередными являются неизменность социальной и правовой значимости данного административно-правового института, абсолютная определенность чрезвычайных мер, сопровождающих его введение, а также неизменность приоритета прав и свобод граждан на всем протяжении действия военного положения.

На наш взгляд, неизменность законодательной конструкции военного положе-

ния является основным признаком его статичности. Например, можно предположить наличие относительно длительного времени действия нормы административного права, регламентирующей военное положение. Если не предпринимать мер по расширению данного административно-правового поля, то налицо явная статика отношений военного положения. Даже если у государства и отсутствует необходимость в реализации соответствующих режимных мер, динамика может быть представлена в виде разработки и принятия всего комплекса нормативных правовых актов в данной области. В этих условиях, конечно, будет отсутствовать динамика военного положения применительно к его реализации, но это отсутствие не будет являться статикой военного положения в смысле отсутствия внимания к данному административно-правовому режиму. Отсюда делаем вывод, что наличие правоприменительной и законотворческой деятельности — основной признак динамики военного положения, и наоборот, отсутствие такой деятельности — это его статическая характеристика.

Таким образом, отсутствие правоприменительной практики — это особенность, характеризующая статическую составляющую военного положения. По отношению к военному положению правоприменение должно рассматриваться исключительно как динамическое явление. Активная правотворческая деятельность как элемент административно-правового усовершенствования в условиях, когда военное положение находится в статичном состоянии, способна придать динамику данному административно-правовому явлению даже в условиях отсутствия правоприменительной практики. В любом случае применение военного положения, а значит, и его явная динамика имеют временный характер. Поэтому придать динамику военному положению в условиях отсутствия правоприменения можно только путем активной разработки и принятия необходимого объема административно-правовых норм, регламентирующих все стороны данного института. Учитывая изложенное, позволим себе сделать два важных, на наш взгляд, замечания:

1. Активная правотворческая деятельность в области военного положения

возможна только путем принятия подзаконных нормативных правовых актов. Отсюда появляется следующее сопоставление — статика отношений военного положения выражается в ряде правовых норм, закрепленных в Конституции Российской Федерации, федеральном конституционном законе «О военном положении», в иных федеральных конституционных и федеральных законах. Динамика же данного административно-правового режима выражается только в подзаконных нормах права. Об этом свидетельствует как проведенный выше анализ, так и анализ исторического опыта использования государством мер военного положения.

2. Можно говорить о явной и неявной динамике военного положения. Термин «явная динамика» соответствует правоприменительной практике военного положения. «Неявная динамика» имеет место в процессе разработки и принятия административно-правовых норм, регламентирующих отдельные его аспекты. В связи с этим в качестве синонима статике военного положения мы предлагаем использовать его «неприменение». В статическом состоянии военное положение не исчезает, оно лишь останавливается в развитии, а следовательно, на время перестает совершенствоваться.

Выше мы отметили, что нарушение статике военного положения, а именно применение данного режима может быть вызвано либо агрессией против Российской Федерации, либо непосредственной угрозой такой агрессии. Отсюда вытекает вывод о том, что отсутствие агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы такой агрессии — необходимое и обязательное условие статической характеристики военного положения.

Можно выделить несколько условий, которые, на наш взгляд, обязательны для сохранения статического состояния военного положения. Эти условия следующие:

- а) отсутствие правотворческой деятельности в данной области;
- б) отсутствие агрессии против Российской Федерации;
- в) отсутствие непосредственной угрозы такой агрессии.

С изменением этих условий или хотя бы одного из них происходит переход от

статического состояния военного положения к динамическому.

Военное положение как административно-правовой режим, подобно другим институтам административного права, не может быть абсолютно статическим. Есть институты менее подверженные изменениям, чем другие. Имеются административно-правовые категории, в которых происходит очень медленное динамическое развитие, но оно нигде не отсутствует. В связи с этим знание статических характеристик административно-правового явления, в том числе и военного положения, необходимо в большей степени потому, что они включают в себя те же элементы и признаки, которые действуют и продолжают действовать в динамическом состоянии военного положения. Причем обособленное изучение и статических, и динамических его характеристик методологически необходимо для наиболее полного и объективного исследования административно-правового режима военного положения.

Исследование военного положения только в статике или только в динамике имеет существенный недостаток — оно изучает лишь часть данного административно-правового явления, лишь определенную группу его признаков. На основании вышеизложенного сделаем выводы.

1. Военное положение, как и многие иные административно-правовые институты, большую часть времени находится в состоянии статике либо неявной динамики.

2. Исторический опыт свидетельствует, что, находясь в арсенале государства, военное положение как административно-правовой режим применяется с периодичностью один раз в 40-50 лет. Такая периодичность применения военного положения переводит его из состояния статике в динамическое состояние и поднимает уровень научного осмысления, а также правоприменительной практики военного положения на качественно иной, более высокий уровень.

3. По нашему мнению, именно статическое состояние военного положения в большей степени позволяет осмыслить данный административно-правовой институт и разработать его доктринальную концепцию.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Кулапов В.Л. Статика и динамика как основные проявления поступательного развития права // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации: тез. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию СЮИ-СГАП. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. С. 138-142.
3. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: ИНФРА – М, 1999. 552 с.
4. Зиборов О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 222 с.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
2. Kulapov V.L. *Statika i dinamika kak osnovnye proyavleniya postupatel'nogo razvitiya prava* [Statics and dynamics as the main manifestations of progressive development of the law]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka v Rossii: problemy modernizatsii* [Legal education and science in Russia: problems of modernization]. Saratov, Saratov State Academy of Law, 2006, pp. 138-142.
3. Nersesyants V.S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow, INFRA - M Publ., 1999. 552 p.
4. Ziborov O.V. *Institut voennogo polozheniya po rossiyskomu pravu (istoriko-pravovoe issledovanie)*. *Kand. Diss.* [Institute martial law under Russian law (historical and legal research). Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 222 p.

БЛАЖЕВИЧ Н.В., доктор философских наук, профессор, bin7704@rambler.ru Кафедра философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	BLAZHEVICH N.V., Doctor of Philosophical Sciences, professor, bin7704@rambler.ru Chair of philosophy, foreign languages and humanitarian training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Реферат. Раскрывается интегративный характер понятий профессиональной чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел. Понятия «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство» систематизируют высшие нравственные ценности и качества полицейского. Они выражают смысл профессионально-этических норм поведения полицейского и его служебного этикета. Разграничиваются понятия профессиональной чести и достоинства, устанавливается их связь с этическими категориями чести, достоинства и совести, с этическими понятиями деловой репутации, профессионального авторитета, служебного долга, моральной ответственности. Показано, что понятия профессиональной чести и достоинства дополняют друг друга, характеризуя нравственную ценность профессиональной деятельности полицейского. Понятие «профессиональная честь полицейского» выражает общественное признание деятельности как отдельного сотрудника полиции, так и правоохранительного органа в целом, в ней акцентируется внешнее морально-ценностное отношение к деятельности полицейского. В понятии «профессиональное достоинство» полицейского выражается его внутреннее морально-ценностное отношение к своей деятельности. Показано, что достоинство полицейского — это его внутренняя честь, а честь полицейского — это его внешнее достоинство. Осознание профессионального достоинства является формой его морального самосознания, самоконтроля и требовательности к себе. Профессиональное достоинство полицейского предполагает уважительное отношение к нему и другим людям, признание обществом за полицейским соответствующих прав и свобод, высокой моральной требовательности. Профессиональная честь полицейского — это его внешняя совесть, а профессиональное достоинство полицейского — это его внутренняя совесть. Положительную репутацию, подлинный авторитет имеют те полицейские, которые дорожат своей профессиональной честью и достоинством. Профессиональная честь и достоинство полицейского определяются его отношением к служебному долгу.

Ключевые слова: честь, достоинство, совесть, профессиональная честь, профессиональное достоинство, долг, служебный долг, моральная ответственность, деловая репутация, профессиональный авторитет.

PROFESSIONAL HONOUR AND DIGNITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICER AS A METHODOLOGICAL PROBLEM

Abstract. The integrative character of concepts of professional honour and dignity of law enforcement officers is interpreted. These concepts systematize the highest moral values and qualities of police officers. They provide the meaning of both professional ethical behaviour norms and service etiquette of law enforcement officers. The concepts of professional honour and professional dignity are distinguished. Their relation to ethical categories of honour, dignity and conscience as well as ethical concepts of professional reputation, professional authority, professional duty and moral responsibility is established. The concepts of professional honour and dignity are mutually complementary and define moral value of police officers' professional activity. The concept of professional honour implies public recognition of activities of both separate officer and law enforcement body in whole. It also emphasizes external moral value attitude to police activity. The concept of professional dignity implies internal moral value attitude of police officers to their activity. It is argued that officers' dignity is their internal honour and officers' honour is their external dignity. Realization of professional dignity is a form of their moral self-consciousness, self-control and self-exactingness. Professional dignity implicates respectful attitude of other people to police officers, public recognition of officers' rights and

liberties, high morality. The author considers professional honour as officers' external conscience and professional dignity as their internal conscience. Police officers valuing their honour and dignity are stated to have good reputation and true authority. Professional honour and dignity are determined by their attitude to professional duty.

Keywords: honour, dignity, conscience, professional honour, professional dignity, duty, professional duty, moral responsibility, professional reputation, professional authority.

Нравственным стержнем полицейского являются профессиональная честь и достоинство. Эти нравственные качества личности полицейского выражаются с помощью этических категорий чести и достоинства. Честь и достоинство – соотносительные категории, непосредственно отражающие мнение, которое складывается у окружающих о нравственных качествах человека, а также нравственную оценку, которую дает человек самому себе. Так, категория чести обозначает морально-ценностное отношение человека к самому себе, а также морально-ценностное отношение к нему со стороны общества, окружающих, когда моральная ценность личности связывается с моральными заслугами человека, с его конкретным общественным положением, родом деятельности и признаваемыми за ним моральными заслугами [1, с. 356]. Подобная ситуация складывается и применительно к категории достоинства. Категория достоинства выражает особое морально-ценностное отношение человека к самому себе и морально-ценностное отношение к нему со стороны общества, в котором признается его ценность как личности. Категории чести и достоинства не мыслятся вне отношения друг к другу, так как в них отражаются одни и те же морально-ценностные отношения. Только в категории чести акцентируется внешнее морально-ценностное отношение к личности, а в категории достоинства – внутреннее морально-ценностное отношение личности к самой себе [1, с. 79]. Можно утверждать, что достоинство – это внутренняя честь, а честь – это внешнее достоинство.

Представляя высшие нравственные ценности любого человека, категории чести и достоинства обладают большой степенью отвлеченности, через них выражаются другие нравственные ценности, моральные требования и личностные качества человека. Поэтому не всякий человек, а также не всякий полицейский готов сразу и однозначно сформулировать, что для него означают эти понятия, каков их смысл, ибо

поле значений у этих понятий обширное. Необходимо отметить, что вопросы толкования категорий профессиональной чести и достоинства остаются проблематичными и в научной сфере, в частности юридической. Так, отечественный юрист Е.Г. Комиссарова отмечает, что «каких-либо научных суждений о соотношении чести и профессиональной чести пока не высказано. Действующая судебная практика по делам о защите профессиональной чести и достоинства идет по известному пути, отраженному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”. Но вопросы, правда, пока теоретического свойства, уже возникают. Например, как соотносятся понятия “профессиональная честь” и “профессиональное достоинство” с понятием “деловая репутация гражданина”. Для ответа на этот вопрос надлежит выработать относительно устойчивое общепринятое определение профессиональной чести и достоинства» [2, с. 40].

Хотя категории чести и достоинства близки по значению, но каждая имеет свои границы применения. Категория чести отражает признание достоинства отдельного человека или социальной группы со стороны других людей. С честью связывается общественное признание поступков конкретного человека, его заслуг, репутации, авторитета, славы. Категория чести выражает общественное положение не только отдельного человека, но и социальной группы, к которой этот индивид принадлежит. С категорией чести связаны обязательные для данной социальной группы моральные требования, стандарты поведения (так называемые кодексы чести). Например, существуют понятия рыцарской чести, воинской чести, профессиональной чести, девичьей чести, мужской чести и т.д.

В теории и на практике широко употребляется понятие профессиональной

чести полицейского. Следует подчеркнуть, что данное понятие выражает общественное признание деятельности отдельного сотрудника полиции, а также правоохранительного органа в целом. Так, в ст. 5 Кодекса профессиональной этики сотрудника ОВД РФ* было сформулировано понятие профессиональной чести сотрудников ОВД России. Здесь говорится, что «честь сотрудника выражается в заслуженной репутации, добром имени, личном авторитете и проявляется в верности гражданскому и служебному долгу, данному слову и принятым нравственным обязательствам».

Понятие профессиональной чести конкретизирует применение категории чести для моральной оценки профессиональной деятельности. Оно выражает моральную ценность конкретной профессии в жизни общества. Профессиональная честь является показателем того, как представители профессиональной группы выглядят в глазах общества. Профессиональная честь требует от представителей профессиональной группы сохранять, поддерживать деловую репутацию и профессиональный авторитет. При этом соблюдение нравственных требований с целью поддержания профессиональной чести с необходимостью относится ко всем представителям профессиональной группы. Совершая какие-либо действия, представитель профессиональной группы должен помнить, что нравственная оценка его действий обществом затрагивает нравственную оценку поведения коллег по профессии. Проступки отдельных представителей могут запятнать честь всей профессиональной группы. В связи с этим дорожить честью — нравственный долг и обязанность каждого полицейского.

Слово «честь» не случайно используется как ключевое слово в названиях профессионально-этических кодексов (например, в названии «Кодекс чести судьи РФ» и др.). Понятие профессиональной чести является ключевым в профессионально-этических кодексах, ибо передает смысл профессионально-этических норм и служебных этикетных правил. Так, в

п. 6 Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих подчеркивается: «целью Типового кодекса является установление этических норм и правил служебного поведения государственных (муниципальных) служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета государственных (муниципальных) служащих, доверия граждан к государственным органам и органам местного самоуправления и обеспечение единых норм поведения государственных (муниципальных) служащих»**.

Как и многие другие важные этические понятия, понятие профессиональной чести иногда употребляется искаженно, в ложном смысле. Это происходит, когда ради «чести мундира» предлагается «не выносить сор из избы», жить по принципу круговой поруки и, исходя из ложно понимаемого товарищества, покрывать недостойное поведение коллег. Настоящая профессиональная честь обретается вследствие того, что каждый полицейский в отдельности и полицейское сообщество в целом основывают свою жизнь и профессиональную деятельность на высоких нравственных идеалах. Обладать настоящей профессиональной честью — значит быть честным по отношению ко всем и ко всему. Только полицейский, честно себя ведущий, честно исполняющий свой долг, достоин уважения.

Исторически понятие чести возникло в моральном сознании общества в виде представления о родовой и сословной чести, которое предписывало человеку стандарт поведения, не унижающий достоинства определенного рода и сословия. Так, в феодальном обществе к сословному пониманию чести относились такие моральные требования, как не вступать в равноправные отношения с людьми «низших» сословий, не заниматься унижительным для дворянина трудом, вызывать на дуэль оскорбителя и т.д. В капиталистическом обществе понимание чести ставится в зависимость от общественного положения

* Утв. приказом МВД России от 24 дек. 2008 г. N 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 31 окт. 2013 г. N 883.

** Одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г. (протокол N 21). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

человека, обладания частной собственностью. В социалистическом обществе понятие чести связывается прежде всего с личными заслугами человека, его трудом на общее благо, мерой человечности. В социалистическом обществе честь представляется как моральный стимул, который побуждает человека совершать поступки на общее благо [1, с. 356-357].

Немецкий философ XIX века Артур Шопенгауэр различал следующие виды чести: служебная честь, гражданская честь, половая честь, рыцарская честь, честь нации и солдатская честь [3, с. 303, 306, 309, 327]. По мнению Шопенгауэра, гражданская честь «исходит из предпосылки, что мы, безусловно, уважаем право каждого человека и потому никогда не воспользуемся для своей выгоды несправедливыми или законом недозволенными средствами» [3, с. 303]. Солдатская честь состоит в том, «чтобы тот, кто принял на себя долг защищать общее отечество, действительно обладал нужными для этого качествами, то есть прежде всего мужеством, храбростью и силой, и был серьезно готов, рискуя жизнью, защищать свою родину и вообще ни за что на свете не оставлять знамени, которому он раз присягнул» [3, с. 306]. Честь нации — это «честь целого народа как отдельной единицы в обществе народов. Честь нации состоит не только в том, чтобы считаться заслуживающей доверия (кредита), но и в том, чтобы ее боялись: отсюда посягательства на ее права никогда не должны оставаться безнаказанными» [3, с. 327].

Если категория чести связана со стремлением добиться высокой оценки со стороны окружающих, то категория достоинства выражает внутреннюю уверенность личности в собственной моральной ценности, ее моральное чувство самоуважения. С одной стороны, осознание человеком собственного достоинства является формой морального самосознания и самоконтроля личности, на нем основывается требовательность человека к самому себе. Утверждение и поддержание своего достоинства предполагает совершение соответствующих ему нравственных поступков (или, наоборот, не позволяет человеку поступать ниже своего достоинства). С другой стороны, достоинство личности предполагает и от других людей уважения

к ней, признания за ней соответствующих прав и возможностей, высокой моральной требовательности.

Таким образом, в основе категории достоинства лежит представление о моральном равенстве людей, кем бы они ни были и какое бы общественное положение ни занимали. Любой человек изначально обладает достоинством. Напротив, категория чести, как уже отмечалось, позволяет дифференцированно оценивать людей. Если человек бережет свое достоинство, то это значит, что не только он обладает моральным самосознанием, ответственен и требователен к себе, но и окружающие его люди, общество проявляют к нему уважение, признают за ним определенные права. От самого человека, его поведения зависит сохранение своего достоинства, а также и от уважительного отношения к его достоинству других людей. Уничтожение собственного достоинства и достоинства других людей относится к тяжким нравственным порокам.

Первоначально достоинство человека связывалось с его происхождением, знатностью рода, сословной принадлежностью. В феодальном обществе достоинство человека почти целиком ограничивалось его сословной честью. В буржуазном обществе, где основную роль в установлении моральных отношений между людьми стали играть экономическая и политическая власть, где возникла необходимость в защите прав каждого человека от любых посягательств, откуда бы они ни исходили, понятие достоинства личности стало трактоваться как самоутверждение человека посредством личных способностей и предприимчивости, вне зависимости от его сословной принадлежности. В социалистическом обществе достоинство человека связывается со свободным трудом на общее благо, с сознательным служением людям. В социалистическом обществе представление о достоинстве человека уже не связывается с его общественным положением, характером его труда и личными способностями. В социалистическом обществе трактовка достоинства человека приближается к современному пониманию.

В современном понимании достоинство человека не связывается с его положением в обществе, должностью, профессией. У каждого человека есть право на

чувство собственного достоинства. Достоинство человека связано с верой в самого себя, в свои умственные и нравственные силы, творческие возможности. Достоинство — нравственная сила, которая заставляет человека выполнять самому и требовать от окружающих соблюдение моральных правил поведения. Достоинство имеет прямое отношение и к праву, поскольку его защита осуществляется на основе специально разработанных и зафиксированных в законодательстве норм. Так, принятая в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщая декларация прав человека начинается с признания достоинства человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Защита достоинства человека гарантируется конституционным законодательством государства. Так, в ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Категория достоинства, так же как и категория чести, применяется для характеристики моральной ценности социальной группы. Так, общепринято различать женское и мужское достоинство. Под женским достоинством понимают ласковость и нежность, тонкость и красоту чувств, мыслей и действий, материнскую заботу не только о детях, но и о взрослых (об отце, муже, братьях и т.п.), интеллигентность, верность, постоянную готовность поддержать мужчину морально, укрепить в нем веру в себя, чувство юмора, бережное отношение к своему и мужскому достоинству. Мужским достоинством называют воспитанность, постоянную готовность мужчины прийти на помощь женщине (матери, жене, сестре), великодушно оказать им физическую и моральную помощь, трезвость, собранность, уравновешенность, разумную волю, веру в себя, целеустремленность и сдержанность, оптимистический взгляд на жизнь, упорство и настойчивость в борьбе с трудностями, бодрость, жизнерадостность, чувство юмора, физическую и духовную силу и щедрость, чуткость и внимание к близким, заботу о семье и детях, умение видеть в женщине равноправного товарища, друга, настоящую и будущую мать, внимательное отношение к женскому достоинству.

Категория достоинства применяется для выражения сознательного уважения нравственных качеств самой профессиональной группой. Когда говорят о профессиональном достоинстве коллектива, то имеют в виду уважительное отношение самого коллектива к профессии, исполнение им служебного долга, положительную нравственную оценку коллективом своей профессиональной деятельности, соблюдение нравственных требований, которые коллектив предъявляет к себе, единство нравственного духа коллектива. Так, понятие профессионального достоинства полицейского выражает профессиональное достоинство полицейского сообщества, т.е. уважительное отношение полицейского сообщества к правоохранительной деятельности, безусловное исполнение служебного долга — обеспечение надежной защиты правопорядка, законности, общественной безопасности, уважение высоких нравственных качеств полицейского.

Категории чести и достоинства обладают интегративными свойствами. Они объединяют такие близкие к ним понятия, как понятия репутации, авторитета, морального долга, моральной ответственности, совести, нравственных обязательств. Так, категории чести и достоинства связаны с понятиями репутации и авторитета, которые отражают предшествующее поведение, действия отдельного человека или социальной группы и их моральную оценку окружающими. Репутация может быть положительной, если поведение индивида или социальной группы соответствует общепринятым моральным требованиям, а сами они стремятся соответствовать нравственному долгу. Если индивид или социальная группа дорожат своей репутацией и авторитетом, то свою честь и достоинство они относят к высоким нравственным ценностям. Индивид или социальная группа, которые теряют честь и достоинство, не дорожат своей репутацией, не имеют подлинного авторитета. Совесть является отражением понимания человеком чести и достоинства. А. Шопенгауэр справедливо замечает, что «честь — это внешняя совесть, а совесть — внутренняя честь» [3, с. 302]. Совесть определяет поведение и жизнь человека в целом. Эту мысль точно выразил отечественный философ В. Франкл: «Совесть принадлежит к числу

специфически человеческих проявлений, и даже более чем специфически человеческих, ибо она является неотъемлемой составной частью условий человеческого существования» [4, с. 38]. Собственное достоинство человека, наряду с совестью и честью, позволяет ему осознавать ответственность перед собой как личностью.

Профессиональная честь полицейского – это признание общественным мнением и осознание самими сотрудниками правоохранительных органов факта неукоснительного выполнения своего служебного долга. Обрести звание «человек чести» непросто, а чтобы потерять его, достаточно совершить всего лишь один недостойный поступок. Честь сотрудника неотделима от чести коллектива, подразделения, в котором он несет свою нелегкую службу. В связи с этим он не может позволить себе ничего такого, что позорило бы

его товарищей по службе. Честь коллектива – это и его честь. У обладателя чести всегда имеется и личное достоинство, но обратное далеко не всегда верно. Если в категории чести преобладает объективное содержание, то в категории достоинства, наоборот, – субъективное. Оценка чести – это оценка общественного мнения, а оценка достоинства – это прежде всего забота самой личности, ее самооценки. Но если попорченное достоинство можно попытаться восстановить в судебном порядке, то утраченную честь никаким судебным решением уже не вернешь. В то же время защита достоинства человека и гражданина – важнейшая цель государства и его правоохранительных органов. Наконец, профессиональная честь и достоинство полицейского – это отражение понимания чести и достоинства обществом, к которому полицейский принадлежит.

Список литературы

1. Словарь по этике / под ред. О.Г. Дробницкого, И.С. Кона. 2-е изд. М.: Политиздат, 1970. 398 с.
2. Комиссарова Е.Г. Проблемы юридического признания прав на профессиональную честь и профессиональное достоинство // Научные основы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел: сб. ст. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 38-40.
3. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992. 448 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 372 с.

References

1. *Slovar' po etike* [Dictionary of Ethics]. Moscow, Politizdat Publ., 1970. 398 p.
2. Komissarova E.G. *Problemy yuridicheskogo priznaniya prav na professional'nyu chest' i professional'noe dostoinstvo* [Problems of legal recognition of rights to professional honor and professional dignity]. *Nauchnye osnovy povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del* [Scientific bases of training of police officers]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. Pp. 38-40.
3. Shopengauer A. *Svoboda voli i nrvastvennost'* [The Freedom and Morality]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 448 p.
4. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990. 372 p.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

<p>АНИСИН А.Л., доктор философских наук, доцент, anisin@bk.ru Кафедра философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75</p>	<p>ANISIN A.L., Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, anisin@bk.ru Chair of philosophy, foreign languages and humanitarian training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>
---	--

ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Реферат. Рассматриваются философские, этические и идеологические положения, предлагаемые в качестве основ современной правоприменительной и правозащитной политики государства. В качестве собственной и коренной задачи права констатируется утверждение идеала Правды в суждении о делах людей (без такого идеала задача обеспечения порядка и безопасности не может правильно ставиться и решаться). Показано противоречие между наименованием и сущностью правозащитной деятельности: правозащитники защищают фактически не право, а человека. В адекватном же смысле правозащитной деятельностью занимается, скорее, прокуратура. Так называемая «правозащитная» (а на деле праворазрушительная) деятельность зачастую построена на том, чтобы вывести человека из-под действия человеческих норм жизни, списав его поступки на невменяемость, на аффект, на тяжелые условия жизни. Отрицательно оценивается решение о предоставлении судам права изменять категорию преступления на менее тяжкую. Критикуется институт условно-досрочного освобождения как неправовой акт (по сути, помилование, идущее вразрез с требованиями закона, выраженными в первоначальном приговоре). Обосновывается парадоксальная мысль о том, что смертная казнь способна содействовать истинной гуманизации общества (последний шанс умереть человеком). Применение смертной казни способно открыть возможность к тому, чтобы пожалеть в преступнике человека. В качестве основы правоохранительной политики предлагается признание высшим ценностным ориентиром идеала социально-нравственной Правды. Государство должно поддерживать инициативы милосердия, но это не может затрагивать правовые основы существования общества. Защита прав и достоинства человека должна исходить из обязанности быть человеком (ответственность перед лицом Высшей Правды).

Ключевые слова: сущность права, свобода, ответственность, идеал Правды, правозащитная деятельность, либерализация законодательства, правовая политика.

IDEOLOGICAL AND THEORETICAL PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT AND HUMAN RIGHTS PROTECTION POLICY

Abstract. The philosophical, ethical and ideological propositions suggested as the principles of modern law enforcement and human rights state policy are considered. Establishing the ideal of the Truth in judgments on people's deeds is stated to be the main task of the law: goals of maintaining order and safety cannot be achieved without this ideal. The contradiction between the name and essence of human rights protection activity is shown (human rights advocates virtually defend not the right itself but a person). Indeed, human rights protection activity is conducted by prosecutors. This activity (which is actually right destructive activity) is based on explaining the reasons of persons' deeds by their insanity, excitement and hard living conditions. The decision of allowing the courts to change category of crimes into less grave is negatively estimated. The parole institution is considered not as a legal act, but as an act of grace, contradicting the provisions of original sentence. It's suggested that capital punishment can facilitate true humanization of society: it is the last chance to die being a human. Implementation of this punishment can provide the opportunity to take compassion upon a criminal. The author proposes to consider the ideal of social and moral Truth as the highest value principle of law enforcement policy. Our state should support mercy initiatives, but it should not contradict legal principles of the society. The

author states that protection of human rights and dignity should rely on the responsibility of being a human in front of the Highest Truth.

Keywords: essence of law, freedom, responsibility, ideal of Truth, human rights protection activity, liberalization of legislation, legal policy.

Эффективное противодействие преступности в современном мире невозможно без выстраивания ясной и целостной государственной политики в этой области. Теоретико-методологическое обоснование такой политики со стороны правоведов, философов, криминологов и социологов должно включать в себя концептуальную проработку, прежде всего, фундаментальных проблем, связанных с осмыслением сущности и предназначения права. Мы в данной статье остановимся лишь на некоторых из этих проблем, наиболее значимых, на наш взгляд.

В качестве отправной точки нашего анализа следует вспомнить о принципиальной двойственности права в отношении решаемых им задач. С одной стороны, очевидно, что важнейшей задачей права является обеспечение определенного порядка жизни, то есть устойчивости и предсказуемости социальных отношений и процессов, культивирование общепринятых ограничений и алгоритмов действий, обеспечивающих определенное согласование интересов индивидов и социальных групп либо мирное разрешение противоречий этих интересов при их возникновении. Эта задача настолько значима в общественном сознании, что к обеспечению правопорядка зачастую и сводят задачи правового регулирования. В частности, задачи органов внутренних дел привычно формулируются как «охрана общественного порядка» и «обеспечение общественной безопасности».

Однако само изначальное призвание права предполагает наличие и другой стороны, имеющей не менее фундаментальное значение. Эта другая сторона видна даже в тех определениях права, которые, на наш взгляд, еще не достигают настоящей глубины понимания его смысла. Так, например, Иммануил Кант классически определил сущность и цель права следующим образом: «Итак, право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [1, с. 595]. Или же в несколько другой формулировке: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия

ее с такой же свободой каждого другого, насколько это возможно по всеобщему закону» [1, с. 534]. Нетрудно заметить, что базовым понятием в этих определениях является вовсе не «порядок», а «свобода». Речь здесь идет о некоем «всеобщем законе свободы», который является высшим абсолютным ориентиром для правового сознания. Право реализуется через ограничение свободы, но действует оно при этом именно ради свободы, его целью при этом является «равенство в свободе по всеобщему закону» (именно так часто формулируют в краткой форме суть кантовской трактовки права). Таким образом, второй важнейшей задачей права, наряду с обеспечением порядка, является обеспечение свободы человека. Эти две задачи формально противоположны друг другу, но обе они коренным образом принадлежат самой сущности права.

Связь права со свободой — принципиально важный момент, который остается, на наш взгляд, раскрытым неудовлетворительно как у самого Канта, так и во всей последующей западной философии права. Такое положение дел выглядит, на первый взгляд, парадоксально: вся западная традиция социально-философской и правовой мысли, начиная с XVIII века, развивается в парадигме либерализма, который имеет концептуальным ядром именно тему свободы. Однако при этом связь права со свободой представляется либеральному сознанию, скорее, в негативном ключе: «право есть ограничение свободы каждого...». Дело здесь, конечно, в том, как либерализм понимает свободу.

Прежде всего, свобода для либерального сознания тождественна произволу (Кант, как мы видели, употребляет эти термины как практически взаимозаменяемые). Задача права, исходя из этого, в том, чтобы совместить «произвол одного лица с произволом другого», обеспечив каждому равный набор «свобод» («свобода слова», «свобода передвижения», «свобода предпринимательства» и т.д.). Такие «свободы» означают именно безответственный произвол в тех рамках, которые определены всеобщим законом: если

ты не переступаешь установленную черту, то *можешь делать, что угодно, и тебе за это ничего не будет*. Выделенное курсивом понимание свободы вполне соответствует расхожим представлениям о ней, однако оно совершенно неудовлетворительно и примитивно. Не отвечать за свой поступок — это, может быть, приятно и заманчиво, подобные гарантии неприкосновенности и спокойствия человеку необходимы, но вот только к свободе это не имеет ни малейшего отношения. Эта функция права была рассмотрена в начале статьи и сводится она к обеспечению порядка жизни.

Очень показателен тот факт, что, провозглашая высшей ценностью свободу и декларируя, казалось бы, изначальную связь права с обеспечением свободы, либерализм подменяет тему свободы заботами о неприкосновенности, комфорте и безопасности, а право сводит единственно к обеспечению порядка. Еще раз повторим: неприкосновенность личности и частной жизни вообще, гарантии безопасности, удобство жизни, общественный порядок, воплощающий в себе идею устойчивости и предсказуемости жизнедеятельности, — все это представляет собой необходимые внешние условия жизни человека, и обеспечение этих условий является важной задачей права. Однако для настоящего понимания значимости правового регулирования и для правильного выстраивания правоприменительной и правозащитной политики необходимо, на наш взгляд, еще и глубокое осмысление права в связи с темой свободы. При таком осмыслении, как мы стараемся показать, право уже не сводится к функции обеспечения внешних условий жизни, оно приобретает также и вполне определенную духовную значимость.

Уже было сказано, что, сведя свободу человека к правовым «свободам», либерализм фактически исключил из своего рассмотрения свободу в ее настоящем смысле. Никакие правовые гарантии неприкосновенности (что и называется «свободами» в либеральном понимании) не только не могут гарантировать свободы как определенного качества жизни, но даже не имеют никакого отношения к свободе. «Жить свободно», «поступать свободно» — это состояние человека связано не с наличием правовых гарантий, а с духовно обоснованным созиданием своей жизни. Это духовное

самоопределение человека, разумеется, никак не детерминировано извне — на то она и свобода, но это самоопределение не сводится к внутренним переживаниям, оно реализуется в действительном мире — на то она и действительная свобода. Свобода — это не только никого не касающиеся и никому не видные мысли человека, но и его действия, его реальная жизнь в реальном мире. И право с этой точки зрения является не только средством обеспечить внешнее удобство и безопасность жизни, но и прямой реализацией этой духовной свободы человека, направленной на его деятельное самоопределение в действительном мире и на преобразование этого действительного мира.

Как писал И.А. Ильин, «ценность, лежащая в основании естественного права, есть достойная, внутренне-самостоятельная и внешне-свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество» [2, с. 196]. «Внутренняя самостоятельность», духовное достоинство личности в этой формуле поставлены, как мы видим, впереди и обосновывают собой внешнюю свободу. При отсутствии этого первого условия бессмысленной, а часто и уродливой становится внешняя свобода. По сути дела, в этом случае она теряет право называться свободой в настоящем смысле. Дело ведь в том, что «реальная свобода обретается принятием на себя ответственности за свой поступок, отказ от ответственности означает отказ быть свободным» [3, с. 46]. Брать на себя ответственность за происходящее — это единственный способ быть по-настоящему свободным в конкретной ситуации.

Речь, конечно, идет об ответственности как внутренней духовно-нравственной установке. «Взять на себя ответственность» означает, прежде всего, заявить о своей активной и суверенной творческой воле к действию, о внутренней автономии собственных решений и о решимости действовать в соответствии с этими решениями. Собственно говоря, это и означает заявить о своей свободе. Реальная свобода не может быть дана человеку, она не может быть вменена ему, — она обретается только таким «явочным порядком». Однако и внешняя, правовая ответственность имеет самое непосредственное отношение к этой духовной стороне человеческой жизни.

Прежде всего, конечно, правовое регулирование имеет своей основой нравственное сознание долга. То, как жизнь протекает в реальности, то, какие отношения между людьми складываются сами собой в ходе этой реальной жизни, не всегда соответствует тому, как это должно быть, — жизнь нуждается в исправлении. Таков основополагающий смысл нравственного сознания человека, находящий свою особую форму выражения в праве.

Но кроме нравственной обусловленности право имеет и нравственную значимость. Помимо того, что оно черпает свою силу в нравственном сознании, право призвано также и придавать реальную действительную силу нравственным принципам и нормам. Право действует внешним принудительным образом, но, действуя так, оно утверждает именно идею внутренней нравственной свободы. Даже в том случае, когда человек ведет себя несвободно, снимая с себя ответственность за происходящее, идя на поводу у собственных низменных желаний или постороннего влияния, право исходит из признания в нем свободного субъекта деятельности, способного и призванного контролировать свое поведение. Вменяя преступнику внешнюю юридическую ответственность и применяя репрессивные санкции, право утверждает тем самым человеческое достоинство его личности, реальность его человеческой свободы.

Обеспечить нравственную свободу и достоинство личности право само по себе, конечно, не способно. Однако оно является необходимым условием нравственной жизни общества, а не только его внешнего благополучия. Достаточно известны слова В.С. Соловьева: «Право в интересе свободы дозволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад» [4, с. 454]. На наш взгляд, великий русский философ недооценивает значимость права для общественной и личной нравственности. Право не только внешним образом ограничивает зло, но и воспитывает

нравственные начала в человеке. Оно призвано не только устранять и обезвреживать опасные для общества элементы, но и утверждать — хотя бы и внешним образом — духовно-нравственное измерение человеческого бытия.

Человек не является животным именно потому, что живет по другим законам. Его физическое существование, конечно, подчинено тем же законам физики, химии и биологии, но его человеческая жизнь соотносена с иными законами, которые представляют собой требования, обращенные к его свободной воле. В свете этого абсолютной нормой человеческого бытия, конечно, является святость, то есть совершенная реализация в своей жизни этих объективных духовных законов, реализация должного во всей полноте, обретение «Царства Божьего», которое «внутри вас есть» (Лк. 17:21). Но в задачи права это, разумеется, не входит. Сформулированная же Соловьевым задача, — «чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие», — не только правовыми средствами не может быть решена, но и вообще лежит вне компетенции человека. Однако обеспечение человеческого качества жизни на общественном уровне, обеспечение ее соотносительности с духовными ценностями, — это не только достижимая, но и необходимая задача, к решению которой право имеет самое непосредственное отношение.

Человеческое качество жизни с ориентацией на духовные ценности вовсе не означает ни всепрощения, ни отказа от применения материальной силы. Духовная жизнь совершается в сокровенной глубине человеческого сердца, но при этом духовная детерминация может и должна быть присуща человеческой жизни и деятельности во всей ее полноте. В качестве духовного существа, природа которого возглавляется духом, человек имеет потребность в осуществлении Правды. Утверждение идеи Правды в общественном сознании и в реальной жизни общества и составляет духовную значимость права, его высокое общественное призвание.

Не порядок сам по себе, а именно Правда является смыслообразующей целью правового регулирования. Как и не абстрактно понятая свобода является настоящей ценностью личной и общественной жизни человека, а свобода праведная,

свобода, укорененная в Правде. Написание слова «Правда» с прописной буквы в данном случае призвано подчеркнуть, что речь идет о некоей абсолютной духовно-нравственной ценности, о некоем идеале, задающем масштаб человеческого существования. Эта Правда как ценность имеет для права основополагающее значение, она выражает собой во всей полноте сущность и предназначение права. В качестве толкования этого слова В.И. Даль в своем словаре приводит следующий ряд понятий: «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость, честность, неподкупность, добросовестность» [5, с. 985]. Приведенные им пословицы отражают весьма непростые отношения человека с этой духовно-нравственной ценностью: с одной стороны — «Правдою жить, палат каменных не нажить» [5, с. 985], но в то же время — «Без правды жить легче, да помирать тяжело» [5, с. 986]. С одной стороны — «По правде тужим, а кривдой живем» [5, с. 986], но все-таки — «От правды отстать — куда пристать?» [5, с. 986]. В конечном счете, предельно глубоко на эту тему говорит известная формула: «Не в силе Бог, а в правде» [5, с. 986], — то есть высшей значимостью обладает даже не сила, не успех, не победа, а именно Правда. За Правду нужно держаться не для удобства жизни и не для успеха в делах («палат каменных с нею не наживешь»), а потому, что она свята и потому, что «без нее помирать тяжело».

Если говорить о жизни человека и общества в целом, то Правда является не единственным и даже не высшим ориентиром. Широко известны слова о том, что «милосердие выше справедливости», и это, действительно, так. Как бы ни была высока Правда, ею одной жить, — это не по-человечески, человеческое отношение к жизни предполагает также и сердечное сочувствие к людям, не укладывающееся в рамки справедливости. В некоторых культурах и мировоззренческих системах этот факт рассматривается как проявление человеческого несовершенства и слабости, но, по крайней мере, в культуре христианской, как и мусульманской, идея Милосердия утверждается на абсолютном уровне. Без милости и снисхождения, без великодушия или хотя бы жалости следование правде становится бездушным и механи-

ческим, общество, лишненное милосердия, является нравственно ущербным.

И вот тут мы подошли к принципиально важному моменту. Нравственное сознание общества нуждается, помимо идеала Правды, еще и в идеале Милосердия. Но это не означает, что право должно служить обоим этим идеалам, пытаюсь, по уже приведенному выражению В.С. Соловьева, «лежащий во зле мир обратить в Царство Божие». Право способно действовать во благо общества, только будучи ограничено в своих задачах. Только в том случае, когда право занимает в системе общественной жизни свое собственное законное место, не претендуя прямо на решение всех общественных проблем, оно может косвенно способствовать решению в том числе и этих проблем. Если же на право возлагаются задачи универсального характера, если от права ждут слишком многого, то оно теряет силу даже и для решения своих узких задач.

Задача права не в том, чтобы жалеть людей, а в том, чтобы осуществлять Правду, вершить правосудие, то есть судить о делах людей сообразно идеалу Правды. Милосердие — не дело права, закон милостивым быть не должен. Жалеть и проявлять милосердие должны люди, а не закон, и это является необходимым условием нравственно здоровой общественной жизни. Это, в частности, означает, что люди, выступающие от имени закона, находящиеся на службе закона, на милосердие не имеют права. Право они имеют только на Правду, и в своей служебной деятельности, то есть в служении закону, они должны быть в некотором условном смысле бессердечными во имя справедливости.

На наш взгляд, современные тенденции правоприменительной и правозащитной политики имеют другое направление, порочное в самом своем корне. Так называемая «либерализация» законодательства, то есть его смягчение, является декларированным принципом этой политики. В нашей стране недавняя волна масштабной либерализации уголовного законодательства была связана с инициативами Президента России Д.А. Медведева в 2010-2012 годах. В результате мы видели в «Российской газете» характерные заголовки: «Будьте добры, Ваша честь. Судьям объяснили, как смягчать приговоры» [6].

На этом пути удалось продвинуться весьма существенно: ряд уголовных статей вообще декриминализован, по другим снижены санкции, например, отменен низший порог наказаний в виде ареста, предусмотрен штраф в виде основной меры наказания, отменена возможность содержания под стражей в отношении некоторых категорий подозреваемых и обвиняемых. Правозащитники выражают определенное удовлетворение и уверенность в необходимости дальнейших шагов в этом направлении. Старейший деятель российского правозащитного движения Людмила Алексеева: «Хватит увеличивать наше тюремное население. У нас очень жесткое законодательство, неоправданно часто применяются меры лишения свободы» [7], депутат Государственной Думы Светлана Горячева: «Никто не будет спорить, что снятие нижних барьеров и замена лишения свободы на штрафные и другие санкции, более мягкие, правильное направление. Конечно, места лишения свободы нужно освобождать от лиц, не представляющих большой степени общественной опасности» [7]. Высказанные мысли отнюдь не бесспорны. Разумеется, мало кто (хотя такие тоже найдутся) будет отстаивать совершенно противоположную точку зрения, утверждая, что, чем жестче закон, тем лучше, и что тюремное население нужно стараться увеличивать, держа за решеткой даже тех людей, которые никакой опасности для общества не представляют. Однако не требуется долго учить логику, чтобы знать, что противоположные суждения вполне могут быть одновременно ложны.

В самом наименовании «правозащитной деятельности» допущена — сознательно или нет, трудно сказать — изначальная подмена понятий: речь в этой деятельности идет не о защите права, а о защите человека. Это тоже очень важное общественное дело, но дело другое, — оно аналогично роли адвоката в судопроизводстве. Адвокат — буквально с латыни «приглашенный» — это поверенный в делах, задача которого — защищать интересы клиента, а вовсе не интересы права. Правозащитной деятельностью в адекватном смысле этого слова занимается прокуратура, именно она осуществляет надзор за соблюдением законности, прав и свобод человека и гражданина.

Принципиальная ошибка правозащитников предопределена именно обозначенной выше подменой. По смыслу своей деятельности «правозащитники» призваны заниматься защитой интересов конкретных людей, «милость к падшим призывать», говоря словами А.С. Пушкина, и, говоря его же словами, «разбивать сосуд клеветника», то есть уничтожать оружие клеветы, вставать на защиту несправедливо обвиненного человека. Однако такая адресная помощь, видимо, представляется им «мелочной», они ставят себе задачей влиять на законотворческую и правоприменительную политику государства, гуманизировать в целом правовую систему и общественное сознание. Благие намерения, — а каков итог?

Проект «гуманизации и либерализации» законодательства вдохновляется именно идеалом Милосердия и пытается этому идеалу подчинить право. Однако, пытаясь «очеловечить» правовую систему, этот проект ведет к ее разрушению. Одним из нововведений на путях либерализации стало предоставление судам права изменять категорию преступления на менее тяжкую*. При том, что, как известно, тяжесть совершенного преступления учитывается при определении вида рецидива (ст. 18 УК РФ), привлечении лица к ответственности за приготовление к преступлению (ст. 30 УК РФ), совершении преступления преступным сообществом (ст. 35 УК РФ), назначении наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), освобождении от уголовной ответственности (ст.ст. 75-78, 90 УК РФ), освобождении от наказания (ст.ст. 79, 80, 82, 92, 93 УК РФ) и так далее.

Специалисты отмечают, что в свете изменений, внесенных федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ, фактически «суд, изменяя категорию преступления, определяет содержание уголовного закона, что не допустимо» [8, с. 57]. Вместо того чтобы руководствоваться законом, судья должен на свое усмотрение оценить

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

степень общественной опасности и фактические обстоятельства преступления. При этом к нему обращены призывы, процитированные выше: «Будьте добры, Ваша честь!» [6]. Нельзя не согласиться с выводом, который делает Л.Ю. Ларина: «Таким образом, ч. 6 ст. 15 УК РФ в нынешней редакции является чрезвычайно неудачной нормой, которая, с одной стороны, создает благоприятные условия для нарушения основополагающих принципов уголовного права, а с другой — выступает серьезным коррупциогенным фактором благодаря отсутствию четких критериев изменения категории преступлений» [8, с. 58]. Если правосудие берет на себя еще и миссию милосердия, то оно правды не вершит, и милосердия настоящего не получается. Получается только попустительство с большим коррупционным потенциалом.

Вернемся к доводам о том, что «места лишения свободы нужно освобождать от лиц, не представляющих большой степени общественной опасности». Даже если конкретный человек не представляет опасности для общества, и его выход на свободу непосредственно ничем не угрожает, то все-таки, будучи возведена в ранг политической установки, приведенная формула несет существенную опасность. Опасность эта заключается в том, что право не творит Правды, право изменяет своему призванию. Если преступнику, задержанному группой захвата, оформили явку с повинной, на суде учли его тяжелое детство и трудное жизненное положение, назначив минимальный срок, а затем он условно-досрочно был освобожден, то такое издевательство над идеей правосудия разрушает всякое уважение к закону и отравляет общественную атмосферу.

Условно-досрочное освобождение по своему изначальному смыслу представляет собой неправовой акт, это, по сути, — помилование вразрез с требованиями закона, выраженными в первоначальном приговоре. В определенных случаях такой шаг оправдан, но это не отменяет его изначальную неправовой характер. Право, конечно, не является абсолютной ценностью и истиной в последней инстанции, но пытаться его усовершенствовать, вводя в его содержание чуждые для него элементы, — это означает подрывать основы правосознания. В случае с условно-досрочным

освобождением имеются и прямые правовые коллизии. Вопрос об условно-досрочном освобождении разрешается районным (городским) судом по месту отбывания наказания независимо от подсудности уголовного дела (ч. 3 ст. 396 УПК РФ). Это означает, что орган судебной власти, занимающий в иерархии федеральных судов общей юрисдикции самую низкую ступеньку, наделен правом коррекции приговоров и последующих судебных постановлений вышестоящих судов в части вида и размера наказания. Вообще процедура условно-досрочного освобождения прописана в законе достаточно фрагментарно. Эффективность же этой широко применяемой меры ясно опровергается фактами. Помощник Новгородского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях А. Михайлов пишет: «сейчас в России условно-досрочно освобождается 48 % осужденных, т.е. фактически каждый второй. Однако уровень рецидива условно-досрочных освобожденных практически сопоставим с теми, кто освобождается по отбытию срока наказания. Значит, функцию исправления осужденных институт условно-досрочного освобождения не выполняет» [9, с. 28]. Статья написана в 2005 году, но зафиксированная ситуация сохраняется и по сей день, разве что увеличился процент условно-досрочно освободившихся: правозащитники сетуют на излишне репрессивный характер Российского государства, большинство людей, совершивших преступления, не несут даже того наказания, которое определено им «подобревшими» судами, а общественное мнение все больше тоскует по «сильной руке» и жесткому законодательству.

Еще раз повторим: собственной и коренной задачей права является утверждение, насколько это вообще возможно, идеала Правды в суждении о делах людей. Задача обеспечения порядка и безопасности правильно ставится и решается только в том случае, если первичен этот идеал Правды. Задача обеспечения свободы человека только тогда имеет здоровые предпосылки для своего решения, когда она укоренена в утверждении Правды. Задача исправления преступника правом непосредственно ставиться вообще не должна, но, утверждая идеал Правды, — и только таким единственным образом — право

может способствовать решению также и этой задачи.

В свете этого ответственность «по всей строгости закона» должна быть не эмоциональной угрозой, высказываемой по особым поводам, а стандартом правовой политики государства и правоприменительной практики судов. Только в том случае, когда закон «бессердечен», возникает пространство для проявления сердечности людей. Только без оглядки на человеческие чувства, без оглядки на милость и снисхождение служат Правде, право способно выполнять свои задачи и вносить свой вклад в укрепление духовно-нравственных основ человеческой жизни, предполагающей в том числе и чувства, и милость, и снисхождение. Служение Правде — это тот способ, которым право утверждает высокое достоинство человека. В то же время так называемая «правозащитная» (а на деле праворазрушительная) деятельность зачастую построена на том, чтобы вывести человека из-под действия человеческих норм жизни, списав его поступки на невменяемость, на аффект, на тяжелые условия жизни, то есть, — лишив его человеческого достоинства (предполагающего свободу и ответственность), обеспечить ему животво-благополучное существование.

В связи с нашей темой нельзя не затронуть и проблему применимости смертной казни. Не только преступление является нарушением человеческих норм жизни, наказание тоже неизбежно их нарушает, применяя внешнее принуждение. Однако это отступление от идеала нравственного совершенства является вынужденным и призвано восстановить справедливость. При этом существует определенная черта, переходя за которую, преступление — в интересах Правды — требует предельно катастрофического ответа, именно смертной казни. Речь не идет об эмоциях или жажде мести, речь о том, что, если общество в лице своей правовой системы на определенные преступления, которые потрясут своей запредельностью, реагирует так, словно бы ничего из ряда вон выходящего не произошло, оно глубоко больно в нравственном смысле и усугубляет эту нравственную порочность. Не все запреты одинаковы, бывает нравственно осуждаемое нехорошее поведение, а бывает

нравственно невозможное, то есть табу. Человеческая культура, для того, чтобы существовать, должна опираться на такие абсолютные запреты, утверждающие фундаментальные основы человеческой жизни. Именно здесь пролегает та черта, которая отделяет преступление, еще находящееся в пространстве человеческой культуры и предполагающее твердую, но спокойную реакцию, от преступления, ответ на которое должен быть только катастрофическим. Он должен быть таким, чтобы мы оставались людьми, чтобы наш мир сохранял устойчивость и нравственную упорядоченность, чтобы в нашем мире была Правда.

Можно сказать, и вполне обоснованно, что смертная казнь — это бесчеловечный вид наказания. Но, как ни покажется парадоксальным, только проявляя такую бесчеловечность, право способно содействовать истинной гуманизации общества. Прежде всего, смертная казнь и для преступника зачастую является последним шансом на то, чтобы умереть человеком: «Что же делать, если для многих людей, закореневших во грехе, покаяние невозможно без того, чтобы встать лицом к лицу перед неотвратимой смертью?» [10, с. 39]. А кроме того, зачастую только применение смертной казни способно открыть возможность к тому, чтобы пожалеть в преступнике человека. Ведь, несмотря ни на что, «человека жалко всегда. Даже если он совершил ужасающие преступления и не раскаивается в этом, даже если он настолько одержим злом, что и близость неотвратимой смерти не вразумила его. Жалко. Но только тогда его и можно пожалеть, когда его казнят» [10, с. 40].

В основе государственной политики в области законотворчества, правоохранительной и правозащитной деятельности, правоприменительной практики должно лежать признание высшим и единственным ценностным ориентиром правовой системы идеала социально-нравственной Правды. Задачи реализации милосердия необходимо оставить на долю благотворительных организаций, волонтерских движений, а также иных «учреждений человеколюбия», но прежде всего — на совесть и нравственное чувство каждого человека лично. Государство может и должно оказывать разнообразную поддержку этим общественным и личным инициативам в

направлении милосердия, может и должно само реализовывать определенные благотворительные проекты, но это никак не должно затрагивать правовых основ существования общества. Понятие о естественном праве, обеспечивающее эти правовые основы общественной жизни, предполагает признание духовного достоин-

ства личности и приоритета нравственных обязанностей человека. Настоящая защита человеческих прав и человеческого достоинства должна, таким образом, исходить из обязанности быть человеком, из того, что ответственность перед лицом Высшей Правды составляет необходимое основание человеческого достоинства.

Список литературы

1. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. 1471 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 149-414.
3. Анисин А.Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. N 31 (212). Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 45-47.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. 892 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. Т. 3. П-Р. СПб.; М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1907. 1782 с.
6. Куликов В. Будьте добры, Ваша честь. Судьям объяснили, как смягчать приговоры // Рос. газ. Федеральный выпуск. 2012. 4 июля. N 5823 (150).
7. Гирина З. О либерализации уголовного законодательства [Электронный ресурс] // НОВОСТИ Samara24.ru. 10.03.2011 г. URL: http://gorod.samara24.ru/news/society/2011/03/10/o_liberalizacii_ugolovnogozakonodatelstva/ (дата обращения: 23 марта 2014 г.).
8. Ларина Л.Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления // Юридическая наука. 2013. N 2. С. 56-59.
9. Михайлов А. Условно-досрочное освобождение // Законность. 2005. N 10. С. 28-31.
10. Анисин А.Л. Проблема смертной казни: криминологический, социальный и нравственный аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 2 (20). С. 34-41.

References

1. Kant I. *Osnovy metafiziki nravstvennosti* [Basics Metaphysics of Morals]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 1471 p.
2. Il'in I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of justice]. *Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 4.* [Collected Works. In 10 volumes. Volume 4]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Pp. 149-414.
3. Anisin A.L. *Kontseptual'nye i real'nye smysly svobody* [Conceptual and a real sense of freedom]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2010, no. 31 (212). Philosophy. Sociology. Cultural Studies. Edition 19, pp. 45-47.
4. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [Justification of the Good. Moral Philosophy]. *Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Works. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 892 p.
5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 3. P-R.* [Explanatory Dictionary of Russian language. Volume 3. P-R]. St. Petersburg; Moscow, Publishing partnership of M.O. Wolf, 1907. 1782 p.
6. Kulikov V. *Bud'te dobry, Vasha chest'. Sud'yam ob'yasnili, kak smyagchat' prigovory* [Please, Your Honor. Judges explained how to mitigate sentences]. *Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk* – Russian newspaper. Federal edition. 2012, 4 July, no. 5823 (150).
7. Girina Z. *O liberalizatsii ugolovnogozakonodatel'stva* [On the liberalization of criminal law]. *NOVOSTI Samara24.ru. 10.03.2011 g.* [NEWS Samara24.ru. 10.03.2011]. Available at: http://gorod.samara24.ru/news/society/2011/03/10/o_liberalizacii_ugolovnogozakonodatelstva/ (Accessed 23 March 2014).
8. Larina L.Yu. *K voprosu ob izmenenii sudom kategorii prestupleniya* [On the question of changing the category of crime]. *Yuridicheskaya nauka* – Legal Science, 2013, no. 2, pp. 56-59.
9. Mikhaylov A. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie* [Conditional early release]. *Zakonnost'* – legality, 2005, no. 10, pp. 28-31.
10. Anisin A.L. *Problema smertnoy kazni: kriminologicheskij, sotsial'nyy i nravstvennyy aspekty* [The problem of the death penalty: criminological, social and moral aspects]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 2 (20), pp. 34-41.

Раздел 3. Уголовный закон

КОКОРИН Д.Л., кандидат юридических наук, доцент, up-kokorin@ural-mvd.ru Кафедра криминалистики; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, Корепина, 66	KOKORIN D.L., Candidate of Legal Sciences, associate professor, up-kokorin@ural-mvd.ru Chair of criminalistics; Urals Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
ТОКАРЕВ Д.С., кандидат юридических наук, доцент, upkp2012@gmail.com Кафедра конституционного права; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, Корепина, 66	TOKAREV D.S., Candidate of Legal Sciences, associate professor, upkp2012@gmail.com Chair of constitutional law; Urals Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

О НЕОБХОДИМОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Реферат. Анализируются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть, совершенное в состоянии опьянения. Обосновывается, что реализация превенции нарушения правил дорожного движения путем установления более строгого наказания, наряду с комплексом воспитательных, пропагандистских и правовых мер, оказалась эффективной. Несмотря на то, что увеличение штрафных санкций привело к снижению количества нарушений правил дорожного движения, данный метод действенен для составов правонарушений с формальной конструкцией объективной стороны и умышленной формой вины. Аргументируется, что предупредительная функция нормы права, закрепленная в действующей редакции ст. 264 УК РФ, малоэффективна, так как лицо, находящееся в состоянии опьянения, осознает, что управляет транспортным средством в нарушение правил дорожного движения, предвидит абстрактную возможность совершения дорожно-транспортного происшествия и причинения вследствие этого тяжкого вреда здоровью или смерти человеку, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий и, следовательно, на то, что уголовной ответственности не последует. Резюмируется, что существующие виды ответственности за нарушение правил дорожного движения и наступившие в силу этого общественно вредные и общественно опасные последствия не обеспечивают реализацию цели предупреждения совершения новых правонарушений и обуславливают необходимость совершенствования законодательства в этой части.

Ключевые слова: управление транспортным средством, опьянение, уголовная ответственность, дорожно-транспортное происшествие.

ON THE NECESSITY OF DIFFERENTIATING CRIMINAL LIABILITY FOR TRAFFIC RULES VIOLATION

Abstract. Elements of crime (Article 264 of the RF Criminal Code) providing the liability for violation of traffic rules or vehicle exploitation rules by a person driving a car, tram or other mechanic vehicle causing negligent infliction of harm or death, committed under the influence of alcohol, are analyzed. The prevention of traffic rules violation by providing a strict punishment and a complex of educational,

propagandistic and legal measures is proved to be efficient. Despite the fact that the increase in punitive measures has caused the decrease in traffic rules violation, this method is effectual for elements of crime with formal structure of objective side and such type of mens rea as intent. The preventive function of the legal proposition fixed in actual wording of the Article 264 of the RF Criminal Code is argued to be ineffective: a person under the influence of alcohol realizes the violation of traffic rules, foresees the abstract possibility of committing traffic accident as well as causing infliction of harm or death to another person, but presumptuously reckons on preventing these consequences and discharging from criminal liability. The authors prove that existing types of liability for traffic rules violation and related harmful and dangerous consequences do not provide realization of the purpose to prevent committing new offences and cause the necessity to improve the legislation in this regard.

Keywords: driving, alcoholic intoxication, criminal liability, traffic accident.

Последнее столетие отмечено технологическим прорывом, доступностью технических инноваций. Механическое транспортное средство, казавшееся роскошью в начале XX века, стало обыденным явлением, неотъемлемой составляющей собственности практически каждой семьи. Законодатель относит автомобили к категории источников повышенной опасности, что не всегда в полной мере осознается лицами, управляющими транспортными средствами. И без того сложную транспортную ситуацию, обусловленную отставанием количественного и качественного развития дорожных сетей от нарастающей численности автомобилей на душу населения, усугубляет правовой нигилизм водителей в области соблюдения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Спектр юридических мер ответственности за данный вид нарушения законодательства достаточно широк и включает в себя гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

За последние несколько лет изменения, вносившиеся законодателем в главу 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касались преимущественно увеличения размера наказания или замены предусмотренного вида наказания более строгим видом. Нарастающая в обществе нетерпимость к нарушениям правил дорожного движения, связанным с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, вызвала необходимость, помимо административной ответственности в виде лишения права управления транспортным средством на срок до 3 лет, предусмотреть уголовную ответственность в том случае, если данное деяние по неосторожности повлекло наступление последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти. Та-

ким образом, в 2009 году ст. 264 УК РФ была дополнена чч. 2, 4, 6, закрепляющими такую ответственность*.

В Российской Федерации в 2014 году по сравнению с показателями предыдущего года на 1 % увеличилось количество дорожно-транспортных происшествий, совершенных водителями транспортных средств, принадлежащих физическим лицам, повлекших наступление смерти. При этом весомую часть ДТП с общественно опасными последствиями в виде смерти совершают лица, управляющие транспортными средствами в состоянии опьянения. За 2014 год произошло 3001 подобное происшествие**. Предупреждение совершения данного деяния должно реализовываться комплексом профилактических воспитательных, пропагандистских и правовых мер [1, с. 290-291], в том числе посредством установления административной и уголовной ответственности. Полагаем, что существующие виды ответственности за нарушение правил дорожного движения и наступившие в силу этого общественно вредные и общественно опасные последствия не обеспечивают реализацию целей предупреждения совершения новых правонарушений, что обуславливает необходимость совершенствования законодательства в этой части.

Считаем необходимым проанализировать состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, в аспекте составаобразующих признаков в части ответственности за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации

* О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 февр. 2009 г. N 20-ФЗ // Рос. газ. 2009. 18 февр.

** URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 18 янв. 2015 г.).

транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть, совершенное в состоянии опьянения.

В качестве непосредственного объекта данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации транспорта. Дополнительный объект — жизнь и здоровье человека [2, с. 14]. Состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, по конструкции объективной стороны материальный, поскольку содержит три обязательных признака объективной стороны: деяние в виде нарушения лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств; последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти; причинно-следственная связь между указанным деянием и наступившими последствиями. Отсутствие одного из трех признаков исключает наличие состава преступления в целом. Из этого следует, что нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, в том числе и в состоянии опьянения, не является преступным, а значит, и общественно опасным. Кроме того, данные деяния в виде формальных составов предусмотрены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и раскрываются через категорию общественной вредности. Общественную опасность в составе преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, представляют последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти.

В теории уголовного права категория общественной опасности раскрывается через такие признаки, как характер и степень. Если характер общественной опасности определяет группу общественных отношений, которым в результате совершения преступления причиняется вред, то степень общественной опасности позволяет соотносить различные составы преступлений в целях выработки подхода к установлению вида и размера наказания за данное преступление. Так, по мнению Д.Ф. Иманова, проблемой дифференциации уголовной

ответственности за нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств являются ее пределы, выраженные в санкциях нормы [3, с. 85].

Полагаем, что при определении вида и размера наказания за преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, законодатель руководствовался оценкой характера и степени общественной опасности данного преступления. Однако при дополнении ст. 264 УК РФ частями 2, 4, 6 было установлено более строгое уголовное наказание за наступление в результате совершения деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения, общественно опасных последствий, аналогичных последствиям, предусмотренным соответственно частями 1, 3, 5. Ранее мы отмечали, что нарушение правил дорожного движения лицом, находящимся в состоянии опьянения, является общественно вредным и, следовательно, влечет административное, а не уголовное наказание.

Если одно или несколько общественно вредных деяний приводят к наступлению общественно опасных последствий, то вопрос об ответственности лица решается посредством уголовного наказания, без привлечения к административной ответственности. Этому способствует и система аналогичных видов наказаний (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью и т.д.), однако в системе уголовного законодательства ранее не прослеживалось увеличение срока или размера уголовного наказания в случае установления в составе преступления дополнительного общественно вредного признака. В связи с этим вполне обоснованным видится назначение дополнительного вида наказания, такого как лишение права управлять транспортным средством на срок до трех лет, лицу, виновному в совершении преступления, предусмотренного чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, как наказания, аналогичного административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения. В свою очередь, увеличение возможности назначения наказания в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, относительно аналогичных преступлений, предусмотренных чч. 1, 3, 5 ст. 264 УК РФ, как уголовного наказания, которое назначается исключительно за общественно опасные деяния или общественно опасные последст-

твия, по нашему мнению, идет вразрез с теорией уголовной ответственности.

Полагаем, что такое решение законодателя обусловлено стремлением реализовать предупредительную цель уголовного наказания, минимизировать количество дорожно-транспортных происшествий по вине лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения. Реализация превенции нарушения правил дорожного движения путем установления более строгого наказания хорошо зарекомендовала себя в административном законодательстве. Увеличение штрафных санкций и установление более строгих видов наказаний за совершение ряда административных правонарушений привели к уменьшению нарушений правил дорожного движения в этой части. Однако данный метод действителен для составов правонарушений с формальной конструкцией объективной стороны и умышленной формой вины.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, характеризуется виной в форме неосторожности в виде легкомыслия или небрежности. Применительно к чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ вина в форме легкомыслия выражается в том, что лицо, находящееся в состоянии опьянения, осознает, что управляет транспортным средством в нарушение правил дорожного движения, предвидит абстрактную возможность совершения дорожно-транспортного происшествия и причинения вследствие этого тяжкого вреда здоровью или смерти человеку, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий. Таким образом, данное лицо самонадеянно рассчитывает и на то, что уголовной ответственности не последует. При таких обстоятельствах предупредительная функция малоэффективна.

Сложно не согласиться с тем, что состояние опьянения лица, управляющего транспортным средством, зачастую становится причиной дорожно-транспортных преступлений, приводит к крупному материальному ущербу, причинению вреда здоровью человека и смерти. Как справедливо отмечается в литературе, «любое состояние опьянения водителя опасно и должно расцениваться как умышленное создание аварийной обстановки» [4, с. 61]. В сложившейся ситуации следует констатировать, что управление автомобилем, трамваем либо другим меха-

ническим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, является общественно опасным и требует мер уголовно-правового реагирования.

Состав преступления, предусматривающий ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, по конструкции объективной стороны необходимо сформулировать как формальный с умышленной формой вины, что позволит, в свою очередь, реализовать предупредительную функцию уголовной ответственности.

Относительно влияния степени опьянения на степень общественной опасности считаем возможным придерживаться позиции законодателя, существующей на данный момент, а именно: общественно опасным является управление транспортным средством в состоянии опьянения любой степени. Вместе с тем в целях минимизации ошибок правоприменителя в этой части, вызванных погрешностями измерительных приборов, необходимо сохранить регламентированную правовую позицию: «Факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха»*.

На основании вышеизложенного предлагается признать утратившими силу чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ и дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 264.1:

Статья 264.1. Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения

Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным

* Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством: постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. N 475 // Рос. газ. 2008. 2 июля.

средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, —

наказывается...

Статью 12.8 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

Статья 12.8. Передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения

1. Передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, —

влечет наложение административного штрафа в размере тридцати тысяч руб-

лей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет.

2. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, —

влечет наложение административного штрафа в размере пятидесяти тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок три года.

Список литературы

1. Никитин Е.В., Пашнин А.Н. Основные направления совершенствования виктимологической профилактики автотранспортных преступлений // Проблемы современного российского законодательства: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 18 октября 2012 г.): в 2 ч. Ч. 1. М.; Иркутск: РПА Минюста России, 2012. С. 287-291.

2. Кокорин Д.Л., Токарев Д.С. К вопросу об уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба вследствие дорожно-транспортного происшествия // Совершенствование деятельности по расследованию дорожно-транспортных преступлений: материалы всерос. науч.-практ. конф. в режиме видеоконференцсвязи, г. Тюмень, 6 сентября 2012 г. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. С. 13-16.

3. Иманов Д.Ф. Проблема дифференциации уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Закон и право. 2013. N 2. С. 84-87.

4. Маслов И.И. Состояние опьянения как признак, дифференцирующий уголовную ответственность // Юридическая наука. 2011. N 3. С. 57-62.

References

1. Nikitin E.V., Pashnin A.N. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya viktimologicheskoy profilaktiki avtotransportnykh prestupleniy* [Main directions of improvement of viktimologicheskoy prevention of motor transportation crimes]. *Problemy sovremennogo rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of the modern Russian legislation. In 2 parts. Part 1]. Moscow; Irkutsk, 2012. Pp. 287-291.

2. Kokorin D.L., Tokarev D.S. *K voprosu ob ugovolnoy otvetstvennosti za prichinenie imushchestvennogo ushcherba vsledstvie dorozhno-transportnogo proisshestiya* [To a question of criminal liability for causing property damage owing to road accident]. *Sovershenstvovanie deyatel'nosti po rassledovaniyu dorozhno-transportnykh prestupleniy* [Improvement of activities for investigation of road and transport crimes]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2012. Pp. 13-16.

3. Imanov D.F. *Problema differentsiatsii ugovolnoy otvetstvennosti za narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv* [Problem of differentiation of criminal liability for violations of the rules of traffic and operation of vehicles]. *Zakon i pravo* – Law and Legislation, 2013, no. 2, pp. 84-87.

4. Maslov I.I. *Sostoyaniye op'yaneniya kak priznak, differentsiruyushchiy ugovolnuyu otvetstvennost'* [A state of intoxication as the sign differentiating criminal liability]. *Yuridicheskaya nauka* – Legal Science, 2011, no. 3, pp. 57-62.

БАБУРИН В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
vvbaburin@mail.ru
Кафедра уголовного права;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7

BABURIN V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
vvbaburin@mail.ru
Chair of criminal law;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ХОМЕНКО А.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
an.homenko65@mail.ru
Кафедра уголовно-правовых дисциплин;
Сибирский институт бизнеса
и информационных технологий,
644116, г. Омск, 24-я Северная, 196/1

KHOMENKO A.N.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
an.homenko65@mail.ru
Chair of criminal law disciplines;
Siberian institute of business
and information technologies,
The 24th Severnaya St. 196/1, Omsk, 644116,
Russian Federation

ЧЕРЕМНОВА Н.А.,
кандидат юридических наук,
zeremnowa@list.ru
Кафедра уголовного права;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7

CHEREMNOVA N.A.,
Candidate of Legal Sciences,
zeremnowa@list.ru
Chair of criminal law;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ПРИЧИНИВШИХ ВРЕД ЛИЦУ, СОВЕРШИВШЕМУ ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА, ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ

Реферат. Рассматриваются казусы судебной практики с участием сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред лицу, совершившему захват заложника, при его задержании. Проводится отграничение института причинения вреда при задержании правонарушителя от других обстоятельств, исключающих преступность деяния, определяются его пределы. Учитывая экстремальную обстановку задержания и повышенную общественную опасность виновного в захвате заложника, его нежелание добровольно сдаться, авторы допускают правомерное причинение ему тяжкого вреда здоровью, а также смерти по неосторожности в результате применения сотрудниками правоохранительных органов огнестрельного оружия. Решение вопроса о правомерности причинения вреда зависит от наличия оснований для его причинения, его соответствия обстановке и опасности деяния. Характер мер задержания определяется тяжестью (тяжкое, особо тяжкое) деяния и должен соответствовать обстановке и поведению задерживаемого. Если до начала силовых действий лицо добровольно освобождает заложников и сдается властям (не сопротивляется в ходе задержания), то основания применения ст. 38 УК РФ отсутствуют. Законное причинение вреда виновному в захвате заложников возможно тогда, когда он после оказания интенсивного вооруженного сопротивления (агрессивного поведения) самостоятельно пытается скрыться с места удержания заложников, не реагируя на предупредительные меры сотрудников правопорядка. Резюмируется, что начальным моментом правомерных действий, предусмотренных ст. 38 УК РФ, является одновременное прекращение террористом криминального противостояния органам власти и удержания захваченных им лиц с последующей попыткой скрыться с места происшествия. Моментом окончания является его нейтрализация и задержание (с возможностью причинения физического вреда).

Ключевые слова: причинение вреда, задержание правонарушителя, захват заложников, правомерность.

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF THE ACTIONS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS HAVING INJURED THE PERSON WHO COMMITTED THE HOSTAGE-TAKING DURING HIS APPREHENSION

Abstract. The judicial practice incidents involving law enforcement officers having injured the person who committed the hostage-taking during his apprehension are examined. The institute of injury during the offender's arrest is delimited from other circumstances excluding criminality, its limits are defined. Considering the extreme circumstances of apprehension, social danger of the offender and his reluctance to voluntarily surrender, the authors admit the lawful infliction of grievous bodily harm and death by negligence resulting from the use of firearms by law enforcement officers. The decision on the injury lawfulness depends on the existence of grounds for its causing, its compliance with the situation and danger of the act. The nature of the apprehension measures is determined by the offence gravity and should conform to the situation and the offender's behavior. If a person voluntarily releases the hostages and surrenders to the authorities prior to the use of force (doesn't resist during arrest), there're no grounds for applying Article 38 of the RF Criminal Code. Lawful causing harm to a person guilty of hostage-taking is possible if he tries to escape from the place of holding hostages after intensive armed resistance, not reacting to police preventive measures. It's summarized that the initial moment of lawful actions provided by Article 38 of the RF Criminal Code is the simultaneous cessation of terrorist's criminal confrontation with the authorities and holding hostages followed by an attempt to escape from the crime scene. The final moment is his neutralization and apprehension (including possibility of causing physical harm).

Keywords: harm-doing (injury), apprehension of the offender, hostage-taking, lawfulness.

Общественная опасность захвата заложника связана с тем, что в процессе пресечения данного преступления часто неизбежно применение силового способа освобождения заложника, что может влечь причинение вреда правоохраняемым интересам. Большое значение в данном процессе имеет определение законных оснований и условий, которые в полной мере свидетельствовали бы о правомерности действий сотрудников правоохранительных органов по освобождению заложников, в том числе и в случаях причинения вреда.

Действия в рамках обстоятельства, исключаящего преступность деяния, предусмотренного ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление», в условиях проведения специальной операции по освобождению заложников в ряде случаев может перерасти в необходимую оборону. Во время силового освобождения виновные оказывают активное сопротивление группе захвата, выражающееся в посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников данного подразделения. В связи с этим у лиц, задерживающих виновного, возникает право на необходимую оборону [1, с. 25].

Для данной ситуации показателен следующий пример. В период с 19 по 21 апреля 2002 г. К., находящийся в розыске за совершение тяжкого преступления, скрывался в одной из квартир г. Омска. Квартира была взята под скрытое наблюдение сотрудниками специального отряда быстрого реагирования криминальной милиции (СОБР КМ) при УВД Омской области. 21 апреля 2002 г. примерно в 9 ч 30 мин К., удерживая в руках пистолет

и гранату, готовую к взрыву, закрываясь заложницей, вышел из квартиры. Он тут же был окружен полукольцом сотрудников указанного подразделения, которые стали вытеснять его в безлюдное место, предлагая сдаться. Возле дома К., угрожая взрывом гранаты, стал отходить назад, однако поскользнулся и начал падать. Тогда он отпустил заложницу и выстрелил один раз из пистолета. Приблизившись к нему, сотрудники милиции оттащили женщину в сторону и произвели несколько выстрелов по пытавшемуся выстрелить в них К. Через несколько секунд произошел взрыв выпавшей из рук задерживаемого гранаты. В результате виновный скончался на месте происшествия. В больницу с телесными повреждениями доставлены заложница и три сотрудника милиции. Один из них скончался в больнице. В соответствии с пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 15 Закона РФ «О милиции» действия сотрудников СОБРа в данной ситуации были признаны следствием законными и обоснованными*.

Вышеизложенная ситуация задержания лица, совершившего преступление, с причинением ему вреда, должна оцениваться по условиям необходимой обороны, так как сотрудникам оказывалось активное сопротивление, связанное с непосредственной угрозой для их жизни и здоровья. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» дано сле-

* Уголовное дело N 801243 // Архив Омской городской прокуратуры за 2002 г.

дующее разъяснение подобных ситуаций: «Если в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, в том числе сопряженное с насилием, опасным для жизни задерживаемого его лица или иных лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне (статья 37 УК РФ)»*.

Вместе с тем данная обстановка позволяет вести речь о возможности конкуренции обстоятельств, исключающих преступность деяния, если для задержания применяются такие способы и средства, в результате применения которых могут пострадать заложник и люди, участвующие в задержании [2, с. 121].

При необходимой обороне или задержании лица, совершившего преступление, недопустимо причинение вреда третьим лицам. В случае, когда при освобождении заложников вред причиняется охраняемым уголовным законом интересам третьих лиц, содеянное в зависимости от конкретных обстоятельств может оцениваться как правомерное причинение вреда по основаниям, предусмотренным статьями 39, 41 или 42 УК РФ, как невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ) либо как умышленное или неосторожное преступление**.

Несмотря на разные положения уголовно-правовых норм, предусмотренных ст.ст. 37 и 38 УК РФ, обстоятельства, исключающие преступность деяния, в целом направлены на пресечение противоправного сопротивления лица, совершившего ранее общественно опасное деяние и пытающегося избежать уголовного преследования за содеянное им (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Справедлив в этом отношении вывод В.П. Барчукова о том, что состав уголовно-правового задержания складывается из совокупности объективных и субъективных признаков правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, которые отличают эти действия от аналогичных институтов необходимой обороны и крайней необходимости,

* Рос. газ. 2012. 3 окт.

** См. постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19.

а также от неправомерного поведения в данных ситуациях [3, с. 23]. Данный подход раскрывается в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года N 19: «Действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред посягнутому лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом. В таких случаях в зависимости от конкретных обстоятельств дела причинение вреда посягнутому лицу может оцениваться по правилам статьи 38 УК РФ либо оборонявшееся лицо подлежит ответственности на общих основаниях». Таким образом, задержание лица, совершившего преступление, в целях доставления его в органы власти выступает одним из самостоятельных средств обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и пресечения совершения им новых преступлений.

Верную позицию по вопросу определения института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, занимает О.В. Кондрашова, которая указывает, что данный институт образует самостоятельное, имеющее собственные цели, функции обстоятельство, исключающее преступность деяния, которое характеризуется совокупностью специфических признаков. Причинение вреда как институт — это совокупность взаимосвязанных условий, определяющих социальную полезность и правомерность действий по причинению вреда [4, с. 41]. В.А. Ишмухаметова идет дальше и предлагает рассматривать данный институт не с позиций условий, а с позиций действия по причинению вреда, имеющего свой состав правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление [5, с. 220].

Самостоятельный анализ правомерности причинения вреда при задержании лиц, совершивших общественно опасное деяние, в том числе и предусмотренное ст. 206 УК РФ, требуется лишь в тех случаях, когда задерживаемый не является активной, нападающей стороной, а пытается уклониться от задержания [6, с. 349]. При этом институт задержания имеет своей целью доставление виновного органам власти и пресечение возможности совершения им

в последующем новых посягательств (ч. 1 ст. 38 УК РФ). Вред, причиненный в ходе задержания, выступает в качестве средства достижения указанной цели. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 разъясняет, что при разрешении вопроса о правомерности причинения вреда в ходе задержания лица, совершившего преступление, судам необходимо выяснять обстоятельства, свидетельствующие о невозможности иными средствами задержать такое лицо.

Правильное разграничение превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, и пределов необходимой обороны имеет большое значение, поскольку первое преступление более тяжкое, чем второе. Причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания, является преступлением, а причинение такого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны уголовно ненаказуемо [7, с. 38].

В уголовном законе пределы вреда, причиняемого при задержании, определены следующим образом. С одной стороны, допустимый причиняемый вред определяется характером и степенью общественной опасности содеянного без требования меньшего вреда (как и при необходимой обороне). С другой стороны, размер вреда поставлен в зависимость от обстоятельств задержания и определяется соображениями целесообразности, чтобы явно чрезмерные меры не принимались без очевидной необходимости, но были вызваны обстановкой [8, с. 517].

Однако обстановка задержания лица, совершившего захват заложника, напрямую влияет на содержание того вреда, который возможно причинить при этих обстоятельствах. В связи с этим при задержании вооруженного лица или лиц, захвативших заложников, причиняемый им вред может быть несколько большим, чем при задержании иных лиц, поскольку в этих случаях имеет место повышенная общественная опасность личности задерживаемых, а также существенно усложняется обстановка задержания. Как отмечают Л.В. Моторин, А.Н. Завьялов и И.А. Ковалев, процесс задержания вооруженного преступника протекает, как правило, в экстремальной ситуации – угроза для жизни, недостаток времени на принятие

решений, непредсказуемость в поведении нарушителя, постоянно меняющаяся обстановка создают огромную психологическую нагрузку для задерживающего [9, с. 244].

В уголовно-правовой литературе вопрос о допустимости причинения смерти лицу при его задержании решается неоднозначно. Одни авторы указывают, что допущение причинения смерти при задержании противоречило бы смыслу данной нормы и указываемым в законе целям задержания (доставление лица органам власти) [10, с. 66]. Другие авторы считают, что допустимо лишение жизни задерживаемого в исключительных обстоятельствах, когда совершенное преступление является особенно общественно опасным и существует риск того, что, скрывшись, лицо продолжит аналогичную по характеру и степени общественной опасности преступную деятельность [11, с. 211].

Как справедливо отмечает С.М. Старых, «виновный не убивает в полном смысле этого слова, он пытается задержать лицо, совершившее преступление, будучи в этом абсолютно уверенным, но допускает эксцесс. Его психическое и физическое состояние в совокупности несет заряд на задержание преступника, а не на лишение его жизни. Это является, по сути, не смягчающим, а оправдывающим обстоятельством, хотя при эксцессе, влекущим ответственность. Такой симбиоз положительных действий, приводящих к негативным последствиям... не позволяет относить данное деяние к числу убийств» [12, с. 18].

Важнейшим условием причинения смерти лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании является состояние вынужденности, которое возникает в результате неповиновения, сопротивления или посягательства задерживаемого лица. Под вынужденностью следует понимать состояние, при котором причинение вреда задерживаемому является единственным и необходимым способом задержания. Его правомерность определяется через сопоставление интенсивности противодействия лица, совершившего преступление, сил, возможностей и средств задерживающего, имевшихся у него в условиях конкретной обстановки задержания [4, с. 15-16].

Учитывая рассматриваемую экстремальную обстановку, повышенную обще-

ственную опасность виновного в захвате заложника и его нежелание добровольной сдачи, вполне допустимо при задержании причинение ему тяжкого вреда здоровью, а также смерти по неосторожности в результате применения сотрудниками правоохранительных органов огнестрельного оружия. В случае умышленного причинения смерти при данных обстоятельствах уголовная ответственность наступает за убийство.

Проиллюстрируем свои рассуждения примером из практической деятельности. Так, при проведении специальной операции по освобождению заложников в 1996 г., когда в зале ожидания станции «Успенская» Северо-Кавказской железной дороги гражданин Украины И., вооруженный взрывным устройством, при попытке его досмотра сотрудниками патрульно-постовой службы, угрожая взорвать себя и окружающих, взял в заложники двух женщин и их малолетних детей, после чего забаррикадировался с ними в помещении вокзала. В ходе переговоров выяснилось, что он хочет добиться освобождения своего незаконно задержанного в Ростове-на-Дону друга. Переговорщикам удалось убедить террориста отпустить заложников в обмен на еду и бутылку коньяка. Оставшись один, И. решил бежать с места происшествия, воспользовавшись уходящим со станции пассажирским поездом. Его, снаряженного взрывным устройством, нельзя было допустить к пассажирскому составу. Сотрудник опергруппы А. Масюта понял замысел террориста и предупредил показавшегося в окне И. голосом и выстрелом из пистолета в воздух. Несмотря на это, террорист выпрыгнул из окна. Тогда Масюта выстрелил в него, в результате чего произошел взрыв, И. погиб. Служебная проверка, проведенная прокуратурой, признала действия А. Масюты правомерными [13, с. 77-78].

Правовой основой действий сотрудников полиции при задержании лиц, захвативших заложников, являются ст. 45, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, положения ст.ст. 37, 38 УК РФ и гл. 5 Федерального закона «О полиции»*.

При этом, как разъясняет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19, не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим

оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением установленного действующим законодательством порядка их применения, если исходя из конкретной обстановки применение указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия.

Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задержанным лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Это влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, подлежит квалификации по ч. 2 ст. 108 УК РФ и в тех случаях, когда оно сопряжено с обстоятельствами, предусмотренными в пунктах «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ**.

В связи с этим для решения вопроса о правомерности причинения вреда виновному необходимо сначала установить основания для этого, затем уяснить, будет ли соответствовать причиненный вред обстановке и опасности совершенного деяния. Только тогда можно судить о законности или неправомерности вынужденной акции, о наличии обстоятельства, исключающего преступность деяния, или о превышении мер, необходимых для задержания виновного либо даже о совершенном умышленном преступлении против личности [14, с. 185].

Как отмечалось выше, институт задержания лица, захватившего заложника, распространяется на те случаи, когда правонарушитель уже совершил общественно опасное посягательство, пытается избежать задержания и не прикрывается своей жертвой. Так, 14 марта 2013 г. К., бывшим снайпером спецназа, ранее судимым за кражу, в Волго-Каспийском рыбопромышленном колледже г. Астрахани был совершен захват четырех заложников

** Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19.

* Рос. газ. 2011. 8 февр.

— двух учащихся, одного преподавателя и работника охраны. В результате двухчасовых переговоров с захватчиком была освобождена преподаватель английского языка. Освобожденная женщина рассказала руководству специальной операции, что у захватчика есть черный блестящий пистолет и коробка, которую он угрожает взорвать. В ходе дальнейших переговоров К. потребовал внедорожник и 50 тысяч рублей, пообещав позже выдвинуть дополнительные требования. После этого было принято решение о его задержании. В момент, когда девушки попросили разрешения выйти в туалет, захватчик потерял бдительность и замешкался у дверей. В этой обстановке слаженными действиями группы захвата было проведено задержание К. При себе виновный имел муляжи пистолета и взрывного устройства*.

В приведенном примере сотрудники правоохранительных органов находились в состоянии пресечения преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, так как лицо, совершившее это деяние, удерживало заложников и, следовательно, продолжало совершать данное общественно опасное посягательство, и поэтому обстановка соответствовала условиям необходимой обороны. Однако когда виновный потерял контроль над своими жертвами и практически остался один, сложились реальные условия действий по правилам задержания лица, совершившего захват заложников.

Таким образом, рассмотрев условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего захват за-

ложника, следует отметить, что характер мер по задержанию, во-первых, определяется совершением тяжкого (особо тяжкого) деяния, а во-вторых, должен соответствовать обстановке и поведению задерживаемого. Если данное лицо еще до начала силовых действий правоохранительных органов добровольно освобождает заложников и сдается властям или уже в ходе указанных действий не оказывает сопротивления, то в этих случаях практически отсутствует основание применения правил, предусмотренных ст. 38 УК РФ. В рассматриваемой ситуации обоснованное уголовно-правовое причинение вреда виновному в захвате заложников будет иметь место только в тех случаях, когда это лицо после оказания интенсивного вооруженного сопротивления (агрессивного поведения) самостоятельно попытается скрыться с места удержания заложников, не реагируя при этом на принятые предупредительные меры со стороны сотрудников спецподразделений.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что начальным моментом правомерных действий, предусмотренных ст. 38 УК РФ, следует считать одновременное прекращение террористом криминального противостояния органам власти и удержания захваченных им лиц с последующей попыткой скрыться с места происшествия, а моментом окончания — его нейтрализация, задержание (здесь возможно причинение ему физического вреда) с целью доставления в правоохранительные органы для последующего уголовного преследования.

* Рос. газ. 2013. 16 марта.

Список литературы

1. Орешкина Т. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Уголовное право. 2013. N 2. С. 23-28.
2. Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб., 2005. 281 с.
3. Барчуков В.П. Уголовно-правовой институт задержания преступника и практика его применения органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 25 с.
4. Кондрашова О.В. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 211 с.
5. Ишмухаметова В.А. Состав правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2014. N 2 (39). С. 218-223.
6. Кондрашов Б.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции». М., 2003. 428 с.
7. Степалин В.В. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ о необходимой обороне // Уголовный процесс. 2012. N 11. С. 52-59.

8. Никуленко А.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании (ст. 38 УК РФ) // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. С.А. Полякова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014.

9. Моторин Л.В., Завьялов А.Н., Ковалев И.А. Современные подходы к формированию умений и навыков при задержании преступников // Современные подходы к подготовке кадров для органов внутренних дел: тез. восьмой межвуз. науч.-метод. конф. Иркутск, 2003.

10. Никуленко А.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. N 2. С. 64-70.

11. Береснев П.А. Основание причинения вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф., 25-26 янв. 2007 г. М., 2007. С. 210-213.

12. Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.

13. Мицкевич-Черновол С. Рикошет, или еще раз о терроризме // Закон и право. 2004. N 11. С. 77-79.

14. Сныткин Р.И. Теоретические проблемы определения целей правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Московского университета МВД России. 2011. N 4. С. 185-188.

References

1. Oreshkina T. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 sentyabrya 2012 g. N 19 "O primeneniі sudami zakonodatel'stva o neobkhodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie"* [Plenum of the Supreme Court on September 27, 2012 N 19 "On the application of legislation on self-defense, and damage resulting from the arrest of the offender"]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2013, no. 2, pp. 23-28.

2. Smirnova L.N. *Ugolovno-pravovoe regulirovanie zaderzhaniya litsa, sovershivshego prestuplenie* [Criminal legal regulation of detention of the person who committed the crime]. St. Petersburg, 2005. 281 p.

3. Barchukov V.P. *Ugolovno-pravovoy institut zaderzhaniya prestupnika i praktika ego primeneniya organami vnutrennikh del. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal law institute criminal detention and practice internal affairs bodies. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1991. 25 p.

4. Kondrashova O.V. *Ugolovno-pravovaya otsenka prichineniya vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego obshchestvenno opasnoe posyagatel'stvo. Kand. Diss.* [Criminal legal evaluation of harm at detention of the person who committed socially dangerous encroachment. Cand. Diss.]. Tyumen, 2004. 211 p.

5. Ishmukhametova V.A. *Sostav pravomernogo prichineniya vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie* [Composition legitimate harm during the arrest of the perpetrator]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo – Herald of the University of Omsk. Series: Right*, 2014, no. 2 (39), pp. 218-223.

6. Kondrashov B.P., Solovey Yu.P., Chernikov V.V. *Kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii «O militsii»* [Commentary on the Law of the Russian Federation "On Militia"]. Moscow, 2003. 428 p.

7. Stepalin V.V. *Kommentariy k postanovleniyu Plenuma VS RF o neobkhodimoy oborone* [Comments to the Resolution of the Supreme Court Plenum of the necessary defense]. *Ugolovnyy protsess – Criminal proceedings*, 2012, no. 11, pp. 52-59.

8. Nikulenko A.V. *Usloviya pravomernosti prichineniya vreda pri zaderzhanii (st. 38 UKRF)* [Terms legality of harm at detention (Art. 38 of the Criminal Code)]. *Problemy pravovogo obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva* [Problems of legal security of individuals, society and the state]. Novosibirsk, 2014.

9. Motorin L.V., Zav'yalov A.N., Kovalev I.A. *Sovremennye podkhody k formirovaniyu umeniy i navykov pri zaderzhanii prestupnikov* [Modern approaches to the formation of skills during the arrest of criminals]. *Sovremennye podkhody k podgotovke kadrov dlya organov vnutrennikh del* [Current approaches to training for law enforcement agencies]. Irkutsk, 2003.

10. Nikulenko A.V. *Usloviya pravomernosti prichineniya vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie, v otechestvennom i zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve* [Terms legality of harm at detention of the person who committed the crime of domestic and foreign -criminal law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Herald of St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia*, 2009, no. 2, pp 64-70.

11. Beresnev P.A. *Osnovanie prichineniya vreda litsu, sovershivshemu obshchestvenno opasnoe deyanie, pri ego zaderzhanii* [The base of harming the person who committed socially dangerous act, when his detention]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the XXI century]. Moscow, 2007. Pp. 210-213.

12. Starykh S.M. *Otvetstvennost' za ubiystvo pri prevyshenii mer, neobkhodimyykh dlya zaderzhaniya litsa, sovershivshego prestuplenie. Avtoref. Kand. Diss.* [Responsible for the killing in excess of measures necessary to apprehend the perpetrator. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 24 p.

13. Mitskevich-Chernovol S. *Rikoshet, ili eshche raz o terrorizme* [Ricochet, or again about terrorism]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*, 2004, no. 11, pp. 77-79.

14. Snytkin R.I. *Teoreticheskie problemy opredeleniya tseyey pravomernogo prichineniya vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie* [Theoretical problems of definition of the purposes of legitimate harm during the arrest of the perpetrator]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Herald of Moscow University Russian Interior Ministry*, 2011, no. 4, pp. 185-188.

НАМНЯСЕВА В.В., кандидат юридических наук, доцент, namn.viktoriya@yandex.ru
Кафедра уголовного права; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, Историческая, 130

NAMNYASEVA V.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, namn.viktoriya@yandex.ru
Chair of Criminal Law; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКАЗ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

Реферат. Исследуются проблемные вопросы ответственности за преступление, предусмотренное ст. 308 УК РФ. Констатируется его повышенная латентность, усложняющая борьбу с ним. Количество отказов и уклонения граждан от участия в судопроизводстве возрастает при том, что норма, предусмотренная ст. 308 УК РФ, реализуется редко. Обозначаются трудности на пути ее применения: бланкетный характер диспозиции, дефекты толкования объективных и субъективных признаков состава преступления. Оценивается целесообразность изменений, внесенных в ст. 308 УК РФ в 2013 году. В связи с установлением уголовной ответственности за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования предлагается дополнить ст. 179 УПК РФ указанием на возможность производства принудительного освидетельствования, связанного с правомерным физическим воздействием, только в отношении подозреваемого и обвиняемого. Исследуются объективные и субъективные признаки состава преступления. Обосновывается, что рассматриваемое преступление совершается только путем бездействия. Уклонение от явки по вызову лиц, осуществляющих предварительное расследование, или в судебное заседание не может рассматриваться как одна из форм отказа от дачи показаний. Участники процесса должны быть предупреждены об ответственности за отказ или уклонение от выполнения соответствующих процессуальных обязанностей. Нарушение этой процедуры не исключает ответственности по ст. 308 УК РФ. Не влияют на квалификацию рассматриваемого преступления цели и мотивы его совершения. Предлагаются критерии отграничения отказа от дачи показаний от смежных составов, в частности, от преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Анализируются проблемы, возникающие при квалификации рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: правосудие, участники уголовного судопроизводства, отказ от дачи показаний, уклонение, уголовная ответственность, свидетель, потерпевший.

PROBLEMATIC ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR REFUSAL TO TESTIFY

Abstract. The problematic issues of liability for crime under Article 308 of the RF Criminal Code are examined. Its higher latency complicating the fight against it is stated. The number of citizens refusing and evading participation in criminal proceedings is increasing, moreover, the rule provided by the above-mentioned Article, is rarely implemented. The problems of this rule application are denoted: blanket nature of disposition, defects of interpretation of objective and subjective elements of crime. The expediency of amending Article 308 of the RF Criminal Code in 2013 is estimated. Due to establishing the criminal liability for evasion of examination by the victim, it's proposed to amend Article 179 of the RF Criminal Procedure Code, indicating the possibility to conduct compulsory examination connected with lawful physical coercion regarding a suspect and the accused. Objective and subjective elements of crime are investigated. It's proved that the analyzed crime is committed only by omission. Evading court appearance when called on by people carrying out preliminary investigation can't be considered as a form of refusal to testify. Participants in criminal proceedings should be warned about the responsibility for refusal or evasion to perform their procedural duties. Violation of this procedure doesn't exclude the liability under Article 308 of the RF Criminal Code. Objectives and motives of committing the analyzed crime don't affect its qualification. The criteria for distinguishing refusal to testify from related crimes are proposed, particularly from crime under Article 307 of the RF Criminal Code. The problems concerning the qualification of the analyzed crime are considered.

Keywords: justice, participants in criminal proceedings, refusal to testify, evasion, criminal liability, witness, victim.

В настоящее время случаи отказа и уклонения граждан от участия в судопроизводстве становятся все более и более распространенными. Растет недоверие к правоохранительным органам и обеспокоенность тем, что государство не может защитить права своих граждан. Это объясняется следующим. Во-первых, на лиц, содействующих правоохранительным органам, и их близких оказывается противоправное воздействие со стороны обвиняемых, их защитников, соучастников и друзей, а принимаемые государством меры защиты явно недостаточны, чтобы в полной мере предотвратить или пресечь это воздействие. Во-вторых, из средств массовой информации граждане постоянно узнают о незаконных действиях, вплоть до применения насилия, со стороны следователей всех ведомств, дознавателей, сотрудников уголовного розыска, исправительных учреждений.

Таким образом, в настоящее время сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, в силу ряда причин у участников уголовного процесса есть реальные основания опасаться за свою безопасность и безопасность своих близких в случае добросовестного выполнения возложенных на них процессуальных обязанностей и сомневаться в способности государства в полной мере защитить их интересы. С другой стороны, государство не предоставляет свидетелям (а в большинстве случаев и потерпевшим) право выбора — участвовать или не участвовать в процессе. В уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). Федеральным законом от 28 декабря 2013 года N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»* была установлена также уголовная ответственность за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

В доктрине уголовного права отношение к существованию нормы, предус-

мотренной ст. 308 УК РФ, неоднозначно. Отдельные авторы предлагают решить данную проблему с позиций приоритета прав и интересов личности в уголовном процессе по отношению к интересам правосудия. Они полагают, что отсутствие реальных возможностей защитить законопослушных граждан — участников процесса — лишает государство морального права привлекать их к ответственности, так как оно не может реализовать их право на защиту; в условиях, когда потерпевшему и свидетелю не гарантируется безопасность в связи с их содействием расследованию, они должны быть наделены правом альтернативы — давать показания или отказаться от их дачи [1, с. 105]. Л.В. Лобанова в качестве дополнительных аргументов декриминализации отказа от дачи показаний ссылается на редкое применение нормы, предусмотренной ст. 308 УК РФ, отсутствие, как правило, существенного вреда для интересов правосудия и зарубежный опыт (данная норма не предусмотрена в законодательстве многих государств) [2, с. 167-169].

Действительно, норма, предусмотренная ст. 308 УК РФ, применяется достаточно редко. Так, в соответствии со статистическими данными ГИАЦ МВД России о состоянии преступности, в течение последних восемнадцати лет (с момента вступления в силу УК РФ) в России ежегодно регистрировалось анализируемых преступлений: в 1997 г. — 88, что составило 1,3 % от всех зарегистрированных преступлений против правосудия, в 1998 г. — 111 (1,7 %), в 1999 г. — 104 (1,6 %), в 2000 г. — 67 (1,2 %), в 2001 г. 83 (1,4 %), в 2002 г. — 72 (1,3 %), в 2003 г. — 108 (1,7 %), в 2004 г. — 127 (1,5 %), в 2005 г. — 174 (1,5 %), в 2006 г. — 216 (1 %), в 2007 г. — 136 (1,0 %), в 2008 г. — 120 (0,9 %), в 2009 г. — 98 (0,7 %), в 2010 г. — 100 (0,8 %), в 2011 г. — 83 (0,7 %), в 2012 г. — 74 (0,6 %), в 2013 г. — 57 (0,5 %), а в 2014 г. — 66 (0,5 %)**.

Однако, на наш взгляд, официальные статистические данные не отражают реального положения дел. Рассматриваемое преступление обладает повышенной латентностью, что негативно сказывается на борьбе с данным

** Нами приведены цифровые данные из ежегодных статистических сборников «Состояние преступности в России» за 1997-2014 гг., подготовленных ГИАЦ МВД России.

* Рос. газ. 2013. 30 дек.

явлением. Да и сам факт редкого применения нормы – не повод для декриминализации.

Комментируя нововведения, предусмотренные Федеральным законом от 28 декабря 2013 года N 432-ФЗ, ряд авторов указывает, что расширение оснований для привлечения потерпевшего к уголовной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей является неоправданным*. А.А. Бозов, в целом положительно оценивая значительное расширение прав потерпевших, предусмотренное данным нормативным правовым актом, называет новую редакцию ст. 308 УК РФ «...ложкой дегтя, доставшейся самим потерпевшим»**.

Анализируя поправки, внесенные в ст. 42 УПК РФ и ст. 308 УК РФ, необходимо отметить следующее. С одной стороны, уклонение потерпевшего от выполнения соответствующих процессуальных обязанностей препятствует производству предварительного расследования и осуществлению правосудия, установлению истины по делу, может привести к нарушению принципа неотвратимости ответственности, осуждению невиновных и другим негативным последствиям. Учитывая вышеизложенное, цель нововведений благая – обеспечение охраны интересов правосудия.

Но есть и другая сторона. На наш взгляд, после дополнения ст. 42 УПК РФ указанием на то, что потерпевший под угрозой уголовной ответственности не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от представления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования, и внесения соответствующих изменений в ст. 308 УК РФ, ситуация сложилась достаточно парадоксальная. В ст. 179 УПК РФ никаких изменений внесено не было. Воз-

можность проведения принудительного освидетельствования не только подозреваемого и обвиняемого, но и потерпевшего, обусловленная закрепленным в ч. 2 ст. 179 УПК РФ положением об обязательности для освидетельствуемого лица постановления следователя о производстве данного следственного действия, сохранена.

Смоделируем следующую ситуацию. Следователь выносит постановление о производстве освидетельствования потерпевшего и предупреждает его об уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ в случае уклонения. Потерпевший, несмотря на предупреждение, категорически отказывается от прохождения освидетельствования (состав, предусмотренный ст. 308 УК РФ, сформулирован как формальный, и преступление окончено в момент уклонения независимо от наступления последствий). После этого освидетельствование проводится принудительно. А потом потерпевший привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ. Абсурдно? Цинично по отношению к потерпевшему? – Конечно, да. Однако формально закону не противоречит...

Полагаем, что одним из возможных вариантов решения проблемы было бы дополнение ст. 179 УПК РФ указанием на возможность производства принудительного освидетельствования, связанного с правомерным физическим воздействием, только в отношении подозреваемого и обвиняемого. В этом случае допустимыми методами воздействия на потерпевшего будут являться: во-первых, убеждение, заключающееся в разъяснении потерпевшему необходимости проведения освидетельствования, его значимости для проведения расследования и привлечения виновного к уголовной ответственности; а во-вторых, принуждение, заключающееся в предупреждении потерпевшего об уголовной ответственности за уклонение от освидетельствования. Вышеизложенное применимо и к производству судебной экспертизы.

Вопрос о возможности принудительного освидетельствования потерпевшего и его ответственности за отказ от освидетельствования давно уже является предметом научных споров. Некоторые авторы категоричны: принудительное освидетель-

* Как сделать из потерпевшего обвиняемого [Электронный ресурс]. URL: <http://lev-levinson.livejournal.com/18876.html> (дата обращения: 28 февр. 2014 г.).

** Бозов А.А. Обзор изменений в УК РФ и УПК РФ [Электронный ресурс] // Профессиональное сообщество адвокатов и юристов «Праворуб». URL: <http://pravorub.ru/articles/35368.html> (дата обращения: 28 февр. 2014 г.).

ствование потерпевшего, который является лицом, пострадавшим от преступления, было бы не только незаконной, но и морально недопустимой мерой [3, с. 56, 57]. Исследователи, отвечающие на рассматриваемый вопрос положительно, аргументируют свою позицию целесообразностью: раскрытие преступления и изобличение виновных обладает большей значимостью и большей нравственной ценностью, чем чувства и удобства потерпевшего [4, с. 93]. Некоторые ученые занимают промежуточную позицию: они полагают, что принудительное освидетельствование потерпевших возможно только в исключительных случаях, когда исчерпаны возможности убеждения и другими средствами доказывания установить искомые обстоятельства не представляется возможным [5, с. 25]. Высказывались предложения о необходимости судебного решения для принудительного освидетельствования потерпевших [6, с. 157]; возможности его проведения только по ходатайству обвиняемого в интересах защиты с установлением административной ответственности за отказ потерпевшего подвергнуться освидетельствованию вопреки законному требованию следователя [7, с. 140, 142].

Процессуальное законодательство как в сфере уголовного, так и в сфере гражданского и конституционного судопроизводства возлагает на свидетеля (а применительно к уголовному судопроизводству и на потерпевшего) обязанность отвечать на поставленные вопросы и сообщать известные им сведения по делу. Постановление следователя об освидетельствовании потерпевшего является обязательным. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд случаев, когда производство судебной экспертизы в отношении потерпевшего является обязательным и его согласие при этом не требуется. Следователь и эксперт имеют право получить у потерпевшего образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования. За отказ или уклонение от выполнения соответствующих процессуальных обязанностей предусмотрена уголовная ответственность.

Проанализируем признаки состава преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ. Полагаем, что данное преступление совершается только путем бездействия.

Вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые полагают, что отказ от дачи показаний совершается как путем действия – если субъект заявляет, что не будет давать показания, так и путем бездействия – если свидетель или потерпевший молчат в ответ на заданные вопросы [8, с. 219]. Тем более неприемлема позиция исследователей, которые полагают, что отказ совершается только путем активного действия – устного или письменного сообщения о нежелании давать показания; пассивное уклонение не рассматривается как отказ от дачи показаний [9, с. 34].

Во всех этих случаях с юридической точки зрения лицо бездействует – не выполняет возложенную на него процессуальной законодательством обязанность. Способы отказа могут быть различными – сделанные в устной или письменной форме заявления о нежелании давать показания, молчание в ответ на предложение уполномоченного лица дать показания на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства. Возможен как полный, так и частичный отказ (в случаях, когда лицо не отвечает на некоторые вопросы, отказывается сообщать фактические обстоятельства об отдельных эпизодах дела). При уклонении, какими бы способами* оно не совершалось, речь идет о невыполнении потерпевшим возложенной на него процессуальной обязанности и, следовательно, о бездействии. Уклонение может быть выражено как в прямом отказе совершить необходимые действия (пройти освидетельствование, предоставить образцы для сравнительного исследования), так и в неявке в назначенный срок для их совершения или других деяниях, направленных на неисполнение обязанностей, обусловленных процессуальным статусом потерпевшего.

Для квалификации содеянного как отказа от дачи показаний необходимо, чтобы нежелание давать показания было выражено четко и недвусмысленно. Так, например, приговором мирового судьи судебного участка N 119 Анапского района Краснодарского края П. была признана виновной в совершении преступления,

* Способы уклонения могут быть различными и характеризоваться как совершением определенных действий (скрыться, симулировать болезнь и т.д.), так и бездействием.

предусмотренного ст. 308 УК РФ. Подсудимая, имея прямой умысел на сокрытие обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела, осознавая последствия своих действий, располагая сведениями о противоправных действиях Г. (обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью первой ст. 165 УК РФ), не являясь близкой родственницей обвиняемой Г., в присутствии двух понятых отказалась от дачи показаний в качестве свидетеля по обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу*.

Состав рассматриваемого преступления имеет много общего с лжесвидетельством. Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с разграничением преступлений, предусмотренных ст.ст. 307 и 308 УК РФ, является вопрос о квалификации умолчания об известных участнику процесса обстоятельствах. Некоторые авторы полагают, что умолчание о важных обстоятельствах, препятствующее установлению истины, должно влечь ответственность за дачу ложных показаний путем бездействия – сокрытия обстоятельств, о которых следовало сообщить на допросе. Если же допрашиваемый ложно заявляет, что он ничего не знает о конкретных обстоятельствах, то содеянное следует считать отказом от дачи показаний [10, с. 306, 307]. Не соглашаясь с этим утверждением, ряд авторов полагает, что умолчание в зависимости от конкретной ситуации следует квалифицировать в одних случаях по ст. 307 УК РФ (если умолчание происходит в форме активного речевого действия и допрашиваемый сообщает, что ему ничего не известно об обстоятельствах преступления), а в других – по ст. 308 УК РФ (при бездействии свидетеля в том случае, если он не мог не знать, но умолчал об обстоятельствах преступления при отсутствии соответствующих вопросов) [11, с. 219].

Многие исследователи считают, что бездействие в виде умолчания не может

быть квалифицировано ни как дача заведомо ложных показаний (исходя из формулировки диспозиции нормы, предусмотренной ст. 307 УК РФ), ни как отказ от дачи показаний (поскольку для квалификации содеянного по ст. 308 УК РФ необходимо ясное и категоричное заявление об отказе дать показания). Дачей заведомо ложных показаний можно признать отрицание действительно имевшихся фактов или отрицание того, что лицу известны обстоятельства, подлежащие установлению по делу [12, с. 21, 22; 8, с. 195, 196]. Ряд авторов предлагают дополнить диспозицию ст. 307 УК РФ указанием на умолчание как форму лжесвидетельства [13, с. 9; 14, с. 68, 69].

Полагаем, что именно последняя точка зрения является наиболее правильной. Действительно, можно выделять активную и пассивную форму лжи (последняя характеризуется умолчанием о фактах), но дать показания, т.е. сообщить сведения, путем бездействия невозможно. Отрицание знания о фактических обстоятельствах, известных субъекту, уже представляет собой сообщение ложной информации и поэтому может расцениваться как лжесвидетельство. Эта позиция нашла подтверждение в судебной практике. Верховный Суд Российской Федерации оценил как преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ, действия З., которая во время предварительного следствия давала избобличающие показания в отношении Ладкина и Шимакова, виновных в совершении тяжких преступлений. Однако во время судебного разбирательства З. заявила, что ничего не знает о совершении преступлений указанными лицами [15, с. 89]. Еще раз подчеркнем, что, по нашему мнению, ссылки допрашиваемого на то, что он ничего не знает, не видел, не слышал, не помнит и т.д., должны квалифицироваться по ст. 307 УК РФ как заведомо ложные показания, а не как завуалированный отказ от дачи показаний.

Так, приговором Осинского районного суда Пермского края С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ. Преступление было совершено им при следующих обстоятельствах. С. в ходе предварительного расследования по уголовному делу по обвинению Т. в совершении пре-

* Приговор мирового судьи судебного участка N 119 Анапского района Краснодарского края от 8 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Краснодарского краевого суда. URL: <http://kraevoi.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 7 июня 2013 г.).

ступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, был допрошен следователем в качестве свидетеля и дал показания о том, что Т. рассказал ему о совершенном им преступлении, а именно, что Т. в ходе ссоры с потерпевшим Д. нанес последнему удары ногами по телу.

Затем С., которому были известны обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела, находясь в зале судебного заседания, был надлежащим образом предупрежден судьей об уголовной ответственности по ст.ст. 307, 308 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний. После предложения судьи дать свидетельские показания об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, С., обладая существенными сведениями об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, которые могли повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора, осознавая, что своими действиями существенно препятствует объективному исследованию обстоятельств, установлению истины, что может привести к вынесению неправомерного приговора и тем самым нарушить интересы правосудия, умышленно дал заведомо ложные показания, а именно указал, что Т. ему ничего не говорил и о смерти Д. он ничего не знает.

Суд, оценив доказательства в их совокупности, пришел к убеждению, что вина подсудимого С. в совершении инкриминируемого деяния установлена полностью. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, характеризуется заведомо ложными показаниями свидетеля. Ложность показаний свидетеля заключается в сообщении органам правосудия не соответствующих действительности сведений о фактах и обстоятельствах, относящихся к преступлению. Ложность показаний свидетеля может быть выражена в форме отрицания достоверно известных ему фактов, имеющих (имевших) место в действительности.

Суд первой инстанции при разбирательстве уголовного дела в отношении Т. правомерно положил в основу приговора как одно из доказательств виновности Т. в совершении преступления показания свидетеля С., данные на предварительном следствии, поскольку они соответствуют

требованиям относимости и допустимости. Отрицая же в судебном заседании известные факты и обстоятельства по уголовному делу по обвинению Т., С. лжесвидетельствовал и своими действиями существенно препятствовал объективному исследованию обстоятельств и установлению истины*.

Некоторые авторы полагают, что уклонение от явки по вызову лиц, осуществляющих предварительное расследование, или в судебное заседание следует расценивать как одну из форм отказа от дачи показаний [12, с. 57, 58]. По нашему мнению, подобная позиция не соответствует действующему законодательству. Это становится особенно очевидным при использовании системного, исторического и сравнительно-правового толкования. Большинство исследователей [15, с. 95, 96; 11, с. 226; 10, с. 305, 306; 8, с. 223, 224] обоснованно полагают, что в настоящее время за уклонение свидетеля или потерпевшего от явки по вызову лиц, осуществляющих правосудие или производство предварительного расследования, могут быть применены только меры процессуального принуждения. В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ к свидетелю и потерпевшему могут быть применены обязательство о явке, привод и денежное взыскание.

Еще один дискуссионный вопрос, возникающий при анализе рассматриваемого преступления, – вопрос о том, существуют ли уважительные причины для отказа или уклонения от выполнения соответствующих процессуальных обязанностей. Некоторые авторы полагают, что обязанность сохранять тайну (например, государственную) важнее обязанности давать показания [8, с. 219], тем более что в уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за разглашение определенных видов тайны – государственной, усыновления, личной или семейной и др. Полагаем, что права авторы, считающие интересы правосудия более важными, чем сохранность любой тайны, в том числе государственной. Исключение составляют только абсолютные виды тайны, являющи-

* Приговор Осинского районного суда Пермского края по делу N 1-220/10 от 28 окт. 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Пермского краевого суда. URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/> (дата обращения: 3 июня 2013 г.).

еся в соответствии с процессуальным законодательством основанием для свидетельского иммунитета (адвокатская, депутатская, тайна исповеди) [10, с. 317-320].

По конструкции состав преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ, формальный. Для признания данного преступления оконченным не имеет значения наступление последствий. Момент отказа или уклонения является моментом окончания преступления. Факт отказа или уклонения должен быть зафиксирован в протоколе соответствующего следственного действия или протоколе судебного заседания. Применительно к отказу от дачи показаний для наличия состава рассматриваемого преступления не имеет значения, давались ли потерпевшим или свидетелем показания раньше, были ли они даны впоследствии, в ходе дальнейшего производства предварительного расследования или осуществления правосудия.

На наш взгляд, при системном толковании и сопоставлении особенностей дифференциации ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 307 и 308 УК РФ, выявляется некоторое противоречие. Общественная опасность лжесвидетельства выше, чем отказа от дачи показаний, что подтверждается и сравнительным анализом санкций рассматриваемых норм. Однако в соответствии с примечанием к ст. 307 УК РФ свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или о заведомо неправильном переводе. Полагаем, что в норме, предусмотренной ст. 308 УК РФ, должно быть сформулировано примечание, закрепляющее специальный вид освобождения от уголовной ответственности для лиц, которые после отказа в ходе дальнейшего предварительного расследования или судебного разбирательства до вынесения приговора суда дали правдивые показания.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства (ст.ст. 42, 56 УПК РФ) потерпевший и свидетель не вправе отказываться от дачи показаний; за отказ от дачи показаний они несут ответс-

твенность согласно ст. 308 УК РФ. В соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ потерпевший не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования; за уклонение потерпевший несет ответственность в соответствии со ст. 308 УК РФ. При участии в производстве следственных действий свидетель и потерпевший предупреждаются об ответственности, предусмотренной ст. 308 УК РФ (ст. 164 УПК РФ). Протокол следственного действия должен содержать запись о разъяснении участникам их обязанностей и ответственности, которая удостоверяется подписями участников следственных действий (ст. 166 УПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 70 ГПК РФ за отказ от дачи показаний по мотивам, не предусмотренным федеральным законом, свидетель несет ответственность, предусмотренную уголовным законодательством Российской Федерации. До начала допроса председательствующий разъясняет свидетелю его обязанности и предупреждает об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний. Взятая у свидетеля подписка о разъяснении его обязанностей и ответственности приобщается к протоколу судебного заседания. Свидетелю, не достигшему возраста шестнадцати лет, председательствующий разъясняет обязанность правдиво рассказать все известное ему по делу, но он не предупреждается об ответственности за неправомерный отказ от дачи показаний (ст. 176 ГПК РФ).

Таким образом, участники процесса должны быть предупреждены об ответственности за отказ или уклонение от выполнения соответствующих процессуальных обязанностей. Если эта процедура была нарушена, то ответственность по ст. 308 УК РФ не исключается. Но в доктрине уголовного права высказывалось и иное мнение. Некоторые авторы полагают, что лицо может привлекаться к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ только в тех случаях, когда оно было предупреждено об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и ему было разъяснено, что оно не относится к категории лиц, которые имеют право не

давать показания в соответствии с законом [9, с. 34, 35].

Субъект рассматриваемого преступления специальный — физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее процессуальным статусом потерпевшего или свидетеля. Нести ответственность за уклонение от дачи показаний может только потерпевший.

В настоящее время эксперт не является субъектом отказа от дачи заключения. УК РСФСР 1960 г. предусматривал уголовную ответственность эксперта за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей. В соответствии с действующим законодательством к эксперту за совершение данных деяний могут быть применены меры процессуального принуждения или дисциплинарная ответственность. Полагаем, что такое решение законодателя обусловлено тем, что эксперт (как и переводчик или специалист) не является, в отличие от свидетеля и потерпевшего, участником процесса, которого невозможно заменить. Соответственно, его отказ или уклонение от участия в судопроизводстве не обладает требуемой для преступления степенью общественной опасности.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется прямым умыслом. Данный факт является общепризнанным в юридической литературе. При этом виновный осознает наличие у него обязанности дать показания или принять участие в соответствующих процессуальных действиях, общественную опасность своего поведения и желает отказаться или уклониться от выполнения данной обязанности.

Отсутствие этих составляющих (в частности, заблуждение лица относительно обязанности давать показания, возникшее в силу ошибочного представления о своем процессуальном статусе) означает отсутствие состава рассматриваемого преступления. Так, приговором мирового судьи судебного участка Дзержинского района г. Ярославля Х. осуждена по ст. 308 УК РФ за отказ свидетеля от дачи показаний. Она была признана виновной в том, что 12 апреля 2006 г. по месту жительства в г. Ярославле, являясь свидетелем преступления, отказалась давать показания в отношении лица, совершившего преступление. При этом Х. не обладала свидетельским иммунитетом и не являлась близким

родственником этого лица. Приговором Дзержинского районного суда г. Ярославля от 16 января 2007 г. приговор мирового судьи отменен, Х. оправдана по обвинению ее в совершении преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Ярославского областного суда, обсудив доводы кассационного представления, установила: Х. работала по трудовому договору продавцом в торговой точке, где 28 февраля 2006 г. сотрудники милиции после проведения контрольной закупки изъяли 113 компакт-дисков, которые, согласно справке об исследовании, не соответствовали признакам легитимно изготовленной продукции. Прокуратурой Дзержинского района г. Ярославля в соответствии с ч. 2 ст. 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав) по данному факту было возбуждено уголовное дело.

Не имея юридического образования, никогда ранее не привлекавшаяся к уголовной или административной ответственности, не имея опыта обращения в правоохранительные органы, Х., опасаясь, что ее могут привлечь к уголовной ответственности, обратилась за консультацией к адвокату, который объяснил ей, что она может воспользоваться своим правом в соответствии со ст. 51 Конституции РФ не свидетельствовать против себя.

12 апреля 2006 г. следователь прокуратуры прибыл по месту жительства подсудимой в целях допроса ее в качестве свидетеля, однако не объяснил ей ее правовой статус. Будучи уверена, что ее допрашивают как пособника за соучастие в преступлении, Х. отказалась от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ. Следователь прокуратуры пригласил понятых, чтобы зафиксировать отказ Х. от дачи показаний. Затем на лестничной площадке в присутствии понятых, не разъяснив ей ее права, составил протокол допроса свидетеля Х., в котором зафиксировал ее отказ от дачи показаний.

Суд апелляционной инстанции, исследовав доказательства, пришел к выводу об отсутствии прямого умысла Х. на совершение преступления, поскольку ее отказ от дачи показаний был связан с желанием воспользоваться своим правом и не давать показаний против себя, а не преследовал цели скрыть информацию, имеющую су-

щественное значение для расследования возбужденного уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Ярославского областного суда согласилась с выводами апелляционной инстанции о том, что суд первой инстанции ошибочно пришел к выводу о наличии в действиях Х. признаков преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ, при этом суд ошибочно усмотрел субъективную сторону преступления в виде прямого умысла в действиях Х. при отказе от дачи показаний*.

Не влияют на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ, цели и мотивы его совершения. В подавляющем большинстве случаев целью отказа от дачи показаний является помощь обвиняемому (подозреваемому, подсудимому). Так, приговором мирового судьи судебного участка № 98 Яковлевского района Приморского края был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ, Р., который в ходе судебного следствия по уголовному делу по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, будучи предупрежденным надлежащим образом об уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний, не имея законных оснований для отказа от дачи показаний, при его допросе в качестве свидетеля умышленно, с целью помочь избежать уголовной ответственности подсудимому Г. либо облегчить его наказание, отказался от дачи показаний**. Наиболее часто встречающиеся мотивы отказа от дачи показаний — желание помочь родственнику, знакомому, сослуживцу; страх перед обвиняемым, боязнь расправы с его стороны или со стороны его знакомых; отрицательное отношение к правоохранительным органам и т.п.

Наиболее распространенные мотивы уклонения от выполнения соответствующи-

щих процессуальных обязанностей могут быть связаны как с нравственными переживаниями потерпевшего (стыдливость, чувство неловкости и т.п.), так и с осознанием им неправомерности или аморальности собственных действий (например, если потерпевший ложно обвиняет кого-либо в совершении преступления, сознательно искажает истину и т.п.).

В соответствии с примечанием к ст. 308 УК РФ лицо не подлежит ответственности за отказ от дачи показаний против самого себя, своего супруга или своих близких родственников. К близким родственникам, согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ, относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

В научной литературе высказывалось мнение о том, что следует признавать супругами и лиц, которые проживают в незарегистрированном (гражданском) браке. Однако большинство авторов полагает, что, несмотря на социальную ценность фактических брачных отношений, примечание к ст. 308 УК РФ применимо лишь по отношению к лицам, брак которых был официально оформлен [15, с. 97; 10, с. 310, 311; 8, с. 224]. Это соответствует положениям ч. 2 ст. 1 Семейного кодекса РФ, в соответствии с которыми в Российской Федерации признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния.

По этому же пути идет и правоприменительная практика. Так, приговором Кропоткинского городского суда Краснодарского края Воронова была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ. Преступление было совершено ею при следующих обстоятельствах: Воронова в ходе допроса в качестве потерпевшей по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, по ее заявлению по факту угрозы убийством, высказанной в ее адрес Евсеевым, будучи предупрежденной об уголовной ответственности за отказ потерпевшего от дачи показаний и обладая информацией, необходимой для сбора доказательств вины Евсеева по уголовному делу, отказалась от дачи показаний против него, имея умысел на ограждение подозреваемого, не

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда [Электронный ресурс] // Аналитическая правовая база. URL: <http://a2aa.ru/> (дата обращения: 7 июля 2013 г.).

** Приговор мирового судьи судебного участка № 98 Яковлевского района Приморского края от 14 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Приморского краевого суда. URL: <http://kraevoy.prm.sudrf.ru/> (дата обращения: 7 июля 2013 г.).

являющегося ее супругом или иным близким родственником, от уголовной ответственности и желая продолжать личные отношения с бывшим сожителем. На момент допроса Воронова помирилась с Евсеевым, находилась с ним в хороших отношениях, продолжала вести совместную жизнь, в связи с чем не желала привлечь его к уголовной ответственности*. Таким образом, суд не усмотрел оснований для применения положений примечания к ст. 308 УК РФ по отношению к лицу, состоящему в незарегистрированном браке.

Примечание к ст. 308 УК РФ основано на ст. 51 Конституции РФ. При решении вопроса об ответственности за отказ от дачи показаний следует учитывать разъяснения, сформулированные в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»: «В ходе

* Приговор Кропоткинского городского суда Краснодарского края по делу N 1-122/2011 г. от 23 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Краснодарского краевого суда. URL: <http://kraevoi.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 7 июня 2013 г.).

производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, и суды обязаны разъяснять... свидетелю и потерпевшему право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, гарантированное соответствующими нормами УПК РФ. Невыполнение этого требования уголовно-процессуального закона влечет... признание показаний указанных лиц полученными с нарушением закона»**. Полагаем, что если такое разъяснение не давалось, то лицо не подлежит ответственности за отказ от дачи показаний.

Итак, в статье рассмотрены наиболее проблемные вопросы, связанные с законодательной конструкцией нормы, предусмотренной ст. 308 УК РФ, и практикой ее применения.

** О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. N 8: ред. от 16 апр. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Список литературы

1. Булатов В.А. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии: сб. науч. тр. Волгоград: ВЮИ МВД России, 2003. С. 104-106.
2. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград: Изд-во Волгоградск. ун-та, 1999. 268 с.
3. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. М.: Юрид. лит., 1980. 96 с.
4. Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 115 с.
5. Торбин Ю.Г. Теория и практика освидетельствования. СПб.: Питер, 2004. 176 с.
6. Потапова А.Г. Принудительное освидетельствование потерпевших // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2006. N 3. С. 156-157.
7. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. М.: Наука, 1985. 239 с.
8. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: Велби: Проспект, 2008. 560 с.
9. Кожевников К., Кулешов Ю. Ответственность за уклонение или отказ от дачи показаний // Законность. 2006. N 3. С. 32-35.
10. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.
11. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М.: Рос. академия правосудия, 2003. 416 с.
12. Блинников В.А., Устинов В.С. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. Ставрополь: Кавказский край, 1999. 148 с.
13. Кузьмина С.С. Лжесвидетельство (Уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1991. 233 с.
14. Косякова Н.С. Лжесвидетельство // Государство и право. 2001. N 4. С. 66-74.
15. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: учеб. пособие. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2001. 152 с.

References

1. Bulatov V.A. *Problemy obespecheniya bezopasnosti poterpevshikh i svideteley* [Problems of ensuring the safety of victims and witnesses]. *Konflikty i konfliktnye situatsii na predvaritel'nom sledstvii* [Conflicts and conflict situations in the preliminary investigation]. Volgograd, Volgograd Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2003. Pp. 104-106.
2. Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikatsii i zakonodatel'noy reglamentatsii* [Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation]. Volgograd, Volgograd University Publishing, 1999. 268 p.
3. Lyubichev S.G. *Eticheskie osnovy sledstvennoy taktiki* [Ethical Guidelines and investigative tactics]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 96 p.
4. Min'kovskiy G.M. *Predely dokazyvaniya v sovetskom ugovnom protsesse* [Limits of proof in the Soviet criminal trial]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 115 p.
5. Torbin Yu.G. *Teoriya i praktika osvidetel'stvovaniya* [Theory and practice examination]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 176 p.
6. Potapova A.G. *Prinuditel'noe osvidetel'stvovanie poterpevshikh* [Compulsory examination of victims]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo – Herald of the South Ural State University. Series: Right*, 2006, no. 3, pp. 156-157.
7. Petrukhin I.L. *Svoboda lichnosti i ugovno-protsessual'noe prinuzhdenie. Obshchaya kontseptsiya. Neprikosnovennost' lichnosti* [Individual freedom and criminal procedural coercion. The overall concept. Inviolability of the person]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 239 p.
8. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. *Nastol'naya kniga sud'i: prestupleniya protiv pravosudiya* [Handbook of judges: crimes against justice]. Moscow, Velbi: Prospekt Publ., 2008. 560 p.
9. Kozhevnikov K., Kuleshov Yu. *Otvetstvennost' za ukлонenie ili otkaz ot dachi pokazaniy* [Responsibility for failure or refusal to testify]. *Zakonnost' – Legality*, 2006, no. 3, pp. 32-35.
10. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crimes against justice]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2005. 491 p.
11. *Ugovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv pravosudiya* [Criminal liability for crimes against justice]. Moscow, Russian Academy of Justice, 2003. 416 p.
12. Blinnikov V.A., Ustinov V.S. *Lzhesvidetel'stvo: ugovno-pravovye, kriminologicheskie, ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Perjury: criminal law, criminology, criminal procedure and forensic aspects]. Stavropol, Kavkazskiy kray Publ., 1999. 148 p.
13. Kuz'mina S.S. *Lzhesvidetel'stvo (Ugovno-pravovye, protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty). Kand. Diss.* [Perjury (penal, procedural and forensic aspects). Cand. Diss.]. St. Petersburg, 1991. 233 p.
14. Kosyakova N.S. *Lzhesvidetel'stvo* [Perjury]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2001, no. 4, pp. 66-74.
15. Kuleshov Yu.I. *Prestupleniya protiv pravosudiya: ponyatie, sistema, yuridicheskiy analiz i problemy kvalifikatsii* [Crimes against justice: the concept, system, legal analysis and qualification problems]. Khabarovsk, 2001. 152 p.

ПЕТРОВ С.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
PSV005@mail.ru
Кафедра уголовного
и уголовно-исполнительного права;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603144, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

PETROV S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
PSV005@mail.ru
Chair of criminal law and criminal executive law;
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway, 3
Nizhny Novgorod, 603144,
Russian Federation

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КЛАССИФИКАЦИЮ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Реферат. Констатируется тенденция роста влияния криминальных сообществ, подтверждаемая статистикой регистрируемой преступности, подчеркивается необходимость совершенствования нормативных правовых актов, регламентирующих противодействие организованной преступности, а также следственной и судебной практики их применения. Изучение научных публикаций свидетельствует о том, что до настоящего времени нет единой позиции по содержанию наполнению и классификации наиболее значимых понятий и их определений, характеризующих институт соучастия в уголовном праве: «формы соучастия» и «виды соучастия». Единообразное толкование названных терминов является необходимым условием оптимизации всего нормативного инструментария, регламентирующего противодействие совместным формам преступной деятельности. Анализ имеющихся научных подходов к структуре института соучастия позволил автору сформулировать оригинальный подход к его видовой дифференциации. На основе изучения следственно-судебной практики определяются наиболее приемлемые с точки зрения эффективного применения права варианты классификации криминальных посягательств с признаками сложных форм соучастия. Вид соучастия, являясь теоретической категорией, может быть классифицирован по двум основаниям. По содержанию наполнению действий соучастников по отношению к объективной стороне состава преступления – простое (без распределения ролей), сложное (с распределением ролей) и соучастие особого рода (преступное сообщество (преступная организация)). По наличию либо отсутствию предварительной договоренности – соучастие с предварительным сговором и без такового. Форма соучастия – конкретное соединение отдельных признаков, посредством которых соучастие обретает реальное существование. Формы соучастия, имеющие легальное содержательное наполнение, должны быть описаны в законодательном акте, что реализовано в ст. 35 УК РФ.

Ключевые слова: соучастие, совместная преступная деятельность, видовая дифференциация, форма, вид.

A NEW VIEW OF CLASSIFICATION OF CRIMINAL COMPLICITY

Abstract. The growing influence of criminal societies, confirmed by recorded crimes statistics, is stated. The need to improve normative legal acts regulating combating organized crime as well as investigative and judicial practice of their application is emphasized. The scientific publications study shows that there's no common position on the content and classification of the most important concepts and their definitions characterizing the institute of complicity in criminal law: its forms and types. Uniform interpretation of these terms is a prerequisite for optimization of normative instruments that regulate countering joint criminal activities. The analysis of the available scientific approaches to the institute of complicity structure allowed the author to formulate an original approach to its type differentiation. Basing on the study of investigative and judicial practice, the author determines the most appropriate ways of classification of criminal encroachments having elements of compound complicity from the standpoint of effective law enforcement. The type of complicity is a theoretical category, which can be classified on two grounds. According to the content of the accomplices' actions concerning the objective elements of crime it can be classified into simple (no roles), compound (with roles), complicity of special kind (criminal society, criminal organization). According to the presence or absence of prior agreement it can be classified into complicity with preliminary conspiracy and without it. The form of complicity is a specific combination of individual elements by which complicity takes real existence. These forms should be described in the legislative act, as implemented in Article 35 of the RF Criminal Code.

Keywords: complicity, joint criminal activities, type differentiation, form, type.

Изучение статистических показателей свидетельствует о том, что на фоне снижения общего количества регистрируемых криминальных посягательств отдельные виды уголовно-правовых деликтов характеризуются нарастанием негативного потенциала. Не случайно в настоящее время обеспечение эффективной охраны общественных отношений от проявлений организованных форм преступной деятельности определено в качестве приоритетного направления реализуемой государством уголовной политики. Особую тревогу вызывают качественные изменения организованной преступности, выраженные в усилении тенденции к совершению экстремистских преступлений, что ставит под угрозу интересы всего государства, а не только права и интересы отдельных физических лиц или хозяйствующих субъектов.

Изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования правового инструментария, которое должно осуществляться посредством не только технической редакции нормативных положений, но и доработки теоретических основ криминализации соответствующих деяний. Тем более что по ряду значимых моментов наблюдается расхождение в позициях представителей научной общественности. В частности, одним из нерешенных до настоящего времени вопросов является классификация видов и форм соучастия.

Институт соучастия приобрел формальное закрепление как в Общей, так и в Особенной части УК РФ, о чем свидетельствует установление самостоятельной уголовной ответственности за деяния, объективная сторона которых фактически отражает базовые признаки сложных форм соучастия (организация незаконного вооруженного формирования, бандитизм, участие в преступном сообществе и т.п.). Данное обстоятельство свидетельствует о приобретении рассматриваемым институтом принципиально новых характеристик, выражающих функции, которые вывели его за рамки Общей и реализовали в нормах Особенной части УК РФ.

Другими словами, отдельные формы сложного соучастия были криминализованы в классическом смысле данного термина. Указанный факт свидетельствует

о расширении функции института соучастия в доктрине уголовного права России. В настоящее время этот институт является не только теоретической основой, регламентирующей сложные формы соучастия, но и формальным основанием для криминализации деяний, состоящих в самом факте участия в наиболее развитых формах группового преступного взаимодействия. Как было указано, исследование научной литературы свидетельствует об отсутствии единого мнения среди теоретиков уголовного права относительно криминализации организованных форм соучастия в действующем уголовном законодательстве. Одна группа ученых считает, что российское законодательство содержит необходимый перечень преступлений, получивших устойчивую апробацию в правоприменительной практике, признаки которых коррелируют с нормами международных нормативных актов, направленных на борьбу с транснациональной организованной преступностью [1, с. 238]. Другие утверждают о необходимости дальнейшей доработки положений уголовного законодательства в части регламентации отдельных форм сложного соучастия в целях повышения эффективности средств уголовно-правового характера в борьбе с организованными формами преступной деятельности [2].

Правоприменительная практика свидетельствует о правоте сторонников второй точки зрения, а изучение специальной литературы выявляет противоречия не только применительно к конкретным составам, но и в теоретических подходах к вопросам разработанности соучастия как отдельного института.

Анализ доктринальных точек зрения свидетельствует о том, что вопрос о видах и формах соучастия, а также основаниях классификации — один из наиболее дискуссионных, и до настоящего времени не выработано единых критериев, позволяющих классифицировать соучастие. Так, в качестве оснований классификации одни исследователи предлагают рассматривать характер существующей между соучастниками субъективной связи [3, с. 139], другие — индивидуальную роль каждого из соучастников [4, с. 8], третьи — степень сплоченности участников преступления [5,

с. 79; 6, с. 563], четвертые — характер деятельности соучастников [7, с. 97].

Классификация как одна из методологических проблем занимает особое место в современной науке. С ее помощью происходит теоретическое осмысление различных правовых явлений и устанавливается их соответствие эмпирическому материалу. Следовательно, классификация характеризуется важным теоретическим и практическим значением и является одним из необходимых элементов научной деятельности.

Проблема необходимости классификации соучастия в законодательстве и в теории уголовного права не является для отечественной научной общественности новой.

В частности, в ст. 13 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было закреплено правило, в соответствии с которым правоприменителям следовало «принимать в уважение: учинено ли сие преступление по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию или без онога», другими словами, было выделено только соучастие с предварительным сговором и без такового. Иной классификации разновидностей соучастия в законе не существовало. Однако теории уголовного права конца XIX века уже предпринимали попытки разработать такую. Например, А. Жиряев считал необходимым выделять в соучастии главного виновника и пособника, а также сообщество [8, с. 45].

Профессор А.Н. Трайнин, автор первой монографии о соучастии, выделял четыре вида соучастия: без предварительного сговора, с предварительным сговором, организованную группу и соучастие особого рода. Основанием предложенной классификации являлись характер и степень субъективной связи соучастников [5, с. 79].

Позиция А.Н. Трайнина была воспринята П.И. Гришаевым и Г.А. Кригером. Однако то, что А.Н. Трайнин именовал видами соучастия, в их классификациях называется формами, а деление соучастия на виды названные ученые производили в зависимости от роли и степени участия лица в преступлении. «По этому критерию, — писали они, — все случаи соучастия могут быть разделены на два вида: простое, при

котором действия всех соучастников однородны и выражаются в непосредственном участии в выполнении состава преступления (соисполнительство), и сложное, при котором имеет место распределение ролей между соучастниками, в результате чего каждый из них выполняет различные по своему характеру действия» [9, с. 27].

По мнению А.А. Пионтковского, под основанием классификации совместной преступной деятельности необходимо понимать степень сплоченности соучастников и в связи с этим выделять две формы соучастия: соучастие без предварительного сговора и соучастие с предварительным сговором, которое, в свою очередь, подразделялось на простое соучастие, организованную группу и преступную организацию [10, с. 464]. В качестве критического замечания в отношении приведенной позиции необходимо отметить, что классификационным основанием автором называется степень сплоченности, а фактически деление происходит исходя из наличия либо отсутствия предварительного сговора, который сам по себе не определяет признак сплоченности, так как это разнопорядковые категории.

По мнению А.П. Козлова, классификацию соучастия необходимо осуществлять по двум основаниям: а) в зависимости от выполняемых соучастниками функций при их совместной деятельности; и б) в зависимости от организованности действий соучастников. По первому основанию выделяется два вида соучастия — соисполнительство и соучастие с распределением ролей, по второму критерию автор выделяет элементарное соучастие и преступную группу [11, с. 22-29].

Р.Р. Галиакбаров, являясь сторонником позиции М.Д. Шаргородского, в качестве критерия классификации выделяет характер участия в преступлении и предлагает делить соучастие: 1) на соисполнительство; 2) сложное соучастие; 3) преступную группу; 4) преступное сообщество [12, с. 202].

Ф.Г. Бурчак считал оптимальной классификацию, в соответствии с которой необходимо относить к формам соучастия соисполнительство, соучастие с распределением ролей и соучастие особого рода, непосредственно предусмотренное в Особенной части Уголовного кодекса [13, с. 66].

Изложенная точка зрения неоднократно подвергалась критике. Так, по мнению И.А. Дубровина, соучастие особого рода в предложенной Ф.Г. Бурчаком классификации форм соучастия объединяет такие виды соисполнительства, как организованная группа и преступное сообщество [14, с. 31]. Другими словами, выделение соучастия особого рода якобы влечет нивелирование значения Общей части применительно к соответствующим формам совместной преступной деятельности. Однако выделение соучастия особого рода, отраженного в нормах Особенной части УК, никаким образом не игнорирует значение Общей части и в любом случае требует соответствия положений, закрепленных в Особенной части, институтам Общей части УК РФ.

Выделение соучастия особого рода, определяемого как преступное сообщество (преступная организация), не выводит его в самостоятельную категорию, поскольку содержательное описание легальных форм изложено в Общей части. Следовательно, нет оснований утверждать, что совместные формы преступной деятельности, сам факт образования которых является уголовно наказуемым деянием, выпадают из структуры соучастия как отраслевого института. Подтверждением состоятельности изложенной позиции является также то обстоятельство, что в трудах современных теоретиков позиция Ф.Г. Бурчака получила свое развитие и конкретизацию.

Изложенное свидетельствует о том, что научные дискуссии по указанной проблематике прекращать рано, так как понятийный аппарат любой отрасли знаний составляет ее основу и оказывает существенное влияние на стратегию развития науки.

Само по себе соучастие как правовое понятие не создает никаких особых оснований уголовной ответственности, а лишь «предполагает применение общих принципов ответственности по уголовному праву Российской Федерации» [15, с. 237]. Подтверждением такого вывода является то, что в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного ст. 63 УК РФ, соучастие не указывается. На общественную опасность конкретного уголовно наказуемого деяния влияет не сам факт соучастия, а форма его реализации, закрепленная в законе в качестве обсто-

ятельства, отягчающего наказание. Более того, конкретная форма соучастия не только определяет меру наказания, но и влияет на возможность причисления деяния к определенной категории преступных посягательств, что, в свою очередь, предопределяет возможность или невозможность применения сроков давности, условного осуждения, актов амнистии и т.п.

Вышеуказанное обстоятельство свидетельствует о том, что проблема классификации соучастия имеет большое значение не только для теории, но и для правоприменительной практики. Проработанная классификация соучастия является необходимым условием для правильного определения характера совершаемого соучастниками преступления и объема их ответственности.

Причиной основных научных споров является терминологическая несогласованность, обусловленная отсутствием единого подхода к определению ключевых понятий и их содержания [16, с. 579-583]. В частности, до настоящего времени нет единого мнения по вопросу о том, что необходимо относить к видам соучастия, а что — к формам. Уголовный закон не содержит легального определения терминов «форма» или «вид» соучастия. Понятие «вид» используется только в ст. 33 УК РФ по отношению к самим соучастникам (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник).

Теоретические положения и аргументы должны оптимально укладываться в нормы УК РФ и максимально реализовываться в современном судопроизводстве. С этих позиций с учетом анализа мнений представителей научной общественности оптимальным может быть следующий подход к классификации видов и форм соучастия.

Вид соучастия, являясь теоретической категорией, может быть классифицирован по двум основаниям.

Во-первых, с позиции содержательного наполнения действий соучастников по отношению к объективной стороне состава преступления целесообразно классифицировать соучастие на три вида — простое (без распределения ролей), сложное (с распределением ролей) и соучастие особого рода, имеющее самостоятельное отражение в структуре Особенной части

УК РФ. Иначе говоря, соучастие особого рода предусмотрено Общей частью УК РФ как форма соучастия и одновременно Особенной частью уголовного закона как основание уголовной ответственности, представленное единственной формой – преступное сообщество (преступная организация). Иные криминальные совокупности, факт образования которых, в соответствии с положениями Особенной части УК РФ, является уголовно наказуемым деянием (банда, экстремистское сообщество и незаконное вооруженное формирование), не следует признавать соучастием особого рода. Они представляют собой наиболее опасные формы организованной преступной деятельности, о чем свидетельствует наличие специальных признаков (например, цель или вооруженность), что и обусловило необходимость их криминализации посредством изложения соответствующих составов.

Во-вторых, наличие либо отсутствие предварительной договоренности требует деления совместной преступной деятельности на соучастие с предварительным сговором и без такового.

Под формой соучастия необходимо понимать конкретное соединение отдельных признаков, посредством которых соучастие обретает реальное существование. Следовательно, формы соучастия, имеющие легальное содержательное наполнение, должны быть описаны в законодательном акте, что реализовано посредством описания их признаков в ст. 35 УК РФ.

Безусловно, эффективность противодействия организованной преступности требует комплексного теоретико-прикладного подхода к решению имеющихся проблем, что свидетельствует о необходимости их рассмотрения в рамках фундаментальных научно-прикладных исследований.

Список литературы

1. Беляев Н.А. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 569 с.
2. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
3. Уголовное право. Часть Общая / под ред. А.А. Пионтковского. М., 1969.
4. Малахов И.П. Некоторые вопросы учения о соучастии по советскому уголовному праву. Л., 1957.
5. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 666 с.
7. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы учения о соучастии // Правоведение. 1960. N 1.
8. Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. 145 с.
9. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959. 255 с.
10. Курс советского уголовного права. Часть Общая: в 6 т. Т. 2: Преступление / под ред. А.А. Пионтковского. М., 1970.
11. Козлов А.П. Соучастие: уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 39 с.
12. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. 280 с.
13. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. 216 с.
14. Дубровин И.А. Ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 243 с.
15. Гаухман Л.Д. Соучастие в преступлении. М., 1998.
16. Петров С.В. Значение юридической конструкции уголовно-правовой нормы при дифференциации ответственности на примере отграничения сложных форм соучастия // Юридическая техника. 2013. N 7 (ч. 2). С. 579-583.

References

1. Belyaev N.A. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 569 p.
2. Kozlov A.P. *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: tradition and reality]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2001. 362 p.
3. *Ugolovnoye pravo* [Criminal law]. Moscow, 1969.
4. Malakhov I.P. *Nekotorye voprosy ucheniya o souchastii po sovetскому уголовному праву* [Some questions of the doctrine of complicity on the Soviet criminal law]. Leningrad, 1957.

5. Traynin A.N. *Uchenie o souchastii* [The doctrine of complicity]. Moscow, 1941.
6. Piontkovskiy A.A. *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovnomu pravu* [The doctrine of the crime on the Soviet criminal law]. Moscow, 1961. 666 p.
7. Shargorodskiy M.D. *Nekotorye voprosy ucheniya o souchastii* [Some questions of the doctrine of complicity]. *Pravovedenie* – Jurisprudence, 1960, no. 1.
8. Zhiryaev A. *O stechenii neskol'kikh prestupnikov pri odnom i tom zhe prestuplenii* [On the confluence of several criminals with the same crime]. Derpt, 1850. 145 p.
9. Grishaev P.I., Kriger G.A. *Souchastie po sovetskomu ugovnomu pravu* [Complicity in Soviet criminal law]. Moscow, 1959. 255 p.
10. *Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Chast' Obshchaya. Prestuplenie* [Rate of the Soviet penal law. The general part. Crime. In 6 volumes. Volume 2: Crime]. Moscow, 1970.
11. Kozlov A.P. *Souchastie: ugovno-pravovye problemy. Avtoref. Dokt. Diss.* [Complicity: criminal legal problems. Autoabstract Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2003. 39 p.
12. Galiakbarov R.R. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. The general part]. Krasnodar, 1999. 280 p.
13. Burchak F.G. *Uchenie o souchastii po sovetskomu ugovnomu pravu* [The doctrine of complicity on the Soviet criminal law]. Kiev, 1969. 216 p.
14. Dubrovin I.A. *Otvetstvennost' za prestupleniya, sovershennye gruppoy lits po predvaritel'nomu sgovoru i organizovannoy gruppoy. Kand. Diss.* [Responsibility for crimes committed by a group of persons by prior agreement and organized group. Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 243 p.
15. Gaukhman L.D. *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in the crime]. Moscow, 1998.
16. Petrov S.V. *Znachenie yuridicheskoy konstruksii ugovno-pravovoy normy pri differentsiatsii otvetstvennosti na primere otgranicheniya slozhnykh form souchastiya* [The value of the legal structure of the criminal law in the differentiation of responsibility on the example of separating complex forms of complicity]. *Yuridicheskaya tekhnika* – Juridical technique, 2013, no. 7 (Part 2), pp. 579-583.

Раздел 4. Криминологическая наука

СЕРЫЙ Ф.Г., кандидат экономических наук, доцент, seryifg@yandex.ru Ученый совет; Всероссийский научно- исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 123995, г. Москва, Поварская, 25	SERYI F.G., Candidate of Economic Sciences, associate professor, seryifg@yandex.ru Academic council; All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Povarskaya St. 25, Moscow, 123995, Russian Federation
КОЗЫРЕВ Н.В., c1vnii@yandex.ru Управление по работе с обращениями граждан и организаций; Федеральная миграционная служба, 109240, г. Москва, Верхняя Радищевская, 4/1	KOZYREV N.V., c1vnii@yandex.ru The department of work with citizens and organizations; Federal Migration Service, Verkhnyaya Radishchevskaya St. 4/1, Moscow, 109240, Russian Federation

О НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МИГРАНТОВ

Реферат. Формулируются основные проблемы криминологического мониторинга криминальной активности несовершеннолетних мигрантов. Подчеркиваются динамика миграционных процессов в России, неблагоприятные тенденции преступности в сфере миграции. Особую тревогу вызывает то, что в тени такого масштабного явления, как незаконная миграция, остается малозаметной, но для ближайшей перспективы имеющей колоссальное значение проблема преступности несовершеннолетних мигрантов. Исследование вопроса показало, что в России практически отсутствует инструментарий для криминологического мониторинга рассматриваемого явления: не ведется специальный учет преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами, отсутствуют данные о структуре, динамике, тенденциях преступности несовершеннолетних мигрантов. Обосновывается, что дети нелегальных мигрантов и несовершеннолетние, нелегально прибывшие в Россию без родственников, должны стать объектом повышенного внимания специалистов. Общим признаком, объединяющим всех несовершеннолетних мигрантов (легальных и нелегальных), является их повышенная уязвимость, обусловленная их возрастом и миграционным статусом. Степень уязвимости несовершеннолетнего зависит от статуса мигранта, прибывшего в страну на законных основаниях либо же нелегально. Преступность несовершеннолетних мигрантов — сложное социально-правовое явление, характеризующееся совокупностью преступлений несовершеннолетних мигрантов на территории временного пребывания за определенный период времени. Проведение криминологического мониторинга позволит, с одной стороны, восполнить существующие пробелы в научном знании об объекте исследования, выявить соответствующие проблемы законодательной и правоприменительной практики, а с другой стороны — наметить пути совершенствования нормативно-правового регулирования данной сферы, оптимизировать миграционную обстановку в стране и, наконец, с учетом передового отечественного и зарубежного опыта повысить эффективность противодействия преступности несовершеннолетних мигрантов.

Ключевые слова: криминологический мониторинг, преступность несовершеннолетних, дети-мигранты, незаконная миграция.

ON THE NEED FOR CRIMINOLOGICAL MONITORING OF JUVENILE MIGRANTS DELINQUENCY

Abstract. The main problems of criminological monitoring of migrant minors' criminal activities are stated. The dynamics of migration processes in Russia, adverse trends of crime in migration sphere are underlined. Of particular concern is the fact that the problem of juvenile migrants delinquency, having immense importance for the nearest prospects, remains inconspicuous in the shadow of such large-scale phenomenon as illegal migration. The study showed that actually there're no tools for criminological

monitoring of the analyzed phenomenon in Russia: there's no special recording of crimes committed by juvenile migrants, there're no data about the structure, dynamics, trends in juvenile migrants criminality. It's proved that the illegal migrants' children and minors who illegally arrived in Russia without relatives deserve special attention. The common feature of all juvenile migrants (legal and illegal) is their increased vulnerability caused by age and migration status. The vulnerability degree of a minor depends on the status of a migrant entering the country legally or illegally. Juvenile migrants delinquency is a complex social and legal phenomenon, characterized by aggregate of crimes committed by migrant minors on the territory of temporary stay for a certain period of time. Criminological monitoring will allow to fill gaps in scientific knowledge concerning the research object, to reveal the related problems of legislation and law enforcement practice, to identify the ways of improving this sphere's legal regulation, to optimize the migration situation in the country and, eventually, to increase the effectiveness of combating juvenile migrants crime, taking into account the advanced domestic and foreign experience.

Keywords: criminological monitoring, juvenile delinquency, migrant children, illegal migration.

Проблема миграции продолжает оставаться одной из самых актуальных в нашей стране. Она оказывает существенное влияние на различные сферы жизнедеятельности Российского государства и в то же время предопределяет ряд негативных последствий, к числу которых можно отнести рост нелегальной миграции и обусловленные ею неблагоприятные тенденции преступности.

О неблагополучии в рассматриваемой сфере свидетельствуют прежде всего данные об увеличении количества преступлений, совершенных мигрантами. Согласно информации ГИАЦ МВД России, в 2013 году иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации было совершено 47 тыс. преступлений, что на 10,2 % больше, чем в 2012 году, их удельный вес составил 85,8 %, в 2014 году – 44,4 тыс. преступлений, что на 5,4 % меньше, чем в 2013 году, однако их удельный вес возрос до 86,4 %*.

Особую тревогу вызывает тот факт, что в тени такого достаточно масштабного явления, как незаконная миграция, остается малозаметной, но в ближайшей перспективе имеющей колоссальное значение такая проблема, как преступность несовершеннолетних мигрантов.

Предпринятая авторами попытка установить общее количество несовершеннолетних лиц-мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, статистику преступлений, совершенных ими, как и данные о детях-мигрантах, ставших жертвами преступлений, показала, что такие сведения существенно отличаются у различных экспертов, носят фрагментарный характер, фактически не систематизированы в рамках

взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (ФМС, МВД), иных органов государственной власти и местного самоуправления.

Вместе с тем актуальность рассматриваемого круга вопросов не вызывает сомнений у специалистов, о чем свидетельствует повышенное внимание к данной проблеме в последние годы ученых и практиков.

Так, сотрудники правоохранительных органов признают, что «значительное количество преступлений совершается несовершеннолетними мигрантами, не нашедшими себе жилья и работы. В современных условиях миграционные процессы и связанные с ними негативные последствия в виде преступности приобретают все большую актуальность» [1].

Об актуальности и необходимости разрешения поставленных проблем свидетельствуют и данные, озвученные в сентябре 2013 года на 17-й ежегодной конференции Европейской сети детских омбудсменов (ЕНОС), посвященной детям-мигрантам: согласно данным МВД России по несовершеннолетним мигрантам-правонарушителям, количество доставленных за совершение правонарушений в органы внутренних дел несовершеннолетних, являющихся жителями государств – участников СНГ, в 2012 году увеличилось на 23,8 % (в 2012 г. – 8 347, в 2011 г. – 6 740). В целом за 5 лет в полицию за совершение правонарушений доставлено 49 547 подростков-мигрантов из стран ближнего зарубежья. При этом Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П. Астахов подчеркнул, что представленные «цифры свидетельствуют о том, что если не заниматься этими вопросами на должном профессиональном, межведомственном уровне, то проблема скоро примет острейший характер для России» [2].

* Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014.

Более скрупулезное исследование данного вопроса показало также, что в нашей стране практически нет инструментария для криминологического мониторинга рассматриваемого явления: не ведется специальный учет преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами, отсутствует общая статистика лиц — несовершеннолетних мигрантов, совершивших преступления, не говоря уже о таких более информативных показателях, как структура, динамика, тенденции преступности несовершеннолетних мигрантов, социально-правовые характеристики последних.

Под криминологическим мониторингом понимается «система социально-статистического наблюдения, позволяющая устанавливать показатели преступности, выявлять ее причины и условия, прогнозировать их развитие в будущем, принимать адекватные государственные и общественные меры по предупреждению преступности и устанавливать их эффективность. Цель криминологического мониторинга — установление показателей и оценки эффективности деятельности правоохранительных органов по ее предупреждению» [3, с. 11].

Очевидно, что отсутствие первичной статистики по делам данной категории, столь явные пробелы, касающиеся криминологически значимых сведений о преступлениях несовершеннолетних мигрантов, не позволяют специалистам дать объективную оценку данному негативному явлению, проанализировать в необходимом объеме состояние и тенденции преступности несовершеннолетних мигрантов, осуществить криминологический мониторинг, по итогам которого представить прогноз развития ситуации и выработать приоритетные направления противодействия рассматриваемому виду преступности.

Криминологам хорошо известна закономерность: неблагоприятные тенденции преступности несовершеннолетних сегодня предопределяют еще более негативные качественные характеристики преступности в будущем — уже взрослых и, следовательно, более опытных преступников. В связи с этим не замечать, игнорировать преступность несовершеннолетних мигрантов в настоящее время — значит упустить возможность для своевременного реагирования на новую угрозу обществу.

Таким образом, проведение криминологического мониторинга диктуется острой необходимостью, с одной стороны, изучить, исследовать преступность несовершеннолетних мигрантов как проблему, имеющую теоретическое и прикладное значение, с другой — повысить эффективность действий органов правопорядка, способствовать снижению уровня и динамики преступности несовершеннолетних и, следовательно, минимизировать неблагоприятные последствия преступности в целом в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Прежде всего, рассмотрим, что включает в себя понятие «преступность несовершеннолетних мигрантов». Следует ли понимать под преступностью несовершеннолетних мигрантов совокупность всех преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами на территории нашей страны, или общее количество всех преступлений в сфере миграции, совершенных несовершеннолетними? Как видно, при исследовании данного вопроса выражение «несовершеннолетние мигранты» является ключевым.

Преступность несовершеннолетних мигрантов — это сложное социально-правовое явление, заслуживающее отдельного специального исследования. В рамках данной работы отметим, что в самом общем виде мы понимаем под ней совокупность преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами на территории временного пребывания за определенный период времени.

В связи с этим необходимо уточнить, какая категория несовершеннолетних мигрантов-правонарушителей должна быть объектом криминологического исследования в рамках указанной проблематики.

В целом в России можно выделить несколько групп несовершеннолетних мигрантов: 1) несовершеннолетние дети нелегальных мигрантов; 2) несовершеннолетние, нелегально прибывшие в нашу страну без родителей, родственников, находящиеся на территории Российской Федерации незаконно; 3) несовершеннолетние дети законно прибывших в страну мигрантов; 4) несовершеннолетние, самостоятельно (без родителей, родственников) находящиеся в стране на законных основаниях (обучение, работа в сфере культуры и искусства). Как представляется, объектом

повышенного внимания в первую очередь должны стать представители первых двух групп детей-мигрантов, хотя бы потому, что представители других групп находятся в стране на законных основаниях и, следовательно, поддаются определенному учету и социально-правовому контролю.

По официальным данным, численность трудовых мигрантов в нашей стране достигает 2,5 млн человек, а по различным оценкам экспертов, в России проживает не менее 5-10 млн нелегальных мигрантов, большая часть которых задействована в теневой экономике [4, с. 132].

Результаты социологического опроса Центра миграционных исследований свидетельствуют о том, что в поисках работы мигрируют вместе с детьми в возрасте до 16 лет в целом около трети мигрантов, в среднем это 15-16 % трудовых мигрантов, прибывших в Россию. 28,2 % опрошенных женщин-мигрантов ответили, что дети до 16 лет приехали вместе с ними [5, с. 118].

В то же время считаем необходимым обратить внимание на то, что для всех рассматриваемых категорий несовершеннолетних мигрантов характерно наличие и общих признаков, и различий. Прежде всего, общий признак, объединяющий всех несовершеннолетних мигрантов, находящихся в стране как нелегально, так и законно, — их повышенная уязвимость в силу возраста и миграционного статуса. При этом степень уязвимости несовершеннолетнего находится в зависимости от статуса мигранта, прибывшего в страну на законных основаниях или нелегально.

Следует особо подчеркнуть роль родителей-мигрантов, прибывших, проживающих и работающих в стране нелегально, поскольку они, как правило, не только сами имеют «проблемы с законом», но и создают предпосылки и способствуют формированию незаконного (внеправового) статуса своих несовершеннолетних детей.

По данным ФМС России, в 2013 году было выявлено 444 614 нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, в том числе нарушений режима пребывания — 214 032; нарушений порядка осуществления трудовой деятельности — 96 059 фактов. В ходе проведения мероприятия «Нелегальный мигрант» количество выявленных в 2013 году правонарушений по сравнению с 2012 годом

возросло более, чем на 27 %. Кроме того, в 2013 году по сравнению с 2012 годом «зафиксирован двукратный рост количества направленных в органы внутренних дел материалов, по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 322.1 УК РФ, — 2 375 (+130,1 %), возбуждено 809 (+99,9 %) уголовных дел, привлечено к уголовной ответственности 160 (+16,8 %) лиц»*.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что создавшаяся внештатная, неурегулированная, находящаяся «вне закона», а потому стрессовая для несовершеннолетнего ситуация сама по себе представляется мощным криминогенно заряженным фактором, обрекающим детей мигрантов «решать свои проблемы» внеправовыми, зачастую незаконными способами.

В связи с этим не вызывает сомнения то, что несовершеннолетние мигранты-нелегалы, в силу влияния на них создавшейся ситуации и другой группы факторов условно криминогенного характера (безработица их или их родителей, отсутствие средств к существованию, бытовая неустроенность, отсутствие медицинской помощи, социальной и правовой поддержки), отличаются повышенной криминальной активностью.

Так, результаты исследования преступности несовершеннолетних в Италии показали, что с конца 90-х годов прошлого столетия преступления, в основном насильственного характера, чаще совершают несовершеннолетние мигранты — выходцы из стран бывшей Югославии, лица цыганского и румынского происхождения, а также подростки из Марокко и Албании, причем многие из них не достигли возраста уголовной ответственности за такие деяния (14 лет), а потому не преследуются законом. Этим и объясняется количественный разрыв в показателях регистрируемых преступлений и количества судебных расследований в отношении несовершеннолетних [6].

Но и укоренившиеся благодаря находящимся в стране на законных основаниях родителям-мигрантам дети, представители так называемой второй волны, также характеризуются повышенной уязвимостью и склонностью к противоправному поведению.

* Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2013 год и плановый период 2014-2016 гг. М., 2014. С. 10-11.

Исследования американских социологов, базирующиеся на официальных статистических данных, показали, что второе поколение мигрантов намного опаснее для общества, чем первое. Так, были исследованы две категории 16-летних подростков: первая – это иммигранты, прибывшие в США, вторая – дети мигрантов (мигранты второй волны), родившиеся в Америке. Согласно статистике, 17 % подростков из первой группы совершили хотя бы одно правонарушение в течение последнего года, показатели второй группы были существенно выше – 25 %. При этом повышенную криминальную активность второго поколения иммигрантов специалисты объясняют обратной стороной ассимиляции – дети приезжих не защищены культурными традициями, как их родители. Например, если в окружении подростка-мигранта второго поколения оказывается участник молодежной банды, то вероятность того, что этот подросток также совершит преступление, составляет 23 % [7].

Аналогичной точки зрения придерживаются немецкие специалисты, которые в ходе исследования преступности несовершеннолетних обращают внимание на то, что «часто зачинщиками или виновниками являются молодые иностранцы или дети мигрантов... Выдворение молодых преступников не решит проблему, которую нельзя экспортировать, так же, как и сложившееся сознание преступника. Готовность сегодняшней молодежи к насилию и преступлениям – это результат выпадения из общественно-социальной среды по многим причинам: бедность, плохое образование, безработица, отсутствие перспективы, неблагополучные семьи» [8].

Проведенное исследование позволяет нам полагать, что ответ на вопрос о том, несовершеннолетние мигранты какой волны – первой или второй (рожденные от мигрантов уже в России) – более подвержены риску криминального поведения, в настоящее время не может быть однозначно разрешен в силу объективных причин. Во-первых, миграционные процессы в России начались и усилились позже, чем в США и других странах, и в нашей стране дети мигрантов в основном малолетние или не достигшие возраста уголовной ответственности (14 лет), во-вторых, как мы отмечали выше, несовершеннолетние

дети-мигранты практически «выпали» из правового и социального поля зрения, и даже специалисты затрудняются представить более-менее точные сведения об общем количестве несовершеннолетних мигрантов в России.

Вместе с тем анализ статистических данных, иллюстрирующих, наряду с увеличением численности незаконных мигрантов, усиление негативных тенденций преступности мигрантов и криминальной активности несовершеннолетних, а также оценки специалистов позволяют нам прогнозировать рост количества преступлений, совершенных не только мигрантами, но и их детьми.

Так, несмотря на небольшие колебания, вызванные усилением миграционного режима и контроля, экономическим кризисом, вооруженными конфликтами в приграничных государствах, население России продолжает активно пополняться за счет прибывших граждан соседних государств. Значительная, если не большая часть прибывших иностранных граждан, оседает в столичном регионе и других крупных городах России, в связи с чем негативные процессы, связанные с преступностью мигрантов, протекают в них более интенсивно.

Как отметил руководитель Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве В. Яковенко, в столице отмечен резкий всплеск преступлений, совершенных мигрантами, всего иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2013 году совершено 11,5 тыс. преступлений, то есть более 30 ежедневно, это более чем на треть (36,2 %) больше, чем в 2012 году, зафиксирован рост особо тяжких преступлений (грабежей, убийств, изнасилований). При этом В. Яковенко подчеркнул, что реальный уровень преступности среди мигрантов в Москве значительно выше, чем он обозначен в статистике (поскольку статистический учет этих преступлений ведется только от числа уже раскрытых), и может достигать 60-70 % [9]. В Санкт-Петербурге, по данным начальника городского управления Следственного комитета Российской Федерации А. Лавренко, мигранты совершают каждое шестое убийство, каждое шестое причинение тяжкого вреда, повлекшее смерть, и каждое третье изнасилование, более двух третей заказных убийств также совершаются мигрантами [7].

Как мы отмечали, от 15 до 30 % мигрантов прибывают в страну с детьми, большая часть из которых вынужденно остается в «тени». Кроме того, не подвергая сомнению приведенные выше результаты зарубежных исследований, позволим предположить, что в отличие от детей, родившихся в нашей стране от мигрантов, дети-мигранты первой волны, их образ жизни, различные ее сферы (досуг, социально-бытовые условия, поведение), на наш взгляд, в большей степени скрыты рамками узкой национальной (этнической) общины, находятся вне поля официальной статистики. Вполне возможно, что их противоправное поведение и преступления, которые они совершают, в большей степени остаются латентными. Дети-мигранты второй волны, родившиеся в стране от мигрантов, а также давно проживающие, укоренившиеся мигранты в результате длительного процесса натурализации и активизации их социальной жизни становятся более доступными, «заметными» для общества, а потому и легче поддаются социальному контролю, учету, в том числе и в случае их противоправного поведения.

Таким образом, учитывая специфику работы с мигрантами, особенно нелегальными, в нашей стране, а также проблемы правоприменительной практики, в частности трудоемкость процесса выявления и расследования преступлений, совершенных мигрантами-детьми, не имеющими документов, постоянного места жительства, можно резюмировать, что большая часть преступлений, совершенных мигрантами в России, остается латентной.

В рамках предупредительно-профилактической работы с различными категориями несовершеннолетних мигрантов должны учитываться специфические, характерные для определенной группы детей-мигрантов признаки: законность или нелегальность миграционного статуса, срок пребывания в миграционном статусе, возраст несовершеннолетнего, наличие родителей (семьи), степень адаптации и этнокультурной мимикрии несовершеннолетнего мигранта в новой социокультурной среде и др. Кроме того, необходимо подчеркнуть: высокая степень незащищенности, уязвимости детей-мигрантов, обусловленная их возрастом и миграционным статусом, с одной стороны, предопределя-

ет их повышенную противоправную активность, «подпитывает» этническую преступность, с другой — также повышает риск их виктимизации. Именно несовершеннолетние мигранты чаще всего пополняют ряды жертв противоправной сексуальной эксплуатации, порноиндустрии, рабского труда, попрошайничества.

Очевидно, что все мигранты, а дети-мигранты в первую очередь, нуждаются в повышенном внимании не только со стороны общественных и религиозных организаций, но и органов государственной власти и местного самоуправления, в получении в рамках специально разработанных программ в процессе социализации и адаптации адресной правовой помощи и социальной поддержки.

Несмотря на различные инициативы по выдворению всех мигрантов за пределы Российской Федерации, необходимо понимать, что миграция — объективно существующая реальность как в нашей стране, так и во всем мире, несущая в себе не только отрицательный заряд. При правильно организованном цивилизованном подходе к ее регулированию, грамотно выстроенной миграционной политике она повышает миграционную и инвестиционную привлекательность России, способствует эффективному перераспределению рабочих сил в экономике страны, снижению себестоимости производства, повышению культурной интеграции народов, поддержанию социально-демографического баланса народонаселения, усилению геополитической мощи государства.

Вышеизложенное свидетельствует также о необходимости более глубокого комплексного исследования преступности несовершеннолетних мигрантов, проведения систематического криминологического мониторинга рассматриваемой группы посягательств, необходимости учета не только абсолютных показателей рассматриваемых преступлений и лиц, их совершивших, но и изучения качественных (внутренних) характеристик данного социально негативного явления, определяющих состояние, тенденции и причины преступности несовершеннолетних мигрантов.

Представляется, что осуществление данных мероприятий позволит, с одной стороны, восполнить существующие пробелы научных знаний об объекте исследова-

ния, установить проблемы законодательной и правоприменительной практики, с другой — наметить пути совершенствования нормативно-правового регулирования данной сферы, оптимизировать миграци-

онную обстановку в стране и в конечном итоге с учетом передового отечественного и зарубежного опыта повысить эффективность противодействия преступности несовершеннолетних мигрантов.

Список литературы

1. Брижак З.И., Волочай С.Н. Характеристика преступлений несовершеннолетних и ее значение для повышения эффективности расследования [Электронный ресурс] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. N 1. URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=707&Itemid=82 (дата обращения: 1 окт. 2014 г.).
2. Детям мигрантов, не платящих налоги, могут запретить ходить в детсад [Электронный ресурс] // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: сайт. URL: <http://www.rfdeti.ru/> (дата обращения: 5 окт. 2014 г.).
3. Сартаева Н.А. Криминологический мониторинг: введение в теорию и методологию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Караганда, 2008.
4. Бабаев М.М., Коваленко В.И. Теоретические и прикладные проблемы предупреждения сексуальной эксплуатации женщин и детей: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2012. 160 с.
5. Флоринская Ю.Ф. Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов Центра миграционных исследований) // Проблемы прогнозирования. 2012. N 4. С. 118-126.
6. Головина М. Преступность несовершеннолетних в Италии [Электронный ресурс] // Неволя: альманах. 2007. N 12 // URL: <http://Index.org.ru> (дата обращения: 29 сент. 2014 г.).
7. Полунин А. Мигрант повышенной опасности. Дети приезжих более криминальны, чем их родители [Электронный ресурс] // СвободнаяПресса: федеральный вып. 2013. 22 окт. URL: <http://svpressa.ru/society/article/76216/> (дата обращения: 9 окт. 2014 г.).
8. Навара И. Молодежная преступность берет начало в среде мигрантов [Электронный ресурс] // Neue Zeiten. 2010. N 6 (108). URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2010/06/21/molodezhnaya-prestupnost-beret-nachalo-v-srede-migrantov/> (дата обращения: 13 окт. 2014 г.).
9. Козлова Н. Главный следователь Москвы: на счету мигрантов – 10 тысяч преступлений в год // Рос. газ. 2014. 11 февр.

References

1. Brizhak Z.I., Volochay S.N. *Kharakteristika prestupleniy nesovershennoletnikh i ee znachenie dlya povysheniya effektivnosti rassledovaniya* [Characteristics of juvenile crimes and its importance for improving the efficiency of investigation]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* – Science and Education: Agriculture and economics; entrepreneurship; law and management. 2011, no. 1. Available at: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=707&Itemid=82 (Accessed 1 October 2014).
2. *Detyam migrantov, ne platyashchikh nalogi, mogut zapretit' khodit' v detsad* [Children of migrants, not paying taxes, can inhibit walk in kindergarten]. *Upolnomochenny pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka: sayt*. [Authorized under the President of the Russian Federation on the Rights of the Child: the site]. Available at: <http://www.rfdeti.ru/> (Accessed 5 October 2014).
3. Sartayeva N.A. *Kriminologicheskij monitoring: vvedenie v teoriyu i metodologiyu. Avtoref. Dokt. Diss.* [Criminological monitoring: introduction to the theory and methodology. Autoabstract Doct. Diss.]. Karaganda, 2008.
4. Babaev M.M., Kovalenko V.I. *Teoreticheskie i prikladnye problemy preduprezhdeniya seksual'noy ekspluatatsii zhenshchin i detey* [Theoretical and applied problems of the prevention of sexual exploitation of women and children]. Moscow, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, 2012. 160 p.
5. Florinskaya Yu.F. *Migratsiya semey s det'mi v Rossiyu: problemy integratsii (po materialam sotsiologicheskikh oprosov Tsentra migratsionnykh issledovaniy)* [Migration of families with children in Russia: problems of integration (based on opinion polls of the Center for Migration Studies)]. *Problemy prognozirovaniya* – Problems of Forecasting, 2012, no. 4, pp. 118-126.
6. Golovina M. *Prestupnost' nesovershennoletnikh v Italii* [Juvenile delinquency in Italy]. *Nevolya: al'manakh* – Bondage: almanac, 2007, no. 12. Available at: <http://Index.org.ru> (Accessed 29 September 2014).
7. Polunin A. *Migrant povyshennoy opasnosti. Deti priezhzhikh bolee kriminal'ny, chem ikh roditeli* [Migrant increased danger. Children of immigrants more criminal than their parents]. *SvobodnayaPressa: federal'nyy vyp.* – Free Press: Federal edition, 2013, 22 October. Available at: <http://svpressa.ru/society/article/76216/> (Accessed 9 October 2014).
8. Navara I. *Molodezhnaya prestupnost' берет nachalo v srede migrantov* [Youth crime originates among migrants]. *Neue Zeiten*, 2010, no. 6 (108). Available at: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2010/06/21/molodezhnaya-prestupnost-beret-nachalo-v-srede-migrantov/> (Accessed 13 October 2014).
9. Kozlova N. *Glavnyy sledovatel' Moskvy: na schetu migrantov – 10 tysyach prestupleniy v god* [The chief investigator of Moscow: on account of migrants – 10 000 crimes per year]. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian newspaper, 2014, 11 February.

ЧЕРНЯВСКИЙ Д.О.,
chernyavskiydmitriy34@gmail.com
Научно-исследовательский институт;
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
123022, г. Москва, 2-я Звенигородская, 15

CHERNYAVSKIY D.O.,
chernyavskiydmitriy34@gmail.com
Scientific Research Institute;
Academy of the General Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
The 2nd Zvenigorodskaya St. 15,
Moscow, 123022,
Russian Federation

СКУЛАКОВ Р.М.,
кандидат юридических наук, доцент,
romans231078@gmail.com
Вневедомственный
научно-исследовательский институт
изучения безопасности и сыска,
111141, г. Москва, а/я 476

SKULAKOV R.M.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
romans231078@gmail.com
Non-departmental scientific
research institute for security
and detection studies,
Moscow, 111141, POB 476,
Russian Federation

ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К НАРУШЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Реферат. Анализируются проблемы, возникающие в связи с обеспечением территориальной целостности Российской Федерации, в свете событий, происходивших в последние десятилетия на территории ближнего и дальнего зарубежья. Исследуются процессы, вызванные агрессивной внешней политикой западных стран во главе с США, начавшиеся с момента распада Советского Союза, до недавнего антиконституционного переворота на Украине. Оценивается угроза территориальной целостности Российской Федерации, исходящая от набирающей силу и влияние террористической организации «Исламское государство», открыто угрожающей захватом Северного Кавказа. Дается оценка событиям, произошедшим в Псковской области, прогнозируется их дальнейшее развитие с точки зрения территориальной целостности Российской Федерации. Устанавливаются и анализируются причины введения уголовно-правового запрета публичных призывов к нарушению территориальной целостности России, включая внешнеполитические и внутривнутриполитические предпосылки криминализации деяния. Исследуются и толкуются ключевые для темы понятия: «территория», «территория государства», «территориальная целостность», «публичные призывы», «экстремистская деятельность», «ненасильственные действия экстремистской направленности», «ненасильственные действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Проводится соотношение публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации с экстремистской деятельностью. Рассматриваются проблемы правоприменительной практики с точки зрения объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 280.1 УК РФ, а также выявленные пробелы законодательства. В связи с направлением исследования поднимается вопрос о соответствии статьи УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, положениям Конституции России.

Ключевые слова: территориальная целостность Российской Федерации, публичные призывы, экстремизм, экстремистская деятельность.

PUBLIC CALLS FOR VIOLATION OF TERRITORIAL INTEGRITY: PROBLEMS OF SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LAW PROHIBITION

Abstract. The authors analyze the problems arising while ensuring the RF territorial integrity in light of the events that occurred in recent decades on the territory of CIS and far abroad. Processes caused by the aggressive foreign policy of Western countries led by the USA, from the Soviet Union collapse until recent anti-constitutional coup d'etat in Ukraine, are investigated. The threat to the RF territorial integrity posed by terrorist organization "Islamic State", which grows in power and influence

and threatens to invade the Northern Caucasus, is estimated. The events that happened in Pskov region are estimated, their further development from the perspective of the RF territorial integrity is predicted. The reasons for imposing criminal law ban on public calls for violation of the Russian territorial integrity, including foreign and domestic premises of this act criminalization, are established and analyzed. The key concepts are studied and interpreted: "territory", "state territory", "territorial integrity", "public calls", "extremist activity", "non-violent extremist actions", "non-violent actions aimed at violating the RF territorial integrity". The interrelationship between public calls for violation of the RF territorial integrity and extremist activity is analyzed. The problems of law enforcement practice from the standpoint of objective element of the crime provided by Article 280.1 of the RF Criminal Code as well as the revealed gaps in legislation are discussed. In this regard the authors raise the question of compliance of the RF Criminal Code Article, providing criminal liability for public calls for violation of the Russian territorial integrity, with the Russian Constitution provisions.

Keywords: territorial integrity of the Russian Federation, public calls, extremism, extremist activity.

В современной геополитической обстановке, в эпоху бурного развития стран третьего мира, массовых миграций, истощения природных ресурсов, так необходимых человеку для осуществления его жизнедеятельности, достижения социального благополучия и экономического роста, вопрос территории с каждым днем приобретает все большее и большее значение.

Исторический анализ геополитической ситуации за последние 20 лет свидетельствует, что США постоянно стремятся к монополярному устройству мира. Для осуществления поставленной задачи, прикрываясь защитой и укреплением демократических ценностей, защитой населения от тоталитарных и коррумпированных режимов, борьбой с международным терроризмом, усмирением агрессивной внешней политики некоторых стран, они вторгаются на территории других государств, привнося туда хаос и территориальную раздробленность.

При этом такие вторжения осуществляются как в форме открытой военной экспансии, так и посредством финансирования и поддержки соответствующих радикальных группировок на территории того или иного государства, что, как правило, приводит к гражданской войне и последующему распаду государства. Примером проведения такой политики является распад СССР, Югославии, Грузии, Украины, попытки осуществления аналогичных переворотов в Венесуэле и на Кубе.

Территория государства есть материальная основа существования проживающего на ней населения. Само государство, являясь результатом деятельности человека, невозможно без территории, необходимой и достаточной для удовлетворения нужд общества.

Территория — это обязательный признак государства. С территорией и территориальной целостностью тесно связано такое понятие, как государственный суверенитет, представляющий собой независимость государства во внешней и внутренней политике, исключительная юрисдикция, распространяющаяся на его территорию. В связи с этим территориальная целостность есть одна из основ государственного суверенитета.

Проблема территориальной целостности имеет место на протяжении всего периода существования Российского государства. Российская Федерация обладает значительной территорией, занимая первое место в мире по принадлежащей суше, внушительными запасами углеводородов, цветных, в том числе драгоценных, металлов, древесины, алмазов и других полезных ископаемых, вследствие чего является объектом пристального внимания как со стороны развитых стран, практически полностью исчерпавших свои природные ресурсы, так и со стороны развивающихся стран, испытывающих острую необходимость в ресурсах и территориях для сохранения и увеличения экономического роста.

Начиная со второй половины XX века из уст зарубежных политиков звучат заявления о том, что Россия необоснованно владеет большим количеством природных ресурсов, в то время как многие государства остро нуждаются в них, в связи с чем необходимо разделить ее на соответствующие секторы, а также звучит заявление о необходимости проведения политики по сокращению численности населения Российской Федерации до 3 млн человек, поскольку этого будет достаточно для обслуживания сырьевых баз. Такой подход свидетельствует о враждебной, захватнической политике, проводимой в отношении России.

После распада СССР Россия столкнулась с проблемой сохранения территориальной целостности на Северном Кавказе и в Республике Татарстан. В результате реализации мер, направленных на наведение «конституционного порядка», в том числе путем проведения военных операций в республиках Северного Кавказа, государству удалось сохранить свою целостность.

Особенно обострилась проблема сохранения территориальной целостности в свете последних событий на Украине, после отделения и вхождения в состав России Крыма, эскалации военного конфликта на юго-востоке Украины.

Еще одна угроза территориальной целостности Российской Федерации исходит от Ближнего Востока, где набирает силу и влияние организация «Исламское государство», поставившее своей целью построение нового халифата. Его лидеры открыто угрожают России военным вторжением и отделением Северного Кавказа, о чем свидетельствуют многочисленные видеоролики, размещенные в сети Интернет*. Кроме того, в СМИ размещена информация о том, что на территории Республики Татарстан задержаны представители Исламского государства.

При таких обстоятельствах весьма вероятными представляются попытки нарушить территориальную целостность Российской Федерации. Не подлежит сомнению тот факт, что государство должно максимально жестко реагировать на подобные проявления и устанавливать повышенную ответственность за действия, направленные на создание условий для нарушения территориальной целостности России.

Рассмотренные выше события нашли свое отражение в уголовной политике России, в результате чего 28 декабря 2013 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) введена статья 280.1, устанавливающая ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, криминологически обусловленная ее потенциальной возможностью предупреждать сепаратистские тенденции и призывы к действиям по уступке частей

* См. об этом также в работе В.В. Меркурьева, И.В. Гладкова, Д.А. Соколова [1, с. 49].

территории России иностранным государствам, а также распространение сведений, оправдывающих эти действия**. Данная норма обеспечивает уголовно-правовую охрану конституционного принципа территориальной целостности Российской Федерации, гарантируя, во-первых, территориальное верховенство государства перед посягательствами извне; во-вторых, невозможность уступки Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам, иным организациям и лицам, и в-третьих, невозможность выхода субъекта Российской Федерации из ее состава.

Так что же следует понимать под территориальной целостностью? — По нашему мнению, целостность Российской Федерации представляет собой нераздельность, единство государственной территории и границы, сложившееся исторически (территориальная целостность государства), и функционирование системы органов государственной власти. Другими словами, целостность государства будет обеспечиваться только в случае невозможности противоправного изменения состава государственной территории и реализации функций и задач государства посредством органов власти.

Необходимо согласиться с мнением А.М. Ладыженского о том, что государство не может быть без территории, и исчезновение материального субстрата равносильно исчезновению самого политического организма [2, с. 37].

Территория государства представляет собой материальную основу существования проживающего на ней населения. Само государство, являясь результатом человеческой цивилизации, немыслимо без территории, достаточной для удовлетворения нужд политического общества [3, с. 57].

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»*** (далее — Закон N 114-ФЗ) экстремизм включает в себя насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации. Под

** О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 433-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 52 (ч. 1). Ст. 6998.

*** Рос. газ. 2002. 30 июля.

действиями, направленными на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, следует понимать действия, направленные на изменение единства территориального устройства, границ территории или государственной границы Российской Федерации, в пределах которых распространяется ее суверенитет, совершаемые с нарушением установленных Конституцией Российской Федерации оснований и порядка их осуществления. Вместе с тем Закон N 114-ФЗ не устанавливает обязательного насильственного характера действий по нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Целостность и неприкосновенность государства являются конституционным принципом: согласно ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации они относятся к числу основ ее конституционного строя как составной части суверенитета. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. N 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»* не предусматривает возможность вынесения на референдум вопроса об изменении статуса субъекта (субъектов) Российской Федерации, закрепленного Конституцией Российской Федерации.

Исходя из этого любые призывы к нарушению территориальной целостности рассматриваются российским законодательством как противоправные. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона N 114-ФЗ публичные призывы к осуществлению указанных деяний можно отнести к экстремистской деятельности (экстремизму).

Очевидно, что объемный перечень наказуемых деяний, сущность экстремистской деятельности (экстремизма) будет сложно включить в определение понятия. Однако работа по формулированию определения понятия экстремизма важна для понимания сущности данного преступного явления и выявления новых квалифицирующих признаков. Кроме того, не все действия, экстремистские по сути, являются насильственными. Они могут выражаться в призывах, формировании определенного общественного сознания, разжигании межнациональных и межконфессиональных конфликтов, при этом насилия в них может и не быть.

По нашему мнению, экстремистская деятельность (экстремизм) — это умышлен-

ные противоправные общественно опасные деяния граждан, должностных лиц, общественных объединений, направленные на формирование и реализацию идей, а также осуществление действий по разжиганию межнациональной и (или) межконфессиональной вражды, осуществлению террористической деятельности, изменению конституционных основ государства.

Следует согласиться с мнением В.Ю. Леденевой о том, что законодательно закрепленные понятия далеко не полностью охватывают все стороны экстремизма [4]. В законодательстве не определены формы проявлений экстремизма — «политический экстремизм», «молодежный экстремизм», «религиозный экстремизм» и др., законодательно не закреплены также фундаментальные понятия «угроза или опасность экстремизма», «противодействие экстремизму», «минимизация и ликвидация последствий проявлений экстремизма». Представляется, что в реализации Закона N 114-ФЗ под действиями, направленными на нарушение целостности Российской Федерации, следует понимать действия, направленные на изменение территориального устройства или единства территории Российской Федерации.

Согласно статье 280.1 УК РФ условием наступления уголовной ответственности является совершение именно публичных призывов к нарушению территориальной целостности России. Следует отметить, что термин «публичные призывы» не нашел своего закрепления в нормативных правовых актах.

Вместе с тем в науке уголовного права сформировался подход к определению данного термина. Так, под призывами следует понимать обращение виновного к широкому кругу лиц с помощью различных средств коммуникации [5, с. 10-12], с целью побудить указанных лиц к совершению преступления. Аналогичной позиции придерживаются А. Кибальник и И. Соломонович, отмечая при этом, что законодатель, формулируя диспозицию уголовно-правовой нормы, употребляет термин «призыв» во множественном числе, что по логике буквального толкования означает совершение как минимум двух призывов, однако следуя «духу» закона, преступление необходимо считать оконченным и при совершении единичного призыва [6,

* Рос. газ. 2004. 30 июня.

с. 14-16]. При этом, как справедливо замечают П.В. Агапов и А.Г. Хлебушкин, призывы могут не только выражаться в форме каких-либо лозунгов, но и включать в себя целый ряд мероприятий (программу), направленных на достижение определенного результата [7, с. 150].

В уголовном законе отсутствует определение понятия «призывы к ненасильственному нарушению целостности Российской Федерации». В данном случае важно выявить такие деяния, исключающие насилие, которые будут препятствовать соблюдению основ конституционного строя и (или) создавать угрозы для нарушения территориальной целостности государства. В каком-то смысле ненасильственные действия, угрожающие основам конституционного строя или целостности Российской Федерации, будут походить на злоупотребление правом гражданина, должностного лица или общественной организации, но преследовать цель нарушить или изменить конституционный правовой порядок, территориальную целостность государства, выражаться в массовом порядке.

Ненасильственными действиями экстремистской направленности можно назвать, например, бойкот общественных или государственных событий; бойкот выборов; вывешивание флага; отказ в помощи силам правового порядка; «загрузку» административной или судебной системы; побуждение к двойному суверенитету и созданию параллельного правительства.

Поскольку экстремистская деятельность для достижения своих целей основывается на вовлечении множества лиц, постольку одиночные ненасильственные действия могут быть не распознаны в качестве подготовки как экстремистские. Для реализации экстремистской деятельности в форме ненасильственных методов распространители данных идей будут использовать призывы, т.е. активное воздействие на сознание и волю людей с целью формирования устойчивой мотивации к совершению деяний экстремистской направленности. При данных обстоятельствах важно, чтобы специальные органы своевременно осуществляли проверку в условиях роста количества ненасильственных методов экстремистской направленности.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации под публичными

призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности*.

При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения Закона N 114-ФЗ.

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.).

Преступление, предусмотренное статьей 280.1 УК РФ, считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет.

Таким образом, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности, можно определить как выраженные в любой форме обращения к другим лицам, а также проведение сопутствующих мероприятий с целью побудить их к осуществлению действий, влекущих за собой нарушение территориальной целостности, т.е. уменьшение территории и изменение государственной границы.

При этом представляется необходимым отграничить публичные призывы от изложения собственной позиции по какому-либо вопросу, в том числе научной точки зрения.

Статья 29 Конституции России определяет, что каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускаются пропаганда

* См. п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (Рос. газ. 2011. 4 июля).

или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или к отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Следовательно, можно констатировать коллизию между положениями ст. 280.1 УК РФ и ст. 29 Конституции России.

При этом, говоря о предупреждении действий, направленных на нарушение территориальной целостности России, как о причине введения в действие ст. 280.1 УК РФ, следует отметить, что полностью справиться с этой задачей в рамках действующего уголовного закона не представляется возможным. Яркой иллюстрацией является следующая ситуация.

В Печорском районе Псковской области российские граждане активно получают гражданство Эстонии. Вовлечение российских граждан в процесс приобретения гражданства Эстонии является прямой угрозой территориальной целостности Российской Федерации. При получении гражданства Эстонии российский гражданин должен подписать документ, представляющий собой, по сути, присягу на верность эстонским властям, и одним из пунктов этого документа является безоговорочное признание территориальной целостности Эстонии в границах до 1940 г. В итоге, по данным Псковского погранотряда, в старинных Изборске и в Печорах более половины взрослого населения приняли эстонское гражданство [8].

Данный пример показывает, что способствующие ситуации деяния похожи на вид экстремистской деятельности,

осуществляемой ненасильственным методом, призыв к которой осуществляется специальными органами в Эстонии и заинтересованными лицами на территории Печорского района. Достоверно известно, что Эстония имеет территориальные претензии к России в отношении принадлежности Печорского района Псковской области. Повышение количества российских граждан, владеющих эстонским паспортом и гражданством, в последующем может привести к возникновению идеи самоопределения Печорского района Псковской области в форме отделения и вхождения в состав Эстонии. Можно спрогнозировать, что в качестве провокаций в указанном районе могут быть использованы и другие ненасильственные методы экстремистской направленности, такие как вывешивание государственного флага Эстонии, бойкот выборов, побуждение к двойному суверенитету и созданию параллельного правительства.

За последние 20 лет мы видели, к каким последствиям приводит массовое получение гражданами одного государства гражданства иного государства, вследствие чего иностранное государство под предлогом защиты прав и свобод своих граждан вторгается в эти регионы, что в конечном итоге влечет за собой выход этих регионов из состава государства и нарушает его территориальную целостность. Изложенное позволяет говорить о массовой выдаче гражданства, как о подготовительном или «скрытом» этапе интервенции.

Реализация экстремистами своей ненасильственной деятельности и призывы к ней — реальная опасность, которая может затронуть не только Псковскую область, но и Калининградскую область, регионы Дальнего Востока.

В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в законодательство, чтобы уже на начальном этапе успешно противостоять попыткам вмешательства со стороны иностранных государств.

Список литературы

1. Меркурьев В.В., Gladkov И.В., Соколов Д.А. Деятельность международных террористических и экстремистских организаций как источник угрозы национальной безопасности России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. N 4. С. 48-55.

2. Ладыженский А.М. Юридическая природа территориального верховенства // Вестник МГУ. 1948. N 10.

3. Гефтер А.В. Европейское международное право. СПб., 1880. 619 с.
4. Леденева В.Ю. Межнациональные аспекты и проблемы противодействия экстремизму в современных условиях // Национальная безопасность. 2014. N 2. С. 207-216.
5. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. N 19. С. 10-12.
6. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. N 2. С. 14-16.
7. Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Публичные призывы к осуществлению экстремистской либо террористической деятельности: проблемы уголовно-правовой интерпретации // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований: сб. / под ред. Н.А. Лопашенко. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 149-153.
8. «Эстонизация» Псковской области. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2002/04/22/obshchestvennoe-mnenie/estonizatsiya-pskovskoi-oblasti> (дата обращения: 22 нояб. 2014 г.).

References

1. Merkur'ev V.V., Gladkov I.V., Sokolov D.A. *Deyatel'nost' mezhdunarodnykh terroristicheskikh i ekstremistskikh organizatsiy kak istochnik ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossii* [Activities of international terrorist and extremist organizations as a source of threat to the national security of Russia]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* – Herald of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, 2011, no. 4, pp. 48-55.
2. Ladyzhenskiiy A.M. *Yuridicheskaya priroda territorial'nogo verkhovenstva* [Legal nature of territorial supremacy]. *Vestnik MGU* – Herald of MGU, 1948, no. 10.
3. Gefter A.V. *Evropeyskoe mezhdunarodnoe pravo* [European and international law]. St. Petersburg, 1880. 619 p.
4. Ledeneva V.Yu. *Mezhnatsional'nye aspekty i problemy protivodeystviya ekstremizmu v sovremennykh usloviyakh* [Transnational aspects and problems of combating extremism in modern conditions]. *Natsional'naya bezopasnost'* – National Security, 2014, no. 2, pp. 207-216.
5. Borisov S.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma* [Criminal liability for public incitement to terrorist activity or public justification of terrorism]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2007, no. 19, pp. 10-12.
6. Kibal'nik A., Solomonenko I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma* [Criminal liability for public incitement to terrorist activity or public justification of terrorism]. *Zakonnost'* – Legality, 2007, no. 2, pp. 14-16.
7. Agapov P.V., Khlebushkin A.G. *Publichnye prizvy k osushchestvleniyu ekstremistskoy libo terroristicheskoy deyatel'nosti: problemy ugovovno-pravovoy interpretatsii* [Public calls for extremist or terrorist activity: problems of criminal law interpretation]. *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya: rezul'taty kriminologo-sotsiologicheskikh issledovaniy* [Organized crime and corruption: results of criminological and sociological research]. Saratov, 2009. Edition 4. Pp. 149-153.
8. «Estonizatsiya» Pskovskoy oblasti ["Estonization" Pskov region]. Available at: <http://www.km.ru/v-rossii/2002/04/22/obshchestvennoe-mnenie/estonizatsiya-pskovskoi-oblasti> (Accessed 22 November 2014).

Раздел 5. Пенитенциарная система

АКЧУРИН А.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
79206310258@yandex.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний Российской Федерации,
390000, г. Рязань, Сенная, 1

AKCHURIN A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
79206310258@yandex.ru
Chair of criminal procedure and criminalistics;
Academy of Law and Management
of the Federal Penal Service
of the Russian Federation,
Sennaya St. 1, Ryazan, 390000,
Russian Federation

ТИПИЧНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПРЕСТУПНИК: ОТ КРИМИНОЛОГИИ К КРИМИНАЛИСТИКЕ

Реферат. Раскрываются понятия пенитенциарной преступности и пенитенциарного преступника. Из состояния пенитенциарной преступности за последние десять лет выявлены основные группы совершаемых преступлений. Обосновывается криминалистическое значение характеристики личности пенитенциарного преступника — она дает оперативно-справочную информацию, необходимую на первоначальном этапе расследования, осложненном дефицитом первичной информации, недостаточностью познаний в тактике и методике предварительного расследования, а также противодействием со стороны осужденных (имеющих большой преступный опыт). Информация о личности пенитенциарного преступника способствует выдвижению версий, планированию расследования, сбору доказательств. На основе анализа современных криминалистических и криминологических исследований дана характеристика типичной личности современного пенитенциарного преступника. Проведен анализ половозрастных особенностей осужденных, совершающих преступления в исправительных учреждениях. Среди пенитенциарных преступников выявлено доминирование лиц мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет. Анализ результатов научных исследований показал преобладание у большинства пенитенциарных преступников хорошего физического здоровья, с одной стороны, и наличия различного рода психопатий — с другой. Характерный образовательный уровень рассматриваемой категории преступников — наличие среднего либо среднего специального образования. Семейное положение большинства осужденных, совершивших преступление в период отбывания наказания в исправительном учреждении, характеризуется отсутствием супруги и детей. Анализ социального и криминального статуса показал наличие преимущественно двух и более судимостей у пенитенциарных преступников, а также их криминальную активность и способность к формированию преступного умысла. Делается вывод о присущих типичной личности пенитенциарного преступника характерных особенностях.

Ключевые слова: личность пенитенциарного преступника, осужденный, расследование пенитенциарных преступлений, исправительные учреждения.

TYPICAL PRISON CRIMINAL: FROM CRIMINOLOGY TO CRIMINALISTICS

Abstract. The concepts of prison crime and prison criminal are interpreted. The main groups of prison crimes are distinguished on the basis of prison crime state over the last decade. The criminalistic significance of characteristics of prison criminal's personality is proved: it provides the reference information necessary for initial investigation which is complicated by the lack of the initial information and knowledge of preliminary investigation tactics and methodology as well as by resistance of the convicts having significant criminal experience. The information on the prison criminal's personality facilitates suggesting versions, planning the investigation and collecting evidence. The description of typical modern prison criminal is developed on the basis of the analysis of modern criminalistic and criminological researches. Gender and age features of convicts committing crimes in correctional facilities are analyzed. Males aged 18-30 are proved to be dominant among prison criminals. According to the analysis results most prison criminals are physically fit, but many of them have various psychopathic disorders. The criminals under study have secondary or specialized secondary education. The majority of prison criminals are single and do not have any children. The results of the analysis of prison criminals' social and criminal status are following: criminals have two or more previous convictions, they are characterized by criminal activity and ability to form criminal intent. The author comes to the conclusion that a typical prison criminal personality has characteristic features.

Keywords: prison criminal personality, convict, prison crimes investigation, correctional facilities.

Любое общество не застраховано от проявления противоправных действий отдельных граждан. При этом в большинстве современных государств одной из основных функций является уголовное преследование лиц, совершивших преступления. После установления вины в содеянном таких граждан, как правило, направляют в специализированные пенитенциарные учреждения.

Как отмечают Ю.М. Антонян и Е.Н. Колышницина, одним из парадоксов принудительной изоляции в местах заключения является то, что осужденные совершают там новые преступления разной степени тяжести [1, с. 83].

В последние годы термины «пенитенциарная преступность», «пенитенциарные преступления» и «пенитенциарный преступник» стали все чаще применяться в юридической литературе. Под пенитенциарной преступностью понимается преступность в местах лишения свободы, особенности которой определяются спецификой условий в учреждениях пенитенциарной системы и особой социальной средой осужденных [2].

Общественная опасность пенитенциарных преступлений в последние годы значительно повысилась. Это связано с тем, что уголовная политика государства все больше отражает тенденцию гуманизации. В результате существенно изменился состав контингента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Суды стали назначать лишение свободы наиболее запущенным в нравственном и правовом отношении, многократно судимым лицам, и, соответственно, представляющим повышенную общественную опасность. Данные обстоятельства отрицательным образом сказались на криминогенной ситуации в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [3, с. 7].

Необходимо заметить, что на протяжении последних 11 лет пенитенциарная преступность отличалась существенной динамикой. Вначале прослеживалась тенденция к росту. Так, в исправительных колониях с 2004 по 2006 гг. количество преступлений, совершенных осужденными, увеличилось с 741 преступления до 1 231. Затем пенитенциар-

ная преступность постепенно пошла на убыль и вернулась к показателям одиннадцатилетней давности (752 преступления в 2014 г.). Вместе с тем следует заметить, что общая численность осужденных за рассматриваемый период снизилась на 12 %*.

Согласно данным статистики ФСИН России, на конец 2014 г. зарегистрированы следующие преступления, совершенные осужденными в исправительных колониях:

- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), – 160;
- убийства (ст. 105 УК РФ) – 14;
- покушение на убийство (ст.ст. 30, 105 УК РФ) – 1;
- причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) – 3;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), – 17;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (чч. 1-3 ст. 111 УК РФ) – 25;
- умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – 23;
- причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 114 УК РФ) – 2;
- причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) – 4;
- побеги из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) – 121;
- уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) – 21;
- кражи на объектах уголовно-исполнительной системы (ст. 158 УК РФ) – 12;
- приобретение, сбыт наркотических средств (ст. 228 УК РФ) – 204;
- иные преступления – 145.

Вместе с тем степень латентности пенитенциарной преступности весьма велика, что создает реальную угрозу безопас-

* Здесь и далее приведены статистические данные ФСИН России: отчеты о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Форма 2-УИС за период 2004-2014 гг.

ности уголовно-исполнительной системы [4, с. 61].

Изложенные обстоятельства обуславливают актуальность углубленного изучения проблем в области пенитенциарной преступности, и прежде всего ее базового компонента – личности пенитенциарного преступника.

К числу пенитенциарных преступников Н.Г. Шурухнов относит лиц, которые в период отбывания наказания в исправительных учреждениях совершают преступления [5, с. 74].

Ю.М. Антонян и Е.А. Антонян уточняют это понятие, различая понятие пенитенциарного преступника в широком и узком смысле слова. В первом случае это признанные виновными и отбывающие наказание не только в исправительном учреждении, но и без изоляции от общества; во втором – пенитенциарными преступниками являются те лица, которые отбывают наказание в местах лишения свободы. При этом таковыми являются не все осужденные, а только те, которые вновь совершили преступление [6].

Изучая криминалистические аспекты личности пенитенциарного преступника, мы рассматриваем ее в узком смысле.

Личность пенитенциарного преступника является объектом изучения многих наук, в особенности уголовно-правового и психолого-педагогического блоков. Однако криминалистические аспекты изучения личности пенитенциарного преступника остаются недостаточно разработанными.

В последние годы относительно разработанными в научном плане можно считать вопросы частной характеристики личности пенитенциарных преступников: совершивших побег (Ямашкин А.С., 2012; Грязева Н.В., 2014); совершивших дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (Беляков А.В., 2011); совершивших мошенничество в исправительных учреждениях с использованием сотовых систем подвижной связи (Нуждин А.А., 2013).

Вопросы общей характеристики личности пенитенциарного преступника исследовались в рамках разработки методики расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях (Шурухнов Н.Г., 1993), а так-

же изучения криминалистической теории и практики пенитенциарных и постпенитенциарных преступлений (Николайченко В.В., 2006).

Комплексному изучению проблем, связанных с личностью осужденного, совершившего преступление в исправительном учреждении, в рамках криминалистического учения о личности преступника не уделялось достаточно внимания.

Однако на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений в условиях дефицита оперативной информации и высокой степени противодействия со стороны осужденных, уже имеющих и преступный опыт, и определенные познания в области методики и тактики предварительного расследования, следователю (особенно не имеющему опыта расследования преступлений, совершаемых осужденными) может быть необходима характеристика типичной личности пенитенциарного преступника. Потребность в данной информации диктуется необходимостью выдвижения версий, планирования процесса расследования, сбора доказательств, избрания наиболее эффективной тактики и организации расследования. Личность пенитенциарного преступника проявляется главным образом через «почерк» преступника, в определенных способах и приемах совершения преступления, сведения о которых могут быть установлены с помощью следов, отражающих криминальную зрелость и «профессиональные» навыки преступника [7, с. 30].

По нашему мнению, изучение личности пенитенциарного преступника с позиции криминалистической науки может осуществляться на трех уровнях: обобщенном, когда речь идет о разработке общей методики расследования пенитенциарных преступлений; групповом – при разработке методики расследования отдельных видов или групп пенитенциарных преступлений (например, насильственных преступлений, побегов, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и т.п.); индивидуальном – при разработке методики расследования конкретного пенитенциарного преступления.

Характеризуя типичную личность современного пенитенциарного преступника, обратимся к половозрастным осо-

бенностям, присущим категории лиц, совершающих подобные преступления.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что на сегодняшний день девять из десяти осужденных, содержащихся в исправительных колониях, являются мужчинами. Принимая во внимание данное обстоятельство, с большой степенью уверенности можно говорить и о доминировании мужчин среди пенитенциарных преступников. Это подтверждают криминалистические и криминологические исследования в области пенитенциарных преступлений.

Так, А.В. Беляков утверждает, что подавляющее большинство преступлений, связанных с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершено лицами мужского пола – 98,8 % случаев [8, с. 27].

Согласно данным исследования, проведенного Т.А. Мошковым, 96,7 % насильственных преступлений в исправительных учреждениях совершают осужденные мужчины [9, с. 85].

Результаты изучения Е.В. Прысем судебной практики свидетельствуют о том, что 96,5 % осужденных, совершивших хищение имущества во время отбывания наказания, являются лицами мужского пола [10, с. 19].

А.А. Нуждиным установлено, что мошенничество в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием сотовых систем подвижной связи в 84 % случаев совершается осужденными-мужчинами [11, с. 31].

Немаловажное значение в криминалистической характеристике личности пенитенциарного преступника играет возраст.

Как отмечает Н.Г. Шурухнов, в исправительных учреждениях наиболее криминальной является группа осужденных в возрасте от 18 до 25 лет, на нее приходится около половины всех преступлений, примерно по четверти преступлений приходится на возрастные группы осужденных от 25 до 30 и от 30 до 40 лет [5, с. 83].

Однако такие данные были получены в результате исследований, проведенных более двадцати лет назад. В последние годы подобная тенденция сохраняет свою актуальность для характеристики пенитенциарных преступников, совершающих преимущественно насильственные пре-

ступления либо преступления против установленного порядка управления.

Так, исследование, проведенное С.В. Легостаевым, выявило следующие возрастные характеристики осужденных, совершивших действия, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: в возрасте до 25 лет преступные действия совершили 35,8 % осужденных, от 25 до 29 лет – 19,2 %; от 30 до 39 лет – 24,5 %; от 40 до 49 лет – 15,5 %; от 50 лет и старше – 5 % [12, с. 88].

Аналогичная ситуация складывается при анализе уголовных дел, возбужденных по фактам совершения осужденными насильственных преступлений: данными лицами в возрасте до 25 лет было совершено около 35 % таких преступлений; от 25 до 29 лет – 30 %; от 30 до 39 лет – примерно 18 %; от 40 до 49 лет – около 10 %, и старше 50 лет – 7 % [13, с. 21].

Что касается таких пенитенциарных преступлений, как незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также побегов, которые в совокупности представляют собой доминирующую часть преступлений, совершаемых осужденными, то в данных группах средний возраст преступника приближается к 30 годам.

Данный тезис подтверждает исследование, проведенное К.И. Сазоновой, которая отмечает, что лицами, содержащимися в исправительных учреждениях и совершающими там же незаконный оборот наркотических средств, являются молодые люди мужского пола в возрасте до 30 лет, половина из которых имеет различные заболевания и состоит на диспансерном учете [14, с. 19].

А.С. Ямашкиным, изучавшим пенитенциарных преступников, совершивших побег, представлена следующая возрастная характеристика данных лиц: в возрасте до 25 лет побег совершили 28,36 % осужденных; от 25 до 30 лет – 31,34 %; от 31 до 35 лет – 20,9 %; от 36 до 40 лет – 10,45 %; от 41 до 45 лет – 5,97 %; от 46 лет и старше – 2,98 % [15, с. 63].

Особо следует отметить возрастную особенность осужденных, которые используют в преступных целях современные информационные технологии и последние новинки в области мобильной связи. Более

половины мошенников из числа осужденных, совершивших в исправительном учреждении преступления с использованием сотовых систем подвижной связи, были в возрасте от 18 до 25 лет [11, с. 31].

Существенным элементом характеристики типичной личности пенитенциарного преступника является состояние здоровья и его психические особенности, которые способствуют решению целого комплекса задач: по определению возможного поведения осужденного с учетом наличия заболевания (алкоголизм, наркомания, туберкулез, ВИЧ и т.п.); определению возможности совершения преступления самостоятельно либо с помощью соучастников; определению способности в момент совершения преступления и после него понимать значение своих действий и руководить ими; выбору тактики поведения с осужденными во время проведения следственных действий.

Результаты исследования, проведенного в отношении бежавших осужденных, показали, что 85 % из них были здоровы, а 15 % имели хронические заболевания [15, с. 65].

Что касается осужденных, совершивших насильственные преступления в исправительных учреждениях, то среди них только 25 % не имели психических отклонений. Остальные осужденные страдали различными видами психопатологий (шизофренией, умственной отсталостью, эпилепсией, психической неуравновешенностью, повышенной нервозностью, склонностью к истерии), алкоголизмом и наркоманией [16, с. 34-35].

Помимо рассмотренных элементов характеристики типичной личности пенитенциарного преступника криминалистический интерес представляет образовательный уровень, наличие профессиональных навыков и умений, которые взаимосвязаны с мотивом, способом совершения преступления, позволяют оценить степень противодействия раскрытию и расследованию совершенного преступления и т.д.

Анализ научных исследований в отношении различных категорий пенитенциарных преступников показал, что большинство из них на момент совершения преступления имели среднее либо среднее специальное образование. Высшее образование, как правило, не характер-

но для пенитенциарного преступника. Исключение составляют мошенники из числа осужденных, совершающих преступления в местах лишения свободы с помощью мобильной связи. Среди преступников данной категории практически каждый пятый осужденный имеет высшее образование [11, с. 31].

Семейное положение пенитенциарного преступника характеризует взаимоотношения с семьей и родственниками, что в значительной степени позволяет установить мотивы совершения преступления, а также выявить возможных соучастников.

Около 70 % осужденных, совершивших побег, были холостыми [17, с. 37].

Доля неженатых преступников, пытавшихся дезорганизовать деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, составила 85 % [8, с. 27], а совершивших в исправительных учреждениях насильственные преступления – 58,4 % [9, с. 89].

В то же время почти половина осужденных, совершающих мошенничество с использованием мобильной связи, имеет семью. Денежные средства, полученные в ходе мошеннических посягательств, данные осужденные пересылают жене, детям с целью поддержания их финансового благополучия [11, с. 31].

Особое значение имеет характеристика преступного опыта осужденных, совершивших преступление в период отбывания наказания в исправительном учреждении. Как отмечает А.М. Лютынский, прошлый опыт участия в расследовании нередко обуславливает знание осужденным тонкостей уголовно-процессуального и уголовного права, знание различных видов доказательств по делу, тактических приемов проведения следственных действий [18, с. 4].

Научные исследования в сфере изучения пенитенциарной преступности показывают, что на момент совершения пенитенциарного преступления, как правило, около половины преступников имели более двух судимостей.

В структуре характеристики типичной личности пенитенциарного преступника особую роль играют социально-ролевые признаки.

Отношение осужденных к действующим в их социальной среде нормам пове-

дения (официальным и неофициальным) определяет их социальную стратификацию, которая имеет определенную взаимосвязь с формированием преступной деятельности пенитенциарных преступников и их поведения в процессе предварительного расследования.

Н.Г. Шурухнов выделяет три основные группы лиц, отбывающих наказание, совершающих преступления в исправительных учреждениях: 1) криминально активные лица, устойчиво ориентированные на совершение преступлений; 2) лица, склонные к криминальной деятельности, но не имеющие постоянной установки на совершение преступлений; 3) лица, случайно вовлеченные в преступления [5, с. 74-75].

Для первой группы пенитенциарных преступников характерны: четко определенные криминальные цели, продуманность, сформированность умысла, для чего зачастую предпринимаются различные подготовительные действия, направленные на устранение тех или иных преград, способных осложнить исход преступного деяния. В случае совершения групповых преступлений лица, относящиеся к данной категории преступников, выступают в качестве организаторов либо активных соисполнителей. В процессе расследования данная категория пенитенциарных преступников принимает меры по сокрытию своих действий. На первоначальном этапе отказываются от дачи показаний, через соучастников или близкое окружение (преданных людей) дают установки о поведении на следствии, вводят информацию о том, что сами они случайно оказались на месте преступления, никаких противоправных действий не совершали и т.п. [5, с. 75].

Для второй категории пенитенциарных преступников характерно отсутствие четкой линии поведения в конфликтных ситуациях. Их действия зачастую носят избирательный, стихийный и противоречивый характер. Организаторские качества данной категории преступников не присущи, в результате чего они являются исполнителями, как правило, насильственных преступлений против личности либо против установленного порядка отбывания уголовного наказания.

Третья группа пенитенциарных преступников является наиболее разнообразной, но малочисленной по сравнению с предыдущими двумя группами. Для нее не характерны вынашивание преступного умысла и длительная подготовка к совершению преступления.

Однако, как утверждает Н.Г. Шурухнов, обстановка исправительного учреждения вынуждает большинство осужденных заранее готовиться к действиям, противостоящим притеснениям, оскорблениям, вымогательствам, которые нередко и осуществляются осужденными, принадлежащими к группировкам с отрицательной направленностью, имеющими физическое превосходство, отличающимися грубостью, хитростью, изворотливостью и т.п. Для оказания противодействия притеснителям осужденные подыскивают и приспособляют различные предметы, которые одновременно являются орудием обороны и нападения (колюще-режущие предметы в виде заточенных кусков проволоки, металлических пластин, штырей, гвоздей, ложек, вилок, электродов сварочного аппарата, осколков стекла и т.п.). Данные предметы прячут в различных местах, как правило, локализованных около спального либо рабочего места осужденных, с тем, чтобы в любой момент и в любой ситуации ими можно было воспользоваться [5, с. 76-77].

Анализ вышеизложенных положений направлен на подтверждение криминалистической значимости информации о личности пенитенциарного преступника.

Исходя из изложенного можно сделать вывод о типичной личности современного пенитенциарного преступника. Им является осужденный мужского пола, в возрасте от 18 до 30 лет, обладающий физическим здоровьем, но зачастую имеющий различные виды психопатологий, неженатый, имеющий среднее либо среднее специальное образование, обладающий существенным преступным опытом, криминальной активностью, преступным умыслом и совершающий, как правило, насильственные преступления, побеги, незаконный оборот наркотиков либо действия, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Колышницина Е.Н. Мотивация поведения осужденных: монография. М., 2009. 144 с.
2. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000. 596 с.
3. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / В.С. Жеребин [и др.]. Владимир, 2005. 420 с.
4. Панасенко Е.К. Латентность пенитенциарной преступности как угроза криминологической безопасности УИС // Закон и право. 2006. N 10. С. 61-62.
5. Шурухнов Н.Г. Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. 1993. N 3. С. 74-83.
6. Антонян Ю.М., Антонян Е.А. Понятие личности пенитенциарного преступника // Вестник Орловского государственного университета. 2008. N 4. С. 21-32.
7. Особенности расследования побегов из мест лишения свободы: учеб. пособие / А.В. Акчурин [и др.]. Рязань, 2010. 153 с.
8. Беляков А.В. Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: учеб. пособие. Самара, 2010. 162 с.
9. Мошков Т.А. Криминологическая характеристика насилия в местах лишения свободы: монография. Рязань, 2011. 120 с.
10. Прысь Е.В. Борьба с хищением чужого имущества, совершаемым осужденными в исправительных колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 30 с.
11. Нуждин А.А. Противодействие мошенничеству, совершенному осужденными в учреждениях УИС с использованием сотовых систем подвижной связи: монография. Рязань, 2013. 140 с.
12. Легостаев С.В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (сравнительно-правовой и личностно-ориентированный аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 174 с.
13. Слепов А.П. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. 28 с.
14. Сазонова К.И. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в местах лишения свободы и его предупреждение (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 30 с.
15. Ямашкин А.С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: монография. М., 2012. 208 с.
16. Насреддинова К.А. Виктимологическая профилактика насильственной преступности в исправительных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009. 198 с.
17. Барабанов Н.П., Попов В.В. Предупреждение побегов осужденных из исправительных колоний: криминологические и организационные меры: монография. Рязань, 2010. 172 с.
18. Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 28 с.

References

1. Antonyan Yu.M., Kolyshnitsina E.N. *Motivatsiya povedeniya osuzhdennykh* [Motivation of behavior of convicted]. Moscow, 2009. 144 p.
2. *Rossiyskaya kriminologicheskaya entsiklopediya* [Russian criminological encyclopedia]. Moscow, 2000. 596 p.
3. Zherebin V.S. i dr. *Penitentsiarnaya prestupnost': sushchnost' i aktual'nye problemy preduprezhdeniya* [Penitentiary crime: the nature and actual problems of prevention]. Vladimir, 2005. 420 p.
4. Panasenko E.K. *Latentnost' penitentsiarnoy prestupnosti kak ugroza kriminologicheskoy bezopasnosti UIS* [Latency of penitentiary crime as a threat to criminological security of FPS]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*, 2006, no. 10, pp. 61-62.
5. Shurukhnov N.G. *Lichnost' penitentsiarnogo prestupnika* [Personality of the penitentiary offender]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological researches*, 1993, no. 3, pp. 74-83.
6. Antonyan Yu.M., Antonyan E.A. *Ponyatie lichnosti penitentsiarnogo prestupnika* [The concept of personality of penitentiary offender]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Orel state university*, 2008, no. 4, pp. 21-32.
7. Akchurin A.V. i dr. *Osobennosti rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody* [Peculiarities of investigation of escapes from prisons]. Ryazan, 2010. 153 p.

8. Belyakov A.V. *Metodika rassledovaniya dezorganizatsii deyatel'nosti uchrezhdeniy, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva* [Methodology of the investigation of the disruption of the activities of institutions providing isolation from society]. Samara, 2010. 162 p.

9. Moshkov T.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika nasiliya v mestakh lisheniya svobody* [Criminological characteristics of violence in prisons]. Ryazan, 2011. 120 p.

10. Prys' E.V. *Bor'ba s khishcheniem chuzhogo imushchestva, sovershaemym osuzhdennymi v ispravitel'nykh koloniyakh. Avtoref. Kand. Diss.* [The fight against theft of another's property committed by convicts in penal colonies. Autoabstract Cand. Diss.]. Ryazan, 1998. 30 p.

11. Nuzhdin A.A. *Protivodeystvie moshennichestvu, sovershennomu osuzhdennymi v uchrezhdeniyakh UIS s ispol'zovaniem sotovykh sistem podvizhnoy svyazi* [The anti-fraud activity, committed by convicts in prisons of FPS with the use of cellular mobile communication systems]. Ryazan, 2013. 140 p.

12. Legostaev S.V. *Dezorganizatsiya deyatel'nosti uchrezhdeniy, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva (sravnitel'no-pravovoy i lichnostno-orientirovannyi aspekty). Kand. Diss.* [The disruption of the activities of institutions providing isolation from society. Comparative legal and personal-oriented aspects. Cand. Diss.]. Ryazan, 2010. 174 p.

13. Slepov A.P. *Preduprezhdenie nasil'stvennykh prestupleniy, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'nykh koloniyakh. Avtoref. Kand. Diss.* [The prevention of violent crimes committed by convicts in penal colonies. Autoabstract Cand. Diss.]. Ryazan, 2008. 28 p.

14. Sazonova K.I. *Nezakonnyy oborot narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov, a takzhe rasteniy, soderzhashchikh narkoticheskie sredstva ili psikhotropnye veshchestva, v mestakh lisheniya svobody i ego preduprezhdenie (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskii aspekty). Avtoref. Kand. Diss.* [Illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, as well as plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, in prisons and its prevention. Criminal law and criminological aspects. Autoabstract Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2012. 30 p.

15. Yamashkin A.S. *Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody* [Methodology of the investigation of escapes from prisons]. Moscow, 2012. 208 p.

16. Nasreddinova K.A. *Viktimologicheskaya profilaktika nasil'stvennoy prestupnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh. Kand. Diss.* [Victimological prevention of violent crime in correctional institutions. Cand. Diss.]. Ryazan, 2009. 198 p.

17. Barabanov N.P., Popov V.V. *Preduprezhdenie pobegov osuzhdennykh iz ispravitel'nykh koloniy: kriminologicheskie i organizatsionnye mery* [Prevention of escapes of convicted from penal colonies: criminological and organizational measures]. Ryazan, 2010. 172 p.

18. Lyutynskiy A.M. *Taktika doprosa uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva iz chisla lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody. Avtoref. Kand. Diss.* [Tactics of interrogation of participants in criminal proceeding from the number of persons sentenced to imprisonment. Autoabstract Cand. Diss.]. Vladimir, 2006. 28 p.

ВОСКРЕСОВ Б.Н., VOSKRESOV B.N.,
borisvoskresov@ya.ru borisvoskresov@ya.ru
Кафедра уголовного права и криминологии;
Южный федеральный университет, B. Sadovaya St. 105/42,
344006, г. Ростов-на-Дону, Rostov-on-Don, 344006,
Б. Садовая, 105/42 Russian Federation

ПОТЕНЦИАЛ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Реферат. На основе изучения судебной практики, правовой природы и карательного содержания уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью анализируются причины его редкого назначения судами. В качестве таких причин рассматриваются: конкуренция наказания с другими мерами уголовно-правового и государственно-правового воздействия (автоматическое увольнение при осуждении); скептическое отношение судей к наказанию как к довольно мягкому; неурегулированные вопросы усиления ответственности в случае уклонения от исполнения наказания. Выясняется потенциал данного наказания в достижении целей общей, и особенно частной превенции, исправления осужденного. Обосновывается целесообразность назначения данного наказания лицам, совершившим преступления в сфере, связанной с выполнением субъектами своих профессиональных функций (врачи, педагоги, водители, представители власти и др.) в условиях сложившейся криминальной обстановки, определяемой профессиональной деятельностью или занимаемой должностью, которая и детерминировала преступление; неосторожные преступления; не тяжкие преступления в сфере экономической деятельности. Даются рекомендации по расширению практики назначения данного вида наказания. В частности, судам апелляционной инстанции предлагается обращать внимание на обязательность назначения запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случаях, если это предусмотрено санкцией соответствующей статьи УК РФ. Следует пересмотреть карательное содержание данного наказания и распространить его на лиц, занимающих должности не только в государственных, но и в коммерческих структурах, а также предусмотреть правовые последствия для лиц, уклоняющихся от исполнения наказания.

Ключевые слова: назначение наказания, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, кара, исправление.

POTENTIAL OF IMPOSING PUNISHMENT IMPLYING DEPRIVATION OF THE RIGHT TO OCCUPY CERTAIN POSITIONS OR TO BE ENGAGED IN CERTAIN ACTIVITIES

Abstract. The reasons of infrequent imposing punishment implying deprivation of the right to occupy certain positions or to be engaged in certain activities are analyzed, basing on the results of studying judicial practice, legal nature and punitive content of such criminal sanction. The following reasons are considered: competition of this punishment with other criminal and state legal measures (immediate dismissal after conviction); skeptical attitude of judges to such punishment as lenient one; unsettled issues of enhancing criminal responsibility in case of evading punishment execution. The author argues the efficiency of such punishment for obtaining goals of general and particular prevention and reformation of convicts. The author proves the necessity of imposing such punishment to individuals who have committed crimes in the sphere related to performing professional duties (doctors, teachers, drivers, public agents) under current criminal conditions determining committing crimes, crimes of negligence, petty economic crimes. Some recommendations regarding expansion of practice of imposing the punishment under review are provided, notably: it is obligatory for appellate courts to impose the punishment implying deprivation of the right to occupy certain positions or to be engaged in certain activities, if it is provided by sanction of a certain article of the RF Criminal Code. The author proposes to reconsider the punitive content of this punishment, to implement it to individuals working not only in state authorities, but also in commercial organizations and to create criminal responsibility for evading punishment execution.

Keywords: imposition of punishment, deprivation of the right to occupy certain positions or to be engaged in certain activities, punishment, reformation.

Одним из генеральных направлений современной уголовной политики России, основанным на международных стандартах обращения с осужденными, является тенденция гуманизации уголовной ответственности при одновременном соблюдении принципов дифференциации ее форм и достижения ее основной цели – предупреждения совершения новых преступлений.

Реализация взятого вектора в отечественной социально-правовой действительности, а также устранение «дефицита» альтернативных видов уголовных наказаний [1, с. 45], которые суд может назначить виновному лицу за совершенное преступление, на наш взгляд, возможны не только за счет введения новых (трудноосуществимых и экономически затратных) видов уголовных наказаний, но и за счет пересмотра превентивного потенциала и возможностей уже имеющихся видов как основных, так и дополнительных наказаний.

В связи с этим заслуживает рассмотрения такой вид уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое, несмотря на более чем вековую историю, до сих пор остается «в тени» и в теории уголовного и уголовно-исполнительного права, и в судебной практике. В то же время его потенциал и карательное содержание при более внимательном рассмотрении и гибком использовании, как представляется, во многом способствовали бы достижению обозначенных в ст. 43 УК РФ целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения новых преступлений (общей превенции) [2, с. 9].

Как же достигается цель частной превенции? Президент Российской Федерации в своих посланиях Федеральному Собранию РФ всегда подчеркивает важность гуманизации современной системы назначения и исполнения наказаний, поиска новых альтернатив лишению свободы: «Нельзя забывать и о таком принципиальном вопросе, как гуманизация закона и порядка его применения», а также: «Особую роль в проведении эффективной уголовной политики нужно отвести судебной системе. От нее зависит, станет ли система назначения наказаний более гибкой, дифференцированной, а значит, и

более справедливой» [3]. Особенно ярко данная тенденция уголовной политики государства проявляется в последнее время по отношению к преступникам, совершившим преступления по неосторожности, не являющиеся тяжкими преступлениями в сфере экономической деятельности, а также в сфере, связанной с выполнением субъектами своих профессиональных функций (врачи, педагоги, водители, представители власти и др.).

Именно для данной категории преступников, совершивших противоправное, общественно опасное деяние в условиях выполнения должностных обязанностей либо профессиональной деятельности, эффективность наказания в виде лишения свободы довольно сомнительна. Изучение уголовных и личных дел осужденных показывает, что характеристика личности таких преступников чаще всего положительная. Они хорошо образованы, достаточно обеспечены, имеют семьи, детей, в связи с этим не представляют высокой общественной опасности, требующей их изоляции от общества. Преступления совершают чаще всего впервые в условиях сложившейся криминальной обстановки, определяемой профессиональной деятельностью или занимаемой должностью. Лишение таких лиц свободы даже на непродолжительный срок может повлечь и, к сожалению, влечет специальный рецидив преступлений.

В то же время, лишив данных лиц права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, суд исключает человека из той криминообразующей обстановки, которая и детерминировала преступление. Следовательно, при надлежащем контроле за таким лицом с большой долей вероятности исключается специальный рецидив и достигается цель частной превенции. Если же особенности личности такого преступника все-таки свидетельствуют о необходимости его изоляции, то названное наказание должно быть назначено в качестве дополнительного, исключив тем самым рецидив после освобождения из мест лишения свободы.

С одной стороны, рассматриваемое наказание является довольно мягким, оно не связано с изоляцией лица от общества, не влечет изъятия имущества субъекта преступления или денежного взыскания. Кроме того, законодатель определил ему среди

наказаний второе место по мягкости после штрафа. Однако, как верно отмечает Ю.В. Чукичев, данное наказание влечет для осужденного целый ряд негативных последствий, таких как изменение социального статуса, понижение уровня материального обеспечения, утрата льгот и преимуществ, связанных с прежней должностью, перерыв специального трудового стажа [4, с. 46]. Осужденный к данной мере может полностью лишиться основного рода деятельности, которым он занимался долгие годы, а значит, и единственного источника существования для себя и членов своей семьи.

Возможно, именно поэтому суды так редко назначают данный вид наказания, несмотря на более чем 100-летний срок его существования (первые упоминания о подобном наказании можно встретить в Уголовном уложении 1903 г.) и то, что в УК РФ он предусмотрен более чем в 130 санкциях различных составов преступлений.

Особенность рассматриваемого наказания заключается в том, что оно может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда не предусмотрено соответствующей статьей УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление либо указано в санкциях в качестве одного из основных видов наказаний (например, наряду с лишением свободы, в ч. 1 ст. 286 УК РФ), если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Однако, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 году к данному виду наказания в качестве основного было приговорено всего 448 человек (0,06 % от количества всех осужденных), а в качестве дополнительного — 11 947 осужденных (1,6 %)*. Причем даже по тем преступлениям, за совершение которых данное наказание в качестве дополнительного должно назначаться в ста процентах случаев (ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», ст. 290 УК РФ «Получение взятки»), данное наказание назначалось в 2013 году не всегда.

Из 14 466 осужденных по ст. 264 УК РФ были лишены права управлять транспортным средством лишь около половины — 8 644 виновных, а из 1 570 должностных лиц, получивших взятки, лишь 901 лицо было лишено судом права занимать соответствующие должности (57 %). Причем для водителей, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, по вине которых погибли люди, чаще всего управление транспортным средством не являлось основным родом профессиональной деятельности, а взяточники имели не одно образование и вполне могли реализоваться в другой области жизнедеятельности.

При этом в большинстве санкций законодатель, вводя данное наказание в качестве дополнительного, указывает суду на право его назначения или не назначения, используя формулировку «или без такового». В то же время в санкциях ряда статей УК РФ (ч. 4 ст. 122, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 205.2, ст. 264, ст. 280, ст. 282.2, ст. 285, ст. 286, ст. 290 и др.) суды лишены собственного усмотрения, и данное наказание должно обязательно добавляться к основному.

Изучение судебной практики отражает непоследовательную тенденцию, когда судьи не только не назначают обязательное лишение прав, но и не используют для этого единственно возможное основание, закрепленное ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление», позволяющей при наличии исключительных обстоятельств выходить за рамки указанного выше предписания. Такие решения суда должны быть отменены вышестоящими судами на основании кассационных представлений государственного обвинителя.

Так, Азовским судом г. Ростова-на-Дону в 2012 году за получение взятки в крупном размере с вымогательством был осужден по пп. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к семи годам лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет гр. Д. — руководитель государственного учреждения. Однако, несмотря на то, что санкция данного состава предусматривает обязательное присоединение к основному дополнительного наказания — «с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 12 окт. 2014 г.).

на срок до трех лет», данное наказание назначено не было*.

По нашему мнению, причиной редкого назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является конкуренция этого наказания с другими мерами уголовно-правового воздействия.

Во-первых, по своему карательному содержанию наказание схоже с такой довольно распространенной в отечественной судебной практике мерой уголовно-правового характера, как условное осуждение. В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

Несмотря на то, что слово «обязанность» предполагает круг действий, обязательных для выполнения, суды порой толкуют их расширительно и включают в них и запреты. В изученных нами приговорах встречались такие обязанности (запреты), как не управлять транспортным средством, не занимать должности, связанные с управленческими функциями, в течение испытательного срока. Последняя обязанность, возможно, была возложена на осужденного по ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» ввиду того, что анализируемое наказание назначить лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой организации, невозможно. Это связано с формулировкой, раскрывающей карательное содержание наказания, данной в ч. 1 ст. 47 УК РФ: «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в за-

прещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью». Между тем это наказание предусмотрено в санкции данной статьи [5, с. 44].

Если условно осужденный уклоняется от исполнения возложенных на него судом обязанностей, то суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции может продлить испытательный срок, но не более, чем на один год. А систематическое неисполнение возложенных обязанностей либо сокрытие от контроля может повлечь отмену условного осуждения и исполнение наказания, назначенного приговором суда.

К сожалению, ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законах не предусмотрены правовые последствия для осужденного к наказанию в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за его неисполнение или уклонение от исполнения.

В соответствии со ст. 38 УИК РФ представители власти, государственные служащие, служащие органов местного самоуправления, служащие государственных или муниципальных учреждений, коммерческих или иных организаций, злостно не исполняющие вступившие в законную силу приговор суда, решение суда или иной судебный акт о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, несут ответственность по ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». В то же время сами осужденные к данной мере при неисполнении или уклонении от исполнения предписаний суда могут быть привлечены к административной ответственности либо контролирующий орган в лице уголовно-исполнительных инспекций ФСИН РФ не засчитывает в срок указанного наказания время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью. Такой подход, по нашему мнению, вряд ли оправдан.

Наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних осужденных (п. «б» ч. 1 ст. 88 УК РФ) конкурирует по своей карательно-воспитательной сущности с такой принудительной мерой вос-

* URL: http://azovsky.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005 (дата обращения: 14 окт. 2014 г.).

питательного воздействия, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Последняя мера может предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа.

Суд может лишить осужденного возможности занимать определенную должность, назначив такое наказание, как ограничение свободы, но только в том случае, если место его работы находится за пределами территории соответствующего муниципального образования, в котором проживает лицо и из которого ему запрещено выезжать.

Кроме того, необходимо отметить, что многие специальные субъекты преступлений при осуждении автоматически лишаются возможности продолжать свою профессиональную деятельность ввиду того, что нормативные акты, регламентирующие прохождение службы в правоохранительных органах или работу в

государственных структурах, исключают возможность дальнейших трудовых отношений с таким лицом или напрямую предусматривают осуждение за преступление как основание для увольнения*.

В качестве рекомендации по расширению практики назначения данного вида наказания судам апелляционной и кассационной инстанции предлагается обращать внимание на обязательность назначения запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случаях, если это предусмотрено санкцией соответствующей статьи УК РФ. Следует пересмотреть карательное содержание данного наказания и распространить его на лиц, занимающих должности не только в государственных, но и в коммерческих структурах, а также предусмотреть правовые последствия для лиц, уклоняющихся от исполнения наказания.

* См., напр.: О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 3 дек. 2012 г. N 229-ФЗ // Рос. газ. 2012. 7 дек.; О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 11 февр.; О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 403-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 дек.

Список литературы

1. Zubkov A.I. Karatel'naya politika Rossii na rubezhe tysyacheletiy (V svyazi s proektom federal'nogo zakona «O vnesenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii izmeneniy i dopolneniy po voprosam ugolovno-ispolnitel'noy sistemy»). M.: PRI, 2000. 84 с.
2. Артеменко Н., Тищенко Е. Назначение дополнительного наказания за получение взятки врачом // Уголовное право. 2010. N 1. С. 9-12.
3. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/14088/work> (дата обращения: 12 окт. 2014 г.).
4. Чукичев Ю.В. Ответственность государственных служащих за незаконное участие в предпринимательской деятельности // Административное и муниципальное право. 2010. N 10. С. 45-48.
5. Анганзоров О.В. Наказание по ч. 1 ст. 47 УК необходимо распространить на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях // Законность. 2011. N 11. С. 44-47.

References

1. Zubkov A.I. *Karatel'naya politika Rossii na rubezhe tysyacheletiy (V svyazi s proektom federal'nogo zakona «O vnesenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii izmeneniy i dopolneniy po voprosam ugolovno-ispolnitel'noy sistemy».)* [Punitive policy of Russia at the turn of the millennium. (In connection with the draft federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, changes and additions on the correctional system.")] Moscow, PRI Publ., 2000. 84 p.
2. Artemenko N., Tishchenko E. *Naznachenie dopolnitel'nogo nakazaniya za poluchenie vzyatki vrachom* [Appointment of additional punishment for bribery doctor]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2010, no. 1, pp. 9-12.
3. Available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/14088/work> (Accessed 12 October 2014).
4. Chukichev Yu.V. *Otvetsvennost' gosudarstvennykh sluzhashchikh za nezakonnoe uchastie v predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Responsibility of public officials for illegal participation in entrepreneurial activity]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and municipal law*, 2010, no. 10, pp. 45-48.
5. Anganzorov O.V. *Nakazanie po ch. 1 st. 47 UK neobkhodimo rasprostranit' na lits, vpolnyayushchikh upravlencheskie funktsii v kommercheskikh organizatsiyakh* [Punishment under Part 1 of Article 47 of the Criminal Code should be extended to persons performing managerial functions in commercial organizations]. *Zakonnost' – Legality*, 2011, no. 11, pp. 44-47.

Раздел 6. Правоохранительная политика

МАЛЬКО А.В., MAL'KO A.V.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
igp@sgap.ru
Саратовский филиал Института
государства и права
Российской академии наук,
410028, г. Саратов,
Чернышевского, 135

Doctor of Legal Sciences, professor,
Honoured Worker of Science
of the Russian Federation,
igp@sgap.ru
Saratov Branch of the Institute
of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Chernyshevskogo St. 135, Saratov,
410028, Russian Federation

ТУТЫНИНА Е.Г., TUTYNINA E.G.,
eletutynina@mail.ru
Кафедра гражданского права и процесса;
Бузулукский гуманитарно-технологический
институт (филиал) Оренбургского
государственного университета,
461040, Оренбургская область,
г. Бузулук, ул. Комсомольская, 112

eletutynina@mail.ru
Chair of civil law and procedure;
Buzuluk Humanities and Technology
Institute (branch)
of Orenburg State University,
Komsomolskaya St., 112, Buzuluk,
461040, Russian Federation

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ*

Реферат. Исследуются отдельные проблемы судопроизводства и судоустройства современной России в рамках судебной реформы, осуществляемой в настоящее время. Отмечается необходимость введения административных судов, разрешения проблемы подготовки судебного корпуса с учетом исторического опыта. Положительно оценивается объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как начало преобразований в рамках судебной реформы. Затрагивается проблема необоснованно длительных сроков судопроизводства. Аргументируется необходимость разработки и принятия Концепции судебной политики в Российской Федерации, которая должна стать научной платформой решения вопросов судоустройства и судопроизводства, предусмотреть стратегию развития российской судебной системы. Поскольку судебная политика выступает разновидностью политики правовой, постольку желательное соответствие проекта Концепции судебной политики в Российской Федерации проекту Концепции правовой политики в Российской Федерации. Модернизация судебной системы связана с переустройством судебных органов, что должно отвечать современным требованиям развития российского общества. Обосновывается генеральное стратегическое направление реформирования судебной системы – объединение фактически трех направлений судебной власти – конституционной, арбитражной и общей юрисдикции – в одну, которую олицетворял бы Верховный Суд Российской Федерации. В качестве ожидаемых положительных результатов такого объединения называются: полноценное единство судебной практики; концентрация сил и ресурсов, усиление судебной власти; создание простой, компактной, четкой и централизованной судебной системы; реализация полноценного судебного федерализма, усиление правосудного ресурса в регионах; экономия издержек и финансовых затрат, замена внешней специализации на унификацию и внутреннюю специализацию судебной системы.

Ключевые слова: судебная политика, суд, судебная реформа, преобразование, концепция, судебная система.

JUDICIAL POLICY IN MODERN RUSSIA: WAYS OF OPTIMIZATION*

Abstract. Some problems of judicial proceedings and judiciary of modern Russia within the framework of ongoing judicial reform are investigated. The necessity of introducing administrative

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-03-00284).

The article was written with the support of the Russian Humanitarian Scientific Fund (project 14-03-00284).

courts and solving the problem of training the judiciary based on historical experience is noted. Uniting the RF Supreme Court and the RF Supreme Arbitration Court is positively estimated as the judicial reform's beginning. The problem of unreasonably long periods of proceedings is touched upon. The need for the development and adoption of the Concept of the RF judicial policy is proved. It should become a scientific platform for solving the issues of judicial proceedings and judiciary, provide for the development strategy of the Russian judicial system. As the judicial policy is a kind of legal policy, the draft of the Concept of the RF judicial policy should comply with the draft of the Concept of the RF legal policy. Modernization of the judicial system is connected with reorganization of the judiciary, which should meet modern requirements of the Russian society's development. The general strategic direction of the judicial system's reform is substantiated – uniting three areas of the judiciary (constitutional, arbitration, general jurisdiction) into one that would be represented by the RF Supreme Court. The expected positive results of such union are called: full unity of judicial practice; concentration of forces and resources, strengthening the judiciary; creating a simple, compact, clear and centralized judicial system; judicial federalism implementation, strengthening legal and judicial resource in the regions; costs savings, replacing judicial system's external specialization by internal one.

Keywords: judicial policy, court, judicial reform, reform, concept, judicial system.

В соответствии со статьями 2, 45, 46 Конституции Российской Федерации государство признает высшей ценностью человека, его права и свободы и своей обязанностью – соблюдение и защиту этих прав и свобод. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, каждый вправе защищать их всеми способами, не запрещенными законом, в том числе посредством обращения в межгосударственные органы, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

На сегодняшний день в результате многолетней правовой реформы достигнуты значительные результаты в совершенствовании государственных средств правовой защиты, среди которых: введение конституционного правосудия, и не только федерального, но и в субъектах Российской Федерации; полноценное и повсеместное функционирование судов присяжных заседателей, введение мировой юстиции; расширенная возможность обжалования гражданами решений и действий (бездействия) органов государственной власти, общественных объединений и должностных лиц, в том числе судебных постановлений; совершенствование системы исполнительного производства; введение в российскую правовую систему общепризнанных принципов и норм международного права; реальная возможность обращения граждан Российской Федерации за защитой своих прав и свобод, и в первую очередь в Европейский суд по правам человека. Несмотря на положительную динамику в области принятия мер, направленных на совершенствование российского правосудия, предстоит еще многое сделать.

С точки зрения Б.Б. Сулейманова, важным элементом судебной реформы, хотя и далеким от полной реализации, является институт административной юстиции [1, с. 241]. Административная юстиция – это институт судебного контроля за действиями и решениями исполнительной власти, призванный обеспечить права и свободы человека и гражданина. Иначе говоря, данный институт связан с рассмотрением спора об административном праве, вследствие этого обязательным его участником выступает орган исполнительной власти; он нацелен прежде всего на защиту прав и свобод граждан [2, с. 20].

Необходимость создания в России административных судов, занимающихся спорами граждан и властей, подтвердили на VIII Всероссийском съезде судей и главы высших судов страны, и Президент РФ Владимир Путин, который отметил, что «...в первую очередь следует завершить создание административного судопроизводства, в кратчайшие сроки принять соответствующий кодекс и сформировать судебные составы, которые будут разрешать споры граждан с органами государственной власти и местного самоуправления»*.

Между тем первые шаги к созданию административного судопроизводства уже сделаны. 16 ноября 2006 года Кодекс административного судопроизводства РФ был оформлен в виде законотворческой инициативы Пленума Верховного Суда РФ. Федеральный конституционный закон от 7 фев-

* Съезд судей: административным судам быть, но неизвестно, под кем // Официальный сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20121218/265827780.html

ряля 2011 года N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»* предусматривает создание Судебной коллегии по административным делам в составе Верховного Суда РФ. Думается, что административные суды являются необходимостью в условиях злоупотреблений чиновников.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что независимость судебной власти находится под угрозой. В частности, по мнению Т.Г. Морщаковой, независимость суда ограничивается со всех сторон [3]. Прежде всего, судьи находятся в зависимости от своего руководства и квалификационных коллегий судей. Возможное влияние председателей судей очевидно. Поэтому некоторые правоведы предлагают установить выборность председателя самими судьями на срок не более трех лет и наделить его только организационными полномочиями. Другие авторы предлагают ограничить пребывание председателей судей одним сроком продолжительностью 5 лет, а также распространить полномочия квалификационной коллегии на председателей судей [4, с. 36]. Это, в свою очередь, снизит зависимость председателя от администрации Президента РФ.

Н.М. Селезнева справедливо отмечает, что квалификационные коллегии судей являются наиболее закрытыми корпорациями, которые «при наличии политической воли могут легко получить положительную рекомендацию на должность судьи “нужному” кандидату и лишит полномочий неугодного судью» [5, с. 220].

Существует проблема подготовки кадров для судейского корпуса. Однако еще в дореволюционной России существовал институт подготовки и отбора лиц на судейские должности. Обучение претендентов продолжалось три-четыре года. По истечении первого года пребывания лица в должности «младшего кандидата» окружной суд подвергал его письменному испытанию, в ходе которого ему следовало продемонстрировать знание уголовного и гражданского права и умение грамотно составлять судебно-следственную документацию. Звание «старшего кандидата на

судебные должности, а потом и место помощника судебного секретаря или участкового следователя он мог получить, лишь проработав в судебных органах в течение некоторого времени» [6, с. 28]. По мнению некоторых специалистов, в современной России сложности наблюдаются и при переподготовке действующих судей. Р.И. Галимов отмечает, что остро стоит вопрос о повышении квалификации: им занимаются только два вуза: Российская академия правосудия и Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Он выступает за создание межрегиональных филиалов Академии правосудия, поскольку усилий указанных вузов недостаточно. Автор также предлагает внести в бюджет отдельную строку на осуществление мероприятий по повышению квалификации судей в размере 1-1,5 % от общих расходов бюджета [7, с. 4-5].

Необходимо отметить, что в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007-2011 годы»** среди целевых индикаторов на первое место ставился вопрос доверия/недоверия граждан органам правосудия. Предполагалось, что доля граждан, доверяющих органам правосудия, увеличится за этот период с 27 до 50 %, а доля тех, кто не доверяет, снизится с 25 до 6 %. Однако этого не произошло.

Разработчики федеральной целевой программы развития судебной системы России на следующий период – с 2013 по 2020 годы*** – решили больше не спрашивать граждан, доверяют ли они судам или нет, а также не определять долю населения, которая отмечает невнимательность и грубость персонала судов. Социологам предстоит лишь выяснить, сколько граждан считает организацию работы судов неудовлетворительной и скольким недостает информации о деятельности судов. При

** Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 годы: утв. Постановлением Правительства РФ от 21 сент. 2006 г. N 583. URL: <http://www.garant.ru>

*** О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. N 1406: ред. от 15 авг. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 1. Ст. 13.

* О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. конституционный закон от 7 февр. 2011 г. N 1-ФКЗ: ред. от 21 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 898; 2014. N 30 (ч. 1). Ст. 4204.

этом, правда, новые целевые показатели свидетельствуют о том, что предыдущая программа не выполнена. Так, в качестве базового уровня в отношении доли граждан, неудовлетворенных организацией работы судов, предложено считать 19,1 %, тогда как по предыдущей ФЦП таких должно быть только 3 %. Аналогичная ситуация и с количеством граждан, считающих информацию о деятельности судов недостаточной: по завершившейся программе их должно было быть 5 %, однако стартовый уровень судебной ФЦП–2013-2020 существенно выше – 35,5 %. Более того, желаемых несколько лет назад уровней вообще не планируется достичь: целевые показатели к 2020 году составляют, соответственно, 5 и 10 %.

Предполагается внесение в законодательство изменений, предусматривающих совершенствование административного судопроизводства и направленных на повышение доступности правосудия для граждан и организаций при рассмотрении их споров с госорганами. Эти изменения также должны уточнить подведомственность судов общей юрисдикции и арбитражных судов по экономическим делам в целях исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования.

Необходимо отметить, что Президент России В. Путин в феврале 2014 года подписал пакет законов*, предусматривающих упразднение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) и создание нового Верховного Суда Российс-

кой Федерации (далее – ВС РФ). Согласно поправкам, внесенным в Конституцию РФ, ВАС РФ ликвидирован, а его полномочия переданы Верховному Суду РФ. Новый ВС РФ будет состоять из 170 судей. В целях формирования его первоначального состава создается Специальная квалификационная коллегия по отбору кандидатов на должности судей ВС РФ, включающая 27 членов коллегии. Другим подписанным законом – ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»** – определяются основы компетенции ВС РФ по рассмотрению гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных, административных и иных дел в качестве суда надзорной инстанции, а также в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций. При этом впервые в одном нормативном правовом акте установлен перечень категорий дел, подсудных ВС РФ в качестве суда первой инстанции. В связи с объединением ВС РФ и ВАС РФ образовалась Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда. Кроме того, вместо Военной коллегии ВС РФ создается Судебная коллегия по делам военнослужащих ВС РФ, а вместо Дисциплинарного судебного присутствия – Дисциплинарная коллегия ВС РФ. Законом уточнена компетенция пленума, президиума и председателя ВС РФ. В соответствии с законом местом постоянного пребывания нового ВС определен г. Санкт-Петербург.

Данные изменения – лишь начало преобразований. Как отметил П.В. Крашенинников, «в связи с объединением судов у нас встает проблема Арбитражного процессуального и Гражданского процессуального кодексов Российской Федерации. Потому что совершенно точно теперь Верховный Суд у нас будет надзор осуществлять, в том числе за экономическими спорами, и нам надо будет первоначально, наверное, переписывать главу либо в Арбитражный процессуальный кодекс, либо в Гражданский процессуальный кодекс, или делать новую по поводу экономических споров. Но в перспективе надо делать новый единый ГПК РФ без

* О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 5 февр. 2014 г. N 3-ФКЗ; О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»: федер. конституционный закон от 5 февр. 2014 г. N 4-ФКЗ; О порядке отбора кандидатов в первоначальный состав Верховного Суда Российской Федерации, образованного в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 февр. 2014 г. N 16-ФЗ; О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февр. 2014 г. N 2-ФКЗ (См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>).

** О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 5 февр. 2014 г. N 3-ФКЗ; ред. 4 нояб. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 6. Ст. 550.

АПК РФ» [8]. В одном из своих выступлений полномочный представитель Правительства Российской Федерации в высших судебных инстанциях М.Ю. Барщевский сразу предупредил: система арбитражных судов в России не уничтожается. Слияние происходит только «в надстроечной, верхней части». И выступил за «реальную независимость судов», которая вернет им доверие граждан. «То, как прошли выборы в России 8 сентября, показало со всей очевидностью, что никаких предпосылок для оранжевых и других революций в России нет. А если так, то можно позволить и большую реальную независимость судебной системы», — заявил М.Ю. Барщевский [9].

Возвращаясь к проблемным аспектам, необходимо отметить, что следует решить проблему необоснованно длительных сроков судопроизводства. По мнению разработчиков ФЦП, причина судебной волокиты — в больших сроках производства судебных экспертиз, которые надо минимизировать. Для этого ФЦП предлагает модернизацию судебно-экспертной деятельности. В частности, планируется, что такие экспертизы будут проводить судебно-экспертные учреждения Минюста, которые независимы, не подчинены органам дознания и следствия и, как указано в программе, «свободны от какой бы то ни было ведомственной заинтересованности»*. Заметим, что в настоящее время существует законопроект «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**. Он направлен на создание механизмов судебно-экспертной деятельности, способствующих сокращению сроков производства судебных экспертиз, отвечающих потребностям современного судопроизводства, на обеспечение доступа к специальности судебного эксперта профессионалов и контроля качества экспертного производства и его методического обеспечения.

* См.: О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. N 1406.

** О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект федер. закона N 306504-6 (внесен Правительством РФ; принят в первом чтении — Постановление ГД ФС РФ от 20 нояб. 2013 г. N 3261-6 ГД). URL: <http://www.consultant.ru>

Одним из положительных аспектов ФЦП является то, что предусматривается внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы. На информатизацию по линии Верховного Суда РФ планируется выделить 204 млн, Судебного департамента — 5,9 млрд рублей. Сюда входит создание мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрение программных средств аналитического обеспечения деятельности и сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и электронного архива судебных дел. Суды общей юрисдикции должны начать взаимодействие с информационными системами Генпрокуратуры, МВД, ФССП, ФСИН и других ведомств в электронном виде. А сами суды должны быть оснащены программным обеспечением для ведения электронного документооборота с применением электронной подписи.

В арбитражной системе программой предполагается создание «облачной» вычислительной архитектуры и разработка единой «облачной» системы автоматизации судопроизводства и электронного документооборота, создание главного центра обработки данных на базе арбитражных судов Московского региона, а также создание 10 центров обработки данных в федеральных арбитражных судах округов. Это позволит реализовать возможность удаленного доступа как со стороны судов, так и со стороны участников судебных процессов из любой точки страны и мира и с любого устройства. Помимо этого будут мобильные подвижные офисы судей с применением видеоконференцсвязи. Для проведения выездных заседаний в географически удаленных населенных пунктах они будут выезжать на специальном пассажирском микроавтобусе с расширенным набором функций. На это планируется ассигновать 39 млн рублей.

Необходимо искать оптимальные пути решения проблемных аспектов в области судоустройства и судопроизводства. В качестве одного из них видится разработка и принятие Концепции судебной политики в Российской Федерации, которая должна стать доктринальным документом, предлагающим решение наиболее острых проблем, имеющихся в сфере судоуст-

ройства и судопроизводства, содержащим стратегию развития российской судебной системы. В силу того, что судебная политика выступает особой разновидностью правовой политики, желательна, чтобы проект Концепции судебной политики базировался на проекте Концепции правовой политики в Российской Федерации, разработанном сотрудниками Саратовского филиала Института государства и права РАН [10].

Среди важнейших проблем, стоящих на пути прогрессивного развития российской судебной системы, все больше заявляет о себе отсутствие единой судебной практики, «разрозненность» судебной власти, ее специфическое и далеко не всегда обоснованное «разделение». Это не способствует повышению степени доверия к правосудию. Можно сколько угодно «вкачивать» деньги в существующую судебную систему, но если она будет воспроизводить то, что есть сейчас, положение дел к лучшему не изменится. Нужны иные меры, которые выведут правосудие на новый уровень качества и цивилизованности.

Настоящая модернизация судебной системы связана прежде всего с переустройством судебных органов, что должно отвечать современным требованиям развития российского общества. Если говорить о Концепции судебной политики, то в стратегическом плане представляется верным объединение фактически трех ветвей судебной власти — конституционной, арбитражной и общей юрисдикции — в одну, которую олицетворял бы Верховный Суд Российской Федерации. Конституционный, арбитражный и иные виды правосудия вполне могут функционировать в рамках коллегий (палат) данного высшего судебного органа, что неоднократно отмечалось в юридической литературе. В отношении ВАС РФ первые шаги уже сделаны. Так, В.Ф. Попондопуло справедливо пишет о том, что «внешняя специализация, представленная тремя самостоятельными ветвями судебной власти, сыграла свою историческую роль, и теперь от нее можно отказаться путем объединения всех ветвей судебной власти в единую, возглавляемую Верховным Судом Российской Федерации. В рамках унифицированной федеральной судебной системы должны быть созданы

подразделения (палаты, коллегии и т.п.), специализирующиеся в разрешении дел о соответствии Конституции Российской Федерации (ныне подведомственность Конституционного Суда Российской Федерации), в рассмотрении административных споров (ныне разрозненная подведомственность), а возможно, и другие (патентных, ювенальных и т.п.)» [11, с. 114].

Что это даст личности, обществу и государству?

Во-первых, наконец-то будет реальный шанс воплотить в судебно-правовую жизнь единую судебную практику. Г.Б. Мирзоев, президент Гильдии российских адвокатов, верно подчеркивает, что «...к сожалению, разные суды по одним и тем же основаниям, одному и тому же делу выносят порой диаметрально противоположные решения. Иногда доходит до абсурда. Человек идет в суд общей юрисдикции, но получает там отказ. Тогда он регистрирует некое ООО и идет в арбитражный суд с тем же вопросом, и решает его. В прежние годы главной инстанцией в стране был Верховный Суд, он анализировал судебную практику и давал рекомендации по различным категориям дел. Сегодня у нас три ветви судебной системы и, получается, три справедливости. Возможно, пришло время подумать над тем, чтобы функционировал один Верховный Суд и единый Судебный департамент... В этом суде могут работать конституционная коллегия, общей юрисдикции, арбитражная, административная. Но это будет единая система, она обеспечит единый подход в правоприменительной практике» [12].

Во-вторых, в условиях слабого доверия к судебной власти со стороны общества и невысокой в целом эффективности различных судебных органов важно объединить их усилия для более полной защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов иных субъектов права. Обоснованно отмечается, что «существование трех самостоятельных, не связанных друг с другом структур ослабляет судебную власть, призванную играть роль стабилизирующего фактора в государстве и защищать права и свободы личности» [13, с. 15].

В-третьих, это позволит создать, с одной стороны, более простую и компактную, а с другой — более четкую и иерархическую совокупность судебных

структур, которую с полным правом можно назвать судебной системой, элементы которой будут действительно взаимосвязаны. Сейчас у нас фактически три условные «судебные системы», которые системами в полном смысле слова не являются, действуют зачастую «сами по себе». Более того, подчас проявляется и определенная нездоровая конкуренция между ними, ведется борьба за сферы влияния, за более важный статус, за те или иные привилегии и т.д., что не способствует судебно-правовому прогрессу, а в большей мере сдерживает его.

В-четвертых, подобное слияние создаст благоприятные условия для полноценного судебного федерализма, усилив тем самым правосудный ресурс в регионах, что будет соответствовать ст. 1 Конституции РФ, согласно которой Россия – федеративное государство. В частности, в результате названных изменений можно будет создать конституционное правосудие не только на федеральном, но и на региональном уровне, чему сейчас активно противодействуют власти ряда субъектов Российской Федерации.

В-пятых, не последнюю роль в подобной реконструкции судебной власти играют проблемы специализации и финансовых затрат. Вполне можно поддержать мнение В.Ф. Попондопуло о том, что «существующая организация судебной системы России, построенная на принципах внешней специализации, менее эффективна и более затратна с финансовой точки зрения, чем система, построенная

на принципах унификации и внутренней специализации. Она сложна и тем самым порождает множество специфических организационных и даже политических проблем как во взаимоотношениях каждой ветви судебной власти с другими органами государственной власти (Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ, Правительством РФ, федеральными органами исполнительной власти), так и в отношениях различных ветвей судебной власти между собой» [11, с. 115].

Разумеется, такие преобразования в судебной сфере будут связаны с соответствующими изменениями не только в текущем законодательстве, но и в Конституции РФ. Но это стоит того, если действительно необходимо сделать судебную власть результативной, реально и качественно защищающей интересы личности, общества и государства.

Таким образом, модернизация судебной системы связана с объединением имеющихся судов в полноценный Суд со всеми вытекающими отсюда последствиями. На это же обращают внимание и ветераны судебной деятельности. Например, «патриарх» отечественного правосудия, заслуженный юрист Российской Федерации А.К. Большова подчеркивает, что «объединение систем необходимо... Надо изменить Конституцию, разработать концепцию, определить последовательность...» [14, с. 13]. С этими идеями можно только согласиться, включить их в проект Концепции судебной политики и начать действовать в соответствии с ними.

Список литературы

1. Сулейманов Б.Б. Суд в системе государственной власти (методологические аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 3. С. 239-244.
2. Кряжков В., Стариков Ю. Административные суды: какими им быть? // Российская юстиция. 2001. N 1. С. 18-20.
3. URL: <http://www.polit.ru> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).
4. Мамаи К. Судебные реформы в Казахстане и России. Сравнительный анализ // Российская юстиция. 2001. N 1. С. 36-37.
5. Селезнева Н.М. Нерешенные задачи судебной реформы // Судебная реформа в современной России: итоги и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию судебной реформы, г. Пенза, 20-21 октября 2011 г. Пенза, 2011. С. 219-222.
6. Пейсиков В.В. Судья в России и за рубежом. М., 2008. 357 с.
7. Галимов Р.И. Правовые проблемы судебной реформы в России // История государства и права. 2010. N 10. С. 4-7.
8. Крашенинников П.В. Пора писать новый Уголовный кодекс (Интервью «Российской газете»). URL: <http://rg.ru/2014/02/13> (дата обращения: 15 сент. 2014 г.).

9. Михайлова Т. Два в одном. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/18/sudy.html> (дата обращения: 15 сент. 2014 г.).
10. Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2010. 273 с.
11. Попондопуло В.Ф. Система третьей власти: от горизонтальной организации к вертикальной // Закон. 2004. N 10. С. 113-118.
12. Ямшанов Б. Справедливость на троих не делится // Рос. газ. 2012. 11 дек.
13. Бойков А.Д. Судебная реформа: обретение и просчеты // Государство и право. 1994. N 6. С. 13-22.
14. Большова А.К. Надо создать единую судебную систему // Судья РФ. 2009. N 11. С. 10-13.

References

1. Suleymanov B.B. Sud v sisteme gosudarstvennoy vlasti (metodologicheskie aspekty) [The court in the government (methodological aspects)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual problems of Russian law, 2013, no. 3, pp. 239-244.
2. Kryazhkov V., Starilov Yu. *Administrativnye sudy: kakimi im byt?* [Administrative courts: what they have?]. *Rossiyskaya yustitsiya* – The Russian justice, 2001, no. 1, pp. 18-20.
3. Available at: <http://www.polit.ru> (Accessed 15 January 2015).
4. Mami K. *Sudebnye reformy v Kazakhstane i Rossii. Sravnitel'nyy analiz* [Judicial reforms in Kazakhstan and Russia. Comparative analysis]. *Rossiyskaya yustitsiya* – The Russian justice, 2001, no. 1, pp. 36-37.
5. Selezneva N.M. *Nereshennyye zadachi sudebnoy reformy* [Unsolved problems of judicial reform]. *Sudebnaya reforma v sovremennoy Rossii: itogi i perspektivy* [Judicial reform in modern Russia: results and prospects]. Penza, 2011. Pp. 219-222.
6. Peysikov V.V. *Sud'ya v Rossii i za rubezhom* [The judge in Russia and abroad]. Moscow, 2008. 357 p.
7. Galimov R.I. *Pravovyye problemy sudebnoy reformy v Rossii* [Legal problems of judicial reform in Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and Law, 2010, no. 10, pp. 4-7.
8. Krashennnikov P.V. *Pora pisat' novyy Ugolovnyy kodeks (Interv'yū "Rossiyskoy gazete")* [It's time to write the new Criminal Code (Interview to "Russian newspaper")]. Available at: <http://rg.ru/2014/02/13> (Accessed 15 September 2014).
9. Mikhaylova T. *Dva v odnom* [Two in one]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/10/18/sudy.html> (Accessed 15 September 2014).
10. *Pravovaya politika: slovar' i proekt kontseptsii* [Legal Policy: Dictionary and project concept]. Saratov, 2010. 273 p.
11. Popondopulo V.F. *Sistema tret'ey vlasti: ot gorizonta'lnoy organizatsii k vertikal'noy* [Third power system from the horizontal to the vertical organization]. *Zakon* – Law, 2004, no. 10, pp. 113-118.
12. Yamshanov B. *Spravedlivost' na troikh ne delitsya* [Justice for three is not divisible]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper, 2012, 11 December.
13. Boykov A.D. *Sudebnaya reforma: obretenie i proschety* [Judicial reform: the acquisition and miscalculations]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 1994, no. 6, pp. 13-22.
14. Bol'shova A.K. *Nado sozdat' edinuyu sudebnuyu sistemu* [It is necessary to create a unified judicial system]. *Sud'ya RF* – Judge of the Russian Federation, 2009, no. 11, pp. 10-13.

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук,
профессор,
anrc@rambler.ru
Кафедра уголовного процесса;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603144, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

ALEXANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
anrc@rambler.ru
Chair of criminal procedure;
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway 3
Nizhny Novgorod, 603144,
Russian Federation

ГРАЧЕВ С.А.,
sergeyag@inbox.ru
Кафедра предварительного расследования;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603144, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

GRACHEV S.A.,
sergeyag@inbox.ru
Chair of preliminary investigation;
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway 3,
Nizhny Novgorod, 603144,
Russian Federation

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ЛИКВИДИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ

Реферат. Подчеркивается необходимость реформирования стадии возбуждения уголовного дела как института советского инквизиционного процесса, не соответствующего состязательной форме уголовного судопроизводства. Показано ежегодное непрерывное нормативное изменение этой стадии законодателем. Анализ законодательных изменений последних лет не позволяет выявить генеральную идею реформирования как первой стадии процесса, так и всего досудебного производства (новеллы противоречивы и имеют характер хорошо забытого старого). Проблема усугубляется множественным ведомственным регулированием этой стадии, установлением правил, не предусмотренных УПК РФ. Обосновывается необходимость и возможность отказа от стадии возбуждения уголовного дела, в связи с чем следует: решение о начале досудебного производства не оформлять письменно, отказаться от понятия «повод», сообщение о преступлении регистрировать в Реестре досудебных производств, что автоматически должно свидетельствовать о начале уголовного процесса. Регистрацию сообщения нужно осуществлять во всех случаях, когда в наличии признаков преступления отсутствуют сомнения или имеется необходимость для проверки поступившего сообщения о преступлении. Отказ в регистрации возможен только тогда, когда из поступившего сообщения (приложенных материалов) делается вывод об отсутствии преступления (по аналогии с основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела). Изменение одного лишь УПК РФ коренным образом не повлечет изменений в правоотношениях первой стадии процесса — необходимо отказаться от института раскрываемости преступлений, а направление дела в суд с обвинительным заключением и прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию должны иметь равное значение для уголовной статистики.

Ключевые слова: реформирование возбуждения уголовного дела, повод и основание возбуждения уголовного дела, доследственная проверка, раскрываемость преступлений.

STAGE OF CRIMINAL CASE INSTITUTION: TO LIQUIDATE OR TO LEAVE IN FORCE

Abstract. The authors prove the necessity to reform the stage of criminal case institution related to Soviet inquisitional process, which does not conform to competitive form of criminal procedure. The annual persistent legislative changes of this stage are shown. The analysis of legislative changes over the last years does not allow to reveal the main idea of reforming both initial stage of criminal process and the whole pretrial proceedings (the innovations are contradictory and of obsolete character). There are many departments controlling this stage which establish rules not provided by the RF Criminal Procedure Code. The author proposes to liquidate the stage of criminal case institution, notably: not to process decision on institution of criminal case, to refuse the concept "reason for criminal case institu-

tion", to register crime record in Pretrial proceedings list which automatically indicates the institution of criminal proceedings. Crime record should be implemented in both cases: if there are elements of crime and if there is a necessity to verify the received crime reports. Crime can be unrecorded when the received reports (attached materials) state the absence of crime in act (similarly to grounds for refusal to institute criminal case). The authors consider that amending the RF Criminal Procedure Code will not entail changes in the legal relationship of the first stage of proceedings. It is necessary to refuse the institution of crime detection rate. Bringing indictment to the court and termination of criminal case on rehabilitative grounds should be of equal significance for criminal statistics.

Keywords: reform of criminal case institution, reason and ground for criminal case institution, pretrial inquiry, crime detection rate.

Современная форма досудебного производства по уголовным делам сложилась в России исторически. Она является продуктом модернизации (можно считать – разложения) следственного (инквизиционного) строя процесса. Сам факт наличия досудебных стадий – возбуждения уголовного дела и предварительного расследования – в структуре уголовного судопроизводства является подтверждением того, что наш процесс пока более инквизиционный, чем состязательный.

Но этот факт не означает, что так будет всегда. Построение правового государства, развитие демократии неразрывно связаны с реформированием уголовного процесса по состязательному типу. Это объективная закономерность. Проявление ее можно искусственно тормозить какое-то время по конъюнктурным соображениям относительно удобства и управляемости уголовным процессом, но нельзя остановить. Реформа предварительного производства по уголовным делам неизбежна. Это означает ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела как одну из неотложных мер по системной перестройке всего уголовного судопроизводства.

К настоящему времени решение об этом вполне назрело. «Верхи» не могут создать оптимальную правовую модель данной стадии, отвечающую запросам времени, «низы» не хотят по ней работать*. Стадия возбуждения стремительно утрачивает свое назначение: во-первых, быть гарантией прав личности от произвола властей путем разделения настоящей процессуальной и «альтерпроцессуальной» деятельности по выявлению и раскрытию

преступлений, во-вторых, выступать своего рода информационным фильтром, то есть поддерживать существующий режим уголовно-процессуального доказывания.

Свидетельствами неблагополучия в правовом регулировании стадии возбуждения уголовного дела стали проекты ее модернизации, к числу которых можно отнести «Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации», включающую раздел о ликвидации института отказа в возбуждении уголовного дела [1], эксперимент, проводившийся МВД РФ в нескольких субъектах России, по возложению на следователя, дознавателя проведения доследственной проверки по всем сообщениям о преступлениях** и, наконец, проект, разработанный Академией управления МВД РФ «Об исключении института возбуждения уголовного дела», обсуждавшийся в системе ведомственных научных и учебных заведений МВД РФ в 2014 году. На наш взгляд, все эти проекты заведомо обречены на провал. Их авторы не поняли главного: нельзя отказаться от какого-то отдельного элемента стадии возбуждения уголовного дела, не реформировав все досудебное производство, не поменяв систему уголовного судопроизводства, не реформировав доказательственное право, не пересмотрев основы теории уголовно-процессуальных доказательств. Нужна системная, структурная реформа нашего уголовно-процессуального закона [2, с. 78-82].

В то же время мы вполне разделяем критический пафос по отношению к институту, называемому «возбуждение уго-

* Тема о системных нарушениях закона в стадии возбуждения уголовного дела стала «притчей во языцех» в выступлениях многих поколений генеральных прокуроров СССР – РФ. Поэтому у правоохранителей сформировался рефлекс привыкания.

** О проведении эксперимента по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие по ним процессуальных решений только следователями и дознавателями: приказ МВД России от 1 апр. 2013 г. N 180. Доступ из СПАС «Юрист».

ловного дела». Приведем наиболее очевидные причины ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, неоднократно называвшиеся различными авторами [3, с. 86-89; 4, с. 16-20; 5, с. 7-10; 6, с. 78-81].

Во-первых, к настоящему времени процессуальная регламентация данной стадии в результате многочисленных изменений* классической (советской) модели возбуждения уголовного дела деградировала. Она содержит многочисленные изъятия из общего порядка возбуждения уголовного дела. Допускает произвольное толкование некоторых законодательных формулировок, чему, как неоднократно писали наши коллеги, способствует невысокий уровень законодательной техники.

Поясним сказанное. Возбуждение уголовного дела осуществляется при наличии признаков преступления. Законодатель использовал термин «признак преступления» в смысле «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь» [7]. Правоприменитель же в погоне за показателями пресловутой раскрываемости понимает признак преступления в значении, которое формулирует уголовное право (общественная опасность, противоправность и наказуемость), или склоняется к признакам состава преступления, наличие которых в материалах доследственной проверки следователь требует, чтобы принять законное, обоснованное постановление о возбуждении уголовного дела. Именно отсюда проистекает желание следователя видеть судебную перспективу еще не возбужденного уголовного дела при анализе материалов проверки, полученных от оперативного аппарата. Этими же причинами можно объяснить повсе-

местное нарушение законности при возбуждении уголовных дел по факту совершения преступления тогда, когда очевидна прикосновенность определенного лица к произошедшему событию (по делам о дорожно-транспортных, должностных и иных преступлениях).

Но хуже всего то, что правовая конструкция, предусмотренная УПК РФ, «обросла» многочисленными ведомственными, подзаконными нормативными актами, которые не только детализируют и конкретизируют нормы федерального законодательства, но фактически создают свою новую правовую реальность, в которой приходится действовать правоприменителю и которая неизвестна постороннему наблюдателю**. В качестве примера можно привести такое изобретение местного нормотворчества, как постановление дознавателя о возбуждении ходатайства перед прокурором об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (вынесенного самим дознавателем). Или другой пример: невозможность производства экспертиз до возбуждения уголовного дела ранее была связана с тем, что инструкции по проведению экспертных исследований в качестве необходимого основания работы эксперта предусматривали наличие возбужденного уголовного дела.

Это позволяет не возбуждать уголовные дела при наличии имеющихся к тому оснований и необоснованно отказывать в возбуждении уголовных дел.

Во-вторых, процесс доказывания настолько запутан и отягощен различными оговорками, что стремление законодателя его упростить за счет расширения перечня

* О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ: ред. от 28 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 9. Ст. 875; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. N 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 30 (ч. 1). Ст. 4219; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 22 окт. 2014 г. N 308-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2014. N 43. Ст. 5792.

** Имеются в виду, например, такие подзаконные нормативные акты, как Директива МВД России от 12 нояб. 2013 г. N 2 дсп «О приоритетных направлениях деятельности в органах внутренних дел и внутренних войск МВД России», приказ Следственного Департамента МВД России от 26 окт. 2011 г. N 55 «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов доследственной проверки в порядке ст.ст. 140-145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности», Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 20 июня 2012 г. по вопросу «О состоянии законности в сфере соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве».

процессуальных действий к положительным последствиям не приводит. Ряд норм по собиранию доказательств имеет двойное значение.

Статья 144 УПК РФ содержит нормы о том, что полученные в ходе доследственной проверки сведения могут быть использованы в качестве доказательств, если они соответствуют предъявляемым к доказательствам требованиям. Однако в отношении экспертизы имеется особая оговорка: если в ходе предварительного расследования лицами, имеющими признаваемый интерес по делу, будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы (т.е. поставлены под сомнения выводы эксперта, который провел экспертизу до возбуждения уголовного дела), то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Указанные нормы не соотносятся друг с другом, поскольку одновременно утверждается и отрицается доказательственная сила заключения эксперта, сформулированного до возбуждения уголовного дела. Полагаем, что ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ противоречит принципу свободной оценки доказательств, сформулированному в ст. 17 УПК РФ. Следователь вынужден поставить под сомнение заключение эксперта не по фактическим, а по формальным основаниям. Наличие ходатайства само по себе не ставит под сомнение выводы эксперта. Более того, на практике встречаются случаи, когда ходатай вообще не приводит никакие доводы, что позволяет оценить его ходатайство как способ воздействия на следствие. Это ведет к нарушению прав участников процесса, когда следователи, страхуясь от негативных решений суда, вынуждены знакомить потенциальных подозреваемых на этапе доследственной проверки с постановлением о назначении экспертизы.

Должностные лица органов досудебного производства могут изымать предметы и вне осмотра места происшествия, однако порядок такого изъятия не совсем ясен.

Несмотря на то, что объяснения снабжены определенными гарантиями их достоверности (при их получении лицу должны быть разъяснены все конституционные и процессуальные права), полноценными доказательствами они все равно не являются.

В-третьих, расширение возможности по применению принуждения на первой стадии процесса нивелировало границу между возбуждением уголовных дел и последующим расследованием. Нет необходимости особо распространяться о проблемах легализации «фактического задержания», которые толкают правоприменителя на систематические нарушения прав личности и нарушения закона.

УПК РСФСР предполагал, что принуждение до возбуждения дела максимально ограничено, следовательно, на данном этапе возможно производство процессуальных действий, не требующих вынесения постановления. В настоящее время перечень процессуальных действий, требующих вынесения постановления, а значит, и принуждения, увеличивается. И не совсем понятны причины, в силу которых одни следственные действия включаются в перечень подлежащих проведению (например, изъятие предметов), а другие – нет (например, опознание).

В-четвертых, постоянное изменение поводов к возбуждению уголовного дела и формулирование особого порядка возбуждения дел различных категорий приводит к неработоспособности отдельных статей Особенной части УК РФ.

О «прокурорском поводе», предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, можно сказать как о паллиативе утраченной прокурором функции по возбуждению уголовного дела. Это следствие доктринальной ошибки, сделанной в 2007 году, в результате которой прокурор был лишен руководящей роли в досудебных стадиях. Разумеется, паллиатив как временная, недостаточная мера должен быть заменен восстановлением правового положения прокурора как хозяина досудебного уголовного преследования.

Ныне всем известны (после указания президента Российской Федерации) последствия введения особого «налогового» повода*. Законодатель также прозрел и отменил его, но особый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях остался и, более того, приобрел

* О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 6 дек. 2011 г. N 407-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7349.

дополнительную казуистичность*. Анализ процедуры, предусмотренной частями 7-9 статьи 144 УПК РФ (в ред. федерального закона от 22 октября 2014 года N 308-ФЗ) позволяет говорить о ее непрактичности. Формально налоговый орган устранен из механизма инициации возбуждения уголовного дела. Его позиция в настоящее время оказалась вообще не интересующей правоприменителя, принимающего решение о наличии признаков налогового преступления, поскольку отсутствие заключения налогового органа не препятствует возбуждению уголовного дела. Однако постановление о возбуждении уголовного дела, вынесенное следователем по материалам органа дознания (в обход заключения налогового органа), неизбежно становится уязвимым перед критикой защиты, которая может обжаловать его в суд (в порядке статьи 125 УПК РФ). Кроме того, считаем, что сформулированный в новых нормах порядок деятельности по уведомлению следователем налогового органа должен быть регламентирован никак не кодексом, а ведомственным приказом СК РФ и ФНС РФ о взаимодействии при расследовании налоговых преступлений.

Специальное указание на возможность производства органом дознания неотложных следственных действий по делам о налоговых преступлениях ничего не добавляет в УПК РФ в принципиальном плане, поскольку по налоговым преступлениям обязательно производство предварительного следствия. Само наличие особого порядка возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении лишь усложняет восприятие УПК, тем более что он по факту особым не является.

Недавно появился очередной специальный повод**. Вряд ли его появление оправданно. Все новые поводы вполне укладываются в понятие «сообщение о преступлении, полученном из иных источников».

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 22 окт. 2014 г. N 308-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 43. Ст. 5792.

** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. N 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 30 (ч. 1). Ст. 4219.

Путь на специализацию поводов – ложный путь, он ведет к усложнению процедуры их проверки и, как следствие, снижает эффективность механизма правового регулирования. Классическая публично-правовая роль следователя, дознавателя как субъектов, которые полномочно распоряжались полномочием на возбуждение уголовного дела, все более разрушается.

В-пятых, статус участников на данном этапе процесса не определен должным образом, в результате чего возникают сложности с обеспечением их прав, а также доказыванием фактических обстоятельств дела на последующих этапах производства.

Продолжающиеся в режиме нон-стоп изменения УПК РФ в части регламентации возбуждения уголовного дела вряд ли смогут привести к положительному решению. В связи с этим мы предлагаем прекратить попытки улучшить то, что пора «выбросить на свалку истории». Надо последовать примеру бывших республик СССР, обновивших свои УПК в последнее пятилетие и ликвидировавших стадию возбуждения уголовного дела как таковую. По мнению законодателей указанных государств, если есть хотя бы какие-нибудь основания считать преступление подготавливаемым, совершаемым или совершенным, сразу следует осуществлять досудебное производство по установлению его обстоятельств без фиксации отдельного решения о возбуждении уголовного дела.

Как уже отмечалось, имеющаяся модель производства на стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ весьма сильно «завязана» на подзаконных нормативных актах (Прокуратуры, МВД, ФСБ, Наркоконтроля и других, а также совместных инструкциях этих ведомств), которые исчисляются десятками. Подзаконные нормативные акты настолько влияют на характер правоотношений на начальном этапе процесса, что в первую очередь необходимо решить вопрос с их отменой или изменением. Так, существующая в настоящее время «палочная система» показателей оценки деятельности правоохранительных органов приводит к тому, что на этапе анализа повода к возбуждению уголовного дела следователь, вместо того чтобы анализировать возможность существования факта совершения преступления, оценивает судебную

перспективу и возможность привлечения лица в качестве обвиняемого. Это приводит к тому, что если перспектива направления дела в суд не просматривается, то дело (о латентном преступлении), как правило, не возбуждается. Это в свою очередь не позволяет защитить права заявителя, в отношении которого было совершено преступление, и идет вразрез с самой целью правоохранительной системы, которая занята подтверждением своей работоспособности и аргументированием собственной необходимости.

Указанные обстоятельства требуют ликвидации возбуждения уголовного дела, начала досудебного производства во всех случаях, когда имеется какой-либо симптом* совершенного преступления.

На наш взгляд, отказ от стадии возбуждения уголовного дела возможен лишь тогда, когда одновременно будет решен вопрос об отмене так называемой «палочной системы». Необходимо коренным образом пересмотреть всю систему оценки деятельности правоохранительных органов. Реалии практики таковы, что сейчас первая стадия процесса «обслуживает» вышеназванную систему, когда действительно правоохранительная деятельность имитируется посредством манипулирования различными показателями раскрываемости.

Следует исключить такой показатель эффективности работы следователя, как количество реабилитаций участников процесса. Следователь должен привлекать к участию в деле подозреваемых, если для этого имеются определенные основания (с обеспечением их конституционно-правового статуса).

Очевидно, что раскрываемость преступлений как показатель оценки эффективности правоохранительной деятельности следует ликвидировать. Необходимо создать такой порядок, при котором правоохранительные органы будут осуществлять досудебное производство всегда, когда

* Авторам известно о существовании категории «признак преступления». Однако мы считаем, что законодатель использовал его в бытовом значении, а не в том, которое ему придает наука уголовного права (противоправность, виновность, наказуемость, общественная опасность). В связи с этим досудебное производство следует проводить всегда, когда для вывода о преступлении есть какие-либо предпосылки.

будут иметься сколь-нибудь обоснованные предпосылки к тому, что преступление имело место. Следователь (дознатель) не должен быть заинтересован в исходном решении, которое будет приниматься по окончании досудебного производства. Как направление дела в суд с обвинительным заключением, так и прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию должны иметь равное значение для уголовной статистики.

Таким образом, мы полагаем, что:

– следует отказаться от стадии возбуждения уголовного дела (как и вообще от досудебных стадий, таковых в уголовном судопроизводстве не должно быть);

– решение о начале уголовного расследования (преследования) не должно подлежать письменному оформлению в виде какого-то процессуального документа (о котором надлежит кого-то извещать и которое может стать предметом обжалования);

– следует отказаться от существующих понятий «повод» и «основание»;

– сообщение о преступлении следует регистрировать в Реестре досудебных производств, что автоматически должно свидетельствовать о начале полицейского – уголовного расследования-розыска;

– сообщением о преступлении может быть информация из любого источника, указывающая на признаки преступления;

– анонимные сообщения не подлежат регистрации в Реестре;

– регистрации подлежат только сообщения о преступлениях, подлежащих публичному (частно-публичному**) уголовному преследованию;

– заявление о преступлении частного обвинения регистрации в Реестре не должно подлежать, а подаваться непосредственно мировому судье;

– регистрация сообщения о преступлении должна осуществляться во всех случаях, когда в наличии признаков преступления отсутствуют сомнения или имеется необходимость для проверки поступившего сообщения. Отказ в регистрации возможен только тогда, когда из поступившего сообщения (или приложенных к нему заявителем материалов) можно сделать од-

** Такую форму уголовного преследования, как частно-публичное, предлагаем ликвидировать.

нозначный вывод об отсутствии преступления (по аналогии с основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела);

– при получении сообщения о преступлении на территории, выходящей за границы обслуживания конкретного правоохранительного органа, регистрация сообщения в Реестре осуществляется по месту получения сообщения, с незамедлительным уведомлением соответствующего компетентного органа (к чьей юрисдикции относится данное преступление) о зарегистрированном сообщении;

– при регистрации сообщения в Реестре должностным лицом, которому не подследственно досудебное производство по данному преступлению, оно принимает меры к фиксации следов преступления и не позднее 10 суток направляет материалы прокурору для организации дальнейшего уголовного расследования;

– не допускается проверка не зарегистрированного в Реестре сообщения о преступлении.

По нашему мнению, подобная система правоотношений позволит:

– минимизировать время принятия решений о начале досудебного производства, поскольку сама необходимость производства проверочных действий или закрепления следов преступления будет обуславливать регистрацию сообщения в Реестре;

– исключит возможность безграничного затягивания решения о начале расследования, поскольку досудебной проверки предусматриваться не будет.

– сократит случаи необоснованного отказа в принятии сообщения о преступлении, поскольку отказ в регистрации будет только по тем сообщениям, которые сообщают об административных правонарушениях и других деяниях, не являющихся преступными, либо о фактах, достоверно не содержащих упоминания о преступлении;

– разрешит вопрос о доказательственном значении материалов, полученных до возбуждения дела, поскольку все доказательства будут собираться в рамках досудебного производства;

– исключит дублирование познавательных действий, проводимых в настоя-

щее время до и после возбуждения уголовного дела;

– организация досудебного производства под руководством прокурора исключит случаи «отфутболивания» уголовных дел при рассмотрении вопросов подследственности;

– позволит оценивать и учитывать (как с качественной, так и с количественной стороны) все проводимые должностными лицами действия посредством статистических карточек. Отдельно следует отметить необходимость сокращения реквизитов карточек статистической отчетности (документов первичного учета) до того уровня, который необходим и достаточен для эффективного расследования преступлений*.

И последнее, о чем необходимо сказать. Как известно, существует масса доводов против ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Их авторы ссылаются на различные основания, от «экономических», юридико-догматических до доктринальных (метафизических: типа «у русских особая ментальность»). Нашим оппонентам мы можем возразить только одно: у грузин получилось, у «прибалтов» получилось, у молдаван и т.п. У всех получается – при наличии желания и воли. Почему же не получается у нас? Из-за национальной гордости великороссов, у которых свой самобытный правовой путь? Или особой духовности и тяги к справедливости и правде русской нации – в лице ее лучших представителей: следователя (судебного) и судьи (следственного) – «Следователя = Судьи»? Или из-за нежелания построить эффективную систему противодействия организованной экономической преступности и сросшейся с ней верхушечной коррупции?

* Анализ статистических карточек, составляемых следователями по уголовному делу, и расширение реквизитов этих карточек позволяет говорить о том, что следователи (дознаватели) значительное время тратят на их заполнение, а накапливаемая информация никак (или почти никак) в дальнейшем не используется непосредственно для раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).
2. Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2014. N 1 (25). С. 78-82.
3. Валькова Т.В. О реформировании стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 21 марта 2014 г.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 86-89.
4. Володина Л.М. Проблемы и противоречия стадии возбуждения уголовного дела // Вестник криминалистики. 2010. N 3 (35). С. 16-20.
5. Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. N 2. С. 7-10.
6. Грачев С.А., Миллер В.Ю. К вопросу о форме начала производства по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014. N 3 (27). С. 78-81.
7. URL: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%9D%D0%90%D0%9A> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

References

1. *Dorozhnaya karta dal'neyshego reformirovaniya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii* [Roadmap further reform of the internal affairs of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rg.ru> (Accessed 15 January 2015).
2. Aleksandrov A.S., Pozdnyakov M.L. *Put' institutsional'noy reformy predvaritel'nogo rassledovaniya* [The path of institutional reform of the preliminary investigation]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Herald of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*, 2014, no. 1 (25), pp. 78-82.
3. Val'kova T.V. *O reformirovanii stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela* [On the reform of the criminal complaint stage]. *Ugolovnyy protsess: ot proshlogo k budushchemu* [The Criminal Process: from the past to the future In 2 parts. Part 1]. Moscow, Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2014. Pp. 86-89.
4. Volodina L.M. *Problemy i protivorechiya stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela* [Problems and contradictions stage of criminal proceedings]. *Vestnik kriminalistiki – Herald of criminalistics*, 2010, no. 3 (35), pp. 16-20.
5. Gavrilov B.Ya. *Realii i mify vzbuzhdeniya ugovolnogo dela* [Realities and myths of a criminal case]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings*, 2010, no. 2, pp. 7-10.
6. Grachev S.A., Miller V.Yu. *K voprosu o forme nachala proizvodstva po ugovolnomu delu* [The form of the beginning of criminal proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Herald of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*, 2014, no. 3 (27), pp. 78-81.
7. Available at: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%9D%D0%90%D0%9A> (Accessed 15 January 2015).

ЛУГОВИК В.Ф., LUGOVIK V.F.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
vlug@yandex.ru
Кафедра оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел;
Омская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7
Chair of detective activities
of the internal affairs bodies;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (АВТОРСКИЙ ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА)

Реферат. Авторский проект федерального закона содержит 12 глав, включающих 81 статью. Закрепляются определения наиболее значимых терминов. Раскрывается содержание 9 принципов ОРД (нормы статей понятны, потенциально реализуемы и не декларативны). Специальная глава посвящена участникам ОРД. Впервые на законодательном уровне определены права и обязанности руководителя оперативно-разыскного органа, руководителя оперативного подразделения, оперуполномоченного, прокурора, суда (судьи), специалиста. Определен порядок оперативно-разыскного производства (осуществляется только по проверочным материалам и оперативным делам, заводимым как в отношении лиц, так и по фактам). Впервые предусматриваются принудительные меры обеспечения оперативно-разыскного производства: доставление; задержание; личный досмотр; изъятие; приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; ограничение использования сетей связи и средств связи; приостановление услуг связи. Детально регламентирован порядок осуществления и документального оформления оперативно-разыскных мероприятий, определена процедура представления результатов ОРД органу дознания, дознавателю, следователю или в суд. Впервые предложен судебный порядок оценки результатов ОРД, полученных при непредвиденных обстоятельствах. Принятие Оперативно-разыскного кодекса потребует: внесения изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное, трудовое законодательство; внесения изменений в подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие допуск лиц к государственной тайне; приведения нормативных правовых актов оперативно-разыскных органов в соответствие с Оперативно-разыскным кодексом; издания указов Президента Российской Федерации: а) о порядке осуществления ОРД за пределами территории Российской Федерации; б) порядке осуществления ОРД в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности; в) взаимодействии оперативно-разыскных органов и операторов связи; контроле за ОРД.

Ключевые слова: оперативно-разыскной кодекс, оперативно-разыскная деятельность, законодательство, оперативно-разыскное производство.

CRIME DETECTION CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (THE AUTHOR'S DRAFT OF THE FEDERAL LAW)

Abstract. The author's draft of federal law contains 12 chapters, including 81 articles. The most important terms definitions are fixed. The content of 9 crime detection activities' principles is revealed. Special chapter is devoted to the participants in detective activities. For the first time the rights and duties of the head of crime detection body, operational unit head, detective, prosecutor, judge, specialist are determined at the legislative level. The order of crime detection procedure is determined (based on case, facts, verified materials). Coercive measures to ensure the crime detection procedure are provided: arrest; search; seizure; destruction of documents, things, materials, substances; restriction of the communication networks and means of communication use; communications services suspension. The process of implementing and documenting crime detection actions is regulated in detail. The procedure for the submission of crime detection activities' results to the agency in charge of preliminary investigation, investigator or court is established. The judicial procedure for evaluating the results of crime detection activities, obtained by unforeseen circumstances, is proposed. The adoption of crime detection code will require: changing and amending criminal, criminal procedural, labour legislation; amending normative legal acts regulating the admission of persons to the state secret; bringing the

normative legal acts of the detective bodies in accordance with the code; publishing the decrees of the RF President on the procedure of exercising the crime detection activities outside the RF territory or to maintain or restore international peace and security, interaction of the detective bodies and telecommunications providers, control over detective activities.

Keywords: crime detection code, crime detection activities, legislation, crime detection procedure.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1. Общие положения

Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе

Если не оговорено иное, основные понятия, используемые в настоящем Кодексе, имеют следующие значения:

1) информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием технических средств;

2) конспирация — комплекс мер по сохранению в тайне сил, средств, методов, планов и результатов оперативно-разыскной деятельности;

3) легендированные организации — предприятия, учреждения, организации и подразделения, созданные оперативно-разыскными органами под вымышленными названиями и легендой с зашифровкой их ведомственной принадлежности для решения задач оперативно-разыскной деятельности;

4) лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, — лицо, в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления;

5) личный досмотр — осмотр физического лица и вещей, находящихся при нем, без нарушения их конструктивной целостности;

6) оперативная разработка — оперативно-разыскная деятельность, осуществляемая оперативно-разыскным органом, как правило, с заведением оперативного дела в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, изобличения виновных в совершении преступления, а также розыска лиц, скрывшихся от правосудия или отбытия наказания;

7) оперативное дело — дело, заводимое в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-разыскной деятельности, а также принятия на их основе соответствующих решений органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность;

8) оперативное подразделение — подразделение оперативно-разыскного органа, наделенное полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности в пределах своей компетенции;

9) оперативно-разыскное производство — оперативно-процессуальные решения уполномоченных органов и должностных лиц в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, а также совокупность дел, документов и иных носителей информации, образуемых при ее осуществлении;

10) оперативно-разыскной орган — орган, уполномоченный настоящим Кодексом на осуществление оперативно-разыскной деятельности;

11) оператор связи — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии;

12) оперуполномоченный — должностное лицо, уполномоченное осуществлять оперативно-разыскную деятельность, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом;

13) прослушивание телефонных переговоров — прослушивание и (или) фиксация акустической информации, передаваемой по информационно-телекоммуникационным сетям;

14) понятой — не заинтересованное в исходе дела лицо, привлекаемое должностным лицом оперативно-разыскного органа для удостоверения факта, содержания, хода и результатов проведения оперативно-разыскного мероприятия, его элемента или действия;

15) результаты оперативно-разыскной деятельности — сведения, материалы, документы и иные материальные носители информации, полученные в соответствии с настоящим Кодексом и имеющие значение для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, для обеспечения государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности;

16) руководитель оперативного подразделения — должностное лицо, возглавляющее соответствующее подразделение, а также его заместитель;

17) руководитель оперативно-разыскного органа — должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган, а также его заместитель, уполномоченный на осуществление и руководство оперативно-разыскной деятельностью;

18) специалист — лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в оперативно-разыскной деятельности в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Статья 2. Правовое регулирование оперативно-разыскной деятельности

1. Порядок осуществления оперативно-разыскной деятельности устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права.

2. Новые законы, регламентирующие оперативно-разыскную деятельность, подлежат включению в настоящий Кодекс.

3. Международные договоры Российской Федерации являются составной частью оперативно-разыскного законодательства Российской Федерации.

Статья 3. Ведомственное нормативное правовое регулирование оперативно-разыскной деятельности

1. Оперативно-разыскные органы издают нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику оперативно-разыскной деятельности, порядок документального оформления оперативно-разыскных мероприятий и решений, а также иные вопросы, не требующие законодательного регулирования.

2. Оперативно-разыскные органы не могут вводить ограничения на осуществление оперативно-разыскной деятельности, не предусмотренные данным Кодексом.

Статья 4. Действие нормативных правовых актов, регулирующих оперативно-разыскную деятельность, в пространстве

1. На территории Российской Федерации оперативно-разыскную деятельность осуществляют органы, уполномоченные на то настоящим Кодексом, их оперативные подразделения и должностные лица.

2. По решению Президента Российской Федерации или в соответствии с международными договорами нормы настоящего Кодекса и иные нормативные правовые акты применяются при осуществлении оперативно-разыскной деятельности за пределами территории Российской Федерации.

Статья 5. Действие нормативных правовых актов, регулирующих оперативно-разыскную деятельность, во времени

При осуществлении оперативно-разыскной деятельности применяется оперативно-разыскной закон и подзаконные нормативные правовые акты, действующие во время проведения оперативно-разыскного мероприятия или действия либо принятия оперативно-разыскного решения.

Статья 6. Назначение оперативно-разыскной деятельности

Оперативно-разыскная деятельность осуществляется для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, для обеспечения государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности.

Статья 7. Основные направления оперативно-разыскной деятельности

1. Оперативно-разыскная деятельность осуществляется по следующим основным направлениям:

- 1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;
- 2) выявление, предупреждение и раскрытие преступлений;
- 3) розыск лиц, идентификация лиц и трупов;
- 4) государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;
- 5) установление имущества, подлежащего конфискации;
- 6) обеспечение государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности;

7) обеспечение безопасности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, их оперативных подразделений и должностных лиц и их близких, а также лиц, оказывающих содействие этим органам, и их близких;

8) обеспечение установленного порядка отбывания наказания;

9) антикоррупционное обеспечение государственной и муниципальной службы.

2. По решению Президента Российской Федерации оперативно-разыскная деятельность может осуществляться в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Статья 8. Проведение оперативно-разыскной деятельности

Оперативно-разыскная деятельность осуществляется органами, уполномоченными на то настоящим Кодексом, их оперативными подразделениями и должностными лицами путем проведения оперативно-разыскных мероприятий и иных действий, регламентированных настоящим Кодексом.

ГЛАВА 2. Принципы оперативно-разыскной деятельности

Статья 9. Законность

1. Оперативно-разыскная деятельность осуществляется в точном соответствии с законом.

2. Всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц при осуществлении оперативно-разыскной деятельности допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом.

3. Оперативно-разыскным органам, их оперативным подразделениям и должностным лицам запрещается:

1) проводить оперативно-разыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения;

2) принимать негласное участие в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;

3) подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация);

4) фальсифицировать результаты оперативно-разыскной деятельности.

4. При нарушении оперативно-разыскным органом, оперативным подразделением или должностным лицом прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с законодательством Российской Федерации обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, а также возмещению причиненного вреда.

5. Ответственность за законность и обоснованность проведения оперативно-разыскных мероприятий, осуществляемых на основании поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда, или задания оперативного подразделения, лежит на должностных лицах, принявших такое решение.

6. Нарушения настоящего Кодекса при осуществлении оперативно-разыскной деятельности влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Статья 10. Уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина

1. При осуществлении оперативно-разыскной деятельности уполномоченные органы и должностные лица обязаны соблюдать и уважать права и свободы человека и гражданина.

2. Каждый человек может быть подвергнут только таким ограничениям, которые предусмотрены Кодексом, исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других людей, общественного порядка и общего благосостояния.

3. Оперативно-разыскные мероприятия, ограничивающие права и свободы граждан, немедленно прекращаются, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан.

4. При осуществлении оперативно-разыскной деятельности запрещается прибегать к пыткам, жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

5. Органам и должностным лицам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известны в процессе

проведения оперативно-разыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Статья 11. Право на истребование информации о проведении оперативно-разыскных мероприятий

Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-разыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от оперативно-разыскного органа сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. В случае, если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в судебном порядке. В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий оперативно-разыскной орган.

Статья 12. Конспирация

1. Органы и должностные лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, в необходимых случаях соблюдают конспирацию. В этих целях они могут использовать документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств оперативно-разыскных органов и личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, создавать легендированные организации, имитировать противоправное поведение, а также предпринимать иные действия для обеспечения конспирации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

2. Должностные лица органов дознания, следствия, суда не имеют права разглашать сведения о принятии ими решения о проведении оперативно-разыскных мероприятий и даче поручения, определения органу, осуществляющему оперативно-разыскную деятельность.

3. Прокурор не имеет права разглашать сведения, ставшие ему известными в ходе осуществления надзора за исполнением оперативно-разыскного законодательства.

Статья 13. Сочетание гласных и негласных методов и средств

1. Оперативно-разыскная деятельность осуществляется в гласной и негласной формах. Формы проведения оперативно-разыскной деятельности и их сочетание определяется должностными лицами оперативно-разыскного органа.

2. Сведения, полученные при осуществлении негласной оперативно-разыскной деятельности, могут предаваться гласности в соответствии с положениями настоящего Кодекса.

Статья 14. Наступательность

Оперативно-разыскные органы в пределах своей компетенции инициативно проводят мероприятия по выявлению, предупреждению и пресечению угроз государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности, по выявлению и предупреждению преступлений, а также выявлению лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, контролируют осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Статья 15. Обеспечение негласности сотрудничества с лицами

1. Граждане Российской Федерации, иностранцы и лица без гражданства имеют право на сохранение в тайне своего сотрудничества с оперативно-разыскными органами.

2. Сведения о таких лицах раскрываются только с их согласия в письменной форме, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности в связи с выполняемым ими заданием оперативно-разыскного органа.

Статья 16. Обеспечение безопасности оперативно-разыскных органов и участников уголовного судопроизводства, их родственников или близких лиц

1. Сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности, о лицах, внедренных или внедрившихся в преступные группы (к отдельным лицам), о штатных негласных сотрудниках оперативно-разыскных органов и о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших с ними на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат раскрыванию только на основании постановления руководителя оперативно-разыскного органа.

2. Предание гласности сведений о лицах, внедренных или внедрявшихся в преступные группы (к отдельным лицам), о штатных негласных сотрудниках оперативно-разыскных органов, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

3. Судебное решение на право проведения оперативно-разыскного мероприятия и материалы, послужившие основанием для принятия такого решения, хранятся только в органах, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

4. Оперативно-служебные документы, отражающие результаты оперативно-разыскной деятельности, представляются суду (судье), прокурору, осуществляющему надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности, следователю и органу дознания, в производстве которых находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, другим органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в порядке и случаях, которые установлены настоящим Кодексом.

5. Постановление о применении мер безопасности, содержащее сведения, разглашение которых может угрожать жизни, здоровью, безопасности и имуществу защищаемого лица, а также его родственникам и близким лицам, хранится в оперативном подразделении в порядке, устанавливаемом органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Статья 17. Равенство перед законом

1. Оперативно-разыскная деятельность в отношении физических лиц осуществляется при наличии оснований, предусмотренных данным Кодексом, независимо от пола, расы, национальности, гражданства (подданства), языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

2. Особые условия осуществления оперативно-разыскной деятельности в отношении лиц, выполняющих определенные функции (депутатов, судей, прокуроров, адвокатов и иных лиц), устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

ГЛАВА 3. Оперативно-разыскные органы и их полномочия

Статья 18. Оперативно-разыскные органы

1. На территории Российской Федерации оперативно-разыскную деятельность осуществляют оперативные подразделения органов:

- 1) Министерства внутренних дел Российской Федерации;
- 2) Федеральной службы безопасности Российской Федерации;
- 3) Федеральной службы охраны Российской Федерации;
- 4) Федеральной таможенной службы;
- 5) Службы внешней разведки Российской Федерации;
- 6) Федеральной службы исполнения наказаний;
- 7) Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.

2. Орган внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации проводит оперативно-разыскные мероприятия только в целях обеспечения безопасности указанного органа внешней разведки и в случае, если проведение этих мероприятий не затрагивает полномочий других оперативно-разыскных органов.

3. Руководители федеральных оперативно-разыскных органов определяют полномочия, структуру и организацию работы оперативных подразделений, правомочных осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

4. Оперативно-разыскные органы решают стоящие перед ними задачи в пределах своих полномочий, установленных настоящим Кодексом и иными законодательными актами Российской Федерации.

Статья 19. Координация и взаимодействие оперативно-разыскных органов

1. Оперативно-разыскные органы могут создавать координационные органы, совместные информационные системы и взаимодействовать при решении стоящих перед ними задач.

2. Оперативные подразделения оперативно-разыскных органов вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-разыскные мероприятия в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Статья 20. Обязанности оперативно-разыскных органов

При решении определенных настоящим Кодексом задач оперативно-разыскной деятельности оперативно-разыскные органы обязаны:

1. Принимать в пределах своих полномочий необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства.

2. Исполнять в пределах своих полномочий поручения в письменной форме дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о проведении оперативно-разыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, принятым ими к производству, а также решения суда по уголовным делам.

3. Выполнять на основе и в порядке, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, запросы соответствующих международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств.

4. Информировать другие оперативно-разыскные органы о ставших известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказывать этим органам необходимую помощь, если это не влечет расшифровку лиц, оказывающих конфиденциальное содействие.

5. Соблюдать конспирацию при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

6. Содействовать обеспечению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц, сотрудничающих с оперативно-разыскными органами, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств.

Статья 21. Права оперативно-разыскных органов

1. Оперативно-разыскные органы имеют право:

1). Гласно и негласно осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

2). Истребовать или производить изъятие документов, предметов, материалов и сообщений.

3). Создавать и использовать информационные системы.

4). Наводить справки, собирать и изучать документы и сведения, которые характеризуют деятельность организаций, а также отдельных лиц, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений.

5). Осуществлять оперативно-разыскной контроль за лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений.

6). Ходатайствовать при наличии достаточных оснований перед соответствующими контролирующими органами о проведении до возбуждения уголовного дела проверки финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования.

7). Устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе.

8). Использовать в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности по договору или устному соглашению служебные помещения, имущество предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, транспортные средства, а также жилые и нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество частных лиц.

9). Использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств оперативно-разыскных органов, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

10). Создавать в установленном порядке легендированные организации, необходимые для решения задач оперативно-разыскной деятельности.

11). Проникать при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в помещения, на земельные участки, в транспортные средства, принадлежащие гражданам или организациям (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций), в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

12). Блокировать участки местности, жилые помещения, строения и другие объекты в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

13). Лишать жизни лиц, совершающих террористический акт, а также причинять вред их здоровью или имуществу либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлять иные мероприятия по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации.

2. Оперативно-разыскные органы вправе собирать данные, необходимые для принятия решений:

1). О допуске к участию в оперативно-разыскной деятельности.
2). Об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

3). По обеспечению безопасности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

4). О достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены в результате террористической деятельности, но не ранее установленного факта начала участия лица, совершившего террористический акт, в террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества.

3. Должностные лица оперативных подразделений оперативно-разыскных органов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности вправе использовать полномочия сотрудников тех органов, в штаты которых указанные должностные лица входят.

4. Законные требования должностных лиц оперативно-разыскных органов обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами, к которым такие требования предъявлены.

5. Неисполнение законных требований должностных лиц оперативно-разыскных органов либо воспрепятствование законному осуществлению оперативно-разыскной деятельности влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

ГЛАВА 4. Участники оперативно-разыскной деятельности

Статья 22. Руководитель оперативно-разыскного органа

1. Полномочия руководителя оперативно-разыскного органа, предусмотренные настоящей статьей, осуществляют руководители соответствующих федеральных оперативно-разыскных органов, их территориальных органов по субъектам Российской Федерации, по районам, городам и приравненным к ним территориальным образованиям, их заместители, иные руководители оперативно-разыскных органов и их заместители, объем оперативно-разыскных полномочий которых устанавливается руководителями федеральных оперативно-разыскных органов.

2. Руководители оперативных подразделений федеральных оперативно-разыскных органов, их территориальных органов по субъектам Российской Федерации, их заместители по решению руководителей федеральных оперативно-разыскных органов могут быть наделены полномочиями руководителя оперативно-разыскного органа.

3. Руководитель оперативно-разыскного органа уполномочен:

1) поручать осуществление оперативно-разыскной деятельности оперативному подразделению по делам и материалам;

2) изымать оперативное дело или материалы из производства у оперуполномоченного, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса, и передавать их другому оперуполномоченному или руководителю оперативного подразделения с обязательным указанием оснований такой передачи либо принимать дело к своему производству;

3) создавать оперативную группу, изменять ее состав;

4) проверять материалы оперативно-разыскного производства, отменять незаконные или необоснованные решения оперуполномоченного;

5) давать оперуполномоченному указания о проведении оперативно-разыскных мероприятий и действий, участвовать в их проведении;

6) утверждать постановления оперуполномоченного на возбуждение перед судом ходатайства о производстве оперативно-разыскного мероприятия или действия, которое допускается на основании судебного решения;

7) в пределах своих полномочий утверждать постановления оперуполномоченного о проведении оперативно-разыскных мероприятий и действий;

8) лично встречаться с лицами, согласившимися сотрудничать с оперативно-разыскными органами, давать им задания и контролировать их деятельность;

9) отменять незаконные или необоснованные решения руководителя оперативного подразделения;

10) контролировать работу оперуполномоченного по работе с лицами, согласившимися сотрудничать с оперативно-разыскными органами;

11) распоряжаться финансовыми средствами, выделенными на осуществление оперативно-разыскной деятельности;

12) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом.

4. Руководитель оперативно-разыскного органа обладает полномочиями оперуполномоченного или руководителя оперативного подразделения, предусмотренными настоящим Кодексом.

5. Указания руководителя оперативно-разыскного органа по материалам оперативно-разыскного производства даются в письменном виде и обязательны для исполнения оперуполномоченным и начальником оперативного подразделения.

6. Указания руководителя оперативно-разыскного органа могут быть обжалованы оперуполномоченным или руководителем оперативного подразделения руководителю вышестоящего оперативно-разыскного органа. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, когда указания касаются производства оперативно-разыскных мероприятий и действий, которые допускаются только по судебному решению, а также прекращения оперативного дела. При этом оперуполномоченный вправе представить руководителю вышестоящего оперативно-разыскного органа материалы оперативного дела и письменные возражения на указания руководителя оперативно-разыскного органа.

7. Руководитель оперативно-разыскного органа рассматривает в срок не позднее 10 суток требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного решения или устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных оперуполномоченным в ходе оперативно-разыскного производства, а также письменные возражения оперуполномоченного на указанные требования и сообщает прокурору об отмене незаконного или необоснованного решения и устранении допущенных нарушений либо выносит мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора, которое в течение 10 суток направляет прокурору.

8. Руководители федеральных оперативно-разыскных органов определяют перечень оперативных подразделений, направления их деятельности, компетенцию, а также должностных лиц, наделенных полномочиями руководителя оперативно-разыскного органа или оперативного подразделения, и объем их полномочий.

Статья 23. Руководитель оперативного подразделения

1. Полномочия руководителя оперативного подразделения, предусмотренные настоящей статьей, осуществляют руководители оперативных подразделений соответствующих федеральных оперативно-разыскных органов, их территориальных органов по субъектам Российской Федерации, по районам, городам, их заместители, иные руководители оперативных подразделений и их заместители, объем оперативно-разыскных полномочий которых устанавливается руководителями федеральных оперативно-разыскных органов.

2. Руководитель оперативного подразделения при осуществлении оперативно-разыскной деятельности обладает полномочиями оперуполномоченного, предусмотренными настоящим Кодексом.

3. Руководитель оперативного подразделения уполномочен:

1) поручать осуществление оперативно-разыскной деятельности оперуполномоченному либо нескольким оперуполномоченным по делам и материалам;

2) ходатайствовать перед руководителем оперативно-разыскного органа об изъятии оперативного дела или материала из производства у оперуполномоченного, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса, и о передаче его другому оперуполномоченному с обязательным указанием оснований такой передачи либо принятии дела к своему производству;

3) проверять материалы оперативно-разыскного производства, ходатайствовать перед руководителем оперативно-разыскного органа об отмене незаконных или необоснованных решений оперуполномоченного;

4) давать оперуполномоченному рекомендации о проведении оперативно-разыскных мероприятий и действий, участвовать в их проведении;

5) давать оперуполномоченному согласие на возбуждение перед судом ходатайства о производстве оперативно-разыскного мероприятия или действия, которое допускается на основании судебного решения;

6) в пределах своих полномочий согласовывать постановления оперуполномоченного о проведении оперативно-разыскных мероприятий и действий;

7) лично встречаться с лицами, согласившимися сотрудничать с оперативно-разыскными органами, давать им задания и контролировать их деятельность;

8) контролировать работу оперуполномоченного по оперативным делам и материалам;

9) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом.

Статья 24. Оперуполномоченный

1. Оперуполномоченный осуществляет оперативно-разыскную деятельность в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом и ведомственными нормативными правовыми актами.

2. Оперуполномоченный уполномочен:

1) заводить оперативные и иные дела в порядке, установленном настоящим Кодексом и ведомственными нормативными правовыми актами;

2) самостоятельно направлять ход работы по оперативному делу, принимать решения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или разрешения руководителя оперативно-разыскного органа;

3) ставить на оперативный учет лиц, предметы, факты и иные объекты;

4) в установленном настоящим Кодексом и ведомственными нормативными актами порядке представлять результаты оперативно-разыскной деятельности уполномоченным органам и должностным лицам;

5) осуществлять оперативно-разыскные мероприятия, в том числе по поручению следователя, органа дознания, по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве;

6) привлекать к осуществлению оперативно-разыскной деятельности отдельных лиц в порядке, установленном настоящим Кодексом;

7) готовить письменные возражения на требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного решения и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе оперативно-разыскного производства, и представлять их руководителю оперативно-разыскного органа;

8) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом и другими нормативными правовыми актами.

2. В случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе оперативно-разыскной деятельности, оперуполномоченный обязан представить свои письменные возражения руководителю оперативного подразделения, который информирует об этом прокурора.

Статья 25. Прокурор

1. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, устанавливаются настоящим Кодексом.

2. В ходе надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности прокурор уполномочен:

1) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

2) требовать от оперативно-разыскных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности;

3) в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона истребовать и проверять законность решений о проведении оперативно-разыскных мероприятий;

4) рассматривать представленную руководителем оперативно-разыскного органа информацию оперуполномоченного о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

5) вносить предложения об отстранении оперуполномоченного от дальнейшего осуществления оперативно-разыскной деятельности по оперативному делу или материалу, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса;

6) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору настоящим Кодексом.

3. По мотивированному письменному запросу прокурора в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона руководитель оперативно-разыскного органа может предоставить ему возможность ознакомиться в помещении оперативно-разыскного органа с находящимся в производстве оперативным делом или материалом, если это не нанесет ущерб оперативной разработке.

Статья 26. Суд

1. Только суд правомочен принимать решения:

1) об отмене или изменении решения, принятого нижестоящим судом;

2) о производстве оперативно-разыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных

и иных сообщений, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям и почтовой связи, на неприкосновенность жилища;

3) о производстве оперативно-разыскных мероприятий в отношении лиц, осуществление оперативно-разыскной деятельности по которым допускается только по судебному решению;

4) об истребовании информации, содержащей охраняемую федеральным законом тайну;

5) о производстве изъятия предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях.

2. Суд правомочен рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц оперативно-разыскных органов в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом.

Статья 27. Специалист

1. Должностные лица оперативно-разыскных органов вправе привлекать для консультаций, участия в оперативно-разыскных мероприятиях и действиях специалистов. Специалисты из числа работников государственных и муниципальных органов, организаций имеют право на сохранение за ними заработной платы (денежного содержания) по основному месту работы (службы).

Специалист вправе:

1) отказаться от участия в оперативно-разыскных мероприятиях и действиях, если он не обладает соответствующими специальными знаниями;

2) знакомиться с протоколом или иным документом, фиксирующим оперативно-разыскное мероприятие или действие, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;

3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц оперативно-разыскного органа, ограничивающие его права.

2. Участие специалиста в оперативно-разыскных мероприятиях и его мнение отражается в протоколе или ином документе, фиксирующем оперативно-разыскное мероприятие или действие, письменном заключении специалиста либо письменном объяснении.

3. Специалист предупреждается о неразглашении сведений, содержащих государственную тайну, ставших ему известными в связи с участием его в оперативно-разыскной деятельности, и о привлечении его к ответственности в случае ее разглашения, о чем у него отбирается соответствующая расписка или делается отметка в протоколе оперативно-разыскного мероприятия.

4. За разглашение сведений об организации, тактике, средствах, методах оперативно-разыскной деятельности, фактах проведения оперативно-разыскных мероприятий и полученных при этом результатах, которые были ему доверены или стали известны в связи с участием в осуществлении оперативно-разыскной деятельности, специалист несет ответственность в соответствии со статьей 283 Уголовного кодекса Российской Федерации.

5. Судья, прокурор, следователь, дознаватель, адвокат не могут привлекаться в качестве специалиста.

Статья 28. Понятой

1. Понятой удостоверяет в протоколе (ином документе) своей подписью факт, содержание, ход и результаты совершения в его присутствии оперативно-разыскных мероприятий, их элементов или действий. Понятые, привлекаемые по одному делу, не могут приходиться близкими родственниками и родственниками друг другу.

2. Понятыми не могут быть:

1) несовершеннолетние;

2) близкие родственники и родственники лиц, в отношении которых осуществляются оперативно-разыскные мероприятия;

3) работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

3. Понятой вправе:

1) участвовать в оперативно-разыском мероприятии, его элементе или действии и делать заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол или иной документ;

2) знакомиться с протоколом (иным документом) оперативно-разыскного мероприятия, его элемента или действия, в производстве которого он участвовал;

3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц оперативно-разыскного органа, ограничивающие его права.

4. Понятой предупреждается о неразглашении сведений, содержащих государственную тайну, ставших ему известными в связи с участием его в оперативно-разыскной деятельности, и

о привлечении его к ответственности в случае ее разглашения, о чем у него отбирается соответствующая расписка или делается отметка в протоколе оперативно-разыскного мероприятия.

5. За разглашение сведений об организации, тактике, средствах, методах оперативно-разыскной деятельности, фактах проведения оперативно-разыскных мероприятий и полученных при этом результатах, которые были ему доверены или стали известны в связи с участием в осуществлении оперативно-разыскной деятельности, понятой несет ответственность в соответствии со статьей 283 Уголовного кодекса Российской Федерации.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 5. Оперативно-разыскное производство

Статья 29. Общие положения оперативно-разыскного производства

1. Оперативно-разыскное производство осуществляется по проверочным материалам и оперативным делам.

2. Для хранения и систематизации оперативно-служебных документов по направлениям деятельности оперативно-разыскные органы могут заводить иные дела.

Статья 30. Производство по проверочным материалам

1. Для проверки и оценки негласно полученных первичных сведений о признаках преступления, если требуется проведение дополнительных оперативно-разыскных мероприятий, по указанию руководителя оперативно-разыскного органа проводится оперативная проверка по проверочным материалам. Срок такой проверки устанавливается указанным руководителем до 30 суток.

2. Порядок проверки по проверочным материалам определяется нормативными правовыми актами оперативно-разыскных органов.

Статья 31. Оперативное дело

1. Для проведения оперативной разработки, собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-разыскной деятельности, требующих длительного времени или большого объема оперативно-разыскных мероприятий или действий, а также принятия на их основе соответствующих решений оперативно-разыскные органы могут заводить оперативные дела.

2. Факт заведения оперативного дела не является основанием для проведения оперативно-разыскных мероприятий и ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

3. Порядок ведения оперативного дела и проведения оперативной разработки по нему определяется нормативными правовыми актами оперативно-разыскных органов.

Статья 32. Заведение оперативного дела

Оперативное дело заводится по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа.

Статья 33. Прекращение оперативного дела

1. Срок ведения оперативного дела определяется руководителем оперативно-разыскного органа, исходя из конкретной ситуации и потребности решения задач оперативно-разыскной деятельности.

2. Оперативное дело прекращается по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, в случаях решения задач или установления обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности их достижения.

ГЛАВА 6. Обеспечение оперативно-разыскного производства

Статья 34. Меры обеспечения оперативно-разыскного производства

1. В целях пресечения преступления, установления личности нарушителя, составления протокола оперативно-разыскного мероприятия, обеспечения привлечения лица к ответственности и исполнения принятого по делу постановления оперуполномоченный вправе в пределах своих полномочий применять следующие меры обеспечения оперативно-разыскного производства:

1) доставление;

- 2) задержание;
- 3) личный досмотр;
- 4) изъятие;
- 5) приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ;
- 6) ограничение использования сетей связи и средств связи;
- 7) приостановление услуг связи.

2. Вред, причиненный незаконным применением мер обеспечения оперативно-разыскного производства, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Статья 35. Доставка

Доставление, то есть принудительное препровождение лица, заподозренного в совершении преступления, скрывающегося от органов следствия, суда или отбытия наказания, а также транспортных средств и орудий совершения преступления, находящихся при нем, оформляется протоколом либо делается соответствующая запись в протоколе оперативно-разыскного мероприятия. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе.

Статья 36. Задержание

1. При доставлении лица, обоснованно заподозренного в подготовке или совершении преступления, установленного в ходе проведения оперативного эксперимента, оперативной закупки, оперативного внедрения, контролируемой поставки, оперативного осмотра либо оперативного наблюдения, оно может быть задержано на срок не более трех часов, если это необходимо для составления протокола оперативно-разыскного мероприятия, обеспечения рассмотрения материалов о подготовке или совершении преступлений, установления причастности к ним задержанного, а также установления его личности.

2. При задержании заподозренного, являющегося военнослужащим, в течение трех часов об этом уведомляется командование воинской части, а в случае задержания сотрудника органа внутренних дел — начальник органа, в котором проходит службу указанный сотрудник.

3. При задержании лица, являющегося членом общественной наблюдательной комиссии, образованной в соответствии с законодательством Российской Федерации, об этом уведомляются секретарь Общественной палаты Российской Федерации и соответствующая общественная наблюдательная комиссия в срок, указанный в части второй настоящей статьи.

4. Если заподозренный является гражданином или подданным другого государства, то в срок, указанный в части второй настоящей статьи, уведомляется посольство или консульство этого государства.

5. При необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление с согласия прокурора может не производиться, за исключением случаев, когда лицо является несовершеннолетним.

Статья 37. Личный досмотр

1. Личный досмотр лица, обоснованно заподозренного в подготовке или совершении преступления, установленного в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, проводится в целях установления его личности, обнаружения и фиксации следов преступления, орудий совершения либо предметов преступления.

2. Личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых, а при необходимости и специалистов того же пола.

3. В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без участия понятых.

4. О личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе оперативно-разыскного мероприятия.

5. В протоколе о личном досмотре или протоколе оперативно-разыскного мероприятия делается запись о применении фото- и видеозаписи, иных установленных способов фиксации вещественных доказательств. Материалы, полученные при осуществлении личного досмотра с применением фото- и видеозаписи, иных установленных способов фиксации вещественных доказательств, прилагаются к соответствующему протоколу.

6. Протокол о личном досмотре подписывается должностным лицом, его составившим, лицом, подвергнутым досмотру, понятыми и иными участвующими лицами. В случае отказа подвергнутого досмотру лица от подписания протокола в нем делается соответствующая запись.

Статья 38. Изъятие

1. В случае изъятия документов, предметов, материалов, электронных носителей информации при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол.

2. Если при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий изымаются документы и (или) электронные носители информации, то изготавливаются копии документов, которые заверяются должностным лицом, изъявшим документы, и (или) по ходатайству законного владельца изъятых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации информация, содержащаяся на изъятых электронных носителях, копируется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изъятых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. Копии документов и (или) электронные носители информации, содержащие копии изъятой информации, передаются лицу, у которого были изъяты эти документы, и (или) законному владельцу изъятых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации, о чем делается запись в протоколе. В случае, если при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий невозможно изготовить копии документов и (или) скопировать информацию с электронных носителей информации или передать их одновременно с изъятием документов и (или) электронных носителей информации, указанное должностное лицо передает заверенные копии документов и (или) электронные носители информации, содержащие копии изъятой информации, лицу, у которого были изъяты эти документы, и (или) законному владельцу изъятых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в течение пяти дней после изъятия, о чем делается запись в протоколе. При копировании документов и (или) информации, содержащейся на изымаемых электронных носителях информации, должны обеспечиваться условия, исключающие возможность утраты или изменения документов и (или) информации. Не допускается копирование документов и (или) информации, содержащейся на изымаемых электронных носителях информации, если это может воспрепятствовать осуществлению оперативно-разыскной деятельности или их распространение является противоправным.

3. В случае, если по истечении пяти дней после гласного изъятия документов заверенные копии документов не были переданы лицу, у которого изъяты документы, заверенные копии документов в течение трех дней должны быть направлены по почте заказным почтовым отправлением, о чем делается запись в протоколе с указанием номера почтового отправления.

4. Копии документов направляются по адресу места нахождения юридического лица или адресу места жительства физического лица, указанному в протоколе.

5. В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий факт изъятия отражается в документах, которыми оформляется оперативно-разыскное мероприятие.

6. Негласное изъятие документов, предметов, материалов допускается для обеспечения их сохранности, исследования, а также если они представляют угрозу обществу, государству или жизни и здоровью людей.

Статья 39. Уничтожение или приведение в негодность документов, предметов, материалов

Приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ в ходе осуществления негласных оперативно-разыскных мероприятий допускается для предотвращения подготавливаемых тяжких и особо тяжких преступлений.

Статья 40. Ограничение использования сетей связи и средств связи

1. Ограничение использования сетей связи и средств связи на определенной территории осуществляется операторами связи либо оперативно-техническими подразделениями оперативно-разыскных органов по мотивированному постановлению руководителя федерального или территориального оперативно-разыскного органа в случаях, когда использование сетей связи и средств связи угрожает безопасности личности, общества, государства и может способствовать совершению тяжких и особо тяжких преступлений, а также на территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции или чрезвычайного положения.

2. Срок ограничения оказания услуг связи должен быть разумным и обоснованным.

3. Возобновление использования сетей связи и средств связи осуществляется по постановлению руководителя федерального или территориального оперативно-разыскного органа, который принял решение об ограничении оказания услуг связи, или по истечении срока действия ограничения.

Статья 41. Приостановление услуг связи

1. Приостановление оказания услуг связи пользователям осуществляется операторами связи по мотивированному постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, в случаях, когда использование сетей связи и средств связи угрожает безопасности личности, общества, государства и может способствовать совершению тяжких и особо тяжких преступлений, а также на территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции или чрезвычайного положения.

2. Срок приостановления оказания услуг связи должен быть разумным и обоснованным.

3. Возобновление оказания услуг связи осуществляется по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, который принял решение о приостановлении оказания услуг связи, или по истечении срока действия приостановления.

ГЛАВА 7. Оперативно-разыскные мероприятия**Статья 42. Общие правила проведения оперативно-разыскных мероприятий**

1. Оперативно-разыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям и почтовой связи, на неприкосновенность жилища, производятся по постановлению суда (судьи) и при наличии информации:

1) о признаках преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно;

2) лицах, подготавливающих, совершающих, совершивших преступление, по которому производство предварительного следствия обязательно, или располагающих сведениями об указанных преступлениях или лицах;

3) лицах, пропавших без вести;

4) лицах, скрывшихся от следствия, суда, отбытия уголовного наказания;

5) событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

2. Оперативный эксперимент, оперативное внедрение, оперативная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, проводятся по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа.

3. Если оперативно-разыскное мероприятие проводится по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, то его проведение должно начаться не позднее шести месяцев с момента его утверждения.

4. При проведении оперативно-разыскных мероприятий могут наводиться справки, истребоваться сведения, проводиться исследования, применяться технические средства.

5. При проведении оперативно-разыскного мероприятия ведется протокол либо составляются иные документы, предусмотренные нормативными актами оперативно-разыскных органов.

6. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, контроль информационно-телекоммуникационных сетей с подключением к станционной аппаратуре операторов связи проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации, межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Статья 43. Участие понятых в оперативно-разыскной деятельности

1. При необходимости для удостоверения факта, содержания, хода и результатов проведения оперативно-разыскного мероприятия, его элемента или действия привлекаются не менее двух понятых. Оперуполномоченный удостоверяется в их личности, разъясняет им права, предупреждает о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну, ставших им известными в связи с их участием в оперативно-разыскной деятельности, и о привлечении их к ответственности в случае их разглашения, а также порядок производства соответствующего мероприятия, при этом должны быть приняты меры по обеспечению их безопасности.

2. Если в проведении оперативно-разыскного мероприятия понятые не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов оперативно-разыскного мероприятия

является обязательным. Если в ходе оперативно-разыскного мероприятия применение технических средств невозможно, то оперуполномоченный делает в протоколе или ином документе соответствующую запись.

Статья 44. Основания осуществления оперативно-разыскной деятельности

1. Оперативно-разыскная деятельность осуществляется для выявления, предупреждения и пресечения преступлений, установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, выявления угроз государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности либо при наличии:

- 1). Возбужденного уголовного дела.
- 2). Сведений:
 - а) о признаках преступления;
 - б) событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;
 - в) лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;
 - г) лицах, без вести пропавших, об обнаружении неопознанных трупов и лиц, которые в силу возраста или здоровья не могут сообщить сведений о себе.

3). Поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

4). Запроса других оперативно-разыскных органов по основаниям, указанным в настоящей статье.

5). Постановления о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

6). Запроса международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

2. По запросу уполномоченных органов оперативно-разыскные органы собирают данные, необходимые для принятия решений:

- 1). О допуске к сведениям, составляющим государственную тайну.
- 2). О допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды.
- 3). О доступе к материалам, полученным в результате осуществления оперативно-разыскной деятельности.

4). О предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, о переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензии, о выдаче (о продлении срока действия, об аннулировании) удостоверения частного охранника.

Статья 45. Особенности осуществления оперативно-разыскной деятельности по уголовным делам

1. Если по уголовному делу не обнаружено лицо, совершившее преступление, то оперативно-разыскные мероприятия и иные действия осуществляются как по поручению следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания, в производстве которых находится уголовное дело, так и по инициативе оперативно-разыскных органов.

2. Если по уголовному делу обнаружено лицо, совершившее преступление, то оперативно-разыскные мероприятия и иные действия в отношении его осуществляются по поручению следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания, за исключением случаев, когда указанное лицо подозревается в подготовке или совершении иных преступлений.

3. При решении задач, стоящих перед оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы, в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей оперативно-разыскные мероприятия в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных проводятся без поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания.

Статья 46. Оперативно-разыскное обеспечение антикоррупционной безопасности государственной и муниципальной службы

1. Оперативно-разыскные органы при наличии запроса, направленного в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия корруп-

ции, в пределах своих полномочий осуществляют оперативно-разыскную деятельность в целях получения информации, необходимой для принятия решений:

1). О достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами гражданами, претендующими на замещение:

а) государственных должностей Российской Федерации, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки указанных сведений;

б) государственных должностей субъектов Российской Федерации;

в) должностей глав муниципальных образований, муниципальных должностей, замещаемых на постоянной основе;

г) должностей федеральной государственной службы;

д) должностей государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации;

е) должностей муниципальной службы;

ж) должностей в государственной корпорации, Пенсионном фонде Российской Федерации, Фонде социального страхования Российской Федерации, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;

з) отдельных должностей, замещаемых на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.

2). О достоверности и полноте сведений, представляемых лицами, замещающими должности, указанные в пункте 1 настоящей части, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки достоверности сведений.

3). О соблюдении лицами, замещающими должности, указанные в пункте 1 настоящей части, ограничений и запретов, которые установлены Федеральным законом от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении ими обязанностей, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки соблюдения указанными лицами данных ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении обязанностей.

4). О достоверности и полноте сведений, представляемых гражданином, претендующим на замещение должности судьи.

2. При решении задач, определенных данной статьей, запрещается проводить оперативно-разыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям и почтовой связи, а также на неприкосновенность жилища.

Статья 47. Судебный порядок получения разрешения на проведение оперативно-разыскных мероприятий

1. При необходимости проведения оперативно-разыскных мероприятий или действий, требующих судебного разрешения, оперуполномоченным представляется в суд (судье) мотивированное постановление о возбуждении ходатайства, согласованное с начальником оперативного подразделения и утвержденное руководителем оперативно-разыскного органа.

2. В одном постановлении могут содержаться ходатайства о проведении нескольких оперативно-разыскных мероприятий или действий, но только в отношении одного лица.

3. Ходатайство о проведении оперативно-разыскных мероприятий или действий подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении, безотлагательно.

4. По требованию судьи ему могут представляться также иные материалы, касающиеся оснований для проведения оперативно-разыскного мероприятия, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий. Немотивированный отказ в представлении дополнительных материалов, касающихся оснований проведения оперативно-разыскных мероприятий, является основанием для судебного решения об отклонении ходатайства об их проведении.

5. При обоснованном опасении относительно возможного рассекречивания оперативно-разыскных мероприятий или действий оперативно-разыскной орган может обратиться в вышестоящий суд либо материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий на основании решения Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителя, принятого по результатам рассмотрения ходатайства органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, могут быть переданы для рассмотрения в иной равнозначный суд.

6. Рассмотрев указанное ходатайство, судья выносит постановление о разрешении проведения оперативно-разыскных мероприятий или действий или об отказе в их проведении с указанием мотивов отказа. Постановление, заверенное печатью, выдается инициатору проведения оперативно-разыскного мероприятия одновременно с возвращением представленных им материалов.

7. Срок действия вынесенного судьей постановления исчисляется в сутках со дня его вынесения и не может превышать шести месяцев, если иное не указано в самом постановлении. При этом течение срока не прерывается. При необходимости продления срока действия постановления судья выносит судебное решение на основании вновь представленных материалов.

8. Если судья отказал в проведении оперативно-разыскного мероприятия, оперуполномоченный вправе вынести новое постановление о возбуждении ходатайства, согласованное с начальником оперативного подразделения и утвержденное руководителем оперативно-разыскного органа, и обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд. К данному постановлению прилагается постановление судьи нижестоящего суда об отказе в проведении оперативно-разыскного мероприятия.

9. Руководители судебных органов создают условия, обеспечивающие защиту сведений, которые содержатся в представляемых судье оперативно-служебных документах.

Статья 48. Проведение оперативно-разыскных мероприятий, требующих судебного решения, в неотложном порядке

Если проведение оперативно-разыскных мероприятий, требующих судебного решения, не терпит отлагательства, они могут быть проведены на основании постановления оперуполномоченного, согласованного с начальником оперативного подразделения и утвержденного руководителем оперативно-разыскного органа, без получения судебного решения. В этом случае оперуполномоченный в течение 24 часов с момента начала проведения оперативно-разыскного мероприятия или действия уведомляет судью о его проведении. К уведомлению прилагаются копии постановления о проведении оперативно-разыскного мероприятия или действия и иные документы для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в течение 24 часов проверяет законность произведенного оперативно-разыскного мероприятия и выносит постановление о его законности или незаконности. Если судья признает производимое оперативно-разыскное мероприятие незаконным, то его проведение незамедлительно прекращается, а полученные в ходе такого оперативно-разыскного мероприятия результаты не могут использоваться при доказывании по уголовному делу.

Статья 49. Судебный порядок оценки результатов оперативно-разыскной деятельности, полученных при непредвиденных обстоятельствах

1. Если в ходе осуществления оперативно-разыскного мероприятия, не ограничивающего конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям и почтовой связи, на неприкосновенность жилища, будут получены результаты, получение которых возможно лишь по судебному решению, то в течение 24 часов с момента их поступления в оперативно-разыскной орган об этом уведомляется судья. К уведомлению прилагаются материалы, послужившие основанием проведения оперативно-разыскного мероприятия, материалы, отражающие его ход и содержание, полученные результаты и иные документы. Получив указанное уведомление, судья в течение 24 часов проверяет законность получения результатов и выносит постановление о возможности либо полной или частичной невозможности их использования при доказывании по уголовному делу.

2. При представлении таких результатов органу дознания, дознавателю, следователю или в суд копия постановления судьи о возможности или невозможности их использования прилагается к представляемым материалам.

Статья 50. Фиксация оперативно-разыскных мероприятий

1. Результаты оперативно-разыскного мероприятия фиксируются в протоколах, сводках, рапортах, сообщениях и записках, справках и иных документах, порядок оформления которых определяется оперативно-разыскным органом.

2. При проведении оперативно-разыскного мероприятия могут применяться технические средства поиска и фиксации информации.

3. Протокол и иные документы, фиксирующие ход и результаты оперативно-разыскного мероприятия, составляются в ходе его проведения или непосредственно после его окончания.

Статья 51. Протокол оперативно-разыскного мероприятия

1. В протоколе оперативно-разыскного мероприятия указываются:

1) место и дата производства оперативно-разыскного мероприятия, время его начала и окончания;

2) уведомление участников оперативно-разыскного мероприятия о применении аудиовидеозаписи;

3) должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;

4) фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в оперативно-разыскном мероприятии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности.

2. В протоколе описываются оперативно-разыскные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в оперативно-разыскном мероприятии.

3. Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в оперативно-разыскном мероприятии. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц.

4. Протокол подписывается должностным лицом оперативно-разыскного органа и лицами, участвовавшими в оперативно-разыскном мероприятии.

5. К протоколу прилагаются изъятые документы, предметы и материалы, а также электронные носители информации.

6. Для обеспечения конспирации, режима секретности и безопасности лиц, участвовавших в оперативно-разыскном мероприятии, в протоколе могут не указываться данные об их личности, а свое участие в оперативно-разыскном мероприятии они удостоверяют подписью под псевдонимом.

Статья 52. Оперативный осмотр

1. Оперативный осмотр местности, жилища, иного помещения, транспортных средств, предметов и документов производится в целях поиска лиц, предметов, веществ, следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для решения задач оперативно-разыскной деятельности.

2. Изъятию подлежат только те предметы, вещества и продукция, которые могут иметь отношение к решению задач оперативно-разыскной деятельности, а также свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен.

При этом в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов.

3. Оперативный осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. При этом вскрытие запертых хранилищ допускается только в случае, если это разрешено в судебном решении.

4. Гласный оперативный осмотр помещения организации производится по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения, и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, в присутствии представителя администрации соответствующей организации. В случае невозможности обеспечить его участие в осмотре об этом делается запись в протоколе с указанием причин. В этом случае оперативный осмотр проводится с обязательным применением видеосъемки или с участием понятых.

Статья 53. Опрос

1. При гласном опросе лица, обоснованно подозреваемого в подготовке или совершении преступления, должностное лицо оперативно-разыскного органа разъясняет ему право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, а также иные случаи освобождения от обязанности давать показания.

2. Опрос лиц, содержащихся под стражей, допускается с письменного разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело.

Статья 54. Оперативный эксперимент

1. В целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких, а также в целях выявления и задержания лиц, их подготов-

ливающих, совершающих или совершивших, проверки и уточнения данных, имеющих значение для предупреждения и раскрытия преступлений, выявления и фиксации преступных действий оперуполномоченный по постановлению, согласованному с начальником оперативного подразделения, и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, вправе произвести оперативный эксперимент путем создания условий, обстановки или иных обстоятельств для проявления лицом преступных намерений.

2. Повторное проведение оперативно-разыскным органом оперативного эксперимента в отношении одного и того же лица на основании сведений о признаках одного и того же преступления допускается только по постановлению, утвержденному руководителем вышестоящего оперативно-разыскного органа или его заместителем, за исключением случаев, когда оперативный эксперимент проводится по постановлению, утвержденному руководителем федерального оперативно-разыскного органа или его заместителем.

3. При проведении оперативного эксперимента обеспечивается безопасность участвующих в нем лиц.

4. Результаты и ход оперативного эксперимента отражаются в протоколе.

Статья 55. Оперативное внедрение

1. Оперативное внедрение сотрудника оперативно-разыскного органа или лица, сотрудничающего с оперативно-разыскным органом, к отдельным лицам, группам или на предприятия, в учреждения, организации проводится по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа.

2. Для выявления и изобличения организованных преступных групп и лиц, подготавливающих или совершающих особо тяжкие преступления, по постановлению, утвержденному руководителем или заместителем руководителя федерального оперативно-разыскного органа, допускается создание и оперативное внедрение групп, состоящих из сотрудников оперативно-разыскного органа или (и) лиц, сотрудничающих с ними.

3. Организация и тактика деятельности таких групп регламентируется нормативными актами оперативно-разыскных органов.

Статья 56. Оперативная закупка

1. Должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также лица, действующие по их поручению, для выявления преступлений и лиц, их совершающих, а также их изобличения могут на возмездной основе приобретать предметы, вещества, документы, аудиовизуальные произведения, базы данных в электронном виде, услуги, предприятия, земельные участки и иные объекты.

2. Средствами платежа могут выступать деньги, иностранная валюта, драгоценные металлы, вещи, объекты недвижимости, автотранспорт, а также другие предметы и платежные средства.

3. Оперативная закупка предметов, веществ, услуг, продукции и объектов, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, проводится на основании постановления оперуполномоченного, согласованного с начальником оперативного подразделения и утвержденного руководителем оперативно-разыскного органа.

4. При проведении оперативной закупки оперативно-разыскные органы могут взаимодействовать с контролирующими и надзорными органами, а также общественными организациями.

5. Результаты оперативной закупки оформляются протоколом, к которому могут прилагаться документы, предметы, вещества, иные материальные объекты, приобретенные в ходе проверочной закупки, а также фотографии, аудио- и (или) видеозаписи.

Статья 57. Контроль информационно-телекоммуникационных сетей

1. Контроль информационно-телекоммуникационных сетей осуществляется путем поиска, прослушивания и записи переговоров, контроля и записи иной передаваемой информации, снятия информации с оборудования, установленного у операторов и пользователей сетей, истребования и получения информации от операторов связи.

2. Поиск в информационно-телекоммуникационных сетях и прослушивание телефонных переговоров допускается в целях розыска без вести пропавших лиц, в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких; лиц, скрывшихся от следствия, суда, отбытия уголовного наказания, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях, лицах и их местонахождении. Фонограммы, полученные в результате прослушивания телефонных переговоров, хранятся в печатанном виде в условиях, исключающих возможность их прослушивания и тиражирования посторонними лицами.

3. В случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, телефонные переговоры которого прослушиваются в соответствии с настоящим Кодексом, фонограмма и бумажный носитель записи переговоров, имеющие значение для расследуемого уголовного дела, передаются следователю для приобщения к делу в качестве вещественных доказательств. Дальнейший порядок их использования определяется уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

4. В случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц, в том числе лиц, в отношении которых осуществление оперативно-разыскной деятельности допускается только по судебному решению, а также похищения принадлежащего им телефона или иного передающего устройства, с их согласия в письменной форме разрешается прослушивать переговоры, ведущиеся с их телефонов или иных передающих устройств, и устанавливать их местонахождение на основании постановления оперуполномоченного, согласованного с начальником оперативного подразделения и утвержденного руководителем оперативно-разыскного органа, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов.

5. В случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности несовершеннолетних лиц, а также похищения принадлежащего им телефона или иного передающего устройства, с согласия в письменной форме их родителей или их законных представителей разрешается прослушивать переговоры, ведущиеся с их телефонов или иных передающих устройств, и устанавливать их местонахождение на основании постановления оперуполномоченного, согласованного с начальником оперативного подразделения и утвержденного руководителем оперативно-разыскного органа, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов.

6. Порядок взаимодействия оперативно-разыскных органов и операторов связи устанавливается Президентом Российской Федерации.

Статья 58. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений

Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений в интересах оперативно-разыскных органов на государственных предприятиях национальной почты проводится органами федеральной службы безопасности в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации и межведомственными нормативными правовыми актами.

Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений на негосударственных предприятиях почты проводится оперативно-разыскными органами с соблюдением требований статьи 42 Кодекса.

Статья 59. Оперативное отождествление

1. Для выявления лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке, совершении или совершивших преступления, либо разыскиваемых, а также поиска предметов, материалов, документов и веществ, используемых в качестве орудий преступлений или выступающих в качестве предметов преступного посягательства, либо имеющих значение для доказывания по уголовному делу, может производиться их оперативное отождествление.

2. Запрещается проводить оперативное отождествление, если есть основания и возможности для проведения опознания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

3. При проведении оперативного отождествления могут использоваться информационные системы, технические средства и служебно-разыскные собаки.

4. Результаты оперативного отождествления, проведенного в естественных условиях, оформляются объяснением опознающего либо рапортом должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность.

5. Результаты оперативного отождествления, проведенного в искусственно созданных условиях, оформляются протоколом и должны максимально соответствовать уголовно-процессуальному порядку проведения опознания.

Статья 60. Контролируемая поставка

1. Оперативно-разыскные органы могут допускать под своим негласным контролем перемещение (доставку, перевозку, пересылку) и хранение предметов и веществ, свободная реализация которых запрещена или оборот которых ограничен, а также денежных средств, предметов и веществ, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления.

2. Постановление о проведении контролируемой поставки товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации, согласовывается с уполномоченным руководителем таможенного органа.

3. При проведении контролируемой поставки допускаются полное или частичное изъятие или замена предметов и веществ.

4. Контролируемая поставка почтовых отправлений осуществляется на основании судебного решения с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности в порядке, определяемом межведомственными нормативными правовыми актами оперативно-разыскных органов.

5. Результаты контролируемой поставки оформляются протоколом, рапортами должностных лиц оперативно-разыскных органов, а также сообщениями или объяснениями лиц, оказывающих им содействие. К протоколу прилагаются документы, подтверждающие перемещение предметов и веществ и могущие использоваться в ходе доказывания по уголовному делу.

Статья 61. Оперативное наблюдение

1. Оперативно-разыскные органы могут осуществлять негласное визуальное, акустическое, электронное и иное слежение за лицами, транспортными средствами, участками местности, зданиями, помещениями и иными объектами. При оперативном наблюдении могут использоваться технические средства и помощь физических лиц.

2. Оперативное наблюдение в жилых помещениях осуществляется на основании судебного решения либо по заявлению или с согласия в письменной форме лиц, проживающих в данных помещениях, по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, с уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов.

3. Результаты оперативного наблюдения оформляются сводками, рапортами должностных лиц оперативно-разыскных органов, а также объяснениями лиц, оказывавших помощь при проведении наблюдения. К ним могут прилагаться аудио- и (или) видеозаписи результатов оперативного наблюдения.

ГЛАВА 8. Результаты оперативно-разыскной деятельности

Статья 62. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности

1. Результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы:

- 1) в уголовном судопроизводстве;
- 2) при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах;
- 3) при обеспечении представления интересов государства в делах о банкротстве;
- 4) при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц;
- 5) при решении вопроса о допуске лиц к видам деятельности, указанным в настоящем Кодексе;

6) в целях установления факта контроля иностранным инвестором над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

2. При необходимости представляемые результаты оперативно-разыскной деятельности рассекречиваются в порядке, установленном законом и подзаконными нормативными правовыми актами.

Статья 63. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

1. Результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы в уголовном судопроизводстве:

- 1) в качестве поводов и оснований для возбуждения уголовного дела;
- 2) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
- 3) в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

2. Если результаты оперативно-разыскной деятельности получены с нарушением федерального закона, то они не могут использоваться при доказывании по уголовным делам.

Статья 64. Порядок представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, дознавателю, следователю или в суд

1. Результаты оперативно-разыскной деятельности органу дознания, дознавателю, следователю или в суд представляются в случаях получения достоверных сведений, которые могут использоваться в уголовном судопроизводстве.

2. Представление результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, дознавателю, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя оперативно-разыскного органа. Если в представляемых результатах содержатся сведения о при-

знаках совершенного или готовящегося преступления, то к материалам прилагается рапорт, составляемый в порядке, определенном статьей 143 УПК Российской Федерации.

3. Постановление о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности не выносится, если они получены при выполнении поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

4. Если результаты оперативно-разыскной деятельности получены при проведении негласных мероприятий, то перед представлением органу дознания, дознавателю, следователю или в суд они рассекречиваются в порядке, установленном законом и подзаконными нормативными правовыми актами.

5. При представлении результатов оперативно-разыскной деятельности, полученных при проведении оперативной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения, к ним прилагаются материалы, послужившие основанием для проведения оперативно-разыскного мероприятия, и постановление о его проведении. Копии указанных постановлений подлежат хранению в оперативно-разыском органе.

6. В случае представления результатов оперативно-разыскной деятельности, полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, право на неприкосновенность жилища, а также охраняемую иным федеральным законом тайну, право на которую может быть ограничено только судом, к ним прилагаются копии судебных постановлений о проведении оперативно-разыскных мероприятий либо постановлений об их законности или незаконности.

7. При необходимости судебные постановления рассекречиваются судом по ходатайству оперативно-разыскных органов. Постановления о возбуждении ходатайства о проведении оперативно-разыскных мероприятий не рассекречиваются и не представляются органу дознания, дознавателю, следователю или в суд для использования в уголовном судопроизводстве.

Статья 65. Особенности использования результатов оперативно-разыскной деятельности при контроле иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства

1. В целях определения факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также факта наличия между иностранным инвестором и третьими лицами соглашения и (или) их согласованных действий, направленных на установление такого контроля, оперативные подразделения органов Федеральной службы безопасности РФ вправе проводить оперативно-разыскные мероприятия.

2. Результаты оперативно-разыскной деятельности оперативных подразделений органов Федеральной службы безопасности РФ могут использоваться в доказывании по указанным в статье 15 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» судебным искам.

Статья 66. Хранение и уничтожение результатов оперативно-разыскной деятельности

1. Полученные в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного. Об уничтожении материалов, отражающих результаты оперативно-разыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, уведомляется соответствующий судья.

2. Фонограммы, полученные в результате прослушивания телефонных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются по протоколу в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания. Если служебные интересы или правосудие требуют более длительного хранения, то по постановлению оперуполномоченного, согласованному с начальником оперативного подразделения и утвержденному руководителем оперативно-разыскного органа, срок хранения может быть продлен до окончания оперативной разработки, о чем уведомляется судья, принимавший решение о проведении оперативно-разыскного мероприятия, в случае его отсутствия – председатель суда.

ГЛАВА 9. Содействие лиц оперативно-разыскным органам

Статья 67. Общие положения о содействии лиц оперативно-разыскным органам

1. Отдельные лица могут с их согласия привлекаться к осуществлению оперативно-разыскной деятельности с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия, в том числе по трудовому договору. Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в результате участия в оперативно-разыскной деятельности, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам.

2. Разглашение сведений, ставших им известными в результате участия в оперативно-разыскной деятельности, либо предоставление заведомо ложной информации влечет прекращение отношений содействия и привлечение лиц к установленной законом ответственности.

Статья 68. Содействие должностных лиц органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность

Должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, органов военного управления, руководители коммерческих и некоммерческих организаций в рамках своей компетенции обязаны оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. В установленных нормативными правовыми актами случаях они обязаны сообщать оперативно-разыскным органам об известных им признаках подготовки или совершения преступлений, а также о лицах, их подготавливающих и совершающих.

Статья 69. Содействие лиц оперативно-разыскным органам по трудовому договору (сотрудничество)

1. Оперативно-разыскные органы могут заключать трудовые договоры о конфиденциальном сотрудничестве с совершеннолетними дееспособными лицами независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

2. Лицо может заключить трудовой договор о конфиденциальном сотрудничестве только с одним оперативно-разыскным органом.

3. При заключении трудового договора лицо обязано сообщить о фактах его прежнего сотрудничества с оперативно-разыскными органами.

4. Оперативно-разыскным органам запрещается конфиденциальное сотрудничество по трудовому договору с депутатами, судьями, прокурорами, адвокатами, священнослужителями и полномочными представителями официально зарегистрированных религиозных объединений.

Статья 70. Содействие лиц оперативно-разыскным органам по договору (контракту) или устному соглашению

Оперативно-разыскные органы по договору или устному соглашению с совершеннолетними дееспособными лицами могут использовать в ходе оперативно-разыскной деятельности служебные помещения, имущество предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, а также жилые и нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество физических лиц.

Статья 71. Сообщения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность

1. Сведения, поступающие от лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам, фиксируются в сообщениях, которые они могут писать собственноручно, либо с их слов сообщения оформляются уполномоченными на то лицами.

2. В сообщении указываются:

- 1) место, время его получения;
- 2) данные о лице, его получившем;
- 3) сведения об источнике информации;
- 4) содержание представляемой информации;
- 5) поручение или задание лицу, сообщившему сведения.

3. Сообщения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, из которых можно установить их личность, запрещено предъявлять для ознакомления следователю, прокурору, судье. При необходимости указанным должностным лицам может предъявляться справка по сообщению.

4. Сообщения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, хранятся по правилам секретного делопроизводства в соответствующих делах.

ГЛАВА 10. Социальная и правовая защита участников оперативно-разыскной деятельности

Статья 72. Социальная и правовая защита должностных лиц оперативно-разыскных органов

1. На должностных лиц оперативно-разыскных органов распространяются гарантии социальной и правовой защиты сотрудников тех органов, в штаты которых указанные лица входят.

2. Никто не вправе вмешиваться в законные действия должностных лиц и оперативно-разыскных органов за исключением лиц, прямо уполномоченных на то федеральным законом.

3. Должностное лицо, уполномоченное на осуществление оперативно-разыскной деятельности, в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий подчиняется только непосредственному и прямому начальнику. При получении приказа или указания, противоречащего закону, указанное должностное лицо обязано руководствоваться законом.

4. При защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом оперативно-разыскного органа либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правоммерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга.

5. Время выполнения должностными лицами оперативно-разыскных органов специальных заданий в организованных преступных группах, а также время их службы в должностях штатных негласных сотрудников указанных органов подлежит зачету в выслугу лет для назначения пенсии в льготном исчислении в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

6. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вправе устанавливать дополнительные виды социальной защиты для должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Статья 73. Правовая защита лиц, участвовавших в оперативном внедрении

Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с настоящим Кодексом специальное задание по выявлению, предупреждению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление, за исключением тяжкого или особо тяжкого, связанного с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Статья 74. Социальная и правовая защита лиц, содействующих оперативно-разыскным органам

1. Лица, содействующие оперативно-разыскным органам, находятся под защитой государства.

2. Государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по трудовому договору оперативно-разыскным органам, выполнение своих обязательств, предусмотренных трудовым договором, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с правоммерным выполнением указанными лицами возложенных на них обязанностей.

3. Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к содействию с оперативно-разыскным органом, активно способствовавшее раскрытию преступлений, может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания в соответствии с законодательством Российской Федерации.

4. Лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, могут получать вознаграждения и другие выплаты. Полученные указанными лицами суммы вознаграждений и другие выплаты налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются.

5. Период сотрудничества лиц по трудовому договору с оперативно-разыскными органами в качестве основного рода занятий включается в трудовой стаж. Указанные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации и в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

6. В случае гибели лица, сотрудничающего по трудовому договору с оперативно-разыскными органами, в связи с его участием в проведении оперативно-разыскных мероприятий семье пострадавшего и лицам, находящимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере десятилетнего денежного содержания погибшего и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по случаю потери кормильца.

7. Лицу, сотрудничающему по трудовому договору с оперативно-разыскными органами, получившему травмы, ранения, контузии, увечья в связи с его участием в проведении оперативно-разыскных мероприятий, исключающие для него возможность дальнейшего сотрудничества с оперативно-разыскными органами, выплачивается единовременное пособие в размере пятилетнего денежного содержания и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по инвалидности.

8. При одновременном возникновении в соответствии с законодательством Российской Федерации нескольких оснований для указанных единовременных выплат в случаях, установленных настоящей статьей, выплаты осуществляются по одному основанию на выбор получателя.

9. На лиц, сотрудничающих с оперативно-разыскными органами по трудовому договору, распространяются нормы трудового законодательства.

ГЛАВА 11. Контроль и надзор за оперативно-разыскной деятельностью

Статья 75. Контроль за оперативно-разыскной деятельностью

1. Контроль за оперативно-разыскной деятельностью осуществляют Президент Российской Федерации и Федеральное Собрание Российской Федерации в пределах полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами.

2. Президент Российской Федерации может возложить полномочия по контролю за оперативно-разыскной деятельностью на иные государственные органы.

Статья 76. Судебный контроль за оперативно-разыскной деятельностью

1. Судья (суд), вынесший постановление о проведении оперативно-разыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям и почтовой связи, на неприкосновенность жилища, а также охраняемую иным федеральным законом тайну, право на которую может быть ограничено только судом, вправе установить срок и регулярность представления ему результатов оперативно-разыскного мероприятия. Если при их оценке судья (суд) придет к выводу о необоснованности проведения оперативно-разыскного мероприятия, то он вправе вынести постановление о его прекращении.

2. При отказе оперативно-разыскного органа в предоставлении лицу, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, сведений о полученной о нем информации данное лицо вправе обратиться в суд.

3. В целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела оперативно-разыскной орган обязан предоставить судье по его требованию оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, за исключением сведений о лицах, внедренных (внедрявшихся) в преступные группы, о штатных негласных сотрудниках оперативно-разыскных органов и о лицах, оказывающих (оказывавших) им содействие на конфиденциальной основе.

4. Судья не может предоставить лицу запрашиваемые сведения, но в случае признания необоснованным решения оперативно-разыскного органа об отказе в их предоставлении заявителю судья может обязать указанный орган предоставить заявителю запрашиваемые сведения.

Статья 77. Ведомственный контроль за оперативно-разыскной деятельностью

Руководители оперативно-разыскных органов и оперативных подразделений в пределах своей компетенции, определяемой настоящим Кодексом и иными нормативными правовыми актами, осуществляют контроль за соблюдением законности при организации и осуществлении оперативно-разыскной деятельности, а также расходованием финансовых средств, выделенных на оперативно-разыскную деятельность.

Статья 78. Финансовый контроль за оперативно-разыскной деятельностью

Контроль расходования финансовых средств, выделенных на оперативно-разыскную деятельность, осуществляется специально уполномоченными на то представителями Министерства финансов Российской Федерации.

Статья 79. Прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью

1. Надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением настоящего Кодекса при осуществлении оперативно-разыскной деятельности осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры, имеющие доступ к секретным, совершенно секретным сведениям или сведениям особой важности. Перечень уполномоченных прокуроров доводится до сведения оперативно-разыскных органов.

2. Вопросы организации, тактики, методов и средств оперативно-разыскной деятельности, а также исполнение ведомственных нормативных правовых актов в предмет прокурорского надзора не входят.

3. Данные о внедренных и внедрявшихся в преступную среду лицах, о штатных негласных сотрудниках, а также о лицах, негласно сотрудничающих или сотрудничавших с оперативно-разыскными органами, представляются прокурору только с их письменного согласия.

4. Находящиеся в производстве оперативные дела и материалы в прокуратуру не пересылаются.

Статья 80. Оценка оперативно-разыскной деятельности

Запрещается оценивать деятельность оперативно-разыскных органов, оперативных подразделений и оперуполномоченных по количеству заведенных и прекращенных проверочных материалов и оперативных дел, а также по количеству лиц, привлеченных к содействию с оперативно-разыскными органами.

ГЛАВА 12. Финансовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности

Статья 81. Финансовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности

1. Обеспечение оперативно-разыскной деятельности, в том числе социальной и правовой защиты лиц, сотрудничающих с оперативно-разыскными органами, относится к расходным обязательствам Российской Федерации и осуществляется в порядке, устанавливаемом руководителями государственных органов, оперативные подразделения которых уполномочены осуществлять эту деятельность.

2. Оперативно-разыскным органам и их должностным лицам запрещено осуществлять оперативно-разыскную деятельность за счет средств, представляемых безвозмездно, иными юридическими и физическими лицами, за исключением случаев назначения иными юридическими и физическими лицами вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, а также поощрения лиц, оказавших помощь оперативно-разыскным органам в выполнении иных возложенных на них обязанностей.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

МАЗУНИН Я.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
yakovmazunin@yandex.ru
Кафедра криминалистики;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7

MAZUNIN Ya.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
yakovmazunin@yandex.ru
Chair of criminalistics;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

МАЗУНИН П.Я.,
кандидат юридических наук,
p.mazunin75@yandex.ru
Кафедра криминалистики;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7

MAZUNIN P.Ya.,
Candidate of Legal Sciences,
p.mazunin75@yandex.ru
Chair of criminalistics;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

НЕГЛАСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПОРА ПРИЗНАТЬ ДАННОСТЬ

Реферат. Обозначается классическая проблема процессуального восприятия результатов оперативно-розыскной деятельности. Отмечается принципиальное сходство и несущественность различия между прослушиванием телефонных переговоров и контролем и записью переговоров, опросом и допросом, исследованием предметов и документов и производством судебной экспертизы, сбором образцов для сравнительного исследования и получением образцов для сравнительного исследования. Поддерживается идея предоставления следователю права проведения как гласных, так и негласных следственных (розыскных) действий. Опровергается мнение о том, что современное российское досудебное производство есть гласная деятельность следователя и негласная деятельность органов, осуществляющих ОРД. Подчеркивается, что в процессуальном закреплении негласных способов собирания доказательств следователем видится решение проблемы использования результатов ОРД в доказывании. Достоверность сведений, полученных в результате ОРД, будет иметь приоритет над допустимостью, а содержание доказательств – над их формой. Тактические приемы проведения оперативно-розыскных мероприятий должны остаться теорией (не относиться к предмету правового регулирования). В качестве примера рассматриваются положения УПК Украины, предусматривающие право следователя проводить гласные и негласные следственные (розыскные) действия, предусмотренные кодексом, а также право оперативных подразделений на проведение таких действий по письменному поручению следователя, прокурора (это позволило избавиться от проблемного института возбуждения уголовного дела). Рассматриваются законодательные положения, гарантирующие защиту следственной информации от разглашения. Отмечается, что следователи и дознаватели недостаточно используют право на сохранение тайны следствия, предоставленное им положениями УК РФ и УПК РФ и позволяющее проводить большинство процессуальных действий негласно.

Ключевые слова: предварительное следствие, следователь, негласная деятельность, процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

COVERT ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR: IT'S TIME TO RECOGNIZE THE REALITY

Abstract. The problem of procedural interpreting the crime detection activities' results is denoted. The crucial similarity and insignificant differences between wiretapping and talks monitoring and recording, interview and interrogation, studying the objects and documents and forensic examination, collecting and obtaining samples for comparative analysis are noted. The authors support the idea of granting the right to conduct both overt and covert investigative (detective) actions to the investigator and refute the view that the current Russian pre-trial proceeding is the investigator's overt activities and crime detection bodies' covert activities. It's emphasized that procedural fixing of covert ways of collecting evidence by investigator is the solution to the problem of using the results of crime detection

activities in proving. The reliability of information obtained as the result of such activities will have priority over its admissibility, and evidence content over its form. The tactics of conducting crime detection actions should remain a theory (not the subject of legal regulation). As an example, the provisions of Ukraine Criminal Procedure Code are considered. They provide the investigator's right to conduct overt and covert investigative (detective) actions, and the right of operational units to conduct such actions by written request of investigator or prosecutor (it helped to get rid of the institute of bringing a criminal case). The legislative provisions guaranteeing the protection of investigation information from disclosure are discussed. It's noted that investigators insufficiently use the right to secrecy of investigation, provided by existing legislation and allowing to conduct most of proceedings in covert way.

Keywords: preliminary investigation, investigator, covert activities, legal proceedings, crime detection actions.

В определенный исторический период предварительное расследование разделилось на два вида самостоятельных производств о преступлении: негласную и не образующую самостоятельно доказательств оперативно-розыскную деятельность (розыскная, сыскная) и письменное, гласное по окончании производства предварительное расследование (дознание, предварительное следствие), в ходе которого собираются доказательства, устанавливающие вину лица в совершении конкретного преступления.

При этом на протяжении веков тайная деятельность, которую мы называем сейчас оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД), была закрытой, что породило загадки, небылицы, недомолвки и белые пятна, существующие до настоящего времени и вызывающие к ней недоверие и боязнь.

Свидетельством этого является сохраняющийся до настоящего времени в процессуальной науке тенденциозный подход к результатам ОРД, заключающийся в недоверии к ним как к сведениям, полученным путем возможных нарушений закона. Не случайно ст. 89 УПК РФ предусматривает запрет на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

По мнению сторонников этой позиции, допуск результатов ОРД в уголовный процесс может подтолкнуть правоохранительные органы к широкому нарушению законности. В связи с этим нельзя не поддержать В.М. Бозрова, который пишет: «Думается, нет надобности выстраивать систему доводов, подтверждающих консервативность такой позиции, поскольку само по себе сравнение периода репрессий и российской государственности сегодня, ориентированной на международные демократические стандарты, по мень-

шей мере, лишено корректности. К тому же механизм проведения ОРД непосредственно органом дознания в основе своей такой же, что и механизм однородного следственного действия. Различие только в форме. Причем гарантия достоверности результатов ОРД заключается не в способе их получения, а в проверяемости, в том числе и с точки зрения законности» [1, с. 24]. «Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреблений, — добавляет он, — то они не исключаются и в процессе реализации любых следственных действий. Задача в том, чтобы свести вероятность подобных явлений до минимума через систему уголовных и уголовно-процессуальных гарантий» [1, с. 24-25].

Помимо этого, причиной сложившегося положения, оказывающей негативное воздействие на борьбу с преступной деятельностью, является, на наш взгляд, искусственность сегодняшнего разграничения между оперативно-розыскными мероприятиями (далее — ОРМ) и следственными действиями.

Как мы уже отмечали ранее, в определенный исторический период предварительное расследование разделилось на два вида самостоятельных производств: ОРД и предварительное расследование (дознание, предварительное следствие). Однако «способы собирания сведений о преступлении в обоих видах деятельности практически одинаковы, но для их ограничения и во избежание путаницы были введены разные названия и установлен различный порядок производства и фиксации фактически одних и тех действий» [2, с. 160].

В чем, например, принципиальная разница между прослушиванием телефонных переговоров и контролем и записью переговоров, опросом и допросом, исследованием предметов и документов и про-

изводством судебной экспертизы, сбором образцов для сравнительного исследования и получением образцов для сравнительного исследования? В основном это различие заключается в субъектах их проведения, в доказательственном значении полученной во время их проведения информации, а также в гласности их производства и процедуре.

Нельзя не согласиться с А.М. Барановым в том, что «при придании оперативно-розыскной деятельности законодательного регулирования были допущены методологическая и технико-юридическая ошибки. Негласные способы собирания доказательств нашли закрепление в рамках иной деятельности, а сведения, полученные в результате ее осуществления, должны использоваться в уголовном процессе. Закон об ОРД (ст.ст. 10,11) не смог снять этого противоречия» [2, с. 161-162].

А.Ф. Волынский, сравнивая разграничение сфер уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности в России и за рубежом, указывает, что ни в одной из западноевропейских стран нет столь категоричного и искусственного разграничения оперативно-розыскной и процессуальной деятельности, а в некоторых из них исторически сложилось и нашло законодательное закрепление так называемое «полицейское расследование», в котором органически сочетаются гласные и негласные методы и средства получения доказательств, но под действенным контролем судебных органов [3, с. 5].

Полагаем целесообразным предусмотреть данную форму расследования и российским законодательством. Одним из условий данного предложения является расширение полномочий следователя, которому необходимо предоставить право проведения как гласных, так и негласных следственных (розыскных) действий, что уже частично нашло отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Анализ действующего российского законодательства свидетельствует о том, что современное российское досудебное производство воспринимается как гласная деятельность следователя и негласная деятельность органов, осуществляющих ОРД. Однако так ли это на самом деле?

Никем не оспаривается положение о том, что ОРД осуществляется как гласно,

так и негласно. При этом «негласность означает неочевидность, скрытность проводимых ОРМ от лиц, в них не участвующих, в том числе от сотрудников ОРО, даже если они имеют соответствующий допуск, но, прежде всего, от объектов (лиц, групп, организаций), в отношении которых они проводятся» [4, с. 7]. Это позволяет «нейтрализовать возможное противодействие со стороны объектов ОРД, обеспечить безопасность участников ОРМ, результативность мероприятий, сохранить в тайне сам факт осуществления ОРМ, применяемые при этом средства и методы» [5, с. 8].

Негласность может быть обусловлена как практической целесообразностью, так и невозможностью гласного проведения отдельных ОРМ, открытого использования средств, методов либо задействования отдельных участников мероприятий. Например, недопустимо разглашение сведений о лицах, оказывающих содействие оперативным подразделениям на конфиденциальной основе, о штатных негласных сотрудниках без их согласия. Только негласными могут быть такие ОРМ, как оперативный эксперимент, оперативное внедрение, контролируемая поставка, снятие информации с технических каналов связи.

Анализ процесса предварительного расследования свидетельствует о том, что и данному виду деятельности присущ как гласный, так и негласный характер.

Например, при производстве наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке (ст. 185 УПК РФ), контроле и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) лица, в отношении которых проводятся названные следственные действия, не знают об их осуществлении, т.е. по своему содержанию данные действия носят негласный характер. Контроль и запись переговоров фактически проводится без участия следователя, который только инициирует начало и фиксирует результат рассматриваемого следственного действия. Таким образом, рассмотренным способам собирания доказательств более присущи признаки оперативно-розыскных мероприятий, чем следственных действий. Их введение в уголовный процесс обусловлено реальными потребностями прак-

тики. Включение же в УПК РФ превратило их из ОРМ в процессуальные действия, а полученные в ходе их производства сведения в этом случае могут использоваться в качестве доказательств. На наш взгляд, данный пример свидетельствует о начале введения ОРД в уголовный процесс. К перечню негласных процессуальных способов получения доказательств можно отнести направление различных запросов (справки о заболеваниях, регистрации по месту жительства, месте работы, об образовании, о судимости и т.д.). При этом ни у кого не вызывает сомнения возможность использования в доказывании сведений, полученных негласным способом, поскольку такие действия выполняются следователем (дознавателем) по любому из уголовных дел в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, для того, чтобы придать результатам ОРД статус доказательств, необходимо негласным приемам и способам собирания сведений (доказательств) придать уголовно-процессуальную природу, т.е. урегулировать их уголовно-процессуальным законом. Тогда, по справедливому замечанию А.М. Баранова, «в сознании юристов исчезнет основание, препятствующее использованию в качестве доказательств сведений, полученных в результате негласного собирания доказательств (получаемых сегодня в рамках ОРД)» [2, с. 164]. В этом случае исчезнет формальное препятствие в виде преодоления свойства допустимости использования результатов ОРД в уголовном процессе. При этом достоверность сведений, полученных в результате ОРД, будет иметь предпочтение над допустимостью, а содержание — над формой доказательств. Тактические же приемы проведения ОРМ должны раскрываться в теории ОРД. Нормативное регулирование возможности получения доказательств негласными способами должно содержаться в УПК РФ, а не в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

При таком подходе сведения, полученные в результате производства негласных способов собирания доказательств, будут иметь уголовно-процессуальную природу, поскольку будут получены в рамках деятельности, регламентированной УПК РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что именно в нормативном регулировании негласных способов собирания доказательств в УПК РФ, придании им статуса процессуальных действий и возможности производства их следователем видится решение проблемы использования результатов ОРД в доказывании.

Как положительный пример для нашего законодателя можно привести положения Уголовно-процессуального кодекса Украины, согласно которому следователь имеет право проводить следственные (розыскные) действия и негласные следственные (розыскные) действия. При этом в самом кодексе дана достаточно подробная процессуальная регламентация как гласной, так и негласной деятельности следователя. Оперативные же подразделения могут осуществлять следственные (розыскные) действия и негласные следственные (розыскные) действия в уголовном производстве только по письменному поручению следователя, прокурора. Одним из обстоятельств, которые способствовали принятию данных положений уголовно-процессуального законодательства, является, на наш взгляд, и то, что «следователь, прокурор безотлагательно, но не позже 24 часов после представления заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование» (ст. 214 УПК Украины). Таким образом, устранена наиболее неурегулированная стадия возбуждения уголовного дела и необходимость производства проверочных мероприятий, не имеющих самостоятельного доказательственного значения, требующих дальнейшей перепроверки путем производства следственных действий, что, в свою очередь, приводит к неоправданным временным и материальным затратам.

Помимо этого негласность в деятельности следователя или дознавателя подтверждается и требованиями ст. 310 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за «разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном зако-

ном порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание».

Во исполнение требований указанной статьи в ч. 2 ст. 161 УПК РФ предусмотрено, что «следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации». При этом в ч. 3 ст. 161 УК РФ закреплено, что «данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства».

Данное условие предварительного расследования нашло свое отражение и в

других статьях УПК РФ. Так, в ч. 3 ст. 53 «Полномочия защитника» предусмотрено, что «защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность согласно статье 310 Уголовного кодекса Российской Федерации». Аналогичные указания содержатся в отношении потерпевшего (п. 3 ч. 5 ст. 42 УПК РФ), гражданского истца (ч. 6 ст. 44 УПК РФ), гражданского ответчика (п. 2 ч. 3 ст. 54 УПК РФ), свидетеля (п. 3 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), эксперта (ч. 6 ст. 57 УПК РФ), специалиста (ч. 4 ст. 58 УПК РФ), переводчика (п. 2 ч. 4 ст. 59 УПК РФ), понятого (ч. 4 ст. 60 УПК РФ). К сожалению, следователи, дознаватели недостаточно используют предоставленное им законом право на сохранение тайны следствия. Таким образом, приведенные положения УК РФ и УПК РФ свидетельствуют о возможности проведения подавляющего большинства процессуальных действий в условиях негласности.

Список литературы

1. Бозров В. Результаты ОРД – статус доказательств // Законность. 2004. N 12. С. 23-25.
2. Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2006. 220 с.
3. Волинский А.Ф. Уголовное судопроизводство, задачи и социальные функции криминалистики в его реформировании // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: вопросы современной криминалистики: сб. ст. М., 2004. Ч. 2.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006. 832 с.
5. Комментарий к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложениями решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека. М., 2006. 448 с.

References

1. Bozrov V. *Rezultatam ORD – status dokazatel'stv* [Results of operative-search activity – the status of evidence]. *Zakonnost'* – Legality, 2004, no. 12, pp. 23-25.
2. Baranov A.M. *Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam* [The rule of law in the pre-trial proceedings in criminal cases]. Omsk, 2006. 220 p.
3. Volynskiy A.F. *Ugovolnoe sudoproizvodstvo, zadachi i sotsial'nye funktsii kriminalistiki v ego reformirovani* [Criminal justice, social functions and tasks of criminology in its reform]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugovolnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki: voprosy sovremennoy kriminalistiki* [Actual problems of the theory and practice of criminal justice and criminology: questions of modern criminology]. Moscow, 2004. Part 2.
4. *Teoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [The theory of operational and investigative activities]. Moscow, 2006. 832 p.
5. *Kommentariy k federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti». S prilozheniyami resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Commentary to the Federal Law "On operative-search activity". The annexes of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights]. Moscow, 2006. 448 p.

ЛАПАТНИКОВ М.В.,
кандидат юридических наук,
maks4@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

LAPATNIKOV M.V.,
Candidate of Legal Sciences,
maks4@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation;
Ankudinovskoe highway 3,
Nizhny Novgorod, 603600,
Russian Federation

«ПОРОКИ» СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ: ОТ СЛЕДСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К СУДЕБНОМУ УДОСТОВЕРЕНИЮ ФАКТОВ

Реферат. Дается характеристика современных тенденций российского доказательственного права в связи с принятием Федерального закона N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Оцениваются новеллы, которые внес в отечественное уголовно-процессуальное право данный закон в контексте формирования новой парадигмы доказывания. Автор констатирует, что действующая правовая регламентация судебного доказательства ставит перед субъектами доказывания искусственные, неоправданные ограничения, которые создают значительные трудности для достижения целей уголовного процесса. Большинство «пороков» современной уголовно-процессуальной матрицы заключается в несовершенной конфигурации института доказывания. Вышеуказанным федеральным законом были внесены изменения, которые фактически уравнивали по своему юридическому статусу материалы доследственной проверки и «чисто процессуальные» доказательства. Это дает основания говорить о том, что актуальной тенденцией развития современного уголовно-процессуального права является курс законодателя на стирание граней между существующими в уголовном процессе двумя моделями доказывания — до и после возбуждения уголовного дела. Однако шаги законодателя носят половинчатый характер и, по сути, неспособны радикально изменить сложившееся положение дел. Выход из проблемной ситуации автор видит в опоре законодателя на идею допустимости использования в доказывании любых сведений, полученных сторонами законным путем. На нормативном уровне эта установка должна выразиться во введении в отечественный уголовный процесс понятия «судебное доказательство», а в перспективе — и в полном отказе от действующей следственной модели доказывания.

Ключевые слова: доказательство, состязательность, правосудие.

DEFECTS OF CRIMINAL PROCEDURE PROVING SYSTEM: FROM INVESTIGATORY EVIDENCE TO JUDICIAL FACTS CERTIFICATION

Abstract. The characteristic of modern tendencies in Russian law of evidence is provided due to adoption of the Federal law N 23 "On inserting amendments in the Articles 62 and 303 of the RF Criminal Code and the RF Criminal Procedure Code". These amendments are estimated in the context of forming new paradigm of proving. It is considered that the effective legal regulation of judicial proving sets artificial limitations which obstruct achieving of criminal proceedings goals. Most defects of the modern criminal procedure system are associated with imperfect configuration of evidence institution. The inserted amendments equalize the preliminary investigation materials and procedural evidence in their legal status. The policy of non-differentiating of two proving models (before and after the institution of criminal proceedings) is considered as an important tendency of developing modern criminal procedure law. Such legislative actions are stated to be imperfect, they cannot make radical changes. It is suggested to allow using any data, legally obtained by both sides in a cause, during proving process. The author also proposes to introduce a new concept of judicial evidence into the criminal procedure of our country and to refuse the current investigatory model of proving in the future.

Keywords: evidence, competitiveness, justice.

4 марта 2013 года был принят Федеральный закон N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-

но-процессуальный кодекс Российской Федерации»* (далее — Закон). Он ввел в

* Рос. газ. 2013. 6 марта. N 48.

уголовно-процессуальное законодательство ряд кардинальных новелл, среди которых следует обратить внимание на новеллы доказательственного права. Они содержат в себе ряд важных и небесспорных нововведений в области доказательственного права. А вопрос об особенностях доказывания при производстве предварительного расследования имеет принципиальный характер. По сути, в законе имеет место попытка пересмотреть традиционную – следственную парадигму доказательства и доказывания (в частности, допустимости, достаточности доказательств, способов доказывания, проверки доказательств и пр.).

Суть данных новелл заключается в следующем:

1. Расширен перечень следственных и проверочных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Теперь этот перечень проверочных действий, допускаемых законом, выглядит так: 1) осмотр места происшествия; 2) осмотр трупа; 3) осмотр предметов и документов; 4) назначение и производство судебной экспертизы; 5) получение образцов для сравнительного исследования; 6) объяснение; 7) освидетельствование; 8) дача поручения органу дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий; 9) проведение ревизий и документальных проверок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

2. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 Уголовно-процессуального кодекса (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

3. Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом, в том числе право на молчание (ст. 51 Конституции РФ). Кроме того, они могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

4. Защитник теперь вправе принимать участие в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводит-

ся проверка сообщения о преступлении в порядке статьи 144 УПК РФ (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

По сути, основное новшество состоит в уравнении статусов материалов доследственной проверки (объяснений, акта специалиста) с «настоящими» доказательствами (ч. 1.2 ст. 144; ч. 4 ст. 226.5 УПК РФ). Обвинение может основываться на материалах, полученных путем проведения «проверочных действий», т.е. в ходе так называемой доследственной проверки. Следовательно, мы можем говорить о том, что хотя бы на теоретическом уровне произошел отход на второй план такого аспекта доказательства, как его допустимость, так как по логике законодателя неважно, в рамках какого правового режима было собрано доказательство, если его достоверность не подвергается сомнению участниками процесса.

По существу, в определенной степени происходит слияние предварительного расследования и предварительной проверки по сообщению о преступлении. Вероятно, что предполагается формирование системы доказательств и оформление материала в рамках одного правового режима, а не в двух разных по форме и временному интервалу, как это имело место до недавнего времени, – сначала на этапе так называемой доследственной проверки, а потом на стадии предварительного расследования.

Но попытка эта половинчатая и потому чревата недоразумениями. Собственно говоря, закон породил больше вопросов, чем ответов. Так, совершенно не ясна логика авторов закона, ведь если установление обстоятельств преступления и собирание доказательств происходит еще на стадии предварительной проверки, то зачем же следует ограничивать перечень процессуальных действий, производимых до возбуждения уголовного дела?! К чему все эти ограничения на получение сведений об обстоятельствах дела, если и в ходе расследования, и в ходе предварительной проверки собираются именно доказательства? В чем тогда смысл существования этапа предварительной проверки по сообщению о преступлении, если грань между понятиями «следственные действия» и «проверочные действия» практически стерта? И в каком статусе (статусах)

находится лицо, у которого берут объяснение в ходе предварительной проверки? — Насколько нам известно, до сегодняшнего дня ни высшие судебные инстанции, ни сама следственно-судебная практика так и не дали окончательные ответы на эти вопросы. Судя по имеющейся у нас информации, в Нижегородской области в правоприменительной практике лицам, у которых берут объяснение в порядке статьи 144 УПК РФ, разъясняют права свидетеля, указанные в статье 56 УПК РФ, хотя очевидно, что с формальной точки зрения они не подпадают под этот статус.

Сегодня, по прошествии более чем полутора лет со дня вступления в силу Закона, мы можем отметить, что в российском уголовно-процессуальном праве, по крайней мере на нормативном уровне, сосуществуют две модели доказывания: одна до возбуждения уголовного дела, а другая — после. При этом грань между ними практически стерта, и логичность наличия в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела поставлена под сомнение. Действующая нормативная конструкция института возбуждения уголовного дела демонстрирует всю абсурдность существования в отечественном уголовном процессе разделения на формальное и неформальное расследование. Хотя уже прошло более года со дня введения в действие вышеуказанных норм, этот институт продолжает находиться в «подвешенном» состоянии.

На наш взгляд, в целом тенденция формирования единой системы доказывания, без ее искусственного разделения на предварительное и основное, более чем оправданна. Мы полностью солидарны с законодателем в том, что должна произойти модернизация досудебного производства в части оптимизации уголовно-процессуального доказывания. Однако тревожит уровень ее «технической реализации». Уголовная политика государства, как политика борьбы с преступностью, имеет шансы на успех только при условии создания новой формы предварительного производства. Суть этой новой формы правовой деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры заключается в следующем: с одной стороны, создание единой и неделимой обвинительной власти государства, а с другой

— деформализация (депроцессуализация) ее досудебной деятельности по подготовке обвинения (уголовного иска), подлежащего предъявлению и проверке в суде. Системная реформа уголовного процесса должна включать освобождение органов уголовного преследования от большинства формальных ограничений по сборанию доказательств.

Мы убеждены в том, что правовая регламентация судебного доказывания не должна ставить искусственных ограничений для использования средств познания истины. Наблюдаемые издержки формализма, усиление догматизма в доказательственном праве дают на практике обратный эффект: привычку «закрывать глаза» на нарушения требований закона к порядку получения доказательств; снижение эффективности уголовной политики; реальное уменьшение обеспеченности прав личности. Существующие в настоящий период времени следственные стандарты доказывания в большинстве своем себя изжили и подлежат либо ликвидации, либо существенному реформатированию. И упор должен быть сделан на состязательных, а не на следственных гарантиях, с их преимущественно протокольно-бумажной «начинкой», если, конечно, мы видим отечественный уголовный процесс как состязательный на деле, а не на словах.

Осуществляемое обвинительной властью публичное уголовное преследование должно реализовываться в такой правовой форме, которая, с одной стороны, обеспечивала бы защиту прав личности, а с другой — не мешала быстрому и эффективному выявлению преступлений и изобличению лиц, их совершивших. Функцией уголовного преследования надо признать и оперативно-розыскную деятельность, связанную с раскрытием преступлений и изобличением лиц, их совершивших. Доказательственная деятельность органов уголовного преследования касается главным образом получения обвинительного фактического материала, на основе которого формируется предварительный фактический материал, подлежащий судебной проверке и оценке. Поскольку оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) была и остается основным средством выявления преступлений и получения информации о совершенных преступлениях и лицах, при-

частных к ним, постольку ее результаты должны признаваться после проверки в условиях состязательности доказательствами по делу. Следует разрешить получение органами обвинительной власти материалов, содержащих юридически значимую информацию в такой правовой форме, как ОРД. Оперативное обеспечение государственного обвинения может выступать средством укрепления, сохранения обвинительного доказательства при попытке его ослабления или разрушения. Таким образом, ОРД должна быть признана частью уголовно-процессуального доказывания в той мере, в какой ее результаты относимы к предмету доказывания, могут содействовать суду и сторонам в установлении существенных обстоятельств по делу.

Наша идеолого-правовая установка в сфере доказательственного права, от которой и следует отталкиваться законодателю, если, конечно, он видит российское уголовное судопроизводство как состязательное, заключается в том, что в доказывании должны быть допустимы любые сведения, полученные сторонами законным путем. Вместе с тем очевидно, что любая информация, полученная стороной обвинения — неважно каким путем (следственным или оперативно-розыскным), — не может претендовать на статус судебного доказательства, а именно последнее и служит для суда точкой опоры при принятии итогового уголовно-процессуального решения. Доказательства сторон, в том числе и данные, полученные оперативно-розыскным путем, являются для суда только «заготовкой» для доказательства, так как их доброкачественность сомнительна и все разумные сомнения относительно их должны быть сняты в ходе судебной проверки. Если оперативно-розыскное мероприятие осуществлено в соответствии с действующим законом, то его результат можно допустить в качестве источника, из которого в судебно-следственном порядке может быть получено доказательство. Этот вывод имеет принципиальное значение для доказывания по уголовным делам о взяточничестве. Только судебная проверка любых сведений, представленных сторонами, ведет к образованию фактов по делу. Система правил, определяющих допустимость доказательств, должна быть пересмотрена в сторону судебной формы удостоверения

фактов, обеспечения прав личности, ликвидации разрыва в доказательственном значении между данными, полученными стороной защиты, и данными, полученными правоохранительными органами. Контроль суда за получением доказательств необходим только в тех случаях, когда это сопряжено с ограничением прав личности. По сути, следует законодательно ввести то, о чем давно говорится в отечественной процессуальной науке, — понятие «судебное доказательство». По справедливому упреку А.В. Смирнова, «нынешний российский УПК унаследовал от предшествующих эпох крупный конструктивный недостаток — он не обеспечивает юридического равенства сторон, а значит, не исключает и опасности перекосов и злоупотреблений (отсюда и преследование невиновных, и укрытие от реагирования преступлений). Корень этого неравенства состоит в том, что на предварительном расследовании судебные доказательства формируются фактически только одной из сторон — обвинителем (следователем, дознавателем), тогда как сторона защиты от этой привилегии практически избавлена» [2].

Пересмотр правового формата собирания доказательств органами публичного уголовного преследования предполагает изменение стандарта допустимости доказательств. Мы исходим из того, что необходим отказ от формального подхода к определению допустимости материалов, полученных сторонами, в качестве доказательства. Гарантиями на пути сомнительного доказательства могут выступать состязательные правила проверки доказательства, реализуемые, в идеале, в суде. Последнее слово в вопросе о допустимости доказательства, по крайней мере если исходить из российского уголовного процесса как процесса состязательного, должно принадлежать суду. При этом он должен опираться не только на формализованные правила допустимости доказательства, но и на признанные в мировой юридической практике стандарты справедливости судебного разбирательства. Следственная модель, сущность которой заключается в монополии обвинительной власти на получение (в юридическом смысле) доказательства, в котором суд выступает всего лишь как проверочное звено в едином механизме по борьбе с преступностью, а не в

качестве арбитра над сторонами, должна уйти в прошлое.

То, что спустя полтора года с момента принятия Закона все остается по-прежнему, по всей видимости, говорит об отсутствии у лиц, формирующих законодательную политику государства, системного видения уголовно-правовой модели борьбы с преступностью. Безусловно, Федеральный закон от 4 марта 2013 года N 23-ФЗ позволил сделать важный шаг в направлении деформализации уголовного процесса, но шаг половинчатый и непоследовательный, да еще и плохо согласующийся с остальными уголовно-процессуальными нормами. И как раз год назад мы делали вывод о том, что «половинчатость этого шага ведет к тому, что он вряд ли будет работать на практике» [2, с. 28]. Судя по всему, так и произошло.

Но мы не теряем оптимизма и считаем, что «Рубикон все же пройден», надеемся, что законодатель не остановится на полпути и стадия возбуждения уголов-

ного дела будет окончательно ликвидирована. Как абсолютно справедливо отмечают А.С. Каретников, С.А. Коретников, «...в существующей двухстадийной системе российского досудебного уголовного судопроизводства, с их разными задачами, немислимо создать единые процессуальные режимы. В досудебном производстве должно быть не два, а один процессуальный режим. Стадия возбуждения уголовного дела – это искусственно созданный институт, не имеющий никаких объективных причин для существования в уголовном процессе. И выполняет эта стадия только негативную роль» [3, с. 42].

Следует признать порочной в современных условиях саму идею разделения уголовно-процессуального познания на предварительную проверку и собственно расследование, иначе мы, вероятно, так и не уйдем от переписывания протоколов, дублирования познавательных действий, неоднократных вызовов людей, затягивания сроков расследования и пр.

Список литературы

1. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. URL: <http://www.iuaj.net/node/1700> (дата обращения: 15 февр. 2015 г.).
2. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. N 22. С. 23-28.
3. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. N 7. С. 37-42.

References

1. Smirnov A.V. *Rossiyskiy ugolovnyy protsess: neobkhodima novaya model'* [Russian criminal trial: we need a new model]. Available at: <http://www.iuaj.net/node/1700> (Accessed 15 February 2015).
2. Aleksandrov A.S., Lapatnikov M.V. *Starye problemy dokazatel'stvennogo prava v novoy ugolovno-protsessual'noy upakovke «sokrashchennogo doznaniya»* [Old problems of evidence in the new criminal procedure pack "abbreviated inquiry"]. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* – Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry, 2013, no. 22, pp. 23-28.
3. Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. *Sledstvennye deystviya kak sposoby proverki soobshcheniya o prestuplenii* [Investigative actions as means of verification report a crime]. *Zakonnost'* – Legality, 2014, no. 7, pp. 37-42.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

ПОДШИВАЛОВ А.П., astorepw@mail.ru Кафедра оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7	PODSHIVALOV A.P., astorepw@mail.ru Chair of detective activities of the internal affairs bodies; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation
---	---

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ

Реферат. Рассмотрена взаимосвязь оперативно-розыскной характеристики и оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования краж. Для положительного изменения ситуации предлагается комплекс мер управленческого, правового и организационного характера. Управленческие меры: поднять профессиональный престиж сотрудника уголовного розыска; исключить выполнение оперуполномоченными несвойственных функций; непрерывно повышать профессиональный уровень сотрудников; увеличить численный состав уголовного розыска. Правовые меры: на уровне закона запретить использование похищенных сотовых телефонов; ввести общеобязательную дактилоскопическую регистрацию; ужесточить наказание за кражу и за приобретение похищенного. Организационные меры: повысить ответственность руководителей за укрытие преступлений от учета; создать в структуре подразделений уголовного розыска на уровне субъекта федерации подразделения, специализирующиеся на противодействии данным преступлениям; повысить взаимодействие уголовного розыска с участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками следственных подразделений; создать в структуре ОУР отделения по взаимодействию и оперативной разработке лиц, содержащихся в ИВС, СИЗО, ИУ, спецприемниках; упростить доступ сотрудников уголовного розыска к различным базам данных ведомственных учетов; организовывать специализированные группы по раскрытию краж; проводить задержание и арест лица за совершение кражи по ч. 2 ст. 158 УК РФ для его дальнейшей разработки и склонения к признательным показаниям; отрабатывать на причастность к кражам лиц, длительное время находившихся в розыске, тщательнее отрабатывать лиц, употребляющих наркотики; расширить институт младших оперуполномоченных уголовного розыска с целью осуществления оперативного поиска в криминогенных местах; обеспечить подразделения уголовного розыска методическими рекомендациями по предупреждению и раскрытию краж; обеспечить подразделения уголовного розыска специальной техникой.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, оперативно-розыскное обеспечение; предварительное расследование, кражи.

INTERRELATIONSHIP BETWEEN CRIME DETECTION CHARACTERISTIC AND CRIME DETECTION SUPPORT OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF THEFTS

Abstract. The interrelationship between crime detection characteristic and crime detection support of theft preliminary investigation is examined. A set of measures of administrative, legal and organizational nature is proposed to change the situation positively. The administrative measures are: to increase the prestige of the Criminal Investigation Department officer profession; to exclude performing inappropriate functions by detectives; to improve professional development of the staff; to increase the number of employees of CIDs. The legal measures are: to prohibit the use of stolen cell phones at the legislative level; to introduce obligatory fingerprint registration; to toughen punishment for theft and purchasing stolen things. The organizational measures are: to toughen the responsibility of departments heads for concealing the crimes from recording; to create units specializing in combating these crimes in the structure of CIDs at the level of federal subjects; to improve the interaction between CID officers and divisional inspectors, investigators; to establish the departments for interaction and crime detection actions against detainees, arrestees and prisoners in the structure of CIDs; to facilitate the access of CID officers to various departmental databases; to organize specialized teams to solve thefts; to detain and arrest person for committing theft under part 2 of article 158 of the RF Criminal Code for further

covert operations and testifying; to check wanted persons and drug addicts for involvement in thefts; to expand the institute of junior detectives to perform a quick search in criminogenic places; to provide CIDs with guidelines for prevention and detection of thefts and special equipment.

Keywords: crime detection characteristic, crime detection support, preliminary investigation, thefts.

При раскрытии преступлений оперативные сотрудники опираются на самые разнообразные элементы оперативно-розыскной характеристики, их деятельность по оперативно-розыскному обеспечению предварительного расследования краж зависит от ряда причин и обстоятельств, оказывающих влияние на общее состояние указанной работы.

Для того чтобы объяснить истоки и закономерности краж, необходимо рассмотреть их количественные и качественные характеристики. Преступления против собственности в структуре преступности всегда занимали значительное место, при этом основную часть таковых (как регистрируемых, так и нерегистрируемых преступлений) в общей и корыстной преступности составляют кражи. Поскольку кражи – самые распространенные преступления не только в общеуголовной корыстной преступности, но и в общем массиве преступлений, постольку динамика краж предопределяет общие тенденции преступности. Анализ количественных и качественных изменений преступности позволяет сделать вывод о том, что за период с 1956 по 1991 гг. абсолютное число зарегистрированных преступлений в СССР увеличилось в 9,5 раза и составило 1 779,4 тыс. Еще в конце 80-х годов прошлого века кражи составляли лишь третью часть от общего числа зарегистрированных преступлений, но уже к началу 90-х – 56 %, а в 1991 г. общее число зарегистрированных краж впервые

превысило 1 млн (1 235,4 тыс.). Доля краж в структуре преступности в СССР в 1991 г. составила 55,2 %.

Как абсолютные показатели, так и доля краж в структуре зарегистрированной преступности в Российской Федерации также велики. За период с 1992 по 1998 гг. они снижались и составили: в 1992 г. 1 650,8 тыс. преступлений, или 59,8 %, в 1996 г. – 1 207,4 тыс. деяний, или 46,0 %, а в 1998 г. – 1 143,0 тыс. деяний, или 44,3 %. Рассматривая статистические данные за последние 10 лет, которые приводятся нами в таблице, следует отметить, что количество преступлений на территории Российской Федерации значительно возросло, и в 2004 г. было выявлено 2 893,8 тыс. общественно опасных деяний. В 2006 г. стабилизировать ситуацию в стране не удалось. Напротив, указанный год стал рекордным по числу официально зарегистрированных преступлений за весь постсоветский период – 3 млн 855,4 тыс., что на 8,5 % преступлений больше, чем в 2005 г. Рост регистрируемых преступлений был отмечен в 68 субъектах Российской Федерации, снижение – лишь в 20 регионах страны. 43,5 %, или 1 млн 677,0 тыс. (+6,6 %), преступлений приходится на кражи*. В последующие годы постоянно происходило снижение количества зарегистрированных краж, и в 2013 г. оно составило 922,6 тыс. деяний.

* Состояние преступности в России за январь–декабрь 2006 г.: стат. сб. М., 2007. С. 6, 62.

Таблица

ОБОБЩЕННЫЕ ДАННЫЕ О СОВЕРШЕННЫХ КРАЖАХ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА за 2004–2013 гг.

Преступления	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	2893,8	3554,7	3855,4	3582,5	3209,9	2994,8	2628,8	2404,8	2302,2	2206,2
<i>раскрыто</i>	1569,3	1698,7	1794,5	1775,2	1713,4	1651,0	1431,0	1311,8	1252,8	1238,3
<i>не раскрыто</i>	1265,0	1658,9	2032,4	1863,9	1479,5	1309,1	1193,3	1080,1	1014,7	950,3
<i>раскрываемость</i>	55,4%	50,6%	46,9%	48,8%	53,7%	55,8%	54,5%	54,8%	55,3%	56,6%
<i>выявлено лиц</i>	1690,4	1844,6	20324,9	1317,6	1256,2	1219,8	1111,1	1041,3	1010,9	1012,6
Кражи (ст. 158)	1276,9	1573,0	1677,0	1567,0	1326,3	1188,6	1108,4	1038,6	992,2	922,6
<i>раскрыто</i>	467,7	496,3	495,2	503,6	486,5	437,8	408,2	394,4	381,8	366,1
<i>не раскрыто</i>	789,9	1006,7	1182,3	1099,4	869,6	757,8	709,2	654,9	615,8	561,1
<i>раскрываемость</i>	37,2%	33,0%	29,5%	31,4%	35,9%	36,6%	36,5%	37,6%	38,3%	39,5%
<i>выявлено лиц</i>	425,2	443,1	455,3	458,4	424,1	376,1	359,9	351,1	337,2	326,0

Продолжение таблицы

в т.ч. ч. 1 (предвар. след. необязательно)	941,2	1220,5	1355,8	785,1	374,0	330,9	323,5	317,6	322,7	299,6
<i>раскрыто</i>	340,6	369,8	378,6	298,0	167,4	144,5	139,1	140,1	142,3	137,3
<i>не раскрыто</i>	580,5	784,5	971,7	650,8	219,0	186,7	186,2	177,4	179,5	163,5
<i>раскрываемость</i>	37,0%	32,0%	28,0%	31,4%	43,3%	43,6%	42,8%	44,1%	44,2%	45,6%
<i>выявлено лиц</i>	327,5	236,1	363,9	284,6	137,8	117,6	117,3	117,8	116,0	112,9
в т.ч. чч. 2, 3, 4 (предвар. след. обязательно)	335,7	352,5	321,1	781,8	952,4	857,6	784,8	721,0	669,6	623,0
<i>раскрыто</i>	127,1	126,4	116,7	205,6	319,1	293,2	269,0	254,3	239,5	228,9
<i>не раскрыто</i>	209,4	222,1	210,6	448,6	650,6	571,1	523,0	477,5	436,2	397,6
<i>раскрываемость</i>	37,8%	36,4%	35,6%	31,4%	32,9%	33,9%	34,0%	34,8%	35,4%	36,5%
<i>выявлено лиц</i>	114,5	105,3	91,4	173,8	286,3	258,5	242,6	233,4	221,2	213,2
в т.ч. из них из квартир	253,8	264,6	235,6	210,7	172,8	152,6	132,7	109,3	96,1	85,7
<i>раскрыто</i>	96,4	98,5	90,7	88,0	77,6	71,7	59,2	49,5	43,6	39,3
<i>не раскрыто</i>	157,0	164,3	151,1	125,8	99,7	83,5	75,9	61,7	54,2	47,1
<i>раскрываемость</i>	38,0%	37,5%	37,5%	41,2%	43,8%	46,2%	43,8%	44,5	44,6%	45,5%
<i>выявлено лиц</i>	68,9	70,4	60,7	60,8	54,3	51,0	43,6	37,7	33,5	31,4
с причинением значительного ущерба гражданину	344,2	488,6	603,6	239,9	491,7	467,5	430,7	400,3	384,9	366,8
<i>раскрыто</i>	91,8	110,1	128,6	76,5	128,9	131,6	125,1	122,0	121,9	122,6
<i>не раскрыто</i>	243,8	346,7	469,7	263,2	367,3	338,3	284,8	284,8	264,5	245,5
<i>раскрываемость</i>	27,6%	24,1%	21,5%	22,5%	26,0%	28,0%	30,5%	30,0%	31,5%	33,5%
<i>выявлено лиц</i>	82,8	98,3	116,8	105,8	105,8	111,9	111,2	109,2	105,7	110,6
из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем	46,5	94,1	134,7	56,1	95,3	78,8	68,7	59,3	52,4	48,5
<i>раскрыто</i>	7,6	9,3	11,9	7,8	13,0	11,6	10,1	9,2	7,7	6,8
<i>не раскрыто</i>	36,7	71,5	120,9	71,3	86,1	68,7	59,9	51,9	45,1	41,9
<i>раскрываемость</i>	17,1%	11,5%	9,0%	9,9%	13,1%	14,4%	16,3%	15,1%	14,6%	14,0%
<i>выявлено лиц</i>	6,1	7,8	9,5	6,3	9,1	9,0	8,3	7,4	6,5	6,0
кражи транспортных средств	71,1	67,5	64,5	58,4	52,8	49,3	47,6	50,3	53,0	51,7
<i>раскрыто</i>	11,0	10,0	9,8	9,3	8,8	8,8	8,3	8,8	10,1	10,9
<i>не раскрыто</i>	60,7	57,4	55,1	50,2	44,5	40,3	39,1	40,9	42,9	41,0
<i>раскрываемость</i>	15,3%	14,8%	15,1%	15,6%	16,5%	17,9%	17,5%	17,7%	19,0%	21,0%
<i>выявлено лиц</i>	11,4	10,3	10,2	9,6	9,0	9,1	8,8	9,2	10,8	11,3
кражи автомобилей	10,1	12,2	15,1	32,2	38,7	35,2	33,7	35,3	35,9	34,3
<i>раскрыто</i>	0,8	0,8	0,9	2,4	4,9	4,8	4,4	4,6	5,1	5,3
<i>не раскрыто</i>	8,8	11,0	13,6	25,1	34,3	30,3	29,3	30,5	31,1	29,3
<i>раскрываемость</i>	8,3%	6,8%	6,2%	8,7%	12,5%	13,7%	13,1%	13,1%	14,1%	15,3%
<i>выявлено лиц</i>	0,9	0,7	0,9	2,6	4,8	4,7	4,6	4,8	5,4	5,6
с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище	291,4	308,8	626,0	532,3	413,2	381,2	356,4	314,2	276,5	246,2
<i>раскрыто</i>	111,9	114,7	212,1	198,8	165,4	152,5	139,9	126,9	112,8	101,4
<i>не раскрыто</i>	180,0	191,9	423,2	356,1	258,4	232,2	222,7	194,8	169,9	147,6
<i>раскрываемость</i>	38,3%	37,4%	33,4%	35,8%	39,0%	39,6%	38,6%	39,4%	39,9%	40,7%
<i>выявлено лиц</i>	93,3	95,6	175,8	162,0	125,0	116,7	109,0	101,7	91,0	84,1
с незаконным проникновением в жилище	281,0	297,5	267,9	250,2	206,7	184,5	155,0	129,6	114,1	100,6
<i>раскрыто</i>	107,1	110,5	102,4	102,3	90,8	84,3	69,4	58,8	51,9	46,5
<i>не раскрыто</i>	173,5	184,6	171,5	149,7	121,4	102,1	88,5	73,4	64,4	55,3
<i>раскрываемость</i>	38,2%	37,4%	37,3%	40,6%	42,9%	45,2%	44,0%	44,5%	44,7%	45,7%
<i>выявлено лиц</i>	82,5	78,9	65,8	68,5	61,7	58,1	49,7	43,3	38,3	35,5

Анализ статистических данных о кражах, зарегистрированных в России с 2004 по 2013 гг., позволяет сделать вывод о том, что с изменением динамики всего объема регистрируемых преступлений изменяется и удельный вес краж, который в последние годы имеет тенденцию интенсивного прироста и составляет в среднем 42-44 % от количества всех преступлений.

Как справедливо отмечает А.В. Майоров, высокий уровень краж свидетельствует о существенных упущениях в борьбе с этим видом преступлений, об активизации криминогенных факторов и о потенциальной опасности продолжения негативной тенденции в развитии данного вида преступлений [1, с. 34]. Этот тезис находит подтверждение и в нашем исследовании. Раскрываемость рассматриваемых преступлений остается достаточно низкой (например, в 2006 г. она составила лишь 29,5 %). Соответственно, в структуре приостановленных уголовных дел наибольшая доля приходится именно на уголовные дела, возбужденные по ст. 158 УК РФ, — 59,6 %, по большинству из которых лица, виновные в совершении кражи, не установлены. «Наличие вышеуказанных обстоятельств не позволяет решить главные задачи, закрепленные в УК РФ, а именно охраны прав и свобод, граждан и юридических лиц и восстановления социальной справедливости» [2, с. 26].

Вместе с тем представляется, что анализируемые количественные показатели не отражают действительного состояния оперативно-розыскного обеспечения краж, поскольку базируются на статистических данных о выявленных и зарегистрированных органами внутренних дел преступлениях. За пределами анализа остается латентная (скрытая) часть преступлений, о которых в правоохранительные органы не заявлялось, или латентная виктимность, при которой преступления по тем или иным причинам не были зарегистрированы (правовой нигилизм потерпевшего, его намеренное нежелание, а также боязнь сообщать о преступлении из-за возможной мести преступников, низкий уровень доверия граждан к правоохранительным органам) [3, с. 30]. При этом полнота и достоверность наших представлений о реальном количестве совершаемых краж зависят не только и не столько от данных

официальной статистики, сколько от данных, полученных в результате изучения состояния латентности краж [4, с. 46]. По мнению оперативных сотрудников, наиболее латентными являются карманные кражи, кражи из автотранспортных средств, дачных домиков.

При общем снижении количества совершаемых краж за анализируемый период кражи автомобилей (низколатентный вид преступления вследствие значительного ущерба для потерпевшего) за последние 7 лет стабилизировались, и их регистрация находится в пределах 32-35 тыс. преступлений ежегодно, при этом раскрываемость составляет от 8,7 до 15,3 %, в отличие от общей раскрываемости краж, доходящей до 39,5 %. Отсюда следует вывод: латентность краж связана не только с тем, что в органы внутренних дел о преступлениях не заявлялось, но и с тем, что продолжается их укрытие от учета в целях улучшения показателей работы, например, по материалам о кражах у физических лиц выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, мотивируя это обстоятельство отсутствием справки о стоимости похищенного.

Изучение статистики хищений в общей массе зарегистрированных преступлений в 2013 г. позволяет сделать вывод, что более половины (53,2 %) всех зарегистрированных в России преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, грабежа, разбоя и хищения предметов, имеющих особую ценность. Из них кражи составили 41,8 % от всех выявленных в указанном году преступных деяний*. Как видно из приведенных данных, наиболее распространенной формой хищения являются кражи, способом совершения которых всегда признается тайное хищение чужого имущества. Будучи весьма разнообразными по предмету преступного посягательства и способам их совершения, кражи оказывают негативное влияние на дальнейшее развитие общества, нарушают широкий круг общественных отношений, наносят вред собственникам того или иного имущества. Преследуя корыстные цели незаконного обогащения,

* URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 30 янв. 2014 г.).

преступники существенным образом посягают на материальные интересы граждан, интересы юридических лиц и государства. Динамика краж в пределах конкретного периода времени, по нашему мнению, — один из показателей криминогенного состояния общества.

Анализируя результаты изучения уголовных дел, можно утверждать, что каждая третья кража (38,4 %) была сопряжена с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, каждая четвертая (24,1 %) — совершается в общественном месте, каждая восьмая (8,0 %) — это кража из гаража, каждая десятая (9,8 %) — кража автотранспортного средства.

Интервьюирование оперативных сотрудников показало, что около 60 % краж совершается свободным доступом, при этом нередко утери сумок, сотовых телефонов, документов заявляют как кражи; до 80 % краж с проникновением совершается в группе, 20 % — одиночками (взлом дверей, через окно); используют шприцы с серной кислотой — сжигают пружину замка, вкручивают саморез в замок, применяют наборы универсальных ключей к домофонам или двусторонний скотч на входную дверь с домофоном, традиционные: отмычки, подбор ключа, проворот; если похищены документы, то преступники ждут, когда потерпевший подаст объявление в «бегущую строку», после чего звонят по указанному телефону и за вознаграждение возвращают их; если у них появились ключи, то, как правило, в течение 30 минут они совершают квартирную кражу. В основном похищают золото и деньги; ноутбуки предпочитают компьютерам; телевизоры крадут несовершеннолетние или наркоманы; среди похищенного нередко катера и квадроциклы; совершаются кражи из сейфов (воры — сотрудники частных охранных предприятий), терминалов банкоматов — воруют кассету с деньгами под видом обслуживающего персонала, применяют высверливание; похищают и сами банкоматы: вырывают автомобилем с помощью троса, режут «болгаркой» или сварочным аппаратом крепление. При этом, по мнению респондентов, более 80 % краж, по которым производство предварительного следствия обязательно, совершается наркоманами и алкоголиками; доля краж, связанных с не-

законным оборотом наркотических и психотропных веществ, составляет в настоящее время около 5 % в структуре преступности несовершеннолетних; среди воров-карманников около 60 % — наркоманы; 70 % — ранее судимые лица.

Проблема наркотизма заслуживает особого внимания, так как за последние годы масштабы этого негативного явления приобретают неуправляемый и глобальный характер. По мнению В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, связь алкоголизма и наркотизма с преступностью давно известна. При этом показательна статистика, характеризующая количество преступников и преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного, наркотического и токсического опьянения. Причем некоторые позитивные изменения в сторону снижения количественных показателей, по твердому убеждению специалистов, не отражают реального положения дел, а являются следствием либеральных законодательных новаций, и, соответственно, существенного снижения активности и эффективности мер борьбы с алкоголизмом и наркотизмом [5, с. 102-104].

Наряду с вышеназванными факторами происходит и серьезная неблагоприятная качественная трансформация преступности, выражающаяся в продуцировании ее групповых (организованных) форм и повышении уровня криминального профессионализма. Резко возросло и количество преступлений, совершаемых в составе группы. Результаты изучения уголовных дел, а также анализ статистических данных позволяют констатировать, что криминальная обстановка по кражам автотранспорта усложняется с проникновением в данную сферу профессиональных организованных преступных групп. Исследование С.Р. Микаутадзе показало, что около 80 % противоправных посягательств на автотранспортные средства совершается в составе подобных групп [6], а, по данным Д.А. Бражникова, 76,5 % лиц, входящих в организованные преступные группы квартирных воров, необходимо отнести к профессиональным преступникам [7, с. 114].

Одно удачно совершенное и нераскрытое преступление часто порождает другое. Именно на этой основе существует профессиональная преступность, участники которой (главным образом, воры и мо-

шенники) превращают совершение преступлений в постоянный промысел и образ жизни. Сюда примыкают и рецидивисты, которые, уже после первого преступления были задержаны и осуждены, что, однако, не отвратило их от преступного занятия. Рассматриваемая форма самодетерминации преступности достаточно распространена. Рецидив, например, составляет 30 % всего массива преступлений, а каждый вор-профессионал совершает до 25 краж в месяц [5, с. 106].

Анализ мнения оперативных сотрудников показал, что в основном преступления, квалифицируемые по ч. 4 ст. 158 УК РФ, совершаются организованными преступными группами (далее – ОПГ), в составе которых имеются специалисты: по ведению разведывательных действий на этапе подготовки к совершению преступления, изготовлению воровского инструмента, вскрытию замков, непосредственные исполнители, сбытчики похищенного, группы прикрытия и другие специалисты, осуществляющие правовую защиту и противодействие правоохранительным органам. Следует учитывать то обстоятельство, что если задержали не всех членов ОПГ, то остальные будут продолжать преступную деятельность.

Кроме того, опрос оперативных сотрудников показал, что, рассматривая профессиональную преступность, нельзя обойти стороной и преступников-«гастролеров», в т.ч. входящих в этнические группы, состоящие из грузин, армян, дагестанцев и др. Например, в городах Иваново, Костроме, Владимире молдаване совершают квартирные кражи через окно (в т.ч. пластиковое) в частном секторе, в г. Санкт-Петербурге грузины, абхазцы – кражи из салонов автомобилей, в г. Пскове воруют «гастролеры» из Белоруссии и Латвии, в г. Улан-Удэ приезжают «гастролеры» из Иркутска, в Волгоградской области совершается много краж из автомобилей на федеральной трассе, ведущей к морю. Одним из поисковых признаков ОПГ является их общение между собой при совершении краж через радиостанции (г. Екатеринбург, г. Улан-Удэ).

Увязывая особенности действий преступников-«гастролеров» и сбыт похищенного имущества, респонденты отмечают, что сбыт краденного осуществляется на

федеральных трассах работникам кафе и «дальнбойщикам», киргизы скупают краденное и уезжают на родину, сбыт краденых телефонов осуществляется в Казахстане. Кроме того, есть особенности сбыта похищенного в ломбардах: во-первых, работники ломбардов сданные краденые предметы в журнал учета не записывают, а говорят, что купили их для себя, во-вторых, в таких помещениях, как правило, имеются видеорекамеры, но оперативные сотрудники их не просматривают.

Проведенное нами исследование показало, что к числу обстоятельств, влияющих на оперативно-розыскное обеспечение краж, также следует отнести меру пресечения, не связанную с арестом. По утверждению М.П. Смирнова, не всегда является оправданной мера пресечения, не связанная с заключением под стражу. Зачастую подозреваемый, которого уже нашли сотрудники уголовного розыска, но не задержали, скрывается, и его опять объявляют в розыск. Таких сбежавших от следствия только в 2007 г. насчитывалось 103 тыс. человек. Это правило не распространяется на тех, кого объявили в международный розыск, этих подозреваемых арестовывают сразу. Чтобы переломить ситуацию и не разыскивать преступников дважды, а то и трижды, МВД России предлагает внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [8, с. 294].

По мнению оперативных сотрудников, в отношении уже разысканных и задержанных воров (до 90 %) мера пресечения не изменяется и остается подписка о невыезде. Находясь под следствием, данные лица продолжают совершать новые кражи и осуществляют противодействие следствию (активное и пассивное). Например, у них есть свои адвокаты; иностранцы говорят, что не владеют русским языком – существует проблема с переводчиком; потерпевшие меняют показания, особенно если преступники являются родственниками и если возмещен ущерб.

Кроме того, существуют и другие обстоятельства, влияющие на оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования краж имущества. По мнению респондентов, к ним следует отнести проблемы в организации работы: нет профессионального звена, понизился средний возраст оперуполномоченных, ушли опыт-

ные руководители и оперуполномоченные в связи с реорганизацией, большая нагрузка; сотрудники управлений уголовного розыска УМВД не «берут» себе для раскрытия серийные кражи, поскольку такие кражи «стоят» на контроле и сотрудники боятся этого и занимаются только анализом; если вора задержали сотрудники отдела вневедомственной охраны, то оперуполномоченные не работают, поскольку карточка выставляется на отдел вневедомственной охраны; из-за большого количества краж (следственно-оперативная группа выезжает 8-10 раз в сутки) следователь только фиксирует кражу и проводится подворно-квартирный обход (нередко его заменяют телефонные звонки оперуполномоченных жильцам); проводится некачественный осмотр места преступления; оперативные сотрудники не всегда исполняют поручения либо указывают в справке, что отработаны на причастность к краже лица, ранее умершие или находящиеся несколько лет в колонии; отработка лиц, состоящих на учете, — формальная; не проводится анализ уголовных дел по способу совершения краж; возврат похищенного незначителен — оперуполномоченный не несет ответственности за возмещение ущерба; низкое материально-техническое обеспечение подразделений уголовного розыска; существуют проблемы во взаимодействии между собой отделений по раскрытию имущественных преступлений и по борьбе с наркотиками.

Кроме того, по мнению Е.В. Бурякова, до сих пор не решен вопрос о сплошной дактилоскопической регистрации населения [9, с. 90-91]. Решение этого вопроса, на наш взгляд, способствовало бы не только улучшению розыскных задач, но и раскрытию преступлений, в том числе имущественного характера.

Анализ оперативно-розыскной характеристики и деятельности подразделений уголовного розыска по оперативно-розыскному обеспечению предварительного расследования краж позволил нам установить, что выявленные в разные периоды времени причины и обстоятельства, оказывающие отрицательное влияние на общее состояние указанной работы, несмотря на принимаемые меры по их устранению, продолжают иметь место и сейчас, а выявленные особенности в динамике, структуре преступности, измене-

ниях в преступной среде должны повлечь в первую очередь принятие упреждающих оперативно-розыскных мер, которые, полагаем, необходимо классифицировать следующим образом:

1) управленческие: поднять престиж профессии сотрудника уголовного розыска; не привлекать оперуполномоченного к выполнению не свойственных ему функций; повышать профессиональный уровень сотрудников; увеличить численный состав уголовного розыска;

2) правовые: на законодательном уровне необходим запрет на использование сотовых телефонов, которые по imei* значатся похищенными; ввести сплошную дактилоскопическую регистрацию населения; ужесточить наказание за кражу в виде лишения свободы без возможности условно-досрочного освобождения и за скупку краденного;

3) организационные: повысить ответственность руководителей за укрытие преступлений от учета; создать в структуре подразделений уголовного розыска на уровне субъекта федерации подразделения, специализирующиеся на выявлении и оперативной разработке лиц, совершающих данные преступления; улучшить взаимодействие уголовного розыска с другими службами, в первую очередь с участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками следственных подразделений; создать в структуре отделов уголовного розыска отделения по взаимодействию и оперативной разработке лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах, исправительных учреждениях, спецприемниках; совершенствовать систему учетов и упростить доступ сотрудников уголовного розыска к различным базам данных; организовывать специализированные группы по раскрытию краж; проводить задержание и арест лица за совершение кражи по ч. 2 ст. 158 УК РФ для его дальнейшей разработки и склонения к признательным показаниям; отработывать на причастность к кражам лиц, длительное время находившихся в розыске (поскольку находясь на нелегальном положении, такие лица в 99 % случаев пользуются имуществом, добытым преступным путем),

* International Mobile Equipment Identity — международный идентификатор мобильного оборудования.

более тщательно обрабатывать лиц, употребляющих наркотики; расширить институт младших оперуполномоченных уголовного розыска с целью осуществления оперативного поиска в криминогенных местах;

обеспечить подразделения уголовного розыска методическими рекомендациями по предупреждению и раскрытию краж; обеспечить подразделения уголовного розыска специальной техникой.

Список литературы

1. Майоров А.В. Кражи в общественных местах: криминологическая характеристика и виктимологическая профилактика: монография. Челябинск, 2006. 112 с.
2. Ситковский А.Л. Корыстная преступность как одна из современных угроз безопасности российского общества // Российский следователь. 2008. N 13. С. 25-28.
3. Никульченкова Е.В., Панов С.Л. Краткий словарь-справочник виктимологических терминов, понятий и определений. Омск: Омский экон. ин-т, 2010.
4. Акутаева И.Р. Состояние, структура и динамика краж чужого имущества // Законность. 2012. N 3. С. 46-52.
5. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М.: Норма, 2006. 112 с.
6. Микаутадзе С.Р. Структура и динамика развития профессиональной преступности в современной России // Российский следователь. 2006. N 8. С. 26-28.
7. Бражников Д.А. Криминологическая характеристика и предупреждение квартирных краж, совершаемых организованными группами. Екатеринбург, 2003. 182 с.
8. Смирнов М.П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учеб. пособие (постатейный.) 5-е изд., расширенное и перераб. (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Буряков Е.В. Оперативно-розыскное учение о розыске: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2011. 191 с.

References

1. Mayorov A.V. *Krazhi v obshchestvennykh mestakh: kriminologicheskaya kharakteristika i viktimologicheskaya profilaktika* [Theft in public areas: criminological characteristics and victimological prevention]. Chelyabinsk, 2006. 112 p.
2. Sitkovskiy A.L. *Korystnaya prestupnost' kak odna iz sovremennykh ugroz bezopasnosti rossiyskogo obshchestva* [Acquisitive crime as one of the modern threats to the security of the Russian society]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2008, no. 13, pp. 25-28.
3. Nikul'chenkova E.V., Panov S.L. *Kratkiy slovar'-spravochnik viktimologicheskikh terminov, ponyatiy i opredeleniy* [Quick reference dictionary victimological terms, concepts and definitions]. Omsk, Omsk Economic Institute, 2010.
4. Akutaeva I.R. *Sostoyanie, struktura i dinamika krazh chuzhogo imushchestva* [Status, structure and dynamics of theft of another's property]. *Zakonnost'* – Legality, 2012, no. 3, pp. 49-52.
5. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskii analiz* [Causes of crime in Russia: a Criminological analysis]. Moscow, Norma Publ., 2006. 112 p.
6. Mikautadze S.R. *Struktura i dinamika razvitiya professional'noy prestupnosti v sovremennoy Rossii* [Structure and dynamics of the development of professional crime in modern Russia]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2006, no. 8, pp. 26-28.
7. Brazhnikov D.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie kvartirnykh krazh, sovershaemykh organizovannymi gruppami* [Criminological characteristics and prevention of burglaries committed by organized groups]. Ekaterinburg, 2003. 182 p.
8. Smirnov M.P. *Kommentarii zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom* [Comments legislative regulation of operational-investigative activity in the Russian Federation and abroad]. Available at the reference legal system "Consultant Plus".
9. Buryakov E.V. *Operativno-rozysknoe uchenie o rozyske* [Investigative doctrine of tracing]. Omsk, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, 2011. 191 p.

ЕРЕМЧЕНКО В.И.,
кандидат юридических наук,
mail_lom@mail.ru
Кафедра криминалистики;
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
350005, г. Краснодар,
Ярославская, 128

EREMCHENKO V.I.,
Candidate of Legal Sciences,
mail_lom@mail.ru
Chair of criminalistics;
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Yaroslavskaya St. 128,
Krasnodar, 350005,
Russian Federation

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Реферат. Производство и оборот сельскохозяйственной продукции — стратегическое направление экономической деятельности Российской Федерации, значение которого многократно возросло после введения в действие зарубежных санкций, контрсанкций России и государственной политики импортозамещения. Криминализация оборота сельскохозяйственной продукции тормозит реализацию государственных решений в сфере агропромышленного комплекса; приводятся статистика и результаты анкетирования, проведенного автором, иллюстрирующие масштабы криминализации. Особенно это касается сельскохозяйственных регионов страны (Южный федеральный округ). Рассматриваются основные проблемы противодействия незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. Необходимо сосредоточение усилий на противодействии незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции, на защите интересов добросовестных фермеров и предпринимателей. Незаконную предпринимательскую деятельность в сфере оборота сельскохозяйственной продукции предлагается понимать как самостоятельную деятельность, совершаемую на свой риск и направленную на систематическое получение прибыли от продажи сельскохозяйственной продукции, осуществляемую без регистрации либо путем образования (создания, реорганизации) юридического лица через подставное лицо или с использованием персональных данных либо документа, удостоверяющего личность, полученных незаконным путем. Предлагается исключить накопление и перепродажу сельскохозяйственной продукции как сферы ее оборота, которую преимущественно и занимают незаконные предприниматели, обеспечив возможность лицам, возделывающим землю и выращивающим продукты потребления, работать напрямую с потребителями продукции. Приобретение сельскохозяйственной продукции у ее производителей следует допускать лишь в целях ее реализации в розничной торговле; экспорта; хранения и (или) переработки продукции; использования в производственных целях организации.

Ключевые слова: экономическая преступность, методика расследования, незаконное предпринимательство, сельское хозяйство.

COUNTERACTION TO ILLEGAL ENTERPRISE IN THE FIELD OF AGRICULTURAL PRODUCTS CIRCULATION UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS AND IMPORT SUBSTITUTION POLICY

Abstract. Agricultural products circulation and production is considered as strategic direction of the Russian economic activities. Its significance has increased manifold after imposing sanctions, countersanctions and import substitution policy. It is stated that criminalization of agricultural products circulation hampers the implementation of the government decisions in the field of agricultural sector. The author provides statistical data and results of the public opinion poll, illustrating the large scale of agricultural products circulation criminalization level in the Russian agricultural regions (especially in the Southern Federal District). The main problems of counteraction to illegal enterprise in the field of agricultural products circulation are examined. The author proves the necessity to concentrate force on counteraction to illegal enterprise in the field of agricultural products circulation and on protecting the interests of fair farmers and entrepreneurs. Such illegal activity is considered as an independent activity performed on one's own peril and aimed at receiving regular profit from agricultural products selling which is conducted without registration or by establishing (reorganization) legal person through man of straw or by using unlawfully obtained personal data or identity papers. It is proposed to exclude accumulation and resale of agricultural products from its turnover and to allow farmers to work directly

with consumers. Purchasing agricultural products from its producers should be admitted only for the purpose of retail trade, its export, storing and (or) processing, using in industry activities.

Keywords: economic crime, methods of investigation, illegal enterprise, agriculture.

Предпринимательская деятельность представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Развитие в Российской Федерации малого бизнеса – одно из перспективных направлений экономического становления страны. В качестве одной из сфер предпринимательской деятельности может быть выделено осуществление предпринимательской деятельности, связанной с оборотом сельскохозяйственной продукции.

Выращивание сельскохозяйственной продукции, а следовательно, и ее дальнейший оборот представляют собой одно из основных стратегических направлений экономической деятельности Российской Федерации. Наше государство на международной арене является одним из ведущих экспортеров сельскохозяйственной зерновой продукции. Так, на основании статистических данных Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)* за 2013 г., Российская Федерация занимает четвертое место на мировом рынке по производству зерновых сельскохозяйственных культур, а по производству семян подсолнечника – второе, после Украины. При этом за последние 5 лет обороты производства сельскохозяйственных зерновых и масличных культур увеличиваются**.

Но несмотря даже на такие прочные позиции нашей страны в рассматриваемом агропромышленном комплексе, и в этой сфере Российская Федерация испытывает острую зависимость от внешнеэкономических партнеров. По словам минис-

* Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO) – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Основная деятельность организации направлена на решение проблем развития сельских регионов и сельскохозяйственного производства с целью разрешения вопросов, связанных с нищетой и голодом в мире.

** Статистика FAO. URL: <http://faostat.fao.org> (дата обращения: 7 апр. 2014 г.).

тра сельского хозяйства, в 2013 году Россия приобрела за рубежом семян сахарной свеклы на 100 млн долларов, семян кукурузы – на 200 млн долларов, семян подсолнечника – более чем на 230 млн долларов. Счет идет на сотни миллионов долларов, а это значит, что с учетом ситуации на финансовом рынке аграриям придется искать дополнительные средства на приобретение семян, в 1,5-2 раза большие, чем они рассчитывали ранее [1].

Данные обстоятельства заставляют задуматься о возможностях импортозамещения в условиях сложившейся внешнеполитической санкционной ситуации. Одним из путей реализации таких программ может выступать государственная поддержка аграриев, а также необходимость собственного культивирования потребляемых сортов агропромышленной продукции. Однако, несмотря на возникшие трудности в АПК, вся пагубность положения сельскохозяйственных производителей заключается еще и в том, что они сильно страдают от криминогенной составляющей сельскохозяйственной сферы, борьбу с которой также надлежит обозначить в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики по оптимизации внутренних ресурсов страны в сложившихся политических условиях.

Следует отметить, что наблюдается рост преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью и неуплатой налогов в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. При этом важно отметить нарастающую латентность данного вида преступных деяний.

Количество выявленных на территории Российской Федерации преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, совершенных организованной группой или сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере, за 2005-2013 гг. составило: в 2005 г. – 1 855 преступлений, в 2006 г. – 2 147 преступлений, в 2007 г. – 2 332 преступления, в 2008 г. – 2 254 преступления, в 2009 г. – 2 531 преступление, в 2010 г. – 791 преступление, в 2011 г. – 486 преступлений, в 2012 г. – 397 преступлений, и в 2013 г. – 401 пре-

ступление*. Таким образом, налицо снижение числа выявленных преступлений, обусловленное частичной декриминализацией ст. 171 УК РФ и возрастающей латентностью рассматриваемого вида преступных деяний, что представляет собой немалую опасность и вызывает необходимость установления способов выявления таких преступлений.

Согласно результатам проведенного автором в 2011-2013 годах анкетирования сотрудников, специализирующихся на расследовании незаконной предпринимательской деятельности (проанкетированы 297 сотрудников из 43 субъектов Российской Федерации), из общего числа совершенных преступлений, связанных с незаконным предпринимательством, 17,1 % составляет незаконное предпринимательство в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. О распространенности данного преступления в Краснодарском крае и Северо-Кавказском регионе пишет в своей работе Б.Н. Садов, ссылаясь на распространенность заготовительных операций в сельскохозяйственном секторе всего региона [2, с. 15]. При этом размеры извлекаемого дохода от незаконной предпринимательской деятельности исчисляются миллиардами. Только по результатам изучения рассматриваемых уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, выявленных в период с 2008 по 2010 гг. и расследованных следственными подразделениями Краснодарского края, суммарная величина извлеченного незаконными предпринимателями дохода составила 3 052 996 554,29 рублей**.

Несмотря на то, что данное преступное проявление не ново, противодействие ему приобретает особую актуальность и

* Сводный отчет ГИАЦ МВД России по незаконному предпринимательству за 2005-2013 годы.

** Уголовное дело N 851511, 2008 г. // Архив ОВД по Каневскому району Краснодарского края; уголовное дело N 872297, 2008 г. // Архив ОВД по Курганинскому району Краснодарского края; уголовные дела N 939784, 904886, 939435, 939436, 2009 г. // Архив Кропоткинского городского суда Краснодарского края; уголовное дело N 902830, 2009 г. // Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара Краснодарского края; уголовные дела N 108543, 109334, 2010 г. // Архив Первомайского районного суда г. Краснодара Краснодарского края; уголовные дела N 290344, 290343, 2011 г. // Архив СЧ ГСУ при ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

приоритетную значимость в сложившихся условиях санкционного режима, так как на агропромышленный комплекс нашей страны возлагаются большие надежды в обеспечении государства собственной пищевой продукцией, в этих целях реализуются государственные программы субсидирования отрасли сельского хозяйства. Данное обстоятельство, безусловно, привлекает еще большее внимание к рассматриваемой отрасли хозяйства со стороны криминальных субъектов.

Таким образом, поскольку сфера оборота сельскохозяйственной продукции имеет большое экономическое значение для Российской Федерации в целом, и особенно для ряда регионов Южного федерального округа, приносит весомую часть федерального бюджета, позволяет обеспечить достойный уровень жизни значительного количества сельскохозяйственных производителей и обеспечивает общество продуктами питания [3], следует не допустить проникновения в данную сферу деятельности недобросовестных предпринимателей.

Незаконное предпринимательство в сфере оборота сельскохозяйственной продукции является распространенным видом незаконного предпринимательства, совершаемого преимущественно в регионах Южного федерального округа, а также иных субъектах Российской Федерации, специализирующихся на выращивании сельскохозяйственной продукции. Такая распространенность объясняется следующим:

– Российская Федерация является одним из ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции;

– рынок оборота сельскохозяйственной продукции недостаточно защищен от недобросовестных предпринимателей;

– оборот сельскохозяйственной продукции не вызывает затруднений ввиду постоянно имеющегося спроса на данный вид товара.

Согласно результатам проведенного автором исследования, в ходе незаконной предпринимательской деятельности преимущественно происходит оборот сельскохозяйственной зерновой продукции, такой как пшеница, ячмень, кукуруза и пр., а также не относящихся к зерновой продукции, но пользующихся не меньшим спросом семян подсолнечника. Данная

закономерность вполне объяснима весьма масштабной и развивающейся в Российской Федерации сельскохозяйственной промышленностью, а также практически повсеместным возделыванием данных культур и их широким экспортом за пределы страны и переработкой предприятиями внутри страны. Кроме того, при наличии должных условий зерновые хорошо хранятся и реализуются.

Чем более совершенствуется сама система экономических отношений, тем более разнообразными становятся способы совершения преступлений с целью придания им вида законно осуществляемой предпринимательской деятельности. Одним из распространенных и набирающих темп преступлений в сфере оборота сельскохозяйственной продукции становится уклонение от уплаты налогов, завуалированное под незаконную предпринимательскую деятельность. Такое необычное сочетание придания одному преступлению вида совершенно иного преступного деяния преследует четко определенные цели, такие как: избежание более сурового вида наказания, которое предусмотрено санкцией ст. 199 УК РФ, а также сохранение незаконно полученного дохода от данной деятельности.

Выращивание и экспорт сельскохозяйственной продукции проходит ряд отдельных стадий внутреннего экономического рынка, связанного с развитием предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Так, можно выделить три основных этапа рассматриваемой деятельности:

— выращивание (производство) сельскохозяйственной продукции крестьянско-фермерскими хозяйствами индивидуальных предпринимателей либо иными организациями, специализирующимися на данной деятельности;

— закупка произведенной сельскохозяйственной продукции с целью аккумуляции ее в значительных объемах и последующая перепродажа экспортерам либо предприятиям-потребителям, осуществляемая юридическими лицами, преимущественно обществами с ограниченной ответственностью;

— экспорт или переработка больших партий сельскохозяйственной продукции специализирующимися на данном виде деятельности организациями.

Первый из выделенных этапов для незаконных предпринимателей не представляется перспективным в связи с тем, что требует больших временных и трудовых затрат. При этом производители сельскохозяйственной продукции не преследуют цели уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость, так как не являются его плательщиками и не заинтересованы в нарушении законодательства, регулирующего предпринимательство в Российской Федерации. Что же касается третьего этапа, связанного с экспортом сельскохозяйственной продукции либо ее переработкой, то здесь действуют организации, преимущественно зарекомендовавшие себя в качестве добросовестных предпринимателей и монополизировавшие рынок экспорта (либо переработки) сельскохозяйственных товаров. При этом данные организации не работают напрямую с производителями сельскохозяйственной продукции, так как предпочитают приобретать тот товар, с которого налог на добавленную стоимость уже уплачен, в связи с чем также в большинстве случаев не реализуют в своей деятельности намерений нарушения законодательства, за исключением встречающихся случаев незаконного возмещения налога на добавленную стоимость.

В такой ситуации имеется вполне благоприятная почва для незаконных предпринимателей, которые будут образовывать своеобразную прослойку между производителями сельскохозяйственной продукции и ее экспортерами (потребителями, переработчиками), преследуя при этом цели получения прибыли от самого предпринимательства и уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость с реализуемой продукции. При этом лица, специализирующиеся на совершении рассматриваемых преступлений, также являются своеобразными монополистами своей сферы рынка, из-за чего, в первую очередь, страдают производители сельскохозяйственной продукции, зная, что выращенный ими товар они смогут продать только определенным лицам, осуществляющим закупку продукции в их районе, за несоразмерную трудозатратам цену. В противном случае у них могут возникнуть проблемы с ее реализацией.

Для достижения своих преступных целей незаконные предприниматели используют различные схемы товарооборота

сельскохозяйственной продукции. Через подставное лицо либо путем использования персональных данных или документа, удостоверяющего личность, полученных незаконным путем, создается юридическое лицо, для которого открываются расчетные счета в банковских учреждениях с целью осуществления безналичных расчетов. Впоследствии через данное юридическое лицо осуществляется скупка сельскохозяйственной продукции у ее производителей и дальнейшая реализация продукции экспортерам или организациям, ее перерабатывающим (с отражением в первичной бухгалтерской документации суммы подлежащего уплате налога на добавленную стоимость), либо аффилированным юридическим лицам*, которые в последующем уже и осуществляют реализацию продукции субъектам третьего этапа товарооборота.

При этом незаконными предпринимателями в налоговое учреждение по месту регистрации подаются налоговые декларации либо с нулевой суммой налога на добавленную стоимость, подлежащей уплате, либо с частичным отображением налогооблагаемой базы в целях непривлечения внимания к своей деятельности. Срок осуществления деятельности от лица созданной организации, используемой для осуществления незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции, не превышает одного-двух лет, что обусловлено спецификой действующего налогового законодательства и сложившейся практикой осуществления выездных налоговых проверок не ранее 1,5-2 лет с момента постановки организации на налоговый учет при условии своевременного предоставления налоговой отчетности.

Изложенное позволяет говорить о целесообразности и необходимости сосредоточения на настоящем этапе развития России усилий, направленных на борьбу с рассмотренным элементом экономической преступности, так явно прорастающем за счет усилий добросо-

вестных фермеров и предпринимателей, радеющих за свой труд и ценящих свое призвание.

В качестве возможных путей разрешения отмеченной проблемы видится рациональным предложение принять меры по противодействию рассматриваемому деструктивному явлению путем реализации следующих положений:

1. Ввиду частичной декриминализации ст. 171 УК РФ и введения ст.ст. 173.1 и 173.2 УК РФ надлежит сформировать у сотрудников ОВД современное представление о незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции, под которой предлагается понимать самостоятельную деятельность, совершаемую на свой риск и направленную на систематическое получение прибыли от продажи сельскохозяйственной продукции, осуществляемую без регистрации либо путем образования (создания, реорганизации) юридического лица через подставное лицо или с использованием персональных данных либо документа, удостоверяющего личность, полученных незаконным путем.

2. Предусмотреть в деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по обороту рассматриваемой сельскохозяйственной продукции ее приобретение у производителей (фермеров) только в целях:

- реализации в розничной торговле;
- экспорта приобретенной продукции;
- хранения и (или) переработки продукции;
- использования продукции в производственных целях организации (ИП).

Данное предложение позволит исключить сферу оборота сельскохозяйственной продукции по ее накоплению и перепродаже, которую преимущественно и занимают незаконные предприниматели, обеспечив возможность лицам, возделывающим землю и выращивающим продукты потребления, работать напрямую с потребителями** их товаров.

** Под потребителями автор понимает заводы, перерабатывающие сельхозпродукцию; организации-экспортеры сельскохозяйственной продукции; организации и ИП, специализирующиеся на розничной торговле; элеваторы, обеспечивающие хранение продукции для вышеуказанных потребителей.

* См. ст. 4 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. N 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»: ред. от 26 июля 2006 г. // Рос. газ. 1991. N 89; 2006. 27 июля.

Список литературы

1. Сельское хозяйство России в 2015 году ждет спад. URL: <http://fruitinfo.ru/news/selskoe-hozyaystvo-rossii-v-2015-godu-gdet-spad-338586> (дата обращения: 27 янв. 2015 г.).
2. Садов Б.Н. Особенности расследования незаконного предпринимательства на первоначальном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 22 с.
3. Петриков А.В. Сельское хозяйство и аграрная политика России: 1975-2005 гг. URL: http://www.rus-stat.ru/stat/207POM_2007_15-52_1.pdf (дата обращения: 7 апр. 2014 г.).

References

1. *Selskoe khozyaystvo Rossii v 2015 godu zhdet spad* [Russian agriculture in 2015 is waiting for recession]. Available at: <http://fruitinfo.ru/news/selskoe-hozyaystvo-rossii-v-2015-godu-gdet-spad-338586> (Accessed 27 January 2015).
2. Sadov B.N. *Osobennosti rassledovaniya nezakonnogo predprinimatel'stva na pervonachal'nom etape. Avtoref. Kand. Diss.* [Features of investigation of illegal business at the initial stage. Autoabstract Cand. Diss.]. Krasnodar, 2004. 22 p.
3. Petrikov A.V. *Selskoe khozyaistvo i agrarnaya politika Rossii: 1975-2005 gg.* [Agriculture and Agrarian Policy of Russia: 1975-2005 gg.]. Available at: http://www.rus-stat.ru/stat/207POM_2007_15-52_1.pdf (Accessed 7 April 2014).

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ЛАТЫШОВ И.В., кандидат юридических наук, доцент, latyshov@gmail.com Кафедра трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, Историческая, 130	LATYSHOV I.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, latyshov@gmail.com Chair of trace evidence expertise and ballistics of training and scientific complex of criminalistic expertise activity; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation
--	--

ПОНЯТИЕ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Реферат. Рассмотрена проблема понятия судебно-баллистической диагностики, определения ее сущности. Установлено, что основу научных представлений судебно-баллистической диагностики определяют положения теории криминалистической диагностики и судебной баллистики. Их консолидация создает фундамент научных знаний диагностических судебно-баллистических исследований. На основе анализа базовых понятий теории криминалистической диагностики, судебной баллистики раскрыта методологическая природа и гносеология судебно-баллистической диагностики, определено соотношение диагностики с процедурами распознавания, установления групповой принадлежности. В рамках определения понятия криминалистической диагностики предложено рассматривать ее в качестве основанной на познавательных приемах распознавания, различения и определения деятельности по изучению природы, состояния, свойств и отношений объектов, событийно связанных с преступлением (правонарушением), формулированию на основе полученных данных криминалистически значимых оценочных суждений об отдельных объектах, механизме и иных обстоятельствах совершения преступления. Установление природы диагностируемого объекта является определяющим, сведения о ней в той или иной степени увязаны с решением задач установления состояния, свойств и отношений оружия, патронов и следов их действия. Раскрыто содержание названных категорий природы, состояния, свойств и отношений объектов. Предложено авторское определение понятия судебно-баллистической диагностики как области научных знаний судебной баллистики, решающей преимущественно средствами криминалистической диагностики и судебной баллистики вопросы исследования природы, состояния, свойств и отношений событийно связанных с преступлением (правонарушением) оружия, патронов и следов их действия, формулирования на основе полученных данных криминалистически значимых оценочных суждений об этих объектах, механизме и иных обстоятельствах совершения преступления.

Ключевые слова: криминалистическая диагностика, судебная баллистика, методология, познание, свойство, признак, оружие, патроны.

CONCEPT OF FORENSIC BALLISTIC DIAGNOSTICS

Abstract. The problem of defining the essence of the concept of forensic ballistic diagnostics is considered. It is stated that scientific conception of forensic ballistic diagnostics is based on the propositions of forensic diagnostics and forensic ballistics theories. Their consolidation establishes the foundation of scientific knowledge of diagnostic forensic ballistic researches. The methodological character and gnoseology of forensic ballistic diagnostics is described and correlation of diagnostics and recognition procedures as well as defining the belonging to a certain group is determined on the basis of the analysis of basic concepts of forensic diagnostics theory. Forensic diagnostics is considered as an activity which is based on cognitive methods of recognition, distinction and defining and aimed both at studying the nature, state, properties and relation of objects connected with an offence, and at formulating significant criminalistic judgments on objects, mechanism and other circumstances of committing a crime, based on obtained data. It is important to define the nature of an object: such information is conditional on defining state, properties and relation of firearms, cartridges and tool marks. The meaning of categories of nature, state, properties and relations is interpreted. The author proposes his own

definition of forensic ballistic diagnostics: it is an area of scientific knowledge of forensic ballistics which studies nature, state, properties and relations of firearms, cartridges and tool marks related to an offence, also formulates significant criminalistics judgments on objects, mechanism and other circumstances of committing a crime, based on obtained data.

Keywords: forensic diagnostics, forensic ballistics, methodology, knowledge, property, indication, firearms, cartridges.

Успешное противодействие государства и его правоохранительных органов вооруженной преступности, незаконному обороту оружия и боеприпасов в немалой степени определяется наличием разработанных и проверенных практикой теоретических и методических основ, обеспечивающих проведение судебно-баллистических экспертиз. При этом подавляющее большинство данных экспертиз не решают вопросы идентификации оружия, а касаются широкого круга задач, именуемых диагностическими.

В этой ситуации логично допустить наличие соответствующих научных знаний судебной баллистики в области диагностических экспертиз оружия, патронов и следов их действия. Однако окончательно эта проблема еще не решена, а судебно-баллистическая диагностика лишь формирует свои позиции в рамках соответствующей концепции, выражение сущности которой определяется, в частности, и посредством самого понятия «судебно-баллистическая диагностика».

Следует отметить, что основу научных представлений судебно-баллистической диагностики как области научных знаний экспертного диагностирования оружия, патронов и следов их действия определяют преимущественно положения теории криминалистической диагностики и судебной баллистики. Их консолидация создает фундамент научных знаний диагностических судебно-баллистических экспертных исследований.

В связи с этим обоснование понятия судебно-баллистической диагностики и определение ее сущности следует провести на основе рассмотрения соответствующих понятий криминалистической диагностики и судебной баллистики.

Характеризуя еще совсем недавно (1997 г.) состояние теории криминалистической диагностики, Р.С. Белкин отмечал, что она «...относится к числу формирующихся частных криминалистических теорий, имеющих уже достаточно детально разработанные научные обоснования, понятий-

ный аппарат и определившиеся направления в практике» [1, с. 282]. Однако сегодня этот процесс можно считать завершенным. Результатом развития стало оформление представленных в этой области знаний в рамках концепций (Снетков В.А., 1981; Корухов Ю.Г., 1983; Майлис Н.П., 1985), а позднее и частной теории криминалистической диагностики (Дубровин С.В., 1989). При этом следует признать, что видение отдельных сторон криминалистической диагностики в них не всегда тождественно.

Причиной такого положения дел считают отсутствие общепринятой позиции относительно сущности диагностики и лежащих в ее основе закономерностей, различную оценку соотношения диагностики с идентификацией, процессами определения групповой принадлежности, классифицированием а также несовершенство понятийного аппарата, что снижает ее методологический уровень [2].

Так, в ходе обсуждения понятия криминалистической диагностики, ее методологической и гносеологической природы в литературе был высказан ряд не всегда совпадающих друг с другом точек зрения.

Например, методология диагностики как инструмент научного познания рассматривается учеными-криминалистами в качестве: 1) процесса познания, 2) метода познания, 3) процесса и метода познания.

В.А. Снетков, в частности, считает криминалистическую диагностику процессом познания. Он отмечает, что криминалистическая диагностика (от греч. *diagnosticos* – распознавать) основывается на общенаучном понятии диагностики как особого вида познания по распознаванию (установлению, определению, выявлению) определенного явления на основе абстрактного знания о нем, о необходимом существенном, что отличает такие явления от прочих. Сам же процесс диагностирования заключается в определении сущности конкретного объекта путем сравнения его природы с природой объектов определенного класса, рода, вида и других звеньев классификации, установленных

наукой, опытом. В связи с этим необходимым условием любого диагностирования, по мнению автора, является наличие классифицированных абстрактных знаний об объектах, накопленных научным или опытным путем и не связанных общим происхождением с объектом, подлежащим распознаванию. При этом В.А. Снетков добавляет, что диагностика означает не только процесс, но и его результат («диагноз») [3, с. 4; 4, с. 35].

Иное понимание существа методологии криминалистической диагностики у Ю.Г. Корухова. В его концепции криминалистическая диагностика — метод познания. Методологией же диагностики охвачены познавательные приемы распознавания, различения и определения [5]. Сущность криминалистической диагностики Ю.Г. Корухов определяет как частный метод познания, который позволяет получить необходимые сведения о механизме преступного действия на основе его отражения в объектах материального мира [6].

Помимо изложенных позиций озвучена еще и третья точка зрения на существо методологии криминалистической диагностики. В частности, А.И. Рудиченко рассматривает криминалистическую диагностику как процесс и одновременно как метод познания [7].

Следует признать, что сегодня криминалистическую диагностику рассматривают в основном как процесс познания [1, с. 285; 8, с. 420; 9, с. 70 и др.]. Однако нельзя не заметить, что взгляды ученых на криминалистическую диагностику в одном случае как на процесс, а в другом — метод познания идут на сближение.

Так, Ю.Г. Корухов, изначально являясь сторонником рассмотрения диагностики как метода познания, позднее внес коррективы в свою научную позицию и стал рассматривать криминалистическую диагностику как процесс (систему методов) [10, с. 90].

В свою очередь, В.А. Снетков, говоря об основных положениях теорий криминалистической идентификации и криминалистической диагностики, в частности, отмечает: «криминалистические идентификация и диагностика — сложные понятия и могут означать метод, цель и процесс изучения» [11, с. 3].

Необходимо сказать, что в полемике научных взглядов на методологию

криминалистической диагностики доводы сторонников понимания ее как процесса познания видятся убедительными, но не абсолютными. Так, не вызывает сомнений тот факт, что конечный результат, как этап познавательного алгоритма, характерен не только для процесса познания. Он также есть и результат реализации диагностического метода (системы методов).

При этом сам термин «диагностический процесс», как представляется, не отражает всех сторон криминалистического диагностирования, а в чем-то и обедняет его.

Криминалистическое диагностирование в деятельности участников уголовного судопроизводства — это не только процесс, но и его наполнение. И не меньшую роль здесь играет методическая составляющая этого процесса — инструментарий научного и практического познания.

В связи с этим не выглядит бесспорным озвученный В.А. Снетковым тезис: «...наряду с термином “диагностический процесс” или “диагностика” используется термин “диагностический метод”, когда необходимо отразить роль диагностики в решении какой-либо практической задачи; при рассмотрении же содержания процесса диагностики метод выступает в качестве одного из его элементов и синонимом процесса являться не может» [3, с. 4; 4, с. 35].

Полагаем, что такое понимание соподчиненности категорий «процесс» и «метод» не имеет под собой особых оснований, это категории одного порядка.

В целом же криминалистическая диагностика, по нашему мнению, не является в чистом виде ни процессом, ни методом научного и практического познания. Это категория комплексная, охватывающая элементы содержания и процесса, и метода познания.

Однако, несмотря на сходство озвученной позиции с концепцией методологии криминалистической диагностики А.И. Рудиченко, считаем целесообразным определять ее сущность не посредством указания на процесс и метод познания. Как представляется, в этом случае будет правильным использовать понятие более общего порядка — «деятельность». При этом формат понятия «деятельность» предполагает и учет ее организации, в рамках которой реализуют познавательный потенциал диагностики.

С учетом сказанного предлагаем считать криминалистическую диагностику специальной разновидностью научной и практической познавательной деятельности.

Далее, существо криминалистической диагностики определяет и ее гносеологический аспект, включающий оценку средств и целей (сторон) познания. В литературе по этому поводу высказано несколько точек зрения. Так, в частности, сущность криминалистической диагностики некоторые ученые рассматривают как процесс установления группового тождества (Селиванов Н.А., 1988).

Другие же видят в диагностике механизм распознавания и рассматривают ее как составную часть теории распознавания образов наряду с определением групповой принадлежности (Кирсанов З.И., 1983) либо как познавательный процесс, лежащий в основе многих исследований, включая и установление групповой принадлежности (Пучкова Т.М., 1979; Романов Н.С., 1983 и др.).

Следует признать, что предпринятая в свое время попытка увязать существо криминалистического диагностирования с установлением «группового тождества» успеха не имела.

Так, Р.С. Белкин, подчеркивая некорректность приведенных Н.А. Селивановым примеров «группового тождества», включающих и определение группы дистанций выстрела, справедливо отмечает, что, следуя им, можно, например, любой установленный факт относить к группе аналогичных фактов, что ни на йоту не приблизит нас к установлению истины [1, с. 286].

Более того, определение групповой принадлежности, как законченное экспертное исследование, концептуально не может быть соотносено с результатами (итогами) идентификации. Как известно, тождество всегда индивидуально.

Однако в поиске ответа на вопрос о гносеологии криминалистической диагностики основной акцент был сделан на выяснении соотношения понятий диагностики и распознавания. Обращение именно к этому аспекту, как представляется, легло в обоснование современного видения существа криминалистической диагностики.

В связи с этим следует признать, что диагностику в криминалистике нередко отождествляют с распознаванием.

Так, В.А. Снетков определяет диагностику как распознавание определенного конкретного явления на основе абстрактного знания об общем, необходимом, существенном, что отличает такие явления от прочих [12, с. 25]. О распознавательной сущности диагностирования говорят также А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская (1979), Н.С. Романов (1983), А.И. Рудиченко (1983), Т.В. Толстухина (1983).

Более категоричен З.И. Кирсанов, рассматривающий диагностику как составную часть процесса распознавания наряду с определением групповой принадлежности. При этом процесс распознавания, по его мнению, обеспечивается использованием типологических (классификационных) либо диагностических признаков [13, с. 51-53].

Развитием идеи стала попытка придать методу распознавания статус частной криминалистической теории взамен теории криминалистической диагностики, признать его универсальность (Образцов В.А., 1999).

Однако данные позиции широкого признания в науке и на практике не получили.

С их критикой выступил Р.С. Белкин, отмечая, что распознавание как понятие и как обозначающий это понятие термин не может претендовать на универсальное значение для криминалистической науки и практики приложения ее рекомендаций. Это не универсальный, всеобщий метод познания, и вообще не метод познания. Распознавание (различение, опознание, диагностика) – начальная фаза судебного исследования, процесса познания в уголовном судопроизводстве [14, с. 143].

В числе высказанных взглядов наиболее точно, по нашему мнению, существо диагностики, место и роль распознавания в диагностировании определяет Ю.Г. Корухов. Он, в частности, отмечает: «Суть диагностики заключается в том, чтобы на основе распознавания объекта, сходного с уже известным, и выделения его из числа подобных прийти к его окончательному определению как объекта диагностирования, его свойств, состояния, изменений, связи с внешней средой и т.п.» [10, с. 29]. В целом же признание ограниченной роли распознавания видится обоснованным.

Эта позиция нашла своих сторонников среди ученых-криминалистов. Так,

А.А. Погребной указывает на сходство процедур распознавания и диагностирования. Однако диагностирование и распознавание, по его мнению, — категории различных уровней. Распознаванию принадлежит лишь один из этапов диагностики — отнесение объекта к определенному классу [2, с. 23-24].

Т.В. Аверьянова раскрывает детали познавательных процедур: «Распознавание — это только первый этап диагностики... Распознавание действует до тех пор, пока есть эталон, с которым производится сопоставление именно в целях его распознавания. Как только заканчивается этап распознавания и если при сопоставлении обнаружено сходство исследуемого объекта с эталоном, наступает второй этап — различение, т.е. выделение исследуемого объекта из числа ему подобных, отнесение его к определенному роду. Наконец, на третьем этапе объект определяется именно как объект диагностирования» [8, с. 423].

Очевидно, что диагностирование значительно шире распознавательных процессов и процедур. Диагностика, как справедливо отмечает Т.В. Аверьянова, «...опираясь на знание закономерностей процесса изменения объекта в определенных ситуациях, его природы, свойств и отношений с другими объектами, позволяет не только вычленивать данный объект познания из всего многообразия вещей, явлений, отношений, но и показать его связи с другими объектами, с внешней средой» [8, с. 424].

И, наконец, обратимся к целям (сторонам) диагностирования, что также определяет видение его гносеологии.

Следует признать, что, несмотря на отсутствие серьезных различий в понимании криминалистической диагностики, единства мнений видения ее целей здесь также нет. Полагаем, что не без влияния данного обстоятельства в литературе представлен весьма широкий спектр мнений по этому вопросу.

Так, в частности, В.А. Снетков целью диагностического процесса видит установление сущности или природы объекта на основе определения его групповой принадлежности [4, с. 34]. При этом речь идет о природе связанных с событием преступления как вещественных (лица, предметы, вещества и т.д.), так и невещественных

(ситуации, связи и отношения, «поведение» и изменения) объектов и их отображений [4, с. 35].

Природа диагностируемого объекта указана также Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной и А.М. Зининым, отмечавшими, что «диагностический процесс состоит в определении сущности конкретного объекта путем сравнения его природы с природой объектов определенного класса, рода, вида и т.д. звена классификации, установленных наукой, опытом» [9, с. 70-71].

Свойства и состояния как искомые объекты диагностических исследований рассматривает Ю.Г. Корухов, отмечая, что в основе решения диагностических задач лежит «изучение свойств и состояний объекта с учетом происходящих в нем изменений, определяемых условиями и факторами "криминальной ситуации"» [10, с. 83].

В числе целей диагностирования, по мнению Т.В. Аверьяновой, находится природа или состояние материального объекта [8, с. 424]. Сходное понимание целей диагностирования озвучил С.В. Дубровин, рассматривающий при этом криминалистическое диагностирование «...как криминалистический метод познания, представляющий собой систему познавательных приемов, основой которой является процесс установления природы либо состояния объекта, имеющего определенную связь с событием расследуемого преступления, в результате сравнения с различными классификациями» [15, с. 40-41].

А.А. Погребной судебную экспертную диагностику определяет как «...познавательный процесс, заключающийся в выявлении и интерпретации признаков объектов на основе тестирования или использования априорного знания о признаках класса, к которому относится исследуемый объект, в целях постановки вывода о его сущности, состоянии, различных обстоятельствах существования» [2, с. 32].

Помимо приведенных высказаны и другие точки зрения, определяющие цель диагностирования посредством обращения к категориям «природа», «свойство», «состояние», «причина» либо их сочетаниям.

Так, отдельные авторы видят процесс диагностического исследования в рамках распознавания состояния объекта (Винберг А.И., 1978; Грановский Г.Л., 1985; Кир-

санов З.И., 1983; Майлис Н.П., 2003 и др.), определения состояния объекта, его причины, механизма (Романов Н.С., 1983), состояния объекта с точки зрения установления его функциональных особенностей, без исследования времени и механизма события (Толстухина Т.В., 1983), распознавания природы (принадлежности к какому-либо классу) объекта, особенности состояния и причины этого (Рудиченко А.И., 1983). Кроме того, Н.С. Романов (1983), А.И. Рудиченко (1983), В.И. Свалов и В.П. Тарасов (1988) добавляют к этим целям также исследование механизма явлений (процессов), причины, места, времени какого-либо действия, его способа и т.п.

Полагаем, что причиной такого разнообразия является отсутствие единства в толковании понятий, используемых для выражения цели диагностирования. В основном это касается разных точек зрения относительно понятий «природа объекта диагностического исследования» и «состояние объекта диагностического исследования», их смешения либо подмены одного другим. Результатом этого являются проблемы определения предмета диагностического исследования, видения диагностических экспертных задач.

Следует сказать, что под природой, как правило, понимают происхождение объекта. При этом условием определения природы является наличие систематизированных научных знаний — классификаций уровня класса, рода, вида и т.д. [9, с. 70-71].

«Типичными примерами криминалистического диагностирования природы, — отмечает В.А. Снетков, — является установление класса, рода, вида, группы объектов и соответствующих им свойств (характеристик): количества, размеров, содержания, внутреннего и внешнего строения (структуры), состава, источника происхождения, способа и средств изготовления, механизма и средств возникновения и воздействия, соответствия полученным (известным) сведениям, заданиям, нормам и нормативам, наименования как обозначения совокупности общих и частных свойств (признаков), выражающих определенную сущность предмета, вещества и т.д.» [3, с. 6].

Мы придерживаемся общего смысла изложенного понимания природы диа-

гностируемого объекта, но с определенными уточнениями.

Природа есть проявление сущностной стороны — организации объекта, присущей определенной группе (роду, виду, разновидности) объектов. В обоснование сказанного приведем следующие доводы.

Прежде всего, примем во внимание, что каждый объект материального мира имеет и выражает вонне множество важных, в том числе и для криминалистического диагностирования, сторон. Эти стороны, а в своем большинстве — комплексы сторон, формируют необходимый для решения научных и практических задач облик объекта исследования.

Говоря же о природе, мы, по сути, берем во внимание главный посыл — что представляет собой объект диагностического исследования (как он организован), его отношение к определенной классификационной группе и место в ней. При данном понимании природы появляется возможность вести речь о системе, в рамках которой возможны выделение и криминалистический анализ ее разновидностей — субстанциональной, конструктивной, технологической и др.

Это позволяет упорядочить научные знания о значимых для криминалистического диагностирования видах проявления природы, оставляя их в рамках единого знаменателя — организации объекта.

Важно и то, что в контексте криминалистического диагностирования природа видится основной стороной выражения его гносеологического существа. Все остальные рассмотренные в литературных источниках стороны — состояние, механизм, причины и прочие — производны от нее.

В то же время следует признать, что ограничение целей криминалистической диагностики только природой исследуемых объектов не может отразить в полном объеме возможностей этой области научных знаний и реального состояния дел на практике. Это, в свою очередь, делает необходимым обращение к ресурсу других, дополняющих природу объекта понятий.

Помимо природы объекта наиболее часто целью диагностирования определяют его «состояние». При этом содержание понятия «состояние» толкуется зачастую расширительно.

Так, В.А. Снетков пишет: «Нередко в качестве предмета криминалистического диагностирования выступает состояние объекта — проявление его природы в определенных обстоятельствах: “поведение” объекта и его свойств, изменение относительно первоначального или нормального состояния различных свойств объектов (вещественных и невещественных — отношений, связей, взаимодействий) во времени, пространстве, в различных ситуациях, обусловленных событием преступления; само событие преступления, его эпизоды (например, наличие или отсутствие события или его необходимых признаков при симуляции преступления, вероятность его совершения в будущем, структура, механизм, способы совершения, время его совершения, продолжительность и последовательность эпизодов и т.д.)» [3, с. 6].

Принимая конструктивность данной позиции в целом, нельзя не заметить перегруженность понятия, выпадение его отдельных элементов, что вызвано, как представляется, нечетким видением его существа.

Полагаем, что именно «размывание» границ понятия «состояние» лежит в основе формулирования далеко не бесспорных выводов.

Так, С.В. Дубровин, приводя обоснование понятия «состояние» объекта криминалистического диагностирования, пишет: «Определяя объекты криминалистического диагностирования, можно утверждать, что диагностируемыми объектами являются как собственно материальные объекты (например, стреляные пули и гильзы, следы пальцев рук, частицы лакокрасочного покрытия и т.п.) — их природа (происхождение), так и состояния объектов, характеризующие особенности их природы (например, принадлежность к разряду наркотических, специальных химических или взрывчатых веществ и т.п.) и связь с событием расследуемого преступления (например, установление дистанции выстрела, давности написания текста, причины возникновения пожара или взрыва и т.п.). Установление состояния объекта представляет собой конечный этап законченного собственно диагностического исследования» [15, с. 27-28].

С такими доводами согласиться сложно. Определение вида объекта — нар-

котическое, взрывчатое вещество — это и есть установление его природы, о чем было сказано ранее. И в этом контексте привязка понятия «состояние» объекта вряд ли выглядит удачной.

По нашему мнению, состояние объекта есть проявление функциональной стороны природы объекта в определенных условиях.

Так, наличие всех предусмотренных конструкцией конкретной модели оружия деталей и механизмов, отсутствие в оружии существенных дефектов позволяет говорить о его исправности, что является выражением стороны сущностной организации объекта диагностирования и оценено в условиях нормы. Напротив, выстрел из оружия без нажатия на спусковой крючок как результат влияния дефектов оружия в совокупности с воздействием на оружие внешних условий есть выражение стороны природы объекта в условиях отклонения от нормы.

Включение в понятие «состояние» вопросов диагностирования обстоятельств совершения преступления — времени, продолжительности, механизма и ряда других [3, с. 6] видится не вполне обоснованным, поскольку здесь отражается преимущественно информация о связях свойства (свойств) диагностируемого объекта с другими объектами, причастными к событию преступления. В контексте логики заявляемой нами функциональной стороны природы диагностируемого объекта возникает только один вопрос: как существует и проявляет себя исследуемый объект? — Вариантов же его проявления множество — от нормы до различных условий, имевших место в момент совершения преступления или предполагающихся (проверяющихся) результатами исследования.

Помимо природы и состояния объекта исследования отдельными целями диагностирования, как представляется, могут быть его свойства и отношения. При этом как природа и состояние они также имеют свое самостоятельное значение в решении научных и практических задач.

Говоря о категории «свойство», следует признать, что определение природы и состояния объекта криминалистического диагностирования как раз и осуществляется посредством анализа и оценки его сторон — свойств. Однако нельзя не со-

гласиться и с тем фактом, что в ряде значимых для практики случаев установление искомого свойства объекта — это и есть цель криминалистического диагностирования в определенном случае экспертной практики.

Так, для судебно-баллистической экспертизы, например, это задача определения предельной дальности полета выстреленного из оружия снаряда, предельной дальности поражающего действия снаряда и др. И здесь как раз логично оперирование понятием «свойство», так как цель диагностирования определяет выявление именно этого конкретного свойства исследуемого объекта.

Таким образом, как цель криминалистического диагностирования свойство представляет собой проявление стороны природы объекта, выделение которой обусловлено необходимостью решения отдельной диагностической задачи.

Выделение еще одного понятия — «отношение» также вызвано необходимостью оперирования при решении диагностических задач свойствами объектов, но уже устанавливаемыми посредством оценки и учета различных связей (системы связей) объекта с другими объектами.

Сюда следует включить отображения свойств объекта, позволяющих формировать суждения об отношении объекта к существованию определенных фактов, механизму совершения преступления, возможности совершения определенных действий при конкретных условиях. В судебной баллистике эти вопросы охвачены форматом обстоятельств выстрела.

С учетом сказанного отношение есть выражение связи (системы связей) стороны природы объекта, используемое для решения диагностических задач.

В целом же выделение нами перечисленных сторон (целей) криминалистического диагностирования — природы, состояния, свойств и отношений — создает необходимые условия для системного и полного определения криминалистически значимых характеристик диагностируемых объектов, решения вопросов их криминалистической оценки, установления механизма и иных обстоятельств совершенного преступления (правонарушения).

На основании изложенного криминалистическая диагностика — это область

научных знаний криминалистики, опосредующая основанную на познавательных приемах распознавания, различения и определения деятельность по изучению природы, состояния, свойств и отношений событийно связанных с преступлением (правонарушением) объектов, формулированию на основе полученных данных криминалистически значимых оценочных суждений об отдельных объектах, механизме и иных обстоятельствах совершения преступления (правонарушения).

Указанное определение является общим и применимо как для криминалистики и судебной экспертизы, так и для судебной баллистики.

Специфика же судебно-баллистической диагностической деятельности определяется прежде всего особенностями объектов ее исследования, обобщенный перечень которых в первом приближении рассматривается нами как оружие, патроны к нему и следы их действия.

Такое видение специфики судебно-баллистической диагностической деятельности согласуется с оценкой специализирующимися в области криминалистического исследования оружия учеными-криминалистами методологического аспекта судебной баллистики как области научных знаний.

В частности, можно согласиться с Е.И. Тихоновым в том, что судебная баллистика как прикладная отрасль науки не имеет своих собственных законов, например, как физика, химия, не обладает своими специфическими методами познания, опирается на свои специфические закономерности (в образовании следов выстрела и пр.), которые и являются предметом ее изучения [16, с. 4].

Прикладной характер судебной баллистики как отрасли юридической науки — криминалистики отмечает также В.Ю. Владимиров (2007).

Признак объекта принимает во внимание и В.А. Снетков, выделяя перечень видов криминалистической диагностики в привязке к изучению отдельных объектов (почерковедческую, трасологическую и др.), а также методикам их исследования (визуальную, инструментальную, почерковедческую и т.д.) [3, с. 8; 11, с. 9].

Таким образом, судебно-баллистическая диагностика — область научных знаний

судебной баллистики, разрешающая преимущественно средствами криминалистической диагностики и судебной баллистики вопросы исследования природы, состояния, свойств и отношений событийно связанных с преступлением (правонарушением) ору-

жия, патронов и следов их действия, формулирования на основе полученных данных криминалистически значимых оценочных суждений об этих объектах, механизме и иных обстоятельствах совершения преступления (правонарушения).

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. 464 с.
2. Погребной А.А. Диагностические исследования ручного огнестрельного оружия и их применение в доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 173 с.
3. Снетков В.А. Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств: учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 40 с.
4. Снетков В.А. Криминалистическая диагностика в судебной экспертизе // Судебная экспертиза: теоретические, практические, дидактические вопросы: сб. науч. тр. М.: Академия МВД России, 2002. С. 33-41.
5. Корухов Ю.Г. Трасологическая диагностика: метод. пособие для экспертов. М.: ВНИИСЭ, 1983. 76 с.
6. Корухов Ю.Г. Методологические основы криминалистической экспертной диагностики // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы: сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М., 1987. С. 12-26.
7. Рудиченко А.И. Сущность диагностического метода исследования в судебной экспертизе // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1981. Вып. 22. С. 35-39.
8. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2008. 480 с.
9. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. 384 с.
10. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч.-практ. пособие. М.: НОРМА-ИНФРА. М., 1998. 288 с.
11. Снетков В.А. Основные понятия теории криминалистической идентификации и диагностики // Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы: учеб. пособие / науч. ред. В.А. Снетков. М.: ЭКЦ МВД России, 1993. С. 3-11.
12. Снетков В.А. Диагностика при производстве криминалистических экспертиз // Современные вопросы криминалистической экспертизы: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.И. Казаков. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1981. С. 22-30.
13. Кирсанов З.И. Криминалистическое распознавание и диагностика // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983. С. 50-63.
14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРА М), 2001. 240 с.
15. Дубровин С.В. Основы теории криминалистической диагностики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 308 с.
16. Тихонов Е.И. Судебно-баллистическая экспертиза: учеб. пособие. Барнаул, 1991. 96 с.

References

1. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. V 3 t. T. 2: Chastnye kriminalisticheskie teorii* [Course of criminalistics. In 3 volumes. Volume 2: Private criminological theory]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 464 p.
2. Pogrebnoy A.A. *Diagnosticheskie issledovaniya ruchnogo ognestrel'nogo oruzhiya i ikh primeneniye v dokazyvanii. Kand. Diss.* [Diagnostic studies handguns and their use in proving. Cand. Diss.]. Saratov, 2000. 173 p.
3. Snetkov V.A. *Kriminalisticheskaya diagnostika v deyatel'nosti ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy MVD Rossii po primeneniyu ekspertno-kriminalisticheskikh metodov i sredstv* [Forensic diagnostics in the activities of the forensic departments of the MIA of Russia in the application of forensic methods and tools]. Moscow, 1998. 40 p.
4. Snetkov V.A. *Kriminalisticheskaya diagnostika v sudebnoy ekspertize* [Forensic diagnostics in forensic]. *Sudebnaya ekspertiza: teoreticheskie, prakticheskie, didakticheskie voprosy* [Forensic expertise: theoretical, practical, didactic questions]. Moscow, Academy of the Russian Interior Ministry, 2002. Pp. 33-41.
5. Korukhov Yu.G. *Trasologicheskaya diagnostika* [Analysis of diagnosis]. Moscow, 1983. 76 p.
6. Korukhov Yu.G. *Metodologicheskie osnovy kriminalisticheskoy ekspertnoy diagnostiki* [Methodological fundamentals of forensic expert diagnostics]. *Sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya traditsionnykh vidov*

kriminalisticheskoy ekspertizy [Current state and prospects of development of traditional forensics: proceedings of VNIISE]. Moscow, 1987. Pp. 12-26.

7. Rudichenko A.I. *Sushchnost' diagnosticheskogo metoda issledovaniya v sudebnoy ekspertize* [The essence of the diagnostic method of research in forensics]. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza* [Criminalistics and forensics]. Kiev, 1981. Edition 22. Pp. 35-39.

8. Aver'yanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchey teorii* [Forensic examination. The General theory]. Moscow, Norma Publ., 2008. 480 p.

9. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Teoriya sudebnoy ekspertizy* [Theory forensics]. Moscow, Norma Publ., 2009. 384 p.

10. Korukhov Yu.G. *Kriminalisticheskaya diagnostika pri rassledovanii prestupleniy* [Forensic diagnosis when investigating crimes]. Moscow, NORMA-INFRA. M. Publ., 1998. 288 p.

11. Snetkov V.A. *Osnovnye ponyatiya teorii kriminalisticheskoy identifikatsii i diagnostiki* [Basic concepts of the theory of forensic identification and diagnosis]. *Osobennosti issledovaniya nekotorykh ob'ektov traditsionnoy kriminalisticheskoy ekspertizy* [Especially the study of some traditional forensics]. Moscow, 1993. Pp. 3-11.

12. Snetkov V.A. *Diagnostika pri proizvodstve kriminalisticheskikh ekspertiz* [Diagnosis in the production of forensics]. *Sovremennye voprosy kriminalisticheskoy ekspertizy* [Current issues of forensics]. Volgograd, 1981. Pp. 22-30.

13. Kirsanov Z.I. *Kriminalisticheskoe raspoznavanie i diagnostika* [Forensic detection and diagnosis]. *Sovremennye problemy sudebnoy ekspertizy i puti povysheniya effektivnosti deyatelnosti sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy v bor'be s prestupnost'yu* [Modern problems of forensic expertise and ways of improving the effectiveness of forensic expert institutions in the fight against crime]. Kiev, 1983. Pp. 50-63.

14. Belkin R.S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Forensic science: problems of today. Topical issues of the Russian forensics]. Moscow, NORMA (NORMA-INFRA M), 2001. 240 p.

15. Dubrovin S.V. *Osnovy teorii kriminalisticheskoy diagnostiki. Dokt. Diss.* [Fundamentals of the theory of forensic diagnostics. Doct. Diss.]. Moscow, 2005. 308 p.

16. Tikhonov E.I. *Sudebno-ballisticheskaya ekspertiza* [Forensic ballistic examination]. Barnaul, 1991. 96 p.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

АНТОНЕНКО-КУЛИЧЕНКО Н.С., sicilia2010@tut.by Кафедра правоведения, Гомельский филиал Международного университета «МИТСО», 246029, Республика Беларусь, г. Гомель, пр. Октября, 46 а	ANTONENKO-KULICHENKO N.S., sicilia2010@tut.by Chair of jurisprudence; Gomel branch of International University of "MITSO", October Ave. 46 a, Gomel, 246029, Republic of Belarus
---	--

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПУТЕМ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАКА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА

Реферат. Рассматриваются вопросы, связанные с защитой прав граждан Республики Беларусь в области брачно-семейных отношений. Исследуется понятие «иностраный элемент», определяется его содержание применительно к семейно-брачным отношениям. Отмечается, что Основной Закон республики приравнивает иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на ее территории, к гражданам Республики Беларусь. Правило о национальном режиме соответствует общепризнанным нормам международного права. Затрагивается основная проблема исследования: законодательство какого государства применять к брачным отношениям с иностранным элементом? Коллизионное правовое регулирование рассматривается как правоохранительный институт, эффективное применение которого способно обеспечить защиту прав и законных интересов граждан Белоруссии. Дается характеристика коллизионных правовых норм, рассматривается их действие во времени, в пространстве и по кругу лиц. Определяется предмет коллизионно-правового регулирования, показана роль таких норм в механизме правового регулирования. Обозначаются основные источники коллизионных норм, регламентирующих брачно-семейные правоотношения в Республике Беларусь. Показаны противоречия и между коллизионными нормами, содержащимися в кодексе, Минской конвенции и двусторонних договорах. В случае такого противоречия действует примат международного права, принцип которого закреплен национальным законодательством. Подчеркивается, что цель создания национальных коллизионных норм заключается в их применении в случае отсутствия международной конвенции или двустороннего соглашения, при этом различия между национальными коллизионными нормами и нормами конвенций нежелательны. Констатируется несоответствие наименования раздела VI Кодекса о браке и семье Республики Беларусь его содержанию (фактический предмет регулирования шире заявленного), предлагается вариант устранения выявленного дефекта.

Ключевые слова: иностранный элемент, международное частное право, брак, коллизионные нормы, брачно-семейное законодательство.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS CITIZENS BY CONFLICT OF LAWS REGULATION OF THE MARRIAGE WITH FOREIGN ELEMENT

Abstract. The issues concerning the protection of rights of Belarus citizens in the field of marriage and family relations are discussed. The concept of "foreign element" is investigated, its content is defined. It's noted that the Republic Basic Law equates foreign citizens and stateless persons residing on its territory to the Republic citizens. The rule on national treatment conforms to the recognized international law rules. The main problem of the research is: what state's legislation should be applied to foreign element marriage? Conflict of laws regulation is considered as law enforcement institute, effective application of which is able to protect Belarus citizens' rights and legitimate interests. The characteristic of conflict rules is given, their effect is examined. The subject of conflict of laws regulation is defined. The role of such rules in the mechanism of legal regulation is shown. The main sources of conflict rules regulating marriage and family legal relations in Belarus are denoted. The contradictions between conflict rules contained in the Code, the Minsk Convention and bilateral agreements are shown. In such case the primacy of international law operates, the principle of which is fixed by national legislation. It's emphasized that the goal of creating national conflict rules is their application if there's no international convention or bilateral agreement, the differences between the national conflict rules and conventions provisions are undesirable. The discrepancy in the name of section VI of the Belarus Marriage and Family Code and its content is stated. A way of eliminating the revealed defect is suggested.

Keywords: foreign element, private international law, marriage, conflict rules, marriage and family law.

В настоящее время происходит постепенная интеграция мирового сообщества, в которую вовлечена и Республика Беларусь. Значительные изменения претерпели экономическая и политическая системы нашей страны, упростился порядок выезда граждан Республики Беларусь за рубеж, въезда иностранных граждан в Беларусь. Возрастает число браков, заключенных с иностранным элементом. В связи с этим возникают проблемы коллизионно-правового регулирования брачных отношений с иностранным элементом.

Исследованиями в сфере правового регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве занимались в разное время такие цивилисты, как М.М. Богуславский [1], М.И. Брун [2]. Но до сих пор остаются открытыми многие вопросы, которые подлежат исследованию в этой сфере.

Понятие иностранного элемента в правоотношении, введенное М.И. Бруном, заняло прочное место как в науке, так и в частном праве. Например, понятие «иностраный элемент» используется в нормах раздела VII Гражданского кодекса Республики Беларусь*.

При этом использование данного термина в законодательстве представляется оправданным, поскольку термин «отношения с участием иностранных граждан» не охватывает всего состава отношений, осложненного иностранным элементом, в частности, случаев «локализации» юридических фактов в иностранном государстве.

Так, наименование раздела VI Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее — КоБС) «Применение законодательства Республики Беларусь о браке и семье к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Применение законодательства о браке и семье иностранных государств и международных договоров» не соответствует его содержанию: он регулирует не только семейные отношения с участием иностранных граждан и лиц без

гражданства, но и семейные отношения с участием только граждан Республики Беларусь, когда такие отношения локализованы на территории иностранного государства. Например, в п. 2 ст. 230 КоБС определяются условия признания браков между гражданами Республики Беларусь, заключенных на территории иностранных государств**.

В частности, М.И. Брун указывает, что «наряду с теми правоотношениями, которые всеми своими элементами привязаны к территории одного правопорядка, существует множество других, которые отдельными своими элементами одновременно соприкасаются с правопорядками нескольких территорий: субъект права может быть иностранец, объект права может находиться за границей, субъективное право возникло на одной территории, его осуществление может требоваться на другой» [2, с. 7].

М.Н. Кузнецов, исследовавший сущность иностранного элемента, отмечает, что иностранный элемент — «это производная иной правовой системы, сущность, придающая данному имущественному, личному неимущественному, семейному, или трудовому, или процессуальному отношению качественно новую социальную окраску, проявляющуюся в связанности указанного отношения с внешним миром» [3, с. 26].

Распространено заблуждение сводить проявления иностранного элемента лишь к случаям участия в отношениях иностранных субъектов права. В действительности же проявления иностранного элемента могут быть свойственны широкому кругу обстоятельств, составляющих основу многих правовых, социальных, экономических связей.

Доктрина и практика обычно выделяют три составляющих иностранного элемента: субъект отношения — иностранный гражданин, иностранное юридическое лицо или (что не является характерным

* Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобрен Советом Республики 19 нояб. 1998 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

** Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

для частноправовых отношений) иностранное государство; объект отношения находится за границей; юридический факт, вследствие которого возникает, изменяется или прекращается отношение, имеет место за границей [4, с. 10].

Субъектами брачных правоотношений в силу их особой правовой природы не могут быть юридические лица и государства. В брачных правоотношениях весьма сложно выделить объект в физическом смысле.

Так, в брачных правоотношениях иностранный элемент имеет место в следующих случаях: один из супругов является гражданином другого государства и брак заключается на территории Республики Беларусь либо на территории другого государства; граждане Республики Беларусь заключают брак на территории другого государства; иностранные граждане заключают брак на территории Республики Беларусь.

Таким образом, можно выделить два варианта проявления иностранного элемента применительно к брачным правоотношениям: субъект брачного правоотношения — иностранный гражданин; юридический факт, вследствие которого возникает, изменяется или прекращается правоотношение (например, заключение либо расторжение брака), имеет место за границей.

Иностранцами гражданами, о которых идет речь в разделе VI КоБС, признаются также лица, не являющиеся гражданами Республики Беларусь и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству иностранного государства. К таким доказательствам относятся национальные паспорта или заменяющие их документы. Под категорию иностранных граждан попадают и лица, обладающие подданством иностранного государства (понятие «подданство» сохранилось в некоторых странах с монархической формой правления, хотя по содержанию оно фактически равнозначно понятию «гражданство»).

Лица без гражданства — это лица, которые, не являясь гражданами Республики Беларусь, не имеют доказательств своей принадлежности и к гражданству иностранного государства.

Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Республике Бе-

ларусь правами и несут обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, кроме случаев, установленных законом или международным договором Республики Беларусь (ст. 11 Конституции Республики Беларусь)*.

Конституция, таким образом, приравнивает иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Республики Беларусь, к гражданам Республики Беларусь, т.е. устанавливает для этих лиц национальный режим. Это относится и к правам и обязанностям в семейных отношениях. Правило о национальном режиме соответствует общепризнанным нормам международного права.

Таким образом, иностранные граждане и лица без гражданства независимо от места их жительства вправе, как и граждане Республики Беларусь, вступать на территории Республики Беларусь в брак, расторгать его, иметь права и обязанности супругов, родительские права и т.д.

Вместе с тем надо иметь в виду, что ст. 11 Конституции Республики Беларусь допускает возможность изъятий из национального режима. Отклонения от национального режима (в сторону ограничения прав или, наоборот, их расширения по сравнению с правами граждан Республики Беларусь) могут быть установлены, согласно Конституции Республики Беларусь, только законом или международным договором Республики Беларусь. Введение особых правил для иностранных граждан в каких-либо других актах неправомерно.

Итак, очевидно, что термин «иностраный элемент», связанный своим происхождением прежде всего с развитием права об иностранцах, с коллизионным правом, далеко не адекватно отражает специфику названных и подобных им отношений. И все же нельзя не считаться с тем, что этот термин достаточно прочно утвердился в национальной доктрине и практике как передающий в самом общем виде своеобразие отношений, регламентируемых международным частным правом.

* Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. N 2875-XII: с изм. и доп., принятыми на Республиканском референдуме 24 нояб. 1996 г.: в ред. Решения Республиканского референдума от 17 нояб. 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

В этих условиях приобретает решающее значение вопрос: законодательство какого государства применять к брачным отношениям с иностранным элементом? Данный вопрос связан с тем, что нормы семейного права различных государств очень разнообразны, поскольку унификацию законодательства в этой сфере международного частного права осуществить наиболее трудно. Значительное влияние на регулирование семейных отношений оказывают уровень экономического развития государства, его неодинаковый демографический состав, национальные, бытовые, религиозные особенности и традиции его населения. В связи с этим для конкретных случаев возникновения, изменения или прекращения семейного правоотношения с иностранным элементом требуется определить принадлежность данного правоотношения к правовой системе конкретного государства. Такая принадлежность семейного правоотношения с иностранным элементом может быть установлена только в рамках процедуры определения применимого права.

Это не означает, что такое правоотношение вообще не принадлежит к какой-либо правовой системе. Принадлежность к правовой системе конкретного государства объективно присуща любому правоотношению. Но в случае наличия в нем иностранного элемента его принадлежность по сравнению с иными правоотношениями неочевидна, что обуславливает возникновение специфичного правоотношения по определению применимого права — коллизии правоотношения. Б.И. Кольцов указывает: «Внедрение иностранного элемента в правоотношение должно получить оценку с точки зрения значения для данного государства связи иностранного элемента с его системой, что предполагает появление возможности применения иностранного права, стоящего за этим иностранным элементом. Возникающее таким образом противоречие уже между правовыми системами также разрешается данным государством, при этом результатом этого разрешения может быть как применяемое местное, так и иностранное право» [5, с. 160].

Существенная особенность регулирования семейно-правовых отношений с иностранным элементом состоит в том,

что в ряде случаев нормы международного частного права не содержат прямого ответа, прямого предписания, как нужно решить тот или иной вопрос. Возникает проблема выбора права, подлежащего применению к тому или иному правоотношению. Она получила название коллизии (от лат. *collisio* — столкновение). Когда говорят о коллизии законов, то имеют в виду необходимость выбора между ними для решения спора или возникшего вопроса в области международного частного права.

Коллизионные нормы, не регулируя брачное правоотношение с иностранным элементом, по существу, призваны урегулировать (определить) его связь, возникающую благодаря иностранному элементу, с правовыми системами различных государств.

Иными словами, предмет регулирования коллизионных норм — определение применимого права. Так, по мнению Л. Раапе, «коллизийная норма обязательно указывает на ту или иную связь, которая существует между государством, к материальной норме которого отсылает коллизийная норма, с одной стороны, и с (мыслимым) фактическим составом, который лежит в основании данной материальной нормы, — с другой. Эта связь, очевидно, служит причиной, почему коллизийная норма дает именно этому государству преимущество перед другими государствами, к которым в отдельном случае фактический состав также может иметь то или иное отношение. Связь, о которой говорится в коллизийной норме, представляется законодателю самой важной, более важной, чем все другие связи. Именно она служит связующим звеном, точкой или основанием привязки» [6, с. 44].

Как справедливо отмечает М.М. Богуславский, поскольку коллизийная норма — норма отсылочного характера, то ею можно пользоваться только вместе с какими-либо материально-правовыми нормами, к которым она отсылает, — нормами законодательства, решающими вопрос по существу. Вместе с материально-правовой нормой, к которой она отсылает, коллизийная норма выражает определенное правило поведения для участников гражданского оборота [1, с. 74].

В разделе VI КоБС содержатся коллизионные нормы, разрешающие вопрос о том, право какого государства подлежит применению к тем или иным семейным отношениям, связанным как с системой права Республики Беларусь, так и с иностранной правовой системой (коллизионные нормы). Связь с иностранной правовой системой может заключаться в том, что супруги имеют разное гражданство, ребенок – гражданин Республики Беларусь усыновляется иностранным гражданином, супруги проживают в иностранном государстве и т.п.

Кроме того, коллизионные нормы содержатся в международных конвенциях, участницей которых является Республика Беларусь. Например, 22 января 1993 г. в Минске была подписана Конвенция стран СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам»*, которая была ратифицирована.

Кроме международных конвенций, брачные правоотношения с участием иностранного элемента регулируют также двусторонние договоры о правовой помощи, заключенные Республикой Беларусь с рядом государств.

Коллизионные нормы, содержащиеся в КоБС Республики Беларусь, Минской конвенции и двусторонних договорах, часто разнятся между собой. В связи с этим возникает вопрос о соотношении коллизионных норм указанных документов. В случае расхождения между коллизионными нормами, являющимися частью внутреннего семейного законодательства, и нормами международной конвенции или договора применяются нормы конвенции или договора. Это вытекает из общего правила, закрепленного в п. 2 ст. 237 КоБС, о том, что если международным договором установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора.

* О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: конвенция между странами СНГ от 22 янв. 1993 г. Минск. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

Кроме того, сама цель создания национальных коллизионных норм заключается в том, чтобы они применялись только в случае отсутствия международной конвенции или двустороннего соглашения.

Однако, несмотря на то, что проблем с разрешением вопроса о том, какие нормы подлежат применению, возникнуть не может, это вовсе не означает, что различия между внутренними коллизионными нормами и нормами конвенций желательны. Прежде всего, это осложняет работу правоприменительных органов, вынужденных в разных случаях применять различные коллизионные нормы. Это приводит к параллельному существованию нескольких различных систем коллизионного законодательства в рамках одной правовой системы, поскольку нормы конвенций или двусторонних соглашений также являются составной частью национальной правовой системы.

Подводя итог вышеизложенному, считаем необходимым еще раз отметить, что наименование раздела VI КоБС «Применение законодательства Республики Беларусь о браке и семье к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Применение законодательства о браке и семье иностранных государств и международных договоров» не соответствует его содержанию, так как раздел регулирует не только семейные отношения с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, но и семейные отношения с участием только граждан Республики Беларусь, когда такие отношения имеют место на территории иностранного государства.

Исходя из вышеизложенного считаем целесообразным сформулировать название раздела VI Кодекса о браке и семье Республики Беларусь следующим образом: «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранного элемента. Применение законодательства о браке и семье иностранных государств и международных договоров».

Это поможет, на наш взгляд, конкретизировать брачно-семейные отношения с иностранным составом и осуществлять в должной мере защиту прав и интересов граждан Республики Беларусь.

Список литературы

1. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. 5-е изд. М.: Юристъ, 2005. 604 с.
2. Брун М.И. Введение в международное частное право. СПб., 1915. 560 с.
3. Кузнецов М.Н. Международное частное право. Общая часть. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. 380 с.
4. Звекон В.П. Международное частное право: курс лекций. М., 1998. 340 с.
5. Кольцов Б.И. Диалектика противоречия в международном частном праве // Актуальные проблемы современного международного права: сб. науч. тр. МГИМО. М.: Изд-во МГИМО, 1976. Вып. VI. С. 160-164.
6. Раапе Л. Международное частное право. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 460 с.

References

1. Boguslavskiy M.M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law]. Moscow, Yurist' Publ., 2005. 604 p.
2. Brun M.I. *Vvedenie v mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Introduction to private international law]. St. Petersburg, 1915. 560 p.
3. Kuznetsov M.N. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Obshchaya chast'* [International private law. The general part]. Moscow, Publishing House of Peoples' Friendship University, 1991. 380 p.
4. Zvekov V.P. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law]. Moscow, 1998. 340 p.
5. Kol'tsov B.I. *Dialektika protivorechiya v mezhdunarodnom chastnom prave* [The dialectic of contradictions in private international law]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Actual problems of modern international law]. Moscow, MGIMO Publishing, 1976. Edition VI. Pp. 160-164.
6. Raape L. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law]. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1960. 460 p.

АГАПОВ П.В.,
доктор юридических наук, доцент,
kafedrap212@mail.ru
Научно-исследовательский институт;
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
123022, Москва, 2-я Звенигородская, 15

AGAPOV P.V.,
Doctor of Legal Sciences,
associate professor,
kafedrap212@mail.ru
Scientific Research Institute;
Academy of the General Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
The 2nd Zvenigorodskaya St. 15, Moscow,
123022, Russian Federation

ЕФРЕМОВА М.А.,
кандидат юридических наук,
seamaid63@gmail.com
Кафедра уголовного права
и криминологии;
Ульяновский государственный университет,
432011, г. Ульяновск,
Гончарова, 40/9

EFREMOVA M.A.,
Candidate of Legal Sciences,
seamaid63@gmail.com
Chair of criminal law and criminology;
Ulyanovsk State University,
Goncharov St. 40/9,
Ulyanovsk, 432011,
Russian Federation

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Реферат. Исследуются проблемы правового обеспечения информационной безопасности государств – участников СНГ. Информационная безопасность влияет на положение других составляющих национальной безопасности государств – участников СНГ. Путем консолидации совместных усилий она может быть обеспечена на должном уровне, соответствующем степени развития информационного общества. Информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий и их использованием практически во всех сферах жизнедеятельности. Развитие информационного общества в государствах – участниках СНГ, возросшая роль информации и информационно-коммуникационных технологий стали стимулом для принятия ряда модельных законодательных актов в этой сфере. Кроме того, разработан и принят ряд иных руководящих документов, определяющих пути и направления законотворчества и сотрудничества на уровне Содружества Независимых Государств. Их отличительной чертой стало осознание отсутствия унифицированного и четкого понятийно-категориального аппарата. Это касается и самого понятия «информационная безопасность», определение которого содержится сразу в нескольких нормативных актах. Лишь после устранения противоречий в модельных актах можно рекомендовать государствам – участникам СНГ гармонизировать свое законодательство на основе положений, закрепленных в этих актах. Ввиду наличия угроз, исходящих от информационной преступности, информационного терроризма, следует обратить особое внимание на совершенствование положений модельного Уголовного кодекса государств – участников СНГ. Раздел XII модельного Уголовного кодекса предлагается дополнить новыми главами, в которых были бы криминализованы посягательства на информационную безопасность, а не только на ее составляющую – кибербезопасность. В последующем такие изменения могут быть сделаны и в национальном уголовном законодательстве государств – участников СНГ.

Ключевые слова: информация, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, информационная безопасность.

INTERNATIONAL LEGAL BASES FOR ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE CIS MEMBER STATES

Abstract. The legal issues of ensuring information security of the Commonwealth of Independent States member states are investigated. The information security influences the other components of their national security. It can be provided at the appropriate level, corresponding to the information society development, through consolidation of mutual efforts. The information society is characterized

by a high level of information and communication technologies development and their use in all spheres of life. The information society development, the increased role of information and communication technologies have stimulated the adoption of a number of model legislative acts in this field. A number of other guidance documents determining the ways and directions of lawmaking and cooperation of the CIS member states is developed and adopted. The awareness of the lack of a unified and clear conceptual and categorical apparatus became their distinctive feature. This also applies to the concept of "information security", which definition is contained in several normative acts. Only after eliminating contradictions in the model acts it's possible to recommend to the CIS member states to harmonize their legislation on the basis of the provisions contained in these acts. Facing the threats emanating from cyber crime and information terrorism, the CIS member states should pay special attention to improving the provisions of their model Criminal Code. It's proposed to supplement Section XII of this Code with new chapters which would criminalize encroachments on information security, not only cybersecurity. Subsequently, such changes can be made in the national criminal legislation of the CIS member states.

Keywords: information, information and communication technologies, information society, information security.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, ставшее толчком для становления информационного общества как во всем мире, так и в странах, входящих в СНГ, неизбежно привело к тому, что перед государствами встала новая задача — обеспечение информационной безопасности.

Решение проблемы обеспечения информационной безопасности не может быть достигнуто силами одного государства. В связи с этим Российская Федерация предпринимает решительные шаги для развития международного сотрудничества. Российское государство исходит из того, что в настоящее время назрела необходимость разработки нового универсального документа, который заменил бы устаревшую Конвенцию о киберпреступности Совета Европы 2001 г. (Будапештскую конвенцию), не ратифицированную Россией. Советом Безопасности Российской Федерации совместно с МИД был разработан проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности*. Данный проект предложен в качестве альтернативы Конвенции Совета Европы о киберпреступности, которая направлена на защиту лишь отдельной составляющей информационной безопасности — кибербезопасности. Проект, разработанный Российской Федерацией, направлен на регулирование деятельности государств по обеспечению международной информационной безопасности. Таким образом, российские инициативы в настоящее время охватыва-

ют весь спектр угроз в информационной сфере. Однако данный проект, несмотря на явные его достоинства, не получил поддержки среди других государств.

В то же время удалось достичь значительных успехов в обеспечении информационной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств. Информационная среда оказывает активное влияние на состояние политической, экономической, военной и других составляющих национальной безопасности государств — участников СНГ. Вместе с тем она представляет собой самостоятельную сферу безопасности государств — участников СНГ, в которой необходимо обеспечить защиту информационных ресурсов, систем их формирования, распространения и использования, информационной инфраструктуры, защиту сведений, составляющих государственные секреты и иную охраняемую информацию. С течением времени возрастающая роль информационной сферы стала очевидной, поскольку данный фактор общественной жизни во многом предопределяет перспективы успешного осуществления социально-политических и экономических преобразований.

Это обусловливается следующими основными обстоятельствами:

— в условиях реализации конституционных прав граждан на свободу экономической, информационной, интеллектуальной и иной деятельности существенно возрастают потребности социально активной части общества в расширении информационного взаимодействия как внутри государств — участников СНГ, так и с внешним миром, иными межгосударственными образованиями;

* Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/112.html> (дата обращения: 10 янв. 2014 г.).

– интенсивное развитие информационной инфраструктуры, и прежде всего информационно-телекоммуникационных систем, средств и системы связи, интеграция в мировое информационное пространство, а также информатизация всех сторон общественной жизни, деятельности государств существенно усилили зависимость эффективности функционирования политических систем от состояния информационной сферы;

– индустрия информатизации, телекоммуникации и связи, информационных услуг на современном этапе развития человечества является одной из наиболее динамично развивающихся сфер мировой экономики;

– информационная инфраструктура, информационные ресурсы все больше становятся ареной межгосударственной борьбы за мировое лидерство, достижение противоборствующими государствами определенных политических и экономических целей;

– индивидуальное, групповое и массовое сознание людей все больше зависят от деятельности средств массовой информации.

Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, к основным национальным интересам государств – участников СНГ в информационной сфере следует отнести:

– реализацию конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации;

– формирование и поступательное развитие информационного общества государств – участников СНГ;

– равноправное участие государств – участников СНГ в мировых информационных отношениях;

– эффективное информационное обеспечение государственной политики государств – участников СНГ;

– обеспечение надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации.

Целью обеспечения безопасности государств – участников СНГ в информационной сфере является достижение информационного суверенитета как исключительного права в соответствии с национальным законодательством и нормами

международного права самостоятельно и независимо, с соблюдением баланса интересов объектов безопасности определять и реализовывать национальные интересы в информационной сфере, проводить внутреннюю и внешнюю государственную информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами; формировать инфраструктуру национального информационного пространства, создавать условия для интеграции в мировое информационное пространство.

Сказанное свидетельствует о необходимости общих подходов государств – участников СНГ к правовому регулированию информационной безопасности. Значительную роль здесь могут сыграть модельные законодательные акты СНГ, которые призваны гармонизировать и упорядочить законодательство в рамках регионального сотрудничества. Так как информационная сфера многогранна и многоаспектна, то сделать это, безусловно, очень сложно. Более того, этот процесс вызывает определенные трудности и в рамках одной страны. Вот уже несколько лет в Российской Федерации учеными и практиками активно обсуждается идея систематизации и кодификации информационного законодательства, то есть принятия Информационного кодекса Российской Федерации. Основная задача кодекса – сбалансировать правовые источники по этим направлениям и обнаружить наиболее уязвимые позиции – несогласованность понятий, конкретных норм во взаимосвязанных по цели и предмету законах. Он должен обозначить основные принципы, требования к законодательству и закрепить исходные позиции для дальнейшего продвижения юридической основы развития информационного общества [1, с. 25].

В то же время нельзя не отметить, что такая молодая отрасль права, как информационное, является комплексной отраслью права и включает в себя правовые институты и, по мнению отдельных ученых, даже подотрасли [2, с. 88]. Некоторые из этих институтов развивают положения правовых норм, регулирующих общественные отношения, причисляемые к другим отраслям права. В связи с этим в Информационный кодекс должны быть включены «чисто информационные»

нормы. Задаче правового обеспечения информационной безопасности служит целый комплекс норм конституционного, гражданского, административного и уголовного права. Однако эти нормы не находятся во взаимосвязи между собой, а Информационный кодекс может послужить базисом, на основе которого механизм правового обеспечения информационной безопасности может стать более действенным и эффективным. Сегодня уже принят Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ*. Позитивно оценивая данный нормативный акт, нельзя не сказать, что на уровне СНГ ведется серьезная и успешная работа, направленная на гармонизацию информационного законодательства и обеспечение информационной безопасности стран СНГ.

Вместе с Информационным кодексом были приняты и Рекомендации по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности**. Рекомендации направлены на установление общих подходов государств – участников СНГ к правовому регулированию обеспечения информационной безопасности, укреплению и обеспечению сбалансированности национальных правовых систем в условиях информатизации общества, на развитие международного информационного обмена, обеспечение безопасности информационных условий экономического и таможенного сотрудничества, на стимулирование использования информационно-коммуникативных технологий в социальной и культурной сфере. Совместная деятельность государств – участников СНГ в сфере обеспечения информационной

безопасности преследует цель более эффективной защиты их законных интересов в информационной сфере. Такая деятельность направлена прежде всего на создание правовых условий для системной реализации и обеспечения защиты сбалансированных интересов личности, общества и государства в рамках государственной политики развития информационного общества.

В Рекомендациях подчеркивается, что исключительно важным является вопрос проработки и однозначного толкования правовых дефиниций для сферы информационной безопасности. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что в самих модельных актах СНГ наблюдается отсутствие терминологического единства. При этом терминологическое многообразие и слабая определенность используемого в различных документах понятийного аппарата становится все более актуальной проблемой. Термины и их определения используются, как правило, «в целях настоящего нормативного акта», что приводит к коллизиям норм. Так, в самих же Рекомендациях подчеркивается, что расхождения наблюдаются и в определении самого термина «информационная безопасность».

В частности, в Модельном законе Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О международном информационном обмене» информационная безопасность определяется как «состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства»***. В Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности, утвержденной Советом глав государств СНГ, информационная безопасность трактуется как «состояние защищенности от внешних и внутренних угроз информационной сферы, формируемой, развиваемой и используемой с учетом жизненно важных интересов личности, общества и государс-

* Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ: утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 23 нояб. 2012 г. N 38-6. URL: <http://www.iacis.ru/activities/documents/> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

** Рекомендации по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности: утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 23 нояб. 2012 г. N 38-20 // Там же.

*** О международном информационном обмене: модельный закон: утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 26 марта 2002 г. N 19-7 // Там же.

тва»*. Авторами Рекомендаций предлагается отдать предпочтение определению, закрепленному в тексте Соглашения между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, согласно которому информационная безопасность — это «состояние защищенности личности, общества и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве»**.

Данное определение уже нашло свое закрепление в принятом совсем недавно, в ноябре 2014 г., модельном законе «Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности»***. Представляется, что именно это определение является более емким и точным, нежели два предыдущих.

Говоря об унификации понятийно-категориального аппарата, следует заметить, что в Рекомендациях делается акцент на возрастании опасности информационной преступности и информационного терроризма, в связи с этим предлагается ввести такие понятия, как «информационная война», «информационная преступность», «информационное оружие», «информационный терроризм», и ряд других. Российское законодательство, в том числе уголовное, пока таких понятий не содержит. Некоторые из них лишь используют-

ся в теории в криминологическом смысле. Полагаем, что после того, как эти понятия найдут свое отражение в модельных законодательных актах, их следует включить в национальное законодательство.

В качестве специального принципа совершенствования законодательства государств — участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности в Рекомендациях указывается принцип — «безопасность через развитие». Он предполагает динамичное совершенствование правовых методов обеспечения информационной безопасности по мере развития информационного общества. В государствах — участниках СНГ в настоящее время приняты и реализуются национальные программы, направленные на формирование основ и развитие информационного общества. Так, в Российской Федерации реализуется Стратегия развития информационного общества****. В приложении к Стратегии указаны контрольные показатели, достижение которых должно свидетельствовать об интенсивности развития информационного общества в Российской Федерации. В качестве одного из направлений деятельности государства в Стратегии названо и противодействие использованию потенциала информационных технологий в целях угрозы национальным интересам России. Столь важное, на наш взгляд, направление указано совершенно справедливо. Ведь современные достижения научно-технического прогресса, новейшие информационно-телекоммуникационные технологии могут быть использованы и уже используются в преступных целях. В связи с этим полагаем, что залогом успешного становления информационного общества в России является должное обеспечение безопасности личности, общества и государства. Они должны развиваться одновременно, и чем более развито будет информационное общество, тем больше сил и средств потребуется государству, чтобы обеспечить его безопасность.

В информационном обществе развитие информационно-коммуникационных

* Концепция сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности: утв. Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств 10 окт. 2008 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26220 (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

** Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.). URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 15. янв. 2015 г.).

*** Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности: модельный закон: утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 28 нояб. 2014 г. N 41-15). URL: <http://www.iacis.ru/activities/documents/> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

**** Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 7 февр. 2008 г. N Пр-212. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/90.html> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

технологий (далее – ИКТ) является одним из приоритетов и необходимым условием устойчивого экономического роста и повышения качества жизни граждан. Россия является лидером среди стран СНГ по уровню развития ИКТ. Согласно данным отчета Международного союза электросвязи (МСЭ) «Измерения информационного общества» (Measuring the Information Society)*, в 2013 г. она занимала 40-е место в рейтинге. На 41-м находится Беларусь, на 48-м – Казахстан, на 61-м – Азербайджан, Узбекистан занимает 104-е место. Для расчета Индекса используется 11 показателей, характеризующих проникновение фиксированной телефонной связи, мобильной сотовой связи и Интернета (в том числе широкополосного), доступ к компьютерам и Интернету домохозяйств, уровень грамотности взрослого населения и вовлеченность в образование молодежи. Место России в рейтинге стран по этому Индексу входит в число контрольных показателей Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации и государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)». Однако приведенные показатели значительно улучшились по сравнению с 2011 г., что свидетельствует о положительной динамике развития ИКТ в государствах – участниках СНГ.

Возвращаясь к тексту Рекомендаций, нельзя не отметить тот факт, что в них говорится о назревшей необходимости разработки Стратегии обеспечения информационной безопасности для государств – участников Содружества Независимых Государств, модельного закона «О критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры», внесения изменений в модельный закон «Об информации, информатизации и защите информации» и дополнений в модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ. И если оба этих модельных закона уже разработаны и приняты, а над Стратегией ведется работа в настоящее время (о чем речь пойдет ниже), то изменения в модельный Уголовный кодекс так и не внесены. Однако в нем уже есть раздел XII «Преступления против инфор-

мационной безопасности», включающий в себя главу 30 с одноименным названием. Глава, в свою очередь, содержит пять статей, предусматривающих ответственность за посягательства на отдельные составляющие информационной безопасности. В Рекомендациях же предлагается в качестве правовой меры сближения и совершенствования законодательства государств – участников СНГ использовать криминализацию в модельном Уголовном кодексе отдельных видов деяний, направленных против порядка эксплуатации объектов информационной инфраструктуры.

Кроме того, преступления против информационной безопасности предлагается выделить в отдельную главу модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ. Однако, во-первых, такая глава там уже есть. Во-вторых, не совсем понятно, почему предлагается усилить борьбу лишь с киберпреступлениями, несмотря на то, что в этом же документе ранее говорилось о возрастающей опасности информационной преступности. В-третьих, такие виды преступлений, как, например, информационный терроризм, и вовсе не подпадают под действие уголовного законодательства стран СНГ ввиду отсутствия соответствующих составов преступлений. Следовательно, если речь и идет о гармонизации законодательства, об усилении мер, направленных на обеспечение информационной безопасности, то раздел XII модельного Уголовного кодекса необходимо дополнить новыми главами, в которых были бы криминализованы иные посягательства на информационную безопасность, а не только ее составляющую – кибербезопасность. В последующем такие изменения могут быть внесены и в национальное уголовное законодательство стран – участниц СНГ.

При непосредственном участии России в настоящее время осуществляется и разработка упомянутой выше Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств. Представляется, что данный документ послужит основой для консолидации усилий и повышения эффективности межгосударственного сотрудничества государств – участников СНГ по обеспечению информационной безопасности, формированию межгосу-

* URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/11/MIS2013.pdf> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

дарственной политики в сфере обеспечения такой безопасности, прежде всего на основе системы мер стратегического планирования, подготовки предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения информационной безопасности. Выражаем надежду, что в данном документе найдут разрешение имеющиеся пробелы и противоречия, будет закреплён единый понятийно-категориальный аппарат, и он станет действительной основой успешного и эффективного сотрудничества внутри СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что сегодня информационные технологии нашли широкое

применение в управлении важнейшими объектами жизнеобеспечения государств – участников СНГ, которые становятся более уязвимыми перед случайными и преднамеренными воздействиями. В силу этого прогрессивное развитие государств – участников СНГ возможно только при условии наиболее полного обеспечения надлежащего уровня информационной безопасности и противодействия источникам угроз в информационной сфере. В условиях глобализации и жесткой международной конкуренции информационная безопасность приобретает первостепенное значение в обеспечении национальных интересов государств – участников СНГ, а успешное сотрудничество стран, входящих в СНГ, в этом вопросе играет одну из решающих ролей.

Список литературы

1. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М.: Канон+ : Реабилитация, 2014. 192 с.
2. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 433 с.

References

1. *Kontseptsiya Informatsionnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The concept of Informational code of Russian Federation]. Moscow, Kanon+ Publ. : Reabilitatsiya Publ., 2014. 192 p.
2. Lopatin V.N. *Informatsionnaya bezopasnost' Rossii. Dokt. Diss.* [Informational security of Russia. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2000. 433 p.

ВЯЗЕМСКАЯ А.А., VYAZEMSKAYA A.A.,
vyazemskaya@live.ru vyazemskaya@live.ru
Кафедра уголовного права; Chair of criminal law;
Московский государственный юридический Kutafin Moscow State Law University,
университет им. О.Е. Кутафина, Sadovaya-Kudrinskaya St. 9,
123995, г. Москва, Moscow, 123995,
Садовая-Кудринская, 9 Russian Federation

НЕЗАКОННОЕ КУЛЬТИВИРОВАНИЕ НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ: ПОДХОДЫ К ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Реферат. Проведено сравнительно-правовое исследование российского и нидерландского законодательства в области культивирования наркосодержащих растений. Сопоставлены правовые последствия совершения на территории Королевства Нидерландов деяния, аналогичного деянию, предусмотренному ст. 231 УК РФ, показано сходство и различие отечественного и зарубежного подходов к вопросу. Сравнение составов преступлений, закрепленных ст. 231 УК РФ и частично ст.ст. 2 и 3 Опиумного закона Нидерландов, позволило сделать следующие выводы: 1) объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, описывает исключительно культивирование растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры. Согласно нидерландскому Опиумному закону культивирование является одним из возможных способов совершения незаконного оборота наркотиков; 2) в нидерландском праве предусмотрена ответственность за совершение двух преступлений, характеризующихся одинаковыми объективными сторонами составов преступлений и различающихся по предмету (какие именно наркотические вещества содержатся в выращиваемых растениях). Для квалификации деяния по ст. 231 УК РФ это не имеет значения; 3) общий принцип регулирования общественных отношений, являющихся объектом данного преступления, един для обеих правовых систем: деятельность по культивированию таких растений потенциально опасна, поэтому нуждается в особом регулировании. Для ее осуществления в научных, учебных, медицинских и других целях необходимо получить специальное разрешение либо лицензию, предусматривающие, какие именно растения, для каких именно целей, на каких условиях можно культивировать. Нарушение правил получения такого разрешения (лицензии) или нарушение ограничений, указанных в разрешении (лицензии), является преступным.

Ключевые слова: каннабис, культивирование, наркосодержащее растение, наркотические средства, Нидерланды, Опиумный закон, психотропные вещества.

ILLEGAL CULTIVATION OF NARCOTIC PLANTS: APPROACHES TO LEGAL ASSESSMENT OF THE RUSSIAN AND THE DUTCH LEGISLATION

Abstract. The comparative legal study of the Russian and the Dutch legislation in the field of narcotic plants cultivation is provided. The legal responsibility for committing related crime in the Netherlands being analogous to an act stipulated by the Article 231 of the RF Criminal Code is analyzed. Similarities and differences of Russian and Dutch approaches to this legislative issue are shown. Basing on comparison of the elements of crime provided by the Article 231 of the RF Criminal Code and partially by the Articles 2 and 3 of the Dutch Opium Act some conclusions are made, notably: 1) the objective side of the elements of crime, provided by the Article 231 of the RF Criminal Code, implies only cultivation of plants containing narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. The Dutch Opium Law considers cultivation as one of possible means for conducting drug trafficking; 2) the Dutch Law provides criminal responsibility for committing two crimes characterized by similar objective sides of the elements of crimes as well as by different subject (what kinds of narcotic drugs are contained in cultivated plants). It is of no importance in the Russian legislation; 3) both legal systems have general principle of regulating public relation being an object of this crime: narcotic plants cultivation activity is dangerous and needs specific regulation. Conducting such activity for educational and medical purposes requires special permission/license specifying types of plants, purposes and terms of cultivation. Violating the rules of obtaining such permission/license or its restrictions is punishable.

Keywords: cannabis, cultivation, narcotic plants, narcotic drugs, the Netherlands, Opium Act, psychotropic substances.

Культивирование — первая стадия в рот наркотических средств и психотропных цепочке, формирующей незаконный оборот веществ [1, p. 127]. В статье 2 Опиумного

закона предусмотрена ответственность за ввоз на территорию Королевства Нидерландов или вывоз за его пределы (п. «а»), выращивание, подготовку, обработку, переработку, продажу, доставку, поставку и транспортировку (п. «b»), хранение (п. «с»), изготовление (п. «d») наркотиков, перечисленных в Списке I Опиумного закона, включающем так называемые тяжелые наркотики. Статья 3 Опиумного закона вводит запрет на совершение тех же действий, но относительно наркотиков, перечисленных в Списке II Опиумного закона, в котором приведены легкие наркотики. Иными словами, нидерландский законодатель сформулировал два схожих состава преступления с множественными альтернативными вариантами совершения объективной стороны состава преступления, характеризующихся одинаковыми описаниями деяний, которые совершаются по поводу разных предметов.

В рамках настоящего исследования мы можем рассмотреть только часть составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 2 и 3 Опиумного закона, — те, в которых объективная сторона состава преступления выражается в совершении действий по выращиванию растений, содержащих наркотики, перечисленные либо в Списке I, либо в Списке II Опиумного закона. Первоначально ст. 2 Опиумного закона не включала в себя такой вариант совершения объективной стороны состава преступления, как «выращивание», на тот период преступным было только культивирование растений, содержащих в себе вещества из Списка II. Дополнение в статью было внесено Законом от 1 июня 2006 г. «Об имплементации Рамочного решения N 2004/757/JBZ Совета Европейского Союза от 25 октября 2004 г., устанавливающего минимальные положения о составных элементах преступных деяний и наказаний в области незаконного оборота наркотиков (PbEU L 335)»*.

* Wet van 1.06.2006 tot implementatie van het kaderbesluit nr. 2004/757/JBZ van de Raad van de Europese Unie van 25 oktober 2004 betreffende de vaststelling van minimumvoorschriften met betrekking tot de bestanddelen van strafbare feiten en met betrekking tot straffen op het gebied van de illegale drugshandel (PbEU L 335) [Электронный ресурс] // Staatsblad. 2006. N 292. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2006-292.html> (дата обращения: 20 апр. 2014 г.).

Как и в отечественном законодательстве, в нидерландском законе установлены особые условия, при которых разрешается заниматься выращиванием растений, содержащих наркотики или психотропные вещества. По общему правилу, необходимо получить особое разрешение, называемое «исключением», на занятие такого рода деятельностью. Ограничен круг органов, которые могут выдавать подобные разрешения, существует перечень требований, которым должен удовлетворять кандидат на получение разрешения. Основные правила выдачи разрешения закреплены в Опиумном законе.

Согласно ст. 1 Опиумного закона должностным лицом, ответственным за выдачу «исключений», является министр здравоохранения, благосостояния и спорта. В статье 8 Опиумного закона говорится, что разрешение может быть предоставлено или продлено только в случае, если лицо, подавшее заявку, докажет министру, что соответствует всем предъявляемым к нему требованиям. Пункты «А-С» ст. 8 Опиумного закона содержат требования к лицу, подающему заявку на разрешение. Лицо должно действовать в интересах здравоохранения или обеспечения здоровья животных. Лицо должно осуществлять либо научное или аналитически-химическое исследование, либо учебную деятельность. «Исключение» представляет собой разрешение на совершение деятельности, запрещенной ст.ст. 2 и 3 Опиумного закона. Оно выдается, согласно ч. 1 ст. 6 Опиумного закона, министром, который также может расширять, изменять и отзываться свое разрешение. Цели выдачи разрешения перечислены в ч. 2 ст. 5 Опиумного закона: разрешение может быть выдано для осуществления деятельности в медицинских, в частности стоматологических и ветеринарных целях, а также лицам, которым запрещенные вещества необходимы для целей личного медицинского использования, и лицам, которые должны иметь эти вещества в своем распоряжении во исполнение законов Королевства Нидерландов и получили эти вещества в законном порядке. Согласно ч. 2 ст. 6 Опиумного закона разрешение может быть предоставлено на срок не более пяти лет.

В рамках своих полномочий 7 января 2003 г. министр издал Правила о разреше-

ниях по Опиумному закону*. В них описывается процедура получения разрешения: в каких учреждениях, на совершение каких именно действий может быть выдано разрешение, какую информацию для этого надо предоставить.

Предметом рассматриваемого деяния является конопля. Термин относится ко всему растению, независимо от того, содержит ли оно тетрагидроканнабинол. Черенки конопли, т.е. свободные (без корней) части растения, которые становятся основой для выращивания новых полноценных растений, также описываются этим термином. Согласно Опиумному закону коноплей является любая часть растения рода *Cannabis*, из которого не была удалена смола, за исключением семян. В случае, если из растения уже была удалена смола, оно становится непригодным к дальнейшему производству, а полученная смола становится объектом другого преступления — производства гашиша, которое охватывается п. «b» ст. 3 Опиумного закона. В случае, если лицо своими действиями нарушает оба запрета, предусмотренные п. «b» ст. 2 и п. «b» ст. 3 Опиумного закона, то, согласно ч. 1 ст. 55 УК Королевства Нидерландов, в отношении его используется наиболее тяжелая из возможных санкций, в данном случае это санкция за деяние, предусмотренное п. «b» ст. 2 Опиумного закона.

Согласно разъяснению палаты Верховного суда Королевства Нидерландов от 26 марта 2013 г. N 11/001** предметом деяний, перечисленных в ст.ст. 2 и 3 Опиумного закона, являются вещества, приведенные в Списках I и II Опиумного закона, как в «чистом» виде, так и в составе препаратов, которые могут содержать одно или более веществ. Кроме того, в Списках I и II Опиумного закона упомянуты растения и части растений, которые содержат запрещенные и ограниченные к обороту вещества. Здесь можно сделать вывод о том, что тенденция использовать термин «наркосодержащие растения и их части» характер-

на не только для российского, но и для нидерландского права. Однако в нидерландском праве это понятие используется пока только на уровне доктрины и легального толкования, но не в законодательных актах***. В научной литературе уточняется также, что по смыслу закона предметом преступления являются и смеси с небольшим содержанием собственно наркотического вещества, причем количество наркотического вещества измеряется по суммарному объему смеси [2].

Ученые отмечают, что не может быть преступным культивирование растений конопли, содержащей невысокий уровень тетрагидроканнабинола и предназначенной для производства пеньки, но исключение действует только в случае выращивания такой конопли на открытом воздухе и в земле [3]. Причина такого различия, на наш взгляд, заключается в том, что культивирование растений конопли, обычно предназначенных для производства пеньки, не требует специальных условий освещения, отопления, вентиляции. В случае же создания таких специальных условий может идти речь о попытке производства новых устойчивых сортов растения конопли, которые, благодаря подкормке, отоплению и другим условиям, могут иметь более высокое содержание тетрагидроканнабинола.

Непосредственные объекты рассматриваемых преступлений различаются. Во-первых, объектом преступления, диспозиция которого содержится в п. «b» ст. 2 Опиумного закона, является совокупность общественных отношений по законному, безопасному для общества культивированию растений, содержащих вещества, перечисленные в Списке I Опиумного закона. Эти общественные отношения урегулированы Опиумным законом и рядом подзаконных актов, предусматривающими возможность выращивания таких растений в научных, учебных, медицинских и иных целях. Осуществлять их культивирование может строго очерченный круг лиц, которые обязаны получить специальное разрешение. И получение разрешения, и само культивирование урегулированы жесткими правилами. Сходный состав, диспозиция которого описана в п. «b» ст. 3 Опиумного закона, имеет в качестве объекта обще-

* Wet- en regelgeving. Ministerie Volksgezondheid, Welzijn en Sport [Электронный ресурс] // Statascourant. 2003. N 6. URL: http://wetten.overheid.nl/BWBR0014570/geldigheidsdatum_07-04-2014/informatie (дата обращения 21 апр. 2014 г.).

** Hoge Raad. ECLI:NL:HR:2013:BZ5374. RvdW 2013/486.

*** Там же.

ственные отношения по поводу законного культивирования растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, поименованные в Списке II Опиумного закона. В научной литературе приводится пример таких наркосодержащих растений: ст. 2 Опиумного закона запрещает выращивание растений мака *Paraver*, растений коки, а ст. 3 Опиумного закона предусматривает ответственность за культивирование растений конопли [2]. Отдельно выделяются общественные отношения по регулированию культивирования конопли, поскольку они урегулированы более детальными правилами. В связи с тем, что в Королевстве Нидерландов допустима коммерческая деятельность по торговле каннабисом, более широкий круг лиц может участвовать в общественных отношениях по его культивированию. С другой стороны, наркотическая политика нацелена также на борьбу с незаконным распространением легких наркотиков, поэтому в отношении этого типа коммерческой деятельности действуют ограничения.

Объективную сторону деяний составляют действия лица по выращиванию растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, если оно нарушило правила получения разрешения или условия действительности разрешения. В частности, объективная сторона состава преступления может характеризоваться любым из следующих действий: получение разрешения на основе поддельных документов; осуществление деятельности, не обозначенной в разрешении (например, если разрешение выдано на выращивание кокаиновых кустов и их продажу медицинским учреждениям, а лицо занимается их экспортом за рубеж); осуществление деятельности, на которую было выдано разрешение, но в отношении другого растения; осуществление разрешенной деятельности в иных целях, чем были заявлены при получении разрешения (например, лицо получило разрешение на культивирование наркосодержащих растений в учебных целях, а само занимается коммерческой деятельностью); культивирование наркосодержащих растений без получения на то разрешения; культивирование наркосодержащих растений за пределами срока действия разрешения; культивирование растений в больших объемах, чем опре-

делено лицензией [4]. При этом от того, какие именно наркотические средства и психотропные вещества содержатся в растении, зависит размер наказания. Если это вещества из Списка I Опиумного закона, то лицо подлежит ответственности по ч. 4 ст. 10 Опиумного закона и ему угрожает лишение свободы на срок до 8 лет либо денежный штраф пятой категории. Если же из растения можно получить вещества, перечисленные в Списке II Опиумного закона, то оно подлежит ответственности по ч. 2 ст. 11 Опиумного закона, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или денежный штраф четвертой категории.

В научной литературе предлагается такое определение понятия «культивирование»: это весь процесс, начинающийся с посадки растений до продажи или доставки конечного продукта [2]. Такое понимание шире определения, принятого в российской правовой доктрине, и включает в себя действия по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, тогда как российское право понимает под культивированием исключительно процессы посадки, выращивания, создания специальных условий для выращивания наркосодержащих растений. Другие нидерландские ученые подчеркивают проблематичность определения и сообщают, что с момента добавления в Опиумный закон запрета на выращивание растений, содержащих тяжелые наркотики, на практике фактически не регистрируются дела, связанные с незаконным культивированием мака *Paraver* или растений коки [3].

Судом провинции Хелдерланд в решении по делу N 05/821324-13 от 15 июля 2014 г.* установлено, что П. в соучастии с одним или несколькими лицами либо самостоятельно занимался выращиванием и (или) подготовкой и (или) обработкой примерно 594 растений каннабиса, в которых содержалось не менее 30 г конопли. Конопля находится в Списке II Опиумного закона, поэтому действия П. запрещены ст. 3 Опиумного закона. Действия, совершенные П., описываются следующим образом: на первом этаже дома за дверью обнаружено скрытое пространство. После

* Rechtbank Gelderland. ECLI:NL:RB-GEL:2014:4378.

того как полицейский сдвинул несколько ящиков в сторону, он увидел, что в этом пространстве организован питомник для культивирования конопли. В нем насчитывалось 594 растения. Возраст растений составлял 3-4 недели, высота – примерно 20 см. Далее был проведен тест на определение наркотических средств, который выявил, что данные растения содержат тетрагидраканнабинол, т.е. являются растениями конопли. Подсудимый сообщил, что по финансовым причинам принял в январе 2013 г. решение заниматься культивированием конопли, для чего специально арендовал помещение на первом этаже здания, расположенного в провинции Хелдерланд.

Иной случай рассмотрен судом провинции Мидден-Нейдерланд 20 июня 2014 г. по делу N 16/656138-12*. Согласно материалам дела, 9 августа 2012 г. в провинции Мидден-Нейдерланд проведена полицейская проверка в большом промышленном помещении, в котором было обнаружено 5 так называемых «улиточных домиков» (вентиляционные устройства, предназначенные для культивирования растений конопли), 87 ассимиляционных ламп, 83 специальных абажура, 6 печей. Слева от большого промышленного зала было обнаружено еще 5 «улиточных домиков», 81 ассимиляционная лампа и всасывающие шланги. Далее, позади промышленного зала, обнаружен питомник для культивирования каннабиса, в котором выращивалось 779 растений конопли. Там же обнаружены угольные фильтры, водяные стволы, насосы, бутылки и горшки с саженцами. Проведенный тест на содержание наркотических средств подтвердил наличие тетрагидраканнабинола в растениях конопли.

Таким образом, нидерландский правоприменитель под культивированием наркосодержащих растений понимает организацию питомников, теплиц и плантаций для выращивания на них наркосодержащих растений. О совершении противоправных действий свидетельствует профессиональность организации таких мест для выращивания: наличие специального оборудования, приспособлений, количество выращиваемых растений.

* Rechtbank Midden-Nederland. ECLI:NL:RBMNE:2014:3386.

Согласно п. 3.2.1 Инструкции по Опиумному закону выделяется два типа культивирования конопли: профессиональное (коммерческое) и непрофессиональное (некоммерческое) культивирование. Некоммерческое выращивание конопли, если оно производится в небольшом размере для личного потребления и если оно совершается совершеннолетним лицом, не является приоритетным направлением для реакции со стороны правоохранительных органов. Они могут принять решение о конфискации конопли и невозбуждении уголовного дела**.

Приоритетным направлением борьбы является профессиональное коммерческое культивирование. Оно определяется по следующим критериям. Масштаб культивирования: если выращивается 5 или менее растений, презюмируется, что культивирование не является коммерческим. Подобные случаи рассматриваются как культивирование конопли в небольшом количестве для личного использования. Степень профессионализма, с которой осуществляется культивирование: имеет значение тип помещения, в котором выращивается конопля, использование специальных приборов для освещения, отопления, орошения. В Приложении 1 к Инструкции по Опиумному закону перечислены условия, позволяющие определить профессиональность культивирования. Первый критерий не принимается во внимание, если лицо в своей деятельности выполняет два или более условий из этого Приложения, поскольку презюмируется, что его деятельность является профессиональной. Вне зависимости от первого критерия, если удастся установить, что целью деятельности по культивированию конопли является извлечение финансовой выгоды, признается, что лицо осуществляет профессиональную (коммерческую) деятельность. Появление последнего критерия связано со вступлением в силу Закона от 18 марта 1999 г. «О внесении изменений в Опиумный закон в связи с введением повышенных штрафов за профессиональное

** Rijksoverheid. Ben ik strafbaar als ik drugs bezit, gebruik, produceer of verhandel? [Электронный ресурс] // Rijksoverheid. 2014. URL: <http://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/drugs/vraag-en-antwoord/ben-ik-strafbaar-als-ik-drugs-bezit-gebruik-produceer-of-verhandel.html> (дата обращения: 9 нояб. 2014 г.).

производство и бизнес по производству конопли»*. Согласно заключению генерального прокурора от 14 августа 2014 г. N 201304752/2/A3 культивирование растений конопли часто совершается в целях поставки наркосодержащих частей растений в кофешопы**.

В комментарии к Приложению 1 к Инструкции по Опиумному закону отмечается, что перечень критериев профессионального культивирования не является закрытым, иными словами, в зависимости от обстоятельств конкретного дела правоприменитель может принять решение о наличии профессионального культивирования, даже если признаки, по которым он принял такое решение, нигде легально не закреплены. На наш взгляд, такое решение нельзя назвать правильным. Грань между непрофессиональным и профессиональным выращиванием чрезвычайно тонка, более того, она определяется не на законодательном уровне, а в акте легального толкования. При этом разницу в правовых последствиях, зависящую от мнения правоприменителя по конкретному случаю, нельзя назвать незначительной: в одном случае лицу не угрожает уголовная ответственность, а во втором — он может быть приговорен к лишению свободы на срок до двух лет (ч. 3 ст. 11 Опиумного закона). Отсутствие закрытого списка признаков, по которым определяется профессиональность культивирования, является также предпосылкой к различному (а возможно, и неверному!) применению одного и того же закона в идентичных по обстоятельствам делах, рассматриваемых в разных судах или даже в одном суде, но разными судьями.

В научной литературе высказывается мнение о том, что профессиональными следует считать те площадки культивирования, которые соответствуют двум и более критериям профессиональности [1, р. 127]. Подобное решение вопроса, на наш взгляд, является правильным и объективным, при

этом правоприменителем должно приниматься во внимание общее количество таких критериев и масштабы, в которых реализуются методы профессионального выращивания конопли. Площадки культивирования конопли представляют собой места, специально оборудованные для выращивания прихотливых растений конопли. Они помещены в горшки или лоточки и находятся под специальными лампами. Как правило, используются плунжерные наносы, оросительные установки и другое профессиональное и полупрофессиональное оборудование. Площадки культивирования конопли могут быть расположены в сараях, складах и в других функциональных помещениях, а также в обычных частных жилищах. Культивирование может происходить и вне помещения, но это случается реже.

В юридической литературе отмечается, что законодательство не делает четкого разграничения между растениями и саженцами растений, а кроме того, не дает определения широко используемого понятия «площадка культивирования» [4, р. 48]. В научной литературе встречается также критика критериев определения профессиональности действий по культивированию: четкий количественный критерий не действует при использовании двух других критериев, которые, в отличие от однозначного количественного критерия, сформулированы более обтекаемо. Иногда площадкой культивирования признается место, в котором вообще нет ни растений каннабиса, ни саженцев [4, р. 48]. Это происходит, если площадка уже оборудована для культивирования, но растения либо еще не высажены, либо уже собраны. Чем более «продвинута» площадка в техническом отношении, тем выше вероятность, что правоохранительными органами она будет признана профессиональной. Кроме того, площадками культивирования признаются места, в которых выращиваются клоны (вегетативное потомство одного растения) и саженцы для их последующей транспортировки в места профессионального культивирования. В некоторых регионах площадками культивирования признаются также специальные помещения, предназначенные для просушки растений.

В контексте борьбы с незаконным культивированием конопли основной про-

* Wet van 18 maart 1999 tot wijziging van de Opiumwet in verband met de invoering van een verhoogde strafmaat voor beroeps- of bedrijfsmatige hennepcultuur [Электронный ресурс] // Staatsblad. 1999. N 168. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-1999-168.html> (дата обращения: 18 янв. 2013 г.).

** JOM 2014 afl. 17. L.JN ECLI:NL:RVS:2013:2532.

блемой, характерной только для Королевства Нидерландов, является так называемая «проблема черного хода»: хотя кофешопы и обладают правом легальной торговли каннабисом через «главный вход», из-за высокого спроса на этот товар они вынуждены пополнять свои запасы через «черный ход». На настоящий момент не ясно, какими будут последствия и каким будет решение этой проблемы со стороны нидерландского правительства. Ежегодно уничтожается около 6 000 площадок незаконного культивирования, ежемесячно конфискуется примерно 2,7-2,8 млн растений и саженцев [4, р. 48]. Криминологи полагают, что наиболее вероятным последствием станет рост цены на каннабис, что, в свою очередь, сделает этот рынок еще привлекательнее для организованной преступности [4, р. 48].

Согласно решению суда муниципалитета Ден Босх, подготовка помещения или освобождение места в рамках подготовки к выращиванию конопли еще не является собственно выращиванием. Также нет причин говорить о покушении на выращивание, поскольку на этот момент еще не совершены действия, непосредственно вызывающие общественно опасный результат*. Исходя из этого делаем вывод о том, что преступление считается совершенным с момента высаживания первых саженцев, т.е. с момента начала непосредственно выращивания растений. При этом само деяние является длительным, поэтому для наступления уголовной ответственности неважно, каким был дальнейший результат этой деятельности, был ли выращенный каннабис, например, впоследствии реализован, и даже — доросли ли растения до той стадии, в которой начинается выработка вещества тетрагидроканнабинола.

Национальный консультативный комитет председателей судов уголовного сектора и трибуналов подготовил документ под названием «Ориентационные пункты по уголовным наказаниям»**, в котором

* Rechtbank 's-Hertogenbosch, 01/085014-00. LJN AD4401. 's-Hertogenbosch. 10.10.2001. NJ 2002. С. 193.

** Rechsters leggen langere taakstraffen op [Электронный ресурс] // Den Haag, 2013. URL: <http://www.rechtspraak.nl/Actualiteiten/Nieuws/Pages/Rechsters-leggen-langere-taakstraffen-op.aspx> (дата обращения: 5 марта 2013 г.).

обозначены границы назначения штрафов в зависимости от размера площадки для культивирования конопли. Целью этого документа является попытка унифицировать, насколько это возможно, процесс назначения штрафов в Королевстве Нидерландов. Согласно этому документу, если лицо, впервые совершившее культивирование конопли, не состоит в организованной группе и выращивало растения с умеренной степенью профессионализма, при этом количество растений составляло 50-100, то оно подлежит наказанию в виде штрафа в размере 900 евро. Если же на площадке культивируется 100-500 растений, лицу грозит 6 недель лишения свободы, а за 500-1 000 растений — 12 недель лишения свободы.

С субъективной стороны преступление может быть совершено только умышленно. Невозможно осуществлять профессиональную деятельность по выращиванию растений, запрещенных к свободному обороту, и не осознавать профессионализма своей деятельности. Кроме того, сознанием лица должно охватываться то, что выращиваемые им растения относятся к запрещенным, а не к обычным сельскохозяйственным культурам. Цель является факкультативным признаком: если будет доказано, что лицо действовало ради дальнейшего сбыта, то, независимо от других параметров осуществленного им деяния, оно будет признано преступным [1, р. 127].

Субъект преступления общий — физическое деликтоспособное лицо. Как было сказано выше, определение общего субъекта преступления дано в ст. 65 УК Королевства Нидерландов — это физическое деликтоспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста. Как правило, такие лица обладают специальными познаниями в области ботаники, необходимыми для осуществления культивирования.

Сравнение составов преступлений, предусмотренных ст. 231 УК РФ, и частично ст.ст. 2 и 3 Опиумного закона, позволяет сделать следующие выводы:

1. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, описывает исключительно культивирование растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры. В соответствии с нидерландским Опиумным законом культивирование

является одним из возможных способов совершения незаконного оборота наркотиков.

2. В нидерландском праве предусмотрена ответственность за совершение двух преступлений, характеризующихся одинаковыми объективными сторонами составов преступлений и различающихся по предмету (какие именно наркотические вещества содержатся в выращиваемых растениях). Для квалификации деяния по ст. 231 УК РФ это не имеет значения.

3. Общий принцип регулирования общественных отношений, являющихся

объектом данного преступления, един для обеих правовых систем: деятельность по культивированию таких растений потенциально опасна, поэтому нуждается в особом регулировании. Для ее осуществления в научных, учебных, медицинских и других целях необходимо получить специальное разрешение либо лицензию, предусматривающие, какие именно растения, для каких именно целей, на каких условиях можно культивировать. Нарушение правил получения такого разрешения (лицензии) или нарушение ограничений, указанных в разрешении (лицензии), является преступным.

Список литературы

1. Blom T. Opiumwetgeving en drugsbeleid // Deventer: a Wolters Kluwer business. 2008.
2. Brujin C.J.A. de. Wettelijk kader bij: Opiumwet, Artikel 2 // Lexplicatie, 2011.
3. Denie J.N.J. Handboek strafzaken . Deventer: Kluwer 2002.
4. Wouters M. Cannabis control: consequences for consumption and cultivation [Электронный ресурс] // Amsterdam: University of Amsterdam. Dissertation. Faculty of Law. 2013.

References

1. Blom T. Legislation of opium and drugs. Deventer: a Wolters Kluwer business. 2008.
2. Brujin C.J.A. Legal framework at: Opium Act, Article 2. Lexplicatie, 2011.
3. Denie J.N.J. Criminal handbook. Deventer: Kluwer 2002.
4. Wouters M. Cannabis control: consequences for consumption and cultivation. Amsterdam: University of Amsterdam. Dissertation. Faculty of Law. 2013.

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

<p>ШУРУПОВА Е.А., ekaterina-shurupova@yandex.ru Правовой отдел; Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Оренбургской области, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 49</p>	<p>SHURUPOVA E.A., ekaterina-shurupova@yandex.ru Legal division; Department of the MIA of the Russian Federation for Orenburg region, Komsomolskaya St. 49, Orenburg, 460000, Russian Federation</p>
---	--

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТРЕБОВАНИЯМ РЕФОРМЫ?

Реферат. С учетом проводимой реформы служба в органах внутренних дел рассматривается как особый вид государственной службы, связанной с обеспечением безопасности государства, общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах. Выполняя конституционно значимые функции, сотрудники должны представлять собой пример строгого соблюдения законности и дисциплины. В случае нарушения установленных требований сотрудники привлекаются к дисциплинарной ответственности, являющейся необходимым средством обеспечения законности и укрепления служебной дисциплины. Эффективность налагаемых на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарных взысканий определяется качеством осуществления дисциплинарного производства и совершенством его правового регулирования. Определяются пути совершенствования юридической регламентации дисциплинарного производства в органах внутренних дел Российской Федерации на современном этапе реформирования; обосновываются выводы о целесообразности закрепления в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» права должностного лица органов внутренних дел на истребование от государственных органов, организаций и учреждений сведений и документов, являющихся доказательствами по дисциплинарному делу; выдвигаются иные предложения по совершенствованию действующего законодательства, регламентирующего дисциплинарное производство в органах внутренних дел. Предлагаются коррективы институтов исчисления срока привлечения к дисциплинарной ответственности; установления дополнительных случаев, когда сотрудник органов внутренних дел не может участвовать в проведении служебной проверки, а также круга субъектов, которыми может быть заявлено о наличии таких обстоятельств.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, органы внутренних дел, доказательства, служебная проверка, дисциплинарные взыскания.

DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES: DOES THE LEGISLATION SATISFY THE REFORM REQUIREMENTS?

Abstract. Due to the current reforming, the service in law enforcement agencies is considered as special kind of public service associated with protecting state's safety, maintaining public order, ensuring legitimacy, rights and liberties of citizens and performed in the interests of public. Performing constitutionally significant functions law enforcement officers must display strict law observance and discipline maintenance. When violating the fixed requirements officers should be brought to disciplinary liability which is necessary for ensuring legitimacy and improving service discipline. The efficiency of disciplinary punishments imposed on law enforcement officers is determined by the quality of disciplinary proceedings and improving its legal regulation. The ways of improving juridical regulation of disciplinary proceedings in the Russian law enforcement agencies at the present stage of the reform are defined. The author argues the suitability of fixing in the Federal law "On the service in the RF law enforcement agencies and amendments to the particular RF legal acts" the right of law enforcement officers to obtain information about the facts of the case from the state authorities, organizations and establishments. Other proposals on improving the effective disciplinary proceedings' legislation in law enforcement agencies are made. It is proposed to make some changes in terms of bringing to disciplinary liability, to set additional cases when law enforcement officers cannot participate in the internal inquiry and to determine the individuals who can declare the existence of such circumstances.

Keywords: disciplinary proceedings, law enforcement agencies, evidence, internal inquiry, disciplinary punishments.

В ходе реформирования органов внутренних дел Российской Федерации произошли значительные позитивные изменения, связанные, в частности, с принятием Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* (далее – Закон о службе в органах внутренних дел), которым существенно повышены требования к соблюдению служебной дисциплины, а также более детально, в отличие от применявшегося ранее в отношении сотрудников органов внутренних дел Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации**, регламентированы вопросы применения института служебной проверки.

Служба в органах внутренних дел имеет свою специфику. Большинство сотрудников органов внутренних дел постоянно находятся в нравственно неблагоприятной среде, сталкиваются с «самыми болезненными, опасными проявлениями человеческих характеров», с насилием, коррупцией [1].

В связи с этим одной из первоочередных целей является совершенствование мер по укреплению служебной дисциплины и законности среди должностных лиц органов внутренних дел, поддержанию в коллективах благоприятного социально-психологического климата, преодолению негативных явлений, обеспечению психологической устойчивости и профессиональной надежности сотрудников.

Как отмечает А.А. Гришковец, одним из действенных средств, обеспечивающих режим законности в государственном аппарате, является дисциплинарная ответственность государственных служащих [2,

* О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. N 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49 (ч. 1). Ст. 7020.

** Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление ВС РФ от 23 дек. 1992 г. N 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 2. Ст. 70.

с. 139]. По этой причине актуальной остается проблема развития правового регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

В связи с вступлением в силу Закона о службе в органах внутренних дел было принято значительное количество правовых актов, регламентирующих дисциплинарное производство. Вместе с тем, несмотря на достаточную правовую регламентацию данных правоотношений, правоприменительная практика органов внутренних дел и судебная практика свидетельствуют о потребности их дальнейшего обновления.

Эффект осуществления дисциплинарного производства в значительной степени определяется качеством принимаемых решений, их обоснованностью, аргументированностью, своевременностью. Такие решения могут быть приняты лицом, обладающим дисциплинарной властью, только при наличии у него полной и всесторонней информации о совершенном проступке, обстоятельствах его совершения.

Логическая деятельность, направленная на установление фактических обстоятельств дела, получила название юридического доказывания [3].

О доказывании в дисциплинарном производстве практически не упоминается. Вместе с тем доказывание является необходимым условием в деле установления истины. Оно органически связано с глубоким и всесторонним изучением конкретной ситуации [4, с. 40].

В отличие от уголовного или гражданского процессов, в которых нормы, регламентирующие деятельность по сбору, исследованию и оценке доказательств, выделены в отдельные разделы и главы, в дисциплинарном процессе такие систематизированные нормы отсутствуют. Отдельные нормы, устанавливающие источники, из которых может быть получена информация, а также способы ее получения закреплены в ведомственном нормативном правовом акте – приказе МВД России от 26 марта 2013 г. N 161, утвердившем Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

кой Федерации*. При этом данные нормы являются косвенными, поскольку вытекают из полномочий должностных лиц, проводящих служебную проверку. Анализ указанных полномочий позволяет выделить в качестве доказательств:

- объяснение сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка;

- объяснения иных сотрудников, государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, которым могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе служебной проверки;

- вещественные доказательства;

- результаты психофизиологических исследований (обследований);

- пояснения специалистов по вопросам, требующим научных, технических и иных специальных знаний.

Способами получения доказательств в ходе проведения служебной проверки являются:

- опрос сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка;

- опрос иных сотрудников, государственных гражданских служащих и работников системы МВД России;

- истребование документов, относящихся к предмету проверки, из органов, организаций или подразделений МВД России;

- направление запросов в иные органы, учреждения и организации;

- получение информации из оперативных учетов и информационных систем МВД России, образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России;

- использование с согласия сотрудника психофизиологических исследований (обследований).

Исходя из вышеизложенного, в целях устранения пробела правового регулирования в части прямого закрепления круга доказательств, с помощью которых происходит доказывание в дисциплинарном процессе, представляется необходимым дополнить ч. 3 ст. 52 Закона о службе в органах внутренних дел нормой следующего содержания: «В качестве доказательств допускаются: объяснения сотрудника, в отношении которого проводится служебная

проверка; объяснения иных сотрудников, государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, которым могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе служебной проверки; вещественные доказательства; результаты психофизиологических исследований (обследований); пояснения специалистов по вопросам, требующим научных, технических и иных специальных знаний; информация, поступившая из органов, организаций или подразделений МВД России, иных органов, учреждений и организаций; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения дисциплинарного проступка и установления обстоятельств его совершения».

Выяснение отдельных фактов и обстоятельств совершения дисциплинарного проступка в ряде случаев представляет достаточные сложности, поскольку может быть связано с вторжением в сферу личных интересов сотрудника, в сферу охраняемой законом врачебной тайны и иной тайны, персональных данных как самого сотрудника, так и иных граждан.

В настоящее время законодательное закрепление полномочий должностных лиц органов внутренних дел на истребование документов для использования их в качестве доказательства, направление запросов в дисциплинарном процессе отсутствует, что нередко приводит к отказам в их получении. Исключением можно считать лишь получение необходимой информации от подчиненных нижестоящих органов.

Словосочетания «истребовать документы» и «направить запрос» имеют разную смысловую нагрузку и не совпадают по своей сути. Исходя из значения глагола «истребовать» – потребовать и получить, вытребовать окончательно [5], следует, что праву истребовать документы из органов, учреждений и организаций МВД России корреспондирует обязанность последних их предоставить. Использование словосочетания «направить запрос», исходя из значения слова «направить» – послать, отправить [6, с. 383], означает, что должностное лицо лишь вправе предложить представить документы, являющиеся доказательством по дисциплинарному делу, что не исключает возможности отказа от выполнения соответствующих действий.

* Рос. газ. 2013. 14 июня. N 127.

Кроме того, действие указанной нормы не распространяется на правоотношения, возникающие при осуществлении дисциплинарного производства без проведения служебной проверки.

В связи с этим полагаем, что право на истребование документов и информации, являющихся доказательствами по дисциплинарному делу, от неподведомственных органов, организаций и учреждений, которому бы корреспондировала юридическая обязанность их предоставить, должно быть закреплено в законе как правовом акте, обладающем высшей юридической силой и имеющем прямое действие на всей территории Российской Федерации. Данная мера, на наш взгляд, будет способствовать неукоснительному исполнению запросов должностных лиц органов внутренних дел, не связанных с расследованием уголовных дел и находящихся в производстве делами об административных правонарушениях, а также с проверкой зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, и придаст соответствующим отношениям императивный характер, что позволит минимизировать случаи «отрицательного» реагирования на запрос.

В настоящее время в целях объективного проведения служебной проверки статьей 52 Закона о службе в органах внутренних дел устанавливается, что в проведении служебной проверки не может участвовать сотрудник органов внутренних дел, прямо или косвенно заинтересованный в ее результатах. В этом случае он обязан подать руководителю федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченному руководителю, принявшему решение о проведении служебной проверки, рапорт об освобождении его от участия в проведении этой проверки. При несоблюдении указанного требования результаты служебной проверки считаются недействительными.

Вместе с тем на практике установить факт наличия прямой или косвенной заинтересованности в результатах служебной проверки проводящего ее лица очень затруднительно. Кроме того, указанное положение усугубляется еще и тем, что о наличии такой заинтересованности со-

трудник может и не сообщить. Очевидно, что для исключения наступления подобных негативных последствий необходимо детализировать норму ч. 2 ст. 52 Закона о службе в органах внутренних дел, изложив ее в следующей редакции: «Сотрудник не может участвовать в проведении служебной проверки в случае, если он является родственником или свойственником лица, в отношении которого она назначена; находится в непосредственной подчиненности у лица, в отношении которого проводится служебная проверка; имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он прямо или косвенно заинтересован в результатах служебной проверки. В этом случае он обязан подать руководителю федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченному руководителю, принявшему решение о проведении служебной проверки, рапорт об освобождении его от участия в проведении этой проверки. При несоблюдении указанного требования результаты служебной проверки считаются недействительными. О наличии указанных обстоятельств может быть заявлено иными лицами, которым такие сведения известны, либо они могут быть рассмотрены по инициативе лица, назначающего служебную проверку».

Полагаем, что внесение подобных изменений будет способствовать обеспечению принципа законности при проведении служебной проверки.

Следует заметить, что при применении нормы, устанавливающей сроки наложения дисциплинарного взыскания, возникают серьезные вопросы, связанные с днем обнаружения дисциплинарного проступка, а также с исчислением срока в случае отсутствия сотрудника на службе без уважительных причин. Так, в настоящее время в соответствии со ст. 51 Закона о службе в органах внутренних дел дисциплинарное взыскание должно быть наложено не позднее чем через две недели со дня, когда прямому руководителю (начальнику) или непосредственному руководителю (начальнику) стало известно о совершении сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка, а в случае проведения служебной проверки или возбуждения уголовного дела — не позднее чем через один месяц со дня ут-

верждения заключения по результатам служебной проверки или вынесения окончательного решения по уголовному делу. В указанные сроки не включаются периоды временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске или в командировке.

Анализ указанной нормы показывает, что днем обнаружения проступка является день, когда напрямую или непосредственному руководителю стало известно о совершении сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка. Вместе с тем в ряде случаев, в связи со слабым контролем за деятельностью подчиненных сотрудников, о совершенном дисциплинарном проступке руководителю становится известно гораздо позднее, чем в случае надлежащего исполнения им своих «контролирующих» обязанностей. Иными словами, в случаях, когда руководитель имеет объективную возможность обнаружить дисциплинарный проступок, но в силу ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей этого не делает, происходит необоснованное увеличение срока привлечения к дисциплинарной ответственности, вызванное недобросовестными действиями с его стороны, за что сотрудник не должен отвечать.

Такие ситуации часто возникают, когда сотрудник не выполняет возложенной на него должностным регламентом обязанности к установленному сроку, а руководитель не осуществляет контроль за его деятельностью.

Кроме того, в правоприменительной практике встречаются случаи, когда сотрудник, в отношении которого сделаны выводы о наложении дисциплинарного взыскания, сообщает о наступлении временной нетрудоспособности, но при появлении на службе, как правило, после окончания сроков наложения дисциплинарного взыскания, документов, подтверждающих факт нетрудоспособности, не представляет. В результате этого срок привлечения его к дисциплинарной ответственности истекает и ему, таким образом, удается избежать наказания. Для привлечения к дисциплинарной ответственности этого сотрудника приходится возбуждать дисциплинарное производство вновь, но уже по новому факту — отсутствие на службе без уважительных причин.

В связи с изложенным полагаем целесообразным сформулировать ч. 6 ст. 51 Закона о службе в органах внутренних дел следующим образом: дисциплинарное взыскание должно быть наложено не позднее чем через две недели со дня, когда напрямую руководителю (начальнику) или непосредственному руководителю (начальнику) стало либо могло стать известно о совершении сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка, а в случае проведения служебной проверки или возбуждения уголовного дела — не позднее чем через один месяц со дня утверждения заключения по результатам служебной проверки или вынесения окончательного решения по уголовному делу. В указанные сроки не включаются периоды временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске, в командировке или отсутствия его на службе без уважительных причин.

Что касается системы дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам органов внутренних дел, то полагаем необходимым конкретизировать применение дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии. Целью указанного вида взыскания является воспитательное и предупредительное воздействие на виновного в целях изменения его отношения к исполняемым должностным обязанностям [7].

В соответствии со ст. 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации* дисциплинарное взыскание — предупреждение о неполном служебном соответствии — применяется один раз за время пребывания военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в занимаемой штатной воинской должности. По истечении года после применения этого дисциплинарного взыскания командир (начальник) в срок до 30 суток принимает решение (ходатайствует) о снятии данного дисциплинарного взыскания либо, если военнослужащий не исправил свое поведение образцовым выполнением воинского долга и взыскание не сыграло своей воспитательной роли, — о снижении этого

* Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. N 1495 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 47 (ч. 1). Ст. 5749.

военнослужащего в воинской должности или досрочном увольнении его с военной службы в установленном порядке.

В законодательстве, регулирующем правоотношения, связанные со службой в органах внутренних дел, особенности применения такого вида дисциплинарного взыскания отсутствуют. В связи с этим данный вид дисциплинарного взыскания считается снятым по истечении одного года со дня его наложения, если этот сотрудник в течение этого года не подвергался новому дисциплинарному взысканию*.

При этом, как отмечают М.В. Пресняков и С.Е. Чанов, если исходить даже из самого названия этого вида взыскания, оно должно применяться к тем лицам, которые не полностью соответствуют замещаемой должности. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему дисциплинарное взыскание в виде неполного должностного соответствия автоматически снимается через год? Если государственный служащий в момент наложения дисциплинарного взыскания не в полной мере соответствует замещаемой должности, то нельзя с уверенностью сказать, что через год он будет ей соответствовать. Во всяком случае отсутствие новых дисциплинарных взысканий само по себе не может об этом свидетельствовать. При этом вопрос о соответствии или несоответствии служащего замещаемой должности с определенной законом периодичностью подлежит обязательному решению в ходе процедуры аттестации [8].

* См.: ст. 52 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Список литературы

1. Заседание круглого стола «Духовность. Нравственность. Закон» в Московском университете МВД России. 2012. URL: <http://01.mvd.ru/news/item/206767> (дата обращения: 10 дек. 2014 г.).
2. Гришковец А.А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: учеб. курс. М.: Дело и Сервис, 2003. 464 с.
3. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Додин Е.В. Доказательства в административном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. 192 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/istrebovat/12207> (дата обращения: 1 дек. 2014 г.).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М., 1990. 921 с.
7. Комментарий к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации / С.И. Журавлев, А.В. Кудашкин, И.В. Кузурманова и др.; под ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2009. Вып. 100. 336 с.

Учитывая изложенное, а также необходимость законодательного закрепления единого подхода к организации государственной службы, представляется целесообразным предусмотреть норму, аналогичную содержащейся в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил, устанавливающую, что предупреждение о неполном служебном соответствии применяется один раз за время пребывания сотрудника органов внутренних дел в замещаемой должности. По истечении года после применения этого дисциплинарного взыскания руководитель (начальник) в срок до 30 суток принимает решение (ходатайствует) о снятии данного дисциплинарного взыскания либо, если сотрудник не исправил свое поведение образцовым выполнением служебных обязанностей и взыскание не сыграло своей воспитательной роли, — о проведении внеочередной аттестации для решения вопроса о переводе сотрудника на нижестоящую должность в органах внутренних дел либо о прекращении сотрудником службы в органах внутренних дел в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в органах внутренних дел — на основании рекомендации аттестационной комиссии.

В заключение отметим, что в данной статье затронуты лишь отдельные аспекты совершенствования нормативных правовых актов, регламентирующих дисциплинарное производство, осуществляемое в органах внутренних дел. Одновременно полагаем, что разрешение перечисленных проблем позволит существенно повысить эффективность данного правового института.

8. Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. 2009. N 9. С. 103-110.

References

1. *Zasedanie kruglogo stola "Dukhovnost'. Nравstvennost'. Zakon" v Moskovskom universitete MVD Rossii. 2012* [Roundtable "Spirituality. Morality. Law" at Moscow State University Russian Interior Ministry. 2012]. Available at: <http://01.mvd.ru/news/item/206767> (Accessed 10 December 2014).

2. Grishkovets A.A. *Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii* [Legal regulation of the civil service in the Russian Federation]. Moscow, Delo i Servis Publ., 2003. 464 p.

3. Melekhin A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [The theory of state and law]. Available at the reference legal system "Consultant Plus".

4. Dodin E.V. *Dokazatel'stva v administrativnom protsesse* [Evidence in the administrative process]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 192 p.

5. Dal'V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Available at: <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/istrebovat/12207> (Accessed 1 December 2014).

6. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Russian dictionary: 70 000 words]. Moscow, 1990. 921 p.

7. Zhuravlev S.I., Kudashkin A.V., Kuzurmanova I.V. i dr. *Kommentariy k Distiplinarnomu ustavu Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Disciplinary Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2009. Edition 100. 336 p.

8. Presnyakov M.V., Channov S.E. *Distiplinarnaya otvetstvennost' grazhdanskikh sluzhashchikh: problemy normativnoy opredelennosti i spravedlivoy differentsiatsii* [Disciplinary responsibility of civil servants: the problem of regulatory certainty and fair differentiation]. *Trudovoe pravo – Employment Law*, 2009, no. 9, pp. 103-110.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

СПИРИН А.В., ug-process@mail.ru Кафедра уголовного процесса; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, Корепина, 66	SPIRIN A.V., ug-process@mail.ru Chair of criminal procedure; Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Korepina St. 66, Ekaterinburg, 620057, Russian Federation
---	--

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО ИСТРЕБОВАНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И МАТЕРИАЛОВ ПРОВЕРОК?

Реферат. Реализация полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия рассматривается как конституционная гарантия охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Полномочия прокурора должны быть достаточными и в то же время не умаляющими процессуальную самостоятельность следователя. Дается оценка двум группам полномочий прокурора (ст. 37 УПК РФ) на предмет соответствия названным требованиям: полномочиям по выявлению нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия, а также способствующих им причин и условий; полномочиям по устранению нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия, и способствующих им причин и условий. Критикуется требование к субъекту, осуществляющему надзор, мотивировать (обосновывать) решение об истребовании материалов по причине абсурдности получения согласия поднадзорного на надзор. Изучение прокурорской практики дает автору основания говорить о формальной мотивировке таких запросов. Выводятся условия, которым должен соответствовать запрос прокурора: он должен быть обязательным для руководителя следственного органа, которому он адресован; может содержать требования о предоставлении материалов всех доследственных проверок и уголовных дел; не должен содержать мотивировки требования; должен устанавливать разумный срок исполнения, учитывающий срок ознакомления прокурора с материалами, что должно соответствовать назначению уголовного судопроизводства; предполагать возможность изучать «отказные» материалы, «приостановленные» и «прекращенные» уголовные дела в месте (помещении), определенном прокурором. Резюмируется, что возможность полноценно осуществлять надзор должна быть реальной, а не декларируемой, а оценка процессуальных действий и решений следователя возможна только при полном и своевременном изучении материалов уголовных дел и доследственных проверок.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, следователь, запрос, уголовное дело, материалы проверки сообщения о преступлении.

WHAT SHOULD THE POWERS OF PROSECUTOR REGARDING DISCOVERY OF CRIMINAL CASES AND INSPECTION MATERIALS BE?

Abstract. Exercising the powers of prosecutor to supervise procedural activity of preliminary investigation bodies are considered as constitutional guarantee of protecting rights and liberties of man and citizen in the course of criminal proceedings. Prosecutor's powers should be adequate and not derogating investigator's procedural independency. Two groups of prosecutor's powers (Article 37 of the RF Criminal Procedure Code) respecting their correspondence with above mentioned requirements are estimated, notably: 1) powers to detect law violations committed by preliminary investigation bodies as well as their reasons and favouring conditions; 2) powers to remove these law violations, their reasons and favouring conditions. The obligation of supervising officer to motivate the discovery of case materials is criticized due to its absurdity: supervised person obtains consent on supervision. Basing on study of prosecutors' practice the author concludes that motivation of such inquiries is formal. Some requirements for prosecutor's inquiry are provided: it should be obligatory for head of a preliminary investigation body to whom it is addressed; it can seek discovery of the materials of all the inspections and criminal cases; it should not contain inquiry's motivation; it should establish reasonable time of execution conformable to reasonable time for prosecutor's insight; it implies learning the materials of dismissed, suspended, terminated criminal cases in a room assigned by the prosecutor. It's summarized that possibility to execute full supervision should be real, not declared. Assessment of investigator's procedural activities and decisions is possible only by full and timely learning of the materials of criminal cases and pretrial inspections.

Keywords: prosecutor, powers of prosecutor, investigator, inquiry, criminal case, inspection materials, crime report.

Если рассматривать прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие (ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ч. 1 ст. 37 УПК РФ), сквозь призму конституционно-правовой обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, то мы с неизбежностью придем к следующему выводу.

Путем реализации полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия обеспечивается реальное соблюдение прав и свобод участников процесса и тем самым достигается назначение уголовного судопроизводства. Эти полномочия прокурора являются составной частью комплекса мер, направленных на охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Такой вывод полностью соответствует положению ст. 18 Конституции РФ о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Однако необходимо иметь в виду специфику прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, состоящую в том, что полномочия прокурора должны удовлетворять одновременно двум требованиям – не ущемлять процессуальной самостоятельности следователя и быть гарантией охраны прав и свобод граждан при их ограничении [1, с. 160].

Исходя из изложенного представляется важным оценить, насколько закрепленные в настоящее время в ст. 37 УПК РФ полномочия прокурора в досудебном производстве отвечают своей правовой природе, а также насколько полно они способны обеспечить выполнение стоящих перед прокурором задач.

Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, исходя из их непосредственной, ближайшей цели, можно подразделить на две группы:

– полномочия по выявлению нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия, а также причин и условий, им способствующих;

– полномочия по устранению нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия, причин и условий, им способствующих.

Остановимся на первой группе полномочий.

Используя полномочия первой группы, прокурор имеет возможность выявить, проанализировать и оценить отклонения от требований закона при расследовании уголовного дела или тенденции, ведущие к таким отклонениям. Это своего рода «диагностический инструментарий» прокурора. Данные, полученные путем реализации этих прав прокурора, позволяют ему сформировать базу данных о состоянии законности по конкретному уголовному делу (материалу проверки сообщения о преступлении), чтобы на ее основе эффективно применять полномочия по устранению выявленных нарушений.

Источники, из которых прокурор может получить сведения о допущенных по делу нарушениях закона, можно подразделить на следующие виды.

А. Обращения участников уголовного судопроизводства (жалобы).

Б. Копии постановлений и определений суда (частных, а также по ходатайствам об избрании мер пресечения).

В. Копии или подлинники постановлений и иных процессуальных актов, которые УПК РФ прямо обязывает следователя и руководителя следственного органа направлять прокурору.

Г. Проявление собственной инициативы прокурора – обращение с запросами в порядке п. 1 ч. 2 ст. 37, ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ.

Особую важность следует придавать полномочиям прокурора, связанным с проявлением его собственной инициативы. Считается общепринятым, что полномочия прокурора должны позволять осуществлять надзор постоянно, непрерывно и независимо от внешних поводов (инициативно) [2, с. 207-208], что обусловлено спецификой задач соблюдения законности

в практике расследования преступлений, повышенной вероятностью нарушения прав и свобод человека и гражданина при расследовании по уголовному делу.

Кроме того, из иных источников (обозначенных нами буквами «А», «Б» и «В») прокурор получает только первоначальные сведения о возможном нарушении закона, нуждающиеся в проверке. Данная проверка невозможна без изучения соответствующего уголовного дела (материала) и, возможно, без выполнения ряда других действий: опроса заявителя, изучения дополнительных документов, отсутствующих в уголовном деле, и т.п.

В связи с этим для того, чтобы прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия был действительно непрерывным и использование полномочий позволяло прокурору предупреждать, оперативно выявлять нарушения закона, он должен быть наделен правом истребования материалов проверок, уголовных дел, иных документов, правом выполнения действий, направленных на выявление нарушений закона.

В настоящее время прокурор имеет право:

— истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— знакомиться по мотивированному письменному запросу с материалами находящегося в производстве следователя уголовного дела (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ).

Указанные нормы закона подвергнуты многими правоведами справедливой критике [3, с. 30; 4, с. 5].

Одним из наиболее существенных замечаний является «ущербность», противоречие самой природе прокурорского надзора такого подхода, при котором необходима мотивировка (обоснование) от субъекта, осуществляющего надзор, для того, чтобы поднадзорный субъект согласился «допустить» его к исполнению обязанностей.

Согласимся с В.А. Лазаревой, указавшей, что « процитированная формулировка не то чтобы оскорбительна для прокурора (хочешь осуществлять надзор — попроси), но звучит нелепо» [5, с. 2].

В связи с этим уместно вспомнить не утратившее своей актуальности мнение русского процессуалиста Н.А. Буцковского: «Если предоставить следователю каждый раз, когда он признает, что требование прокурора не имеет надлежащего основания, оставлять его без исполнения, сообщая о том только на усмотрение суда, то в существе предоставленный прокурорам надзор за производством следствия превратится в надзор следователей за действиями обвинительной власти» [6, с. 24].

Изучение практики истребования прокурорами уголовных дел из следственных подразделений показывает, что соответствующие запросы формально мотивированы «необходимостью проведения проверки по поступившей жалобе», «запросом вышестоящего органа прокуратуры», «истечением установленного срока расследования по уголовному делу». При этом запрос, кроме нормы ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ, содержит ссылку на п. 16 ч. 2 ст. 37 УПК РФ («осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору»). Срок исполнения запроса устанавливается прокурором, в том числе в часах («не позднее 11:00 05.04.2013 г. представить уголовное дело N 1200114015»)*.

Если исходить из правовой природы полномочий прокурора, определяемой задачами, поставленными перед прокуратурой государством, то соответствующий запрос прокурора:

1) должен быть адресован руководителю поднадзорного следственного органа и являться обязательным для исполнения. Соответствующие изменения должны быть внесены в ч. 4 ст. 39 УПК РФ;

2) может содержать требования о предоставлении прокурору материалов проверок сообщений о преступлении, как находящихся в производстве, так и тех, по которым принято процессуальное решение, а также уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено, прекращенных производством, и уголовных дел, находящихся в производстве;

3) какой-либо мотивировки, кроме указания на необходимость проведения проверки законности производимых сле-

* Уголовное дело N 02-38-13 // Архив прокуратуры Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга.

дователем действий и принимаемых процессуальных решений, он содержать не должен;

4) срок исполнения запроса и срок ознакомления прокурора с материалами доследственной проверки или находящегося в производстве уголовного дела должны отвечать не ведомственным интересам, а, в первую очередь, назначению уголовного судопроизводства, то есть быть разумными (ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ).

Установить срок рассмотрения запроса прокурора, направленного в порядке, предусмотренном ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ, не позднее 5 суток, как предлагает Е.А. Буглаева [7, с. 9, 16], не представляется возможным, поскольку, к примеру, срок рассмотрения прокурором жалобы участника уголовного судопроизводства составляет 3 суток (ч. 1 ст. 124 УПК РФ), а без изучения материалов уголовного дела доводы жалобы не могут быть проверены;

5) ознакомление прокурора с материалами и уголовными делами, находящимися в производстве следователей, по усмотрению руководителя следственного органа может производиться в помещениях следственных органов (прокурор вправе иметь доступ к делам и материалам). Материалы, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, и уголовные дела, предварительное следствие по которым приостановлено, а также

прекращенные уголовные дела должны представляться прокурору в указанное им место. Иначе говоря, он имеет возможность изучать их в помещении, занимаемом прокуратурой.

Соответствующие положения целесообразно отразить в нормах УПК РФ, регулирующих право прокурора истребовать в следственных органах уголовные дела и материалы проверок сообщений о преступлениях.

Данное предложение нельзя расценивать как «явно избыточную» привилегию прокурора перед иными участниками процесса, нарушающую принцип прав участников процесса [8, с. 29-30]. Речь идет не о привилегиях прокурора, а о предоставлении ему реальной, а не декларируемой возможности полноценно осуществлять свою государственно-правовую функцию – надзор, которая не возложена ни на одного участника уголовного судопроизводства, кроме прокурора.

Оценить законность и обоснованность процессуальных действий и решений, принимаемых следователями, предупредить возможные нарушения прав и свобод участников процесса возможно только при условии своевременного изучения полноты материалов уголовных дел и материалов доследственных проверок, по которым эти решения были приняты.

Список литературы

1. Кожевников О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад., 2007. 180 с.
2. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: учебник для студентов юрид. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2012. 432 с.
3. Божьев В.П. О властных субъектах уголовного процесса в досудебном производстве // Российский следователь. 2009. N 15. С. 29-31.
4. Колоколов Н.А. Баланс обвинительной власти // Уголовный процесс. 2009. N 3. С. 3-8.
5. Лазарева В.А. Долгожданные изменения в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. N 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. N 3. С. 2-5.
6. Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб.: Типогр. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. 83 с.
7. Буглаева Е.А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия: автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 24 с.
8. Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. N 5. С. 29-34.

References

1. Kozhevnikov O.A. *Uchastie prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva* [Prosecutor participation in pretrial stages of criminal proceedings]. Ekaterinburg, Ural State Law Academy, 2007. 180 p.

2. Yastrebov V.B. *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow, Zertsalo-M, 2012. 432 p.
3. Bozh'ev V.P. *O vlastnykh sub'ektakh ugolvnogo protsessa v dosudebnom proizvodstve* [On power holding entities in pretrial stages of criminal proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2009, no. 15. pp. 29-31.
4. Kolokolov N.A. *Balans obvinitel'noy vlasti* [Balance of prosecutorial authorities]. *Ugolovnyy protsess* – Criminal process, 2009, no. 3, pp. 3-8.
5. Lazareva V.A. *Dolgozhdannye izmeneniya v statuse prokurora (Zakon ot 28 dekabrya 2010 g. N 404-FZ)* [Long expected changes of prosecutor's status (Law of the 28 December 2010. N 404-FZ)]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* – Criminal proceedings, 2011, no. 3, pp. 2-5.
6. Butskovskiy N.A. *O deyatelnosti prokurorskogo nadzora vsledstvie otdeleniya obvinitel'noy vlasti ot sudebnoy* [On activity of prosecutor's supervision due to separation of prosecutive jurisdiction from judicial branch]. St. Petersburg, 1867. 83 p.
7. Buglaeva E.A. *Uchastie prokurora v khode predvaritel'nogo sledstviya. Avtoref. Kand. Diss.* [Prosecutor's participation in the pretrial investigating process. Autoabstract Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2011. 24 p.
8. Kovtun N.N. *K diskussii ob «utrachennykh» polnomochiyakh prokurora. Est' li predmet dlya diskussiy?* [On the discussion of the prosecutor's «lost» powers. Is there a subject for debate?]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian justice, 20106 no. 5, pp. 29-34.